

ЛАРРИ НАЙВЕН МИР ПТАВВОВ

ЛАРРИ НАЙВЕН

МИР
ПТАВВОВ

ДРИМЛЭНД

ИЗДАТЕЛЬСТВО "СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ"

И (Амер.)

Н 20

ОБЛОЖКА И. Шакун
ИЛЛЮСТРАЦИИ К. Канский
ПЕРЕВОД О. Мирошниченко
А. Миронова
С. Степанов

РЕДАКТИРОВАНИЕ В. Молокоедов
С. Степанов

СОСТАВЛЕНИЕ С. Степанов
КОНЦЕПЦИЯ ОБЛОЖКИ В. Молокоедов,
С. Степанов

ISBN 5—7221—0001—3

Н 20 Найвен Л. Мир Птаввов / Роман, повести, рассказы / пер. с англ.
О. Мирошниченко, А. Мироновой, С. Степанова. — Краснодар :
«ДРИМЛЭНД». «СОВЕТСКАЯ КУБАНЬ», 1993. — 416 с.:ил.

Телепатические способности Ларри были отточены до предела человеческих возможностей, когда злоеущая и агрессивная сила из глубин космического прошлого захватила его лишь для того, чтобы сделать своим пособником в порабощении целой цивилизации. Ларри приходится сражаться, чтобы вернуть себе человеческий облик и отвести угрозу от человечества.

И (Амер.)

ISBN 5—7221—0001—3

© Составление, перевод,
художественное оформление
«Дримлэнд» 1993

Сдано в набор 25.07.93 г. Подписано к печати 10.09.93 г.
Формат 84х108 1/32. Бумага газетная. Усл. печ. л. 21,84. Усл.
кр.-отт. 22,26. Учетно-изд. л. 18,54. Печать офсетная. Тираж
50.000. Заказ 100. С-“50”.

Отпечатано с фотоформ заказчика в типографии издательства
“Советская Кубань”, 350680, ГСП, г. Краснодар, ул. им.
Шаумяна, 106.

СОДЕРЖАНИЕ

Ларри Найвен

МИР ПТАВВОВ

роман

Перевод О. Мирошниченко

Литературная обработка

В. Молокоедов, С. Степанов

стр. 5

СКАЗАНИЯ ИЗВЕДАННОГО КОСМОСА

повести и рассказы

ВУАЛЬ АНАРХИИ <i>Перевод С. Степанов</i>	с. 224
КАК УМИРАЮТ ГЕРОИ <i>Перевод С. Степанов</i>	с. 258
КОГДА НАСТУПАЕТ ПРИЛИВ <i>Перевод А. Мироновой</i>	с. 295
ЧЕЛОВЕК В РАЗРЕЗЕ <i>Перевод С. Степанов</i>	с. 318
ВОИНЫ <i>Перевод А. Мироновой</i>	с. 339
У. Тэнн	
МОСТ БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ <i>Перевод С. Степанов</i>	с.363
Г. Эклунд	
ОХОТА НА СОЛНЦЕ <i>Перевод Е. Прокоповой</i>	с.394

МИР ПТАВВОВ

Миг был настолько кратким, что его никогда не удалось бы измерить, и все же, как всегда, бесконечно долгим. В этот момент казалось, что каждый разум во вселенной, каждый разум, когда-либо существовавший или который будет существовать, с пронзительным криком изливал на него свои самые глубокие чувства.

Потом все кончилось.

Звезды снова изменились.

Даже для Кзанола, который был хорошим астронавигатором, не было смысла хотя бы пытаться определить, где сейчас находится его корабль.

При 93 парсеках — скорости, когда средняя масса вселенной становится достаточно большой, чтобы позволить кораблю войти в гиперпространство, — звезды делаются неузнаваемыми.

Впереди они сияли болезненным бело-голубым светом. Позади были тускло-красными, как рассыпанные в

ночи угольки. Поэтому Кзано́л просто сосал *знал* до тех пор, пока бортовой компьютер не издал глухой щелчок.

На дисплее появилась надпись:

Ориентировочное время полета до Тринтума: 1.72 дня

Нехорошо, решил Кзано́л. Он должен был выйти гораздо ближе к Тринтуму. Но то место, где корабль вынырнет из гиперпространства, определял скорее случай, а не умение. Принцип Неопределенности — закон гиперпространства. Не нужно быть нетерпеливым. Пройдет всего несколько часов, и реактор перезарядит батареи.

Кзано́л развернулся на вращающемся стуле, чтобы видеть звездную карту на задней стене. Казалось, что сапфировая булавка на карте сияет, и сияние постепенно заполняет всю каюту. Несколько мгновений он наслаждался им. Светом безграничного богатства. Потом Кзано́л вскочил и стал набирать что-то на клавиатуре компьютера.

Разумеется, у него была причина быть нетерпеливым!

Уже сейчас кто-нибудь с булавкой и такой же картой, как та, в которую Кзано́л вонзил свой темно-синий знак, мог мчаться на Тринтум, чтобы предъявить свои права.

Пожизненная власть над целым миром рабов будет принадлежать ему по закону, но только... если он доберется до Тринтума первым.

Кзано́л запросил компьютер:

Вычислить время на подзарядку батарей

Компьютер отозвался почти сразу, но Кзано́лу не суждено было узнать ответ.

Ослепительный свет внезапно полыхнул в иллюминаторе заднего вида. Кресло Кзано́ла мгновенно пришло в горизонтальное положение, прозвучал сигнал тревоги, и Кзано́л почувствовал, как нарастает давление.

Ужасное давление.

Корабль не был рассчитан на такие чудовищные перегрузки. Это длилось около пяти секунд. Затем...

Послышался такой грохот, будто лязгнули, ударившись друг о друга, две свинцовые двери, зажав между собой его корабль.

Давление ослабло так же резко, как возросло. Когда Кзано́л поднялся на ноги и взглянул в задний иллюминатор, он увидел только раскаленное облако, которое минуту назад было его реактором.

У машины нет мыслей, которые можно прочесть; никогда не узнаешь, когда она собирается тебя предать...

Компьютер снова глухо щелкнул.

Кзано́л прочитал:

Время на подзарядку батарей...

Дальше следовал спиральный иероглиф — знак бесконечности.

Прижав лицо к алмазному стеклу, Кзано́л наблюдал, как распадающаяся энергетическая установка постепенно исчезает среди звезд. Компьютер, должно быть, отдал приказ сбросить ее в момент, когда реактор стал опасным. Поэтому-то она и растянулась на полмили от места сброса — реакторы иногда взрываются. Как раз перед тем как Кзано́л окончательно потерял установку из вида, огонь снова вспыхнул, превратившись в нечто более яркое, чем солнце.

Глухой звук. Кзано́л прочитал:

Переоценка времени полета до Тринтума...

Дальше опять следовал спиральный иероглиф.

Ударная волна далекого взрыва достигла корабля. В каюте Кзано́ла взрыв прозвучал, как дверь, которую захлопнули где-то очень далеко.

Теперь спешить не имело смысла. Кзанола долго стоял перед картой, висящей на стене, и глядел на свою темно-синюю булавку.

Крошечная звезда в крошечном драгоценном камне подмигнула ему, словно дразнила. Казалось, она напоминала о двух миллиардах рабов и промышленно развитом мире, готовом служить Кзанолу. Напоминала о богатстве и славе, большей, чем знал даже его дед — великий владыка раккарлиу. Звездочка напоминала о сотнях жен и о десятках тысяч слуг, готовых выполнить любую его прихоть на протяжении всей его долгой и праздной жизни...

Кзанола был заядлым любителем гнала, поэтому вкусовые усики в уголках его рта корчились сами собой, как воинственные земляные черви. Бессмысленная злоба на всех и все отравляла мысли.

Его деду следовало продать плантацию, когда рабы-тнактипы, принадлежащие Плорну, изобрели антигравитацию. Самого Плорна можно было и нужно было вовремя убить. Кзанолу стоило остаться на Тринтуме, даже если бы ему пришлось работать как простому рабу, ради куска хлеба. Ему нужно было купить запасной реактор вместо этого лишнего костюма, роскошного аварийного кресла и приобретенной на последний коммерс сапфировой булавки.

Был день, когда Кзанола сидел, сжимая в руке синезеленую веревочку, которая могла в один момент сделать его владельцем космического корабля или нищим. Вокруг него носился и носился, не зная усталости, похожий на оживший скелет изогнутый белый силуэт — подвергнутый мутации беговой виприн, самое быстрое животное в галактике. Но, клянусь Силой! Тот, что принадлежал Кзанолу, был быстрее, чем остальные. Если бы только он бросил эту веревочку...

На время Кзанола облегчил свою жизнь, перебравшись на обширную плантацию топливных стволов, где он вырос. Компания Пусковые Стволы Кзанит, с ее факти-

ческой монополией на твердотопливные взлетные стержни, навсегда исчезла. О, если бы только он мог сейчас вернуться в те времена...

Но на месте плантаций компании Пусковые Стволы Кзанит вот уже почти десять лет раскинулось посадочное поле космопорта.

Кзанола подошел к отсеку для одежды и надел костюм. В отсеке висело два костюма - один из них запасной, который он купил на случай, если первый костюм вдруг перестанет действовать. Глупо. Если бы первый костюм отказал, он в любом случае не узнал бы об этом. Он был бы уже мертв.

Кзанола обвел крупным корявым пальцем вокруг красной кнопки у себя на груди. Скоро ему придется воспользоваться ею, но не сейчас. Сначала нужно было кое-что сделать. Кзанолу необходим был лучший из вариантов выживания.

Он запросил бортовой компьютер:

*Вычислить курс на любую цивилизованную планету
Минимальное время полета
Вычислить время полета*

Мозг компьютера счастливо замурлыкал.

Иногда Кзанолу казалось, что машина счастлива только тогда, когда загружена работой. Кзанола часто пытался постичь бесчувственные мысли машины. Его раздражало, что он не может прочитать их. Иногда его даже тревожила невозможность отдавать ей приказы иначе, как через клавиатуру. Быть может, мозг машины слишком чужд нашему мышлению, — думал Кзанола.

Тринты никогда не вступали в контакт ни с какой формой жизни, кроме протоплазменной.

Пока готовился ответ, он ради эксперимента попытался дотянуться до спасательной кнопки на спине.

Дотянуться не удалось, но это меньше всего беспокоило Кзанола. Когда он нажмет на красную кнопку, в костюме начнет действовать поле стасиса, а время внутри поля перестанет течь. Вне этого поля будет находиться только спасательный выключатель. Он был специально помещен так, чтобы дотронуться до кнопки мог только будущий спасатель Кзанола, а не сам Кзанола.

Гррм...м! На экране появилось:

Не имеет решения

Ерунда! У батареи огромный потенциал. Даже после прыжка в гиперпространство у нее должно оставаться вполне достаточно энергии, чтобы направить его корабль к какой-нибудь цивилизованной планете. Почему же компьютер?..

Потом Кзанола понял. У корабля хватит энергии, чтобы достичь, возможно, даже нескольких миров, но ее не хватит, чтобы затормозить до скорости движения любого из них. Что ж, с этим все в порядке. В его поле стасиса Кзанолу будет безразлично, насколько сильным окажется столкновение.

Он набрал:

*Не учитывать снижение скорости по прибытии
Проложить курс до любой цивилизованной планеты
Свести к минимуму время полета*

Ответ занял всего несколько секунд.

*Время полета до Отпрана 72 года
По времени Тринтума 100.48 дней*

Отпран. Ладно. Неважно, где он приземлится: он сможет вскочить в корабль, летящий к Тринтуму, как только отключат генератор его поля стасиса. А не найдет

ли какой-нибудь другой разведчик планету Раккарливан за 72 года? Возможно...

Дух Силы! Кзанола поспешно набрал:

Отменить курс на Отпран

Потом откинулся в своем кресле, напуганный тем, насколько слабы его шансы спастись.

Если бы он влетел в зону Отпрана на скорости более девяти десятых парсека, он мог бы уничтожить более миллиарда разумных существ! Скорее всего он упал бы в океан. Ударная волна сбила бы в воздухе все летающие объекты в радиусе тысяч миль, смела бы все с суши, утопила острова и в ключья разнесла все постройки на целом полушарии.

За такую грубую ошибку Кзанола приговорили бы к смерти только после года пыток. А пытка в высокоразвитом телепатическом обществе была ужасной вещью. Студенты-биологи будут лихорадочно записывать, глядя, как члены Трибунала тщательно обследуют его нервную систему, вскрывают содержимое мозга с помощью стимуляторов...

Постепенно до Кзанола дошло существо проблемы. Мало того, что он не может приземлиться на цивилизованной планете. Сила с ней! Но он не может приземлиться и на рабской планете. Своим кораблем он наверняка снесет несколько дворцов недсмотрщиков и, вдобавок, уничтожит ценную и живую частную собственность на миллиарды коммерсов.

Может, ему пройти через какую-нибудь планетарную систему в надежде, что чудовищно увеличившаяся масса его корабля будет замечена? Но Кзанола не мог отважиться на это. Остаться в космосе было буквально невыносимо. Да он же может просто выйти за границы галактики! Кзанола вдруг представил себя навсегда затерявшимся среди вселенных, оторванных друг от друга. Он ясно увидел, как

вокруг него разрушается корабль, как спасательная кнопка стирается космической пылью до размеров маленькой сияющей точки... Нет!

Кзанола мягко потер вкусовым усиком свои закрытые глаза. Может ли он приземлиться на спутник? Если он ударится о спутник достаточно сильно, вспышку могут заметить. Но компьютер был не так совершенен, чтобы доставить Кзанола туда. Орбита спутника — закрученная штука, а Кзанолу нужно попасть непременно в спутник цивилизованной планеты. Отпран был ближайшим, но и Отпран был слишком далек.

В довершение ко всему, подумал Кзанола, он сосет свой последний гнал...

Так он сидел, жалея себя, пока гнал не закончился. Конечно!

Кзанола встал как вкопанный посередине каюты, продумывая до конца свою идею, ища в ней хоть какой-нибудь изъян.

Не найдя ни одного, он поспешно набрал на клавиатуре компьютера:

*Вычислить курс на ближайшую кормовую планету
Свести к минимуму время полета
Не учитывать торможение корабля по прибытии
Дать подробности*

Его вкусовые усики обвисли, расслабились. Все будет в порядке, решил Кзанола, и он действительно так думал.

В галактике не так уж много планет, пригодных для существования протоплазменных форм жизни. Природа ставит перед жизнью неразумное количество условий. Чтобы обеспечить правильный состав атмосферы, планета должна находиться точно на необходимом расстоянии от солнца G-типа. При этом планета должна быть правильной величины и должна иметь на своем небосклоне

сверхъестественных размеров спутник. Назначение спутника — оттягивать основную часть атмосферы, окружающей планету. Обычно около процентов ее.

Без спутника подходящий для жизни мир становится непригодным для обитания: его воздух приобретает сокрушительную тяжесть, а поверхность становится раскаленной, как плавильная печь.

Из двухсот девятнадцати пригодных для жизни планет, обнаруженных тринтами, на шестидесяти четырех была жизнь. На семнадцати была разумная жизнь, или на восемнадцати, если у вас широкие взгляды. Сто пятьдесят пять бесплодных миров не будут готовы для использования Тринтумом до тех пор, пока не пройдет длительный процесс засеивания.

Тем временем их использовали по-другому.

Их засеивали кормовыми дрожжами, которые вывели тнактипы. Обычно после нескольких веков структура дрожжей подвергалась мутации, но до этого мир служил продовольственной планетой. Его поверхность была скрыта под океанами, полными самой дешевой пищи в галактике.

Конечно, только раб станет ее есть, но ведь у Тринтума достаточно рабов.

По всей галактике были разбросаны такие продовольственные планеты, чтобы кормить планеты рабов. Дворец надсмотрщика всегда находился на спутнике.

Кто захочет жить на планете с клочками бесплодной земли и пенистыми морями? Не говоря уже об угрозе бактериального заражения от веществ, разлагающих дрожжи. Так что со спутников велось бдительное наблюдение за продовольственными планетами.

После того как содержимое океанов мутировало до такой степени, что становилось несъедобным даже для рабов, мир заселялся стадами белокормов. Белокормы ели все и сами служили отличным источником мяса.

Наблюдение продолжалось.

На своей скорости Кзанола ударит в такую планету настолько сильно, что произойдет возгорание газа. Взрывающаяся горная порода в ключьях пламени поднимется в космос. Взрыв будет ярким и пугающее мощным. Его заметит даже наблюдатель на спутнике. Воронка, оставленная кораблем Кзанола, будет светиться оранжевым сиянием несколько дней.

Кзанола, возможно, окажется под землей. Раскаленный воздух и порода, которые движутся впереди метеорита, обычно выталкивают сам метеорит обратно в воздух и обрушиваются на обширную территорию. Кзанола, надежно окутанный полем стасиса, не должен был, по его расчетам, зарыться при втором падении слишком глубоко. Надсмотрщик сразу же найдет его с помощью любого камнепроходческого инструмента. Поле стасиса — единственный безупречный отражатель.

Компьютер прервал раздумья Кзанола:

*Ближайшая доступная продовольственная планета -
F-124*

Расчетное время полета 202 года 91.4 дня

Кзанола набрал:

Показать F-124 и систему

На экране появились огоньки. Одна за другой увеличивались основные планеты и их спутники. F-124 представляла собой быстро крутящийся шар, окутанный паром. Типичная продовольственная планета.

Ее спутник почти не вращался. Он и вообще казался слишком большим и слишком удаленным. Внешний вид планеты заставил Кзанола задохнуться от восхищения. Она была окружена кольцом!

Великолепным кольцом!

Кзанола подождал, пока на дисплее по очереди появились все основные планеты этой системы, а когда в

порядке увеличения начали появляться астероиды, он набрал:

*Прекратить текущий курс
Следовать курсом F-124*

Кзано́л был без шлема. Не считая этого, он был полностью экипирован для анабиоза. Он почувствовал, как корабль ускоряется, почувствовал, как от работы двигателей задрожал металл. Противоперегрузочное поле его каюты работало нормально. Кзано́л поднял шлем и приладил его к кольцу у себя на шее, потом передумал и, сняв шлем, подошел к стене. Здесь он рывком содрал звездную карту, свернул и просунул ее через кольцо на шее за пазуху. Он уже приготовился снова надеть шлем, когда неожиданно задумался.

Спаситель мог потребовать большую сумму за альтруистический акт его спасения. Но, предположим, вознаграждение не удовлетворило его? Если спасителем окажется кто-нибудь из тринтов, он возьмет себе карту сразу, как только увидит. В конце концов, нет закона, запрещающего это делать. Уж лучше Кзано́лу запомнить карту.

Внезапно ему в голову пришло лучшее решение.
Верно!

Кзано́л поспешно подошел к отсеку для одежды, вытащил второй костюм и засунул карту в рукав. Его обрадовала эта возможность использовать новый костюм. В пустой оболочке оставалось еще много места. Кзано́л проворно двигался по каюте, собирая свои сокровища. Шлем Власти — всеобщий символ Силы и величия, который когда-то принадлежал его деду. Это был легкий и простой в обращении инструмент, способный развивать природную Силу тринтов до возможности повелевать целой планетой рабов. Прощальный подарок его брата — дезинтегратор с причудливой резьбой на рукоятке. Кзано́л неожиданно вспомнил о том, что заставило его отложить

дезинтегратор. Статуэтка его самок - Птуры и Максиломаты.

Да не позволит Сила им когда-нибудь встретиться друг с другом!

Но обе будут мертвы, прежде чем Кзанол вернется на Тринтум, разве что кто-нибудь из друзей поместит их в стасис до его возвращения. Часы с алмазным механизмом, сверхпрочным корпусом и криогенными шестеренками, которые всегда отставали, сколько бы раз их не отлаживали. Он не мог надеть эти часы на F-124 - эта модель предназначалась только для официальных случаев. Кзанол завернул каждую ценность в один из запасных комбинезонов, прежде чем поместить свертки в костюм.

Место еще оставалось.

Черт знает, что на него нашло он позвал маленького раба-раккарлиу из кладовой и заставил забраться туда же. Потом завинтил шлем и нажал на красную кнопку.

Костюм с включенным полем выглядел, как потрескавшееся зеркало. Остались все складки, но внезапно костюм сделался тверже, чем алмаз или обшивка корабля. Кзанол поставил костюм в угол, нежно погладил по шлему и отошел.

Аннулировать прежний курс на F-124

Вычислить и следовать кратчайшим курсом на F-124

Использовать только половину оставшейся энергии

Завершить все необходимые маневры двигателями в течение следующего дня

Днем позже Кзанол чувствовал легкие симптомы нехватки гнала. Он делал все, что только приходило в голову, чтобы отвлечься от мыслей о том, как сильно ему хочется пососать гнал.

*** *** ***

Кзано́л только что закончил эксперимент. Он отключил поле стасиса внутри второго костюма, вложил дезинтегратор в перчатку и снова включил поле. Поле стасиса сохранило форму дезинтегратора. Инструмент, служивший для разрушения крепчайших горных пород, вошел в стасис вместе со всем, что хранилось в костюме.

Двигатель завершил маневры и отключился. Чувствуя значительное облегчение, Кзано́л подошел к клавиатуре и набрал:

*Вычислить быстрейший курс до восьмой планеты
системы F-124 Выждать 1,5 дня, потом следовать
курсом*

Кзано́л надел костюм, достал дезинтегратор и вышел в шлюзовую камеру. Там Кзано́л принял неподвижное положение.

Последние мысли?

Он сделал для себя все, что мог. Он летит к F-124. Корабль достигнет беспризорной, необитаемой восьмой планеты спустя годы после того, как сам Кзано́л упадет на третью. Должен получиться большой, красивый кратер, который легко будет найти.

Есть риск, думал Кзано́л, в том, что спасательный выключатель выйдет из строя при вхождении в плотные слои атмосферы. Если это случится, он проснется под землей, потому что потребуется время для того, чтобы поле исчезло. Но он сможет разрушить завал и освободить себя из под толщи с помощью дезинтегратора.

Кзано́л держал толстый, неуклюжий палец над красной кнопкой.

Последние мысли?

К сожалению, ни одной.

Кзано́л нажал на красную кнопку.

Ларри Гринберг выбрался из контактного поля и поднялся на ноги. Его шаги гулко отдавались в большой комнате с дельфинарием. На этот раз не было потери ориентации, не было проблем с дыханием и непроизвольного желания двигать несуществующими плавниками и хвостом. Что было вполне естественно, так как «послание» ушло в обратную сторону.

Дельфин по кличке Чарли лежал на дне искусственного водоема. Он только что вынырнул из-под своего контактного шлема, специально сконструированного для головы дельфина. Ларри подошел и остановился в том месте, где Чарли мог видеть его через стекло, но глаза Чарли никуда не смотрели.

Тело дельфина судорожно подергивалось. Ларри смотрел с беспокойством, чувствуя, что два морских биолога, которые тоже подошли к аквариуму, встревожены ничуть не меньше. Наконец тело дельфина перестало вздрагивать, и Чарли всплыл на поверхность.

— Это было дикко, — проговорил Чарли со своим милым утиным акцентом.

— Ты в порядке? — озабоченно спросил один из докторов. — Мы старались поддерживать поле на самом низком уровне.

— Конечно, Билл. Я в порядке. Но это было дикко. Такое ощущение, что у меня отросли руки, ноги и длинный нос, нависающий над зубами, вместо дырки в голове. — Какой бы у Чарли ни был акцент, с его словарем было все в порядке. — И потом, это ужасное желание переспать с женой Ларри...

— У меня тоже, — пробормотал доктор Билл Слейтер себе под нос.

Ларри засмеялся, повернувшись к Чарли:

— Ах ты, распутная рыба! Только посмей! Я совращу всех твоих дельфиних!

— Меняемся жженами? — Чарли зажужжал, как взлетающий Миг, потом с бешеной скоростью пронесся

по бассейну. Смех дельфина Чарли завершил представление. Он выпрыгнул из воды на пологий бортик бассейна.

— Мое произношение улучшилось?

— Надо думать, улучшилось... — сказал Ларри.

Чарли переключился на дельфиний... или, точнее, на дельфиний-пиджин, то есть дельфиний, воспринимаемый человеческим ухом. Остаток разговора был смешением попискиваний, похрюкиваний, оглушительных свистков и прочих крайне резких звуков.

— Когда наше следующее занятие, приятель?

Ларри выжимал волосы.

— Я не знаю точно, Чарли. Возможно, через несколько недель. Меня попросили заняться другим делом. У тебя будет время поговорить с коллегами, передать им, что ты узнал о нас, ходячих, читая мои мысли.

— Ты, правда, хочешь, чтобы я это сделал? — дельфин помолчал. Потом сказал:

— Мне нужно с тобой кое-что обсудить.

— Тогда — пищи.

Чарли намеренно ускорил свою речь. Никто, кроме Ларри Гринберга, не мог бы теперь уследить за высокочастотным хором неприличных звуков.

— Какие шансы у дельфина попасть на борт Лейзи Восемь-III?

— На Джинкс? Ты забыл, что океан Джинкса состоит из пены в фут глубиной!

— О, верно. Ладно, тогда на какую-нибудь другую планету.

— С чего это вдруг дельфин интересуется сверхдальними космическими полетами?

— А с какой стати ими интересуется ходячий? Нет, это не тот вопрос. Я думаю, все дело в том, что ты заразил меня космосом, Ларри.

Легкая усмешка появилась на моложавом лице Ларри. Как ни странно, ему было трудно что-либо сказать дельфину.

— Да, это чертовски заразная болезнь, от которой трудно избавиться.

— Да уж...

— Ладно, подумаю, Чарли. В любом случае тебе нужно будет связаться с ООН, но сначала дай мне время. Понимаешь, нам придется взять для дельфина очень много воды, а она гораздо тяжелее воздуха.

— Мне так и говорили...

— Дай мне время, Чарли. А сейчас... я должен уходить.

— Но...

— Извини, Чарли, — долг зовет! Доктор Джански называет это чуть ли не шансом десятилетия. Ну, хватит разговоров, перевернись-ка... — и Ларри похлопал дельфина по спине.

— Ттирран, — пророкотал Чарли, что было весьма непросто, и перекатился на спину.

Три человека несколько минут вытирали брюхо дельфина. После этого Ларри ушел.

В какой-то момент он задумался над тем, не будет ли у Чарли проблем из-за ассимиляции воспоминаний. Но здесь не было опасности: на том низком энергетическом уровне контакта, который они использовали, Чарли смог бы без труда забыть все, если бы потребовалось. Включая завоевание космоса...

Что было бы досадно...

В тот вечер он и Джуди обедали с доктором Джански и миссис Доркас Джански. Доктор Доркас Джански был крупнотелым немцем из Западного Берлина со светлой бородкой и слишком живым, энергичным характером. Из-за этого темперамента доктора Ларри всегда неловко чувствовал себя в его присутствии. Ларри был человеком такого же склада, хотя вряд ли знал об этом. Миссис Джански была примерно одного роста с Джуди и почти такая же красивая. Эта женщина любила помолчать, по крайней мере, когда говорили по-английски.

Разговор за обедом получился очень горячим. Как позже сказал Ларри: «Забавно встретить кого-нибудь, кто любит спорить о тех же вещах, что и ты».

Они сравнивали рост Лос-Анжелеса вширь с бурно растущими вверх небоскребами Западного Берлина.

— Стремление достичь звезд, — сказал Джански.

— Вы окружены Восточной Германией, — заявил Ларри. — Вам попросту больше некуда расти. Только вверх.

Они впустую потратили время, споря о том, какая из одиннадцати форм коммунизма больше всего похожа на ортодоксальный марксизм и, наконец, решили подождать и посмотреть, какое правительство быстрее свалится. Они поговорили о смоге — откуда он берется теперь, когда в Лос-Анжелесе нет ни промышленных концернов, ни транспортных средств, работающих на гидросмеси.

«В основном смог и гарь — результат приготовления пищи», — подумала Джуди.

— Сигареты, — сказал Джански. А Ларри предположил, что загрязнение концентрируется в результате электростатического кондиционирования воздуха.

Потом заговорили о дельфинах. Джански имел наглость подвергнуть сомнению разумность дельфинов только потому, что они ничего никогда не строили. Ларри, задетый за живое, вскочил и прочитал самую волнующую лекцию в своей жизни. Только когда подали кофе, заговорили о деле, ради которого собрались.

— Вы не первый человек, который читает мысли дельфинов, мистер Гринберг. — Джански держал гигантскую сигару так, будто это была профессорская указка. — Прав ли я, полагая, что контакты с дельфинами были лишь своего рода тренировкой для вас?

Ларри энергично кивнул.

— Да, это так. Нам с Джуди очень хотелось получить место на Лейзи Восемь-III. Корабль отправляется на Джинкс и уже полностью укомплектован. Из типовых

тестов я и раньше знал, что обладаю некоторыми телепатическими способностями, а когда мы услышали о бандерснэтчах, я понял, что нас могут взять. Никому не удалось выучить язык бандерснэтчей, к тому же на Джинксе вообще нет контактеров. Поэтому я вызвался работать с дельфинами, а Джуди начала изучать лингвистику. Потом мы выдвинули свои кандидатуры для полета, как семейная пара. Я еще подумал тогда, что наши комплекции решат все дело. Работа с дельфинами была просто практикой для контакта с бандерснэтчем. — Ларри вздохнул. — Но эта дурацкая экономическая война с Кольцом тормозит все наши усилия в космосе. Ублюдки...

Джуди взяла его за руку.

— Мы все равно попадем на Джинкс, — решительно сказала она.

— Ясное дело, попадем, — отозвался Ларри.

— Вам это, может быть, и понадобится, — сказал доктор Джански, подкрепляя свои слова энергичными движениями сигары. — Если гора не придет к Магомету... — он сделал интригующую паузу.

- Надеюсь, вы не собираетесь заявить, что у вас здесь есть бандерснэтч? - Джуди казалась испуганной. Возможно, так оно и было: ведь бандерснэтчи весили по тридцать тонн каждый.

— Разве я волшебник? Есть не бандерснэтч, а кое-что другое... Я говорил вам, что я физик?

— Нет.

Ларри невольно подумал: что это могло вдруг понадобиться физику Джански от контактера?

— Да, я физик. Мы с коллегами около 12 лет работаем над полем, замедляющим время. Мы знали, что это возможно, расчеты хорошо известны, но техническое воплощение было очень сложным. Это заняло у нас годы.

— Но вам удалось?

— Да. Мы разработали поле, которое делает 6 часов снаружи нормальным эквивалентом 1 секунде времени

внутри поля. Соотношение внешнего времени к внутреннему растет большими ...э-э... квантовыми скачками. Соотношение двадцать одна тысяча к одному — это все, чего нам пока удалось достичь, и мы не знаем, где следующий квант.

Неожиданно заговорила Джуди:

— Тогда постройте два аппарата и поместите один внутрь поля другого.

Физик расхохотался. Казалось, он потряс всю комнату.

— Извините меня, — еле выговорил он через смех. — Самое смешное в том, что мы действительно попробовали сделать подобное.

От смеха доктора у Джуди в голове зашевелились черные мысли, и Ларри предостерегающе сжал ее руку. Джански ничего не заметил.

— Все дело в том, что одно поле, замедляющее время, не может существовать внутри другого. Я вывел математическое доказательство этого.

— Это плохо, — сказал Ларри и тут же поспешил добавить: — Я имею в виду невозможность сосуществования полей...

— А может, и не плохо... Мистер Гринберг, вы когда-нибудь слышали о Морской Статуе?

Ларри попытался вспомнить, но первой ответила Джуди:

— Я слышала! В «Лайфтаймз» были иллюстрации. Это та самая статуя, которую нашли за Бразильским континентальным шельфом?

— Точно! — вспомнил Ларри. — Ее нашли дельфины и передали ООН в обмен на какое-то подводное устройство. Некоторые антропологи потирали руки. Они уже решили, что нашли Атлантиду.

Он вспомнил фотографии уродливой фигуры около 120 сантиметров ростом, со странной формы руками и ногами, сгорбленной спиной и круглой головой, лишен-

ной всяких черт. Поверхность статуи выглядела, как хорошо отполированное зеркало.

— Она была похожа на гоблина.

— Верно. Эта статуя со мной...

— Здесь?

— Здесь. Выставка Сравнительной Культуры ООН одолжила статую нам, когда мы объяснили, для чего она нам нужна.

Доктор Джански раздавил сигару, истлевшую до крошечного окурка, и продолжал:

— Как вы знаете, ни один историк не смог связать статую с какой-либо из известных человечеству культур. Но я, доктор физических наук, как мне кажется, раскрыл эту тайну. Завтра в поле, замедляющем время, я покажу вам, почему я думаю, что эта статуя — инопланетянин. Вы догадываетесь, что мне от вас нужно? Я хочу поместить вас в созданное нами поле вместе со статуей. Таким образом мы попытаемся разрушить аналогичное поле нашего... э-э... гостя. Я хочу, чтобы вы попытались прочесть его мысли и воспоминания.

В 10 часов на следующее утро они вышли из дому и направились к углу, откуда можно было заказать такси. Джуди нервничала, глядя, как Ларри нажимает на кнопку вызова. В напряженном молчании прошло около двух минут. Наконец на углу приземлился летательный аппарат с черно-желтыми шашечками.

Ларри уже садился внутрь, когда Джуди неожиданно схватила его за руку.

— Что с тобой? — спросил он, повернувшись к жене.

— Я боюсь, — проговорил Джуди. Она несколько не преувеличивала. Страх был написан у нее на лице. — Ты уверен, что все будет в порядке? Ты же о нем совсем ничего не знаешь!

— О ком, о докторе Джански? Послушай...

— Об инопланетянине...

— А-а-а... — протянул Ларри. — Послушай, я сейчас попытаюсь все быстро тебе объяснить. Хотя бы несколько основных моментов. Хорошо?

Джуди кивнула.

— Первое: приспособления для контактов не опасны. Я пользуюсь ими годами. Все, что я получаю, это воспоминания другого человека и некоторое представление о его типе мышления. Как правило, эти воспоминания настолько приглушены, что мне приходится очень сильно напрягаться, чтобы вспомнить что-то, что лично со мной не происходило. Второе: моя работа с дельфинами дала мне опыт общения с нечеловеческим разумом. Ты согласна с этим?

— Согласна. Но тебе всегда хочется после занятий с Чарли сыграть с кем-нибудь злую шутку. Помнишь, как ты загипнотизировал миссис Графтон и заставил ее...

— Ерунда, я всегда любил розыгрыши. Третий пункт состоит в том, что это поле не имеет никакого значения. Оно нужно только для того, чтобы уничтожить поле вокруг статуи. Можешь забыть о нем. Четвертое: Джански не будет рисковать моей жизнью. Ты это знаешь. Это само собой разумеется...

— А твое ныряние с аквалангом прошлым летом?

— Это была твоя идея.

— Ах, вот как? Ну, допустим, — Джуди улыбнулась — Ладно уж. Просто, я надеялась, что в следующий раз ты будешь иметь дело уже с бандерснэтчами... Впрочем, это тоже серьезное испытание. И потом... мне все еще не по себе. Ты же знаешь, что у меня дар предвидения.

— Хорошо... хорошо. Я позвоню тебе, как только смогу. — Ларри сел в такси и набрал адрес:

*Калифорнийский Университет
Лос Анжелес
Уровень физического факультета*

**

— Марк через минуту вернется с кофе, — сказал Доркас, повернувшись к Джански. — Позвольте показать вам, как работает поле, замедляющее время.

Они находились в просторной комнате, в потолок которой было вмонтировано два гигантских электрода из тех, что производят оглушительные громы и искусственные молнии и поражают воображение глядящих во все глаза студентов. Но, похоже, доктора Джански не интересовал производитель молний.

— Мы арендовали эту часть здания, потому что здесь имеется хороший источник питания, — пояснил доктор, — и он как раз такого размера, как нам нужно. Видите это сооружение из проводов, Ларри?

— Вижу.

Перед ним был сетчатый куб, составленный из переплетенных проводов. В одну из сторон куба была вмонтирована дверца. Провода покрывали верх, пол и стены странного приспособления. Вокруг деловито сутились рабочие, проверявшие и устанавливавшие стеллажи громоздкого и сложного оборудования, которое еще не было подключено к проволочному кубу.

— Поле проходит по поверхности проводов. Провода — это граница между медленным временем внутри и реальным временем снаружи. Ну и повеселились же мы, создавая это все, доложу я вам!

Джански запустил пальцы в свою густую бороду. Казалось, он вспоминал о тяжелой работе, которую когда-то очень давно ему пришлось проделать в одиночку.

— По нашему мнению, временное поле вокруг пришельца должно быть на несколько квантовых чисел выше, чем наше. Определить, сколько именно он в нем находился, невозможно... Единственный способ — сделать то, о чем мы говорили вчера.

— Пришелец, кстати, тоже может не догадываться о том, сколько времени он пролежал на дне океана.

— Да, и я так думаю. Ларри, ты будешь находиться в поле всего шесть часов внешнего времени. По твоему времени пройдет одна секунда. Насколько я понимаю, передача мысли мгновенна?

— Не мгновенна, но действительно занимает меньше секунды. Включите контактное устройство раньше, чем заработает поле, и я прочитаю его мысли, как только он оживет. До этого я ничего не почувствую.

«Совсем как с дельфинами», - сказал себе Ларри.

- Хорошо.

Джански пошел сказать Марку, куда поставить кофе. Ларри обрадовался этому перерыву, потому что неожиданно почувствовал нервную дрожь. Ему и вполтину не было так плохо, как в ночь перед первым занятием с дельфином, но колотило его порядочно. Ларри неожиданно вспомнил, что Джуди иногда слишком хорошо удавалось предвидеть будущее.

Потом они пили кофе.

— Итак, — выдохнул Джански, осушив свою чашку несколькими глотками. — Ларри, когда ты впервые заподозрил, что ты телепат?

— В колледже, — сказал Ларри. — Я учился в Университете Вошберн, это в Канзасе, и однажды заезжая «шишка» дала всей школе тест на парапсихические способности. Мы потратили на это целый день. Телепатия, психокинетика, СПК, предвидение и даже непонятный тест на телепортацию, который все провалили. У Джуди оказался высокий, но неустойчивый уровень в предвидении, а я обошел всех по телепатии. Так мы и встретились. Когда оказалось, что мы оба мечтаем о космосе...

— Но это, безусловно, не то, из-за чего вы поженились?

— Не совсем... И уж конечно это не то, из-за чего мы не развелись.

Ларри мрачно усмехнулся. Казалось, он взял себя в руки.

— Понимаешь, телепатия способствует хорошим бракам.

— Никогда бы не подумал, — улыбнулся Джански.

— Я мог бы стать хорошим психологом, — сказал Ларри без сожаления. — Но теперь уже поздно начинать. Я все же надеюсь, они отправят Лейзи Восемь Ш, — процедил он сквозь зубы. — В любом случае, они не могут бросить колонии. Они не могут этого сделать...

Джански снова наполнил чашки. Рабочие вкатили что-то через просторный вход. Что-то, накрытое простыней.

Ларри наблюдал за рабочими, отпивая свой кофе маленькими глотками. Он чувствовал себя совершенно расслабленным. Джански осушил вторую чашку так же быстро, как и первую.

Неожиданно Джански спросил:

— А вы любите дельфинов?

— Конечно. Очень.

— Почему?

— Они очень веселые, — ответил Ларри.

— Вы довольны, что занялись этой профессией?

— О, очень. Хотя это удивило бы моего отца. Он думал, что я стану банкиром. Понимаете, я родился с... — его голос сорвался. — Эй! Это она?

— А? — Джански посмотрел туда, куда смотрел Ларри. — Да, это Морская Статуя. Нам пора...

Три человека, переносившие статую, не обращали на них ни малейшего внимания. Они сняли ее с каталки, внесли в кубическую конструкцию из тонкой сети проводов и установили под одним из хрустально-металлических шлемов контактного устройства. Рабочим пришлось укрепить ноги статуи деревянными подпорками. Другой шлем в контактной установке, предназначавшийся для Ларри, был закреплен у изголовья видавшего виды кресла

из кабинета психоаналитика. Рабочие по одному вышли из клетки. Ларри стоял в проходе, вглядываясь в статую.

Ее поверхность была монолитна и идеально зеркальна. Из-за этого невозможно было разглядеть саму статую. Ларри мог разглядеть лишь искаженные отражения предметов и аппаратуры, окружавшей статую.

Она была менее ста двадцати сантиметров высотой и очень смахивала на гоблина без лица. Треугольный нарост у нее на спине казался нарисованным, шарообразная голова, лишенная черт, выглядела совершенно жутко. Ноги были согнуты в коленях, а пятки далеко выдавались за лодыжки. Так можно было бы вылепить гнома... если бы не странные ноги, ступни, необычная поверхность и короткие, толстые руки с массивными ладонями Микки Мауса.

— Я вижу, он вооружен, — первая реакция Ларри была очень тревожной. — И он кажется каким-то пригнувшимся.

— Пригнувшимся? Посмотри-ка поближе, — добродушно предложил Джански. — И обрати внимание на ступни.

Поближе было еще хуже. Поза казалась угрожающей, хищной, как будто предполагаемый пришелец собирался атаковать врага. Оружие — окруженное кольцом дуствольное ружье без рукоятки — было наготове, чтобы убивать. Но...

— Я все еще не понимаю, куда вы клоните, но вижу, что положение ступней неестественное. Он словно не опирается на них.

— Правильно! - загорелся Джански. Его акцент заметно усилился. — Это было первое, что пришло мне в голову, когда я увидел фотографию статуи в обсерватории Гриффит Парка. Я подумал, что эта штука сделана не для того, чтобы стоять на постаменте. Почему? Потом я понял. Он в невесомости! И точно! Поразительно, как все вдруг стало ясно. Статуя оказалась в позе космонавта, на-

ходящегося в невесомости. Он сжался на полпути к положению зародыша. Ну, конечно!

Это было, когда археологи все еще недоумевали по поводу того, как художник достиг такой зеркальной отделки. Некоторые из них уже решили, что статуя оставлена пришельцами из космоса. Но я к тому времени уже завершил свои расчеты поля и сказал сам себе: представь, что пришелец был в космосе и что-то произошло. Он мог поместить себя в замедленное время, чтобы дожидаться спасения. А спасение не пришло... И я поехал в Бразилию, в город Сиудад, и убедил ООН разрешить мне проверить мою теорию. Я направил небольшой мазерный луч на один палец... И знаешь что произошло? Мазер не оставил и следа на поверхности. Тогда я их убедил. И привез статую сюда с собой. — Джански счастливо улыбнулся.

Статуя казалась вооруженной, угрожающей и готовой к прыжку. Ларри спросил:

— Разве вы не можете извлечь его оттуда?

Джански сильно затряс головой.

— Нет. Видишь эту тусклую кнопку у него на спине? Ларри видел кнопку, прямо под вершиной треугольного выступа. Она была чуть более тусклой, чем идеальная зеркальная поверхность, окружавшая ее, и слегка красноватой.

— Она выдается из поля совсем чуть-чуть. Всего на несколько молекул. Я думаю, она — выключатель. Возможно, кнопка сгорела, когда наш приятель проходил через атмосферу, или заржавела, пока он был на дне океана. Так что теперь никак нельзя отключить его поле. Плохая конструкция, — добавил он презрительно.

— Ладно, я думаю, они готовы.

Беспокойство возвратилось к Ларри.

Они были готовы. За пределами клетки оборудование гудело и светилось. Стрелки на шкалах контактного устройства были неподвижны, к шлемам вели разноцветные кабели. Четверо рабочих в лабораторных халатах

стояли рядом, не работая, но и не бездельничая. Они ждали...

Ларри поспешно подошел к столу, налил и осушил полчашки кофе и вернулся в клетку.

— Я тоже готов, — объявил он.

Джански улыбнулся.

— Отлично, — сказал он и вышел из сетки.

Двое рабочих быстро закрыли дверцу на молнию длиной в 6 метров.

— Дай мне две минуты расслабиться, — крикнул Ларри.

— Хорошо, — сказал Джански и махнул рукой.

Ларри растянулся на кушетке и закрыл глаза. Его голова и плечи находились внутри металлической обложки контактного шлема. Интересно, удивился ли Джански тому, что он попросил дополнительное время? Пусть удивляется. Связь работала лучше, чем он ожидал. Что будет он помнить через 2 минуты и 1 секунду?

Джуди оставила квартиру на обслуживание компьютера и ушла. Ларри вернется не раньше полуночи, в лучшем случае. Разные люди будут задавать ему вопросы. Они захотят узнать, как Ларри перенес контакт. Тем временем она может кое-что сделать.

Уличное движение было жутким. В Лос-Анжелесе, как в любом большом городе, каждому такси была отведена определенная высота. Машины взлетали строго вертикально и так же по вертикали садились. Координатор регулировал движение, когда у двух такси был одинаковый маршрут. Но здесь уровни такси находились на расстоянии не более трех с половиной метров от Земли. За те три года, что они жили здесь, Джуди так и не привыкла к тому, что такси носятся так низко над головой. В Канзасе движение было более быстрым, но, по крайней мере, оно происходило на достаточной высоте.

Такси высадило Джуди на углу верхнего яруса прозрачной пешеходной дорожки, расположенной на уровне тридцатого этажа, в районе магазинов.

Джуди увидела, как осуществляется разрекламированный проект очистки города. Там, где с черных стен смывались десятилетия, а то и века грязи, камень выглядел поразительно белым. Правда, отметила Джуди, очищены были только угловые здания.

«Я должна была сказать: «Что ты называешь опытом чтения нечеловеческого разума? Способ мышления дельфинов был официально признан соответствующим человеческому еще до твоего рождения!» Вот что мне нужно было сказать», - подумала Джуди. Она тихо засмеялась. Это бы его впечатлило! Уж точно!

Джуди уже собиралась войти в магазин, когда это случилось. Внутри нее будто что-то замедлилось, потом... Джуди непроизвольно остановилась. Казалось, уличное движение вдруг многократно ускорилось. Джуди часто предчувствовала надвигающиеся события, но сейчас из нее будто что-то выдернули.

Джуди вошла в магазин и стала подыскивать подарки. Она твердо решила не поддаваться собственным страхам. Через шесть часов Ларри вернется.

— Две минуты, — пробормотал доктор Джански и быстро нажал выключатель.

Со стороны стеллажей с аппаратурой донесся жалобный вой, поднимающийся по амплитуде. Он становился все выше и громче. Джански невольно поморщился. Потом звук резко оборвался. Клетка превратилась в почти идеальное зеркало.

Кзанол нажал кнопку на груди. Поле, должно быть, образовалось мгновенно, потому что вселенная вокруг стала колючей от летающих вспышек света.

Внезапно на него навалилась большая тяжесть. Если в его вселенной и происходили еще какие-нибудь изменения, Кзанол этого не заметил. Он чувствовал только пол под ногами, какую-то колоду под обеими пятками-шпорами и вес, который давил сейчас на него. Не было времени хотя бы выпрямить ноги или попытаться удержать равновесие. Он замычал и выбросил в стороны обе руки, чтобы предотвратить падение.

Джански пришел последним. Он вошел ровно в 19 часов, толкая перед собой тележку с бочонком пива. Когда Джански проходил мимо куба, его отражение расплылось — проволочная стена не могла быть совершенно ровной.

В здании появился новый человек, коренастый мужчина примерно сорока лет с белыми волосами моги-канина. Когда Джански избавился от бочонка, мужчина подошел представиться.

— Я — доктор Дэйл Шнайдер, психолог мистера Гринберга. Я хочу поговорить с ним, когда он выйдет оттуда, чтобы убедиться, что он в порядке.

Джански пожал Шнайдеру руку и предложил пива. Потом, по настоянию Шайдера, он потратил некоторое время, объясняя, что они хотели получить в результате эксперимента.

В 19.20 клетка еще оставалась твердой.

— Небольшая задержка возможна, — успокоил Джански. — Чтобы исчезнуть, полю требуется несколько минут. Иногда чуть больше.

В 19.30 он сказал:

— Надеюсь, поле пришельца не усилило мое.

Джански произнес это тихо, по-немецки.

В 19.50 пива почти не осталось. Дэйл Шнайдер издавал невнятные, но угрожающие звуки, один из технических служащих успокаивал его, а Джански, не будучи дипломатом от природы, угрюмо сидел и не отрываясь смот-

рел на серебристый куб. Время от времени, хотя и не очень часто, он вспоминал о своем бумажном стакане с пивом и вливал его содержимое себе в горло. Вид доктора явно не обнадеживал.

В 20 часов куб наконец замерцал и сделался прозрачным. Джански и Шнайдер радостно бросились вперед. Когда Джански подошел ближе, он увидел, что статуя упала и уже не находится под контактным шлемом.

Шнайдер нахмурился. Джански очень хорошо описал процедуру эксперимента. Неожиданно психологу пришло в голову: «Действительно ли сфера — то место, где у инопланетянина находится мозг? Если это не так, то эксперимент провалился. Даже дельфины обманчивы в этом отношении. Мозг у них не в выдающемся вперед «лбу», а за дыхалом: лоб — это оружие, крепко сработанный таран».

Ларри Гринберг сидел. Даже на расстоянии он выглядел плохо. Его глаза были остекленевшими, несфокусированными. Он не предпринимал ни малейших попыток, чтобы подняться.

«Ларри выглядит, как человек, у которого отобрали разум», — подумал Доркас Джански, в тайне надеясь, что Шнайдер так не думает.

Но Шнайдер был явно встревожен.

Наконец, неловко двигаясь, Ларри поднялся на ноги. В первый момент он оступился, но встал, выпрямился и, покачиваясь, шагнул по направлению к краю завесы из проводов. Он выглядел, как человек, идущий по яйцам и пытающийся не раздавить их.

Вдруг Ларри ссутулился, как под гнетом тяжелого груза, согнул колени и, не сгибая спины, поднял что-то лежавшее рядом с упавшей статуей. Когда Джански приблизился к проводам, Ларри повернулся к нему с этой штукой в руках.

Джански пронзительно закричал.

Он ослеп! Вдобавок кожа на его лице отделялась!

Джански поднес руки к лицу, чувствуя нестерпимую боль в костяшках пальцев. Наконец он развернулся и побегал. Боль хлестнула его по спине.

Он бежал, пока не ударился о стену.

За секунду до этого Джуди крепко спала. Теперь от сна не осталось и следа. Джуди сидела в постели, ее глаза искали в темноте... она не знала что. Джуди попыталась найти выключатель, но его не было на месте. Ее рука не могла нащупать даже панели управления. Тогда она поняла, что лежит на половине кровати мужа. Джуди нашла панель Ларри по правую сторону и включила лампу.

Где Ларри? Она помнила, что легла спать около семнадцати часов, совершенно разбитая. Должно быть, он все еще в Калифорнийском Университете. Но что-то все-таки случилось, Джуди это чувствовала.

Не было ли все это просто кошмарным сном? Если это и был дурной сон, она все равно не помнила ни одной детали. Но ощущение чего-то ужасного оставалось и тревожило ее. Джуди снова попыталась заснуть и обнаружила, что не может заставить себя забыться. Комната казалась странной и пугающей. Тени были полны невидимых ползающих монстров.

Кзано! замычал и выбросил в стороны обе руки, чтобы предотвратить падение.

И помутился рассудком.

Впечатления и чувства хлынули волной через все органы и затопили его. С отчаянием утопающего, пытающегося вдохнуть воздух, Кзано! попробовал разобрать свои эмоции, прежде чем они уьют его.

Первыми и самыми ужасными были воспоминания незнакомой ему разновидности раба, называвшего себя Ларри Гринберг. Они были сильнее, чем что-либо, когда-

нибудь достигавшее его чувства Силы. Если бы Кзано́л не провел так много лет, управляя инопланетными формами жизни, привыкнув ощущать чужие мысли, его личность была бы целиком утоплена.

Неимоверным усилием ему удалось вытолкнуть основную часть разума Гринберга из своего сознания. Головокружение не проходило. Теперь Кзано́л ощущал свое тело странным, горячим и бесформенным. Кзано́л попытался рассмотреть, где он находится, но мышцы лица не работали. Потом, должно быть, он нашел правильную комбинацию усилий, и глаза открылись.

Два глаза!

Он застонал и крепко зажмурился, потом попробовал снова. Его глаз открылся дважды — два отчетливых и раздельных движения, и он не решился закрыть их, потому что смотрел на свое тело.

Его тело было телом Ларри Гринберга...

Предупреждений об опасности было достаточно. Шок не убил его. Кзано́л начал осторожно исследовать разум Гринберга. Ему нужно было быть предельно осторожным и брать пока лишь немного информации, иначе он будет уничтожен как личность.

Подобное медленное выкачивание информации очень отличалось от обычного использования Силы: больше всего это напоминало тренировку со Шлемом Власти. Теперь Кзано́л мог не сомневаться, что он действительно был телепортирован. Или телепатирован. Или еще каким-то способом, изобретенным пока он отсутствовал, перемещен в тело раба.

Кзано́л сел, медленно и осторожно, используя рефлексy Гринберга настолько, насколько осмеливался, потому что еще не привык к его страным мышцам. Двойное зрение сбивало его с толку. Но он видел, что находится в чем-то вроде металлической сетки. Снаружи...

Кзано́л получил самый сильный удар и снова помутился разумом.

Снаружи были рабы той же странной породы, выглядевшие так же, как и он в настоящее время. Двое из них явно направлялись к нему. А Кзанола их совсем не чувствовал...

Бессилен!

Тринт не рождается с Силой. Обычно требуется около двух лет по времени Тринтума, чтобы чувство Силы развилось, и еще год, прежде чем юный тринт сможет заставить раба выполнить последовательный приказ. В некоторых случаях Сила никогда не приходит. Если тринт достиг совершеннолетия, так и не приобретя Силу, он называется *птавв*.

Птавву делали татуировку, неизменно розового цвета, а потом продавали, как раба, если только семья тайком не убивала его. Исключительно тайком. Нет лучшего повода для шантажа, чем информация, что состоятельная семья произвела на свет птавва.

Взрослый тринт, потерявший силу, менее предсказуем. Он может совершить самоубийство или стать убийцей, уничтожающим каждого раба и каждого тринта, попавшего ему. Он не может заставить себя забыть о самом существовании Силы. Потерять Силу было ужаснее, чем ослепнуть или оглохнуть, унижительнее, чем быть кастрированным.

Чувства Кзанола могли сравниться с ощущениями человека, потерявшего рассудок и сознающего, чего он лишился. Потому что именно Сила отделяет тринта от животного.

Все еще осмеливаясь надеяться, Кзанола взглянул прямо на приближавшихся инопланетян и приказал им:

ОСТАНОВИТЬСЯ!

Чувство не работало, но вдруг...

Рабы продолжали идти.

Они смотрели на него! Кзанола безнадежно искал какой-нибудь способ запретить им смотреть. Они были

свидетелями его позора, эти низкорослые, покрытые мехом белокормы, которые теперь считали его равным! И тут он увидел дезинтегратор, лежащий возле руки покинутого им тела Кзанола.

Он благополучно встал на ноги, но когда попытался подпрыгнуть, чуть не упал. Ему удалось сделать шаг, но он чувствовал себя, как испуганный новичок, пытающийся двигаться при слабой гравитации. Один из рабов вошел в клетку. Кзанол сгибал свои смешные колени до тех пор, пока ему не удалось поднять дезинтегратор обеими руками, потому что новые пальцы выглядели такими хрупкими, тонкими и беззащитными. Сдавленно зарывав, Кзанол навел дезинтегратор на чужаков. Когда все они скорчились на полу, он развернулся и побежал, врезался в провода, отскочил, дезинтегрировал для себя дыру и ринулся к двери.

Кзанолу пришлось позволить Гринбергу открыть дверь.

Долгое время он мог думать только о бегстве:

Внизу мерцали зеленые огоньки. Нужно было лететь очень высоко, чтобы видеть два города одновременно. Большинство машин так и летали, особенно если водитель осторожный. Огоньки — это станции техобслуживания, разбросанные между городами. Обычно машине требуется обслуживание не чаще, чем дважды в год, но все же приятно знать, что помощь под рукой. Одиночество может вызвать дискомфорт у городского человека, а большинство людей были горожанами.

Кроме того, было приятно осознавать, что в случае чего можешь приземлиться возле зеленого огонька, а не обнаружить себя на верхушке дерева или на полпути к утесу.

Кзанол избегал городов и зеленых огней. В своем теперешнем состоянии он не мог встретиться с рабами. Он

покинул уровень физического факультета и в поисках спасения направился прямо в свой фольксваген — на парковочный уровень, расположенный на крыше.

Взлетев почти вертикально, Кзано́л столкнулся с проблемой выбора направления — ему никуда особенно не хотелось. Поднявшись на безопасную высоту, он направил машину в сторону Нью-Йорка, зная, что в любой момент может повернуть обратно в Калифорнию. С этого времени Кзано́л позволил самой машине управлять полетом и поворачивался к панели, только когда было необходимо облететь город. Облетать приходилось очень много. Зеленые ландшафты были скорее островами в море городов, чем наоборот.

Мгновение — и они исчезали, а Кзано́л снова видел очертания строений в полмили шириной вдоль древних суперавтострад.

В час ночи Кзано́лу пришлось посадить машину. Вести ее было изнурительно. Только безумное стремление спастись бегством заставляло его двигаться, хотя он уже начал сознавать, что бежать некуда. Кзано́л ощущал боль тут и там, боль, которая была настоящей пыткой, хотя Гринберг по привычке не обратил бы на нее внимания. Пальцы Кзано́ла сводило судорогой, они казались более хрупкими, чем когда-либо. И он не ошибался. Память Гринберга сообщила ему, почему мизинец левой руки постоянно болел: бейсбольная травма, которую неправильно лечили.

И этот Гринберг принимал такой ужасный дефект как само собой разумеющийся!

Кзано́л почти боялся пользоваться руками. Были и другие боли. Мышцы затекли от того, что он пять часов сидел в одном положении, правая нога мучительно болела, потому что Кзано́л постоянно нажимал на педаль во время маневров. Вдобавок еще и страшный зуд везде, где одежда плотно прилегала к телу.

Кзано́л посадил машину в Аризоне, посреди глухого леса, поспешно вышел и сорвал с себя одежду. Намного

лучше! Потом он забросил одежду под сиденье — она еще может ему понадобиться. Наконец он забрался обратно и включил обогреватель.

Теперь у него зудело там, где он прикасался к сиденью, но это еще можно было терпеть.

Кзано́л позволял Гринбергу вести машину и постепенно привык к его присутствию в своем сознании. Без страха, хотя и с некоторым беспокойством, он уже мог пользоваться памятью Гринберга. Но Кзано́л не свыкся с чужим телом, в котором сейчас находился, и у него не было ни малейшего намерения смириться с потерей Силы. Кзано́л хотел получить свое тело обратно.

Он знал, где оно находится: он видел его, когда поднимал дезинтегратор. Воспоминания Гринберга воспроизвели для Кзано́ла детали. Очевидно, он выронил дезинтегратор, когда выставил руки, чтобы защититься. Тело будет в сохранности до тех пор, пока Кзано́л не найдет какой-нибудь способ вернуться в него.

Для этого ему необходимо управлять людьми, работающими с контактным устройством. Ему понадобится солидная техническая помощь, чтобы вырвать тело Кзано́ла из стасиса. Зрительной памятью Гринберга он видел ржавое пятно у себя на спине. Но чтобы получить эту помощь, ему нужна Сила.

Его человеческий мозг не мог содержать в себе Силы.

Все же оставался еще один шанс. Люди совершают космические полеты, вспомнил Кзано́л-Гринберг. Жалкие космические полеты: на кораблях, которым требуются десятки лет, чтобы преодолеть расстояние между обитаемыми мирами, и целые дни даже для того, чтобы совершить полет до соседних планет своей солнечной системы.

Но все-таки это были космические полеты. Если Кзано́лу удастся найти систему F-124 и если до нее можно добраться, он получит усилительный шлем. К тому же, этот Гринберг в зачаточной форме обладал телепатическими способностями.

Шлем может поднять этот крошечный талант до подобия Силы настоящего тринта. По какой-то причине он сейчас не попал на F-124, думал Кзанола, а полетел дальше навстречу случайному столкновению с планетой Земля. Где и когда он приземлился? Успеет ли он добраться до потерявшейся планеты за время жизни Гринберга?

Тело Гринберга хотело есть, пить и сигарету. Кзанола было нетрудно игнорировать голод и жажду, потому что тринт убьет себя, если наестся досыта, разорвет свой накопительный мешочек, если будет пить, пока не напьется. Но сигареты у Кзанола были. Он закурил и решил, что ему это нравится, хотя приходилось подавлять желание жевать фильтр.

Где он сейчас? Кзанола позволил памяти Ларри Гринберга выйти на поверхность. Университет. Курс истории с низкими отметками. Борьба за космос: базы на Луне, базы на Марсе. Кольцо. Колонизация Кольца. Родильный астероид. Перенаселение Земли. Законы, ограничивающие рождаемость. Комитет по контролю рождаемости, восстание Супермена. Санкции против Кольца во время споров о правах на эксплуатацию спутников Юпитера. Проходило много постороннего материала, но Кзанола уже хорошо представлял солнечную систему. Он находился на третьей планете, и она была бинарной. Кзанолау чрезвычайно повезло, что он попал именно на нее.

Полномочный посланник ООН на Меркурии. Провал экономических санкций. Ограничение автономности Кольца. Промышленная война. Почему с Кольцом обращались, как с бандой злодеев? Неважно. Добыча Кольцом воды из колец Сатурна.

Кольца!

— Ух! — Кзанола отшвырнул окурок и сунул в рот обожженные пальцы. F-124. Значит, это F-124, думал он. Это не похоже на F-124. Кзанола начало трясти, и он усилил обогрев в кабине.

*** *** ***

В 1.30 Джуди встала и вышла. Одной в темноте невозможно было терпеть постоянное ощущение кошмара. И Ларри не позвонил...

В ответ на ее вызов на углу опустилось такси. Джуди не знала адреса физического факультета Калифорнийского Университета, но в машине был телефон. Справочная служба набрала адрес на панели назначений. Такси загудело и поднялось.

Джуди откинулась в кресле. Она чувствовала усталость, но все равно не могла уснуть.

Огромная башня Калифорнийского Университета была освещена ночными огнями, хотя один уровень светился в три раза ярче, чем остальные. Джуди догадалась, что это за уровень, еще до того, как такси стало снижаться. Когда они устремились к посадочному выступу, она заметила и другие детали.

Огромная квадратная машина была капсулой скорой помощи большой вместимости. Те маленькие автомобили с широкими капотами — полицией. Вокруг двигались крошечные фигурки.

Кзанола машинально закурил последнюю сигарету. Его рот и горло были воспалены... Это нормально? Он вспомнил, что это ненормально, если не брать в расчет непрерывное курение.

... А потом приходило Время Урожая. Все вдруг начинали суетиться. Отец и Дед возвращались домой очень поздно и смертельно усталыми, а рабы совсем не отдыхали. Весь день и всю ночь слышался звук падающих деревьев и низкий гул деревообрабатывающего завода.

До того, как Кзанола стал достаточно взрослым, чтобы помогать, он обычно сидел под сторожевым подсолнухом и смотрел, как деревья исчезают в деревообрабатывающей установке.

Вот оно входит туда — с виду самое обычное дерево *лмул*: идеально ровное, с огромным зеленым цветком на вершине и темно-синим разветвленным корнем. В перерабатывающем устройстве цветок, мягкая кора и разветвленный корень удалялись. Стволы выходили сверкающими на солнце, на них не оставалось ничего, кроме твердотопливной сердцевины и тонкой хрустально-металлической оболочки. Потом готовые пусковые стволы переправляли во все ближайшие цивилизованные миры на кораблях, которые поднимались в воздух с помощью таких же твердотопливных пусковых стволов.

Но сначала проводилась проверка. Контрольный ствол выбирали наугад и вводили в испытательный блок. Дед и Отец стояли рядом, и у каждого был такой вид, словно им попался кислый гнал. С напряженным вниманием, готовые забраковать целый урожай при малейшем признаке перебоя зажигания, они следили за тем, как сгорало бревно. Кзано́л обычно пытался подражать их выражению лица.

Низкорослые технические служащие-тнактипы бегали вокруг с озабоченным и важным видом, устанавливая приборы. Они казались слишком маленькими, чтобы быть разумными существами, но они ими были. Их оригинальная биологическая наука преобразовала бесполезные деревья *лмул* в пусковые твердотопливные стволы. Они же вывели подсолнухи, которые охраняли жилище: изгороди из стволов, высотой в двадцать футов, на каждом из которых находилось подвижное серебряное зеркало, фокусировавшее солнечный свет на зеленом узле фотосинтеза или переносившее этот фокус на атакующего врага. Тнактипы создали гигантских, безмозглых, питающихся закваской белокормов, которые служили пищей Кзанолу и самим плотоядным тнактипам.

Им была дана гораздо большая свобода, чем любой другой расе рабов, потому что тнактипы доказали достоинства своих свободно мыслящих мозгов.

Тнактип пускал ствол. Пламя вырывалось над долиной, бело-голубое и очень ровное, оставляющее красноватый дымок. Приборы тем временем фиксировали точную силу толчка ствола, и Дед удовлетворенно улыбался. Пламя потрясало мир таким звуком, что маленький Кзано́л боялся, как бы толчок не ускорил вращение планеты...

Кзано́л-Гринберг протянул руку, чтобы стряхнуть пепел с последней сигареты, и увидел предыдущую тлеющей в пепельнице — она была выкурена только на две трети. Он не позволял себе подобного со времен университета. Кзано́л-Гринберг выругался на языке тринтов и чуть не задохнулся: его горло явно не было предназначено для долгих разговоров.

И ему нет никакой пользы от воспоминаний.

Где бы во вселенной он ни находился, ему все равно нужно добраться до космопорта. Ему нужен шлем-усилитель. Шлем Власти.

Позже Кзано́л выяснит, почему на F-124 инопланетяне и почему они уверены, что находятся здесь дольше, чем это, по его представлениям, было возможно. Кзано́л-Гринберг включил мотор и направил машину в Топеку, штат Канзас.

В любом случае ему придется угнать корабль. Желательно, чтобы это был военный корабль, так как этот район вселенной, по определению, не имел закона, раз там не было тринтов, а возле Топеки был военный космопорт.

Подожди-ка, подумал Кзано́л-Гринберг. Это не может быть F-124. Здесь слишком много планет! В системе F-124 было только 8, а здесь их 9.

Теперь он заметил и другие расхождения.

Метеоритный пояс F-124 был намного плотнее, и ее спутник слегка вращался, вспомнил он. Он попал не в ту систему!

Простое совпадение! Кзано́л усмехнулся. И какое совпадение! Обитаемая планета, планета, окруженная кольцом, подходящие размеры миров...

Только подумать! Он был единственным тринтом, обнаружившим сразу две планеты рабов. Кзано́л будет самым богатым существом в галактике! Теперь ему все равно, найдет он карту или нет. Но, конечно, ему все еще нужен усилительный шлем.

Джуди чувствовала крайнее смятение. «Но разве они совсем не могут говорить?» — умоляющим голосом спрашивала она, понимая, что ведет себя неразумно.

Терпение шефа полиции Лос-Анжелеса Ллойда Маснея иссякло.

— Миссис Гринберг, — сказал он с нажимом. — Вы же знаете, что доктору Джански сейчас восстанавливают глаза и лицо. Кроме того, широкий лоскут тканей на спине, которая была прожжена чуть ли не до спинного мозга. Остальные примерно в таком же состоянии. У доктора Шнайдера нет повреждений глаз, но ему восстанавливают часть лица, которую он не смог закрыть руками, ладони и некоторые участки кожи на спине. У Кнадсена вообще открылись спинной мозг и несколько ребер. Доктор не разрешит будить никого из них, кроме мистера Тримонти, даже по настоянию полиции. Его допросили во время операции, которая проходила под местной анестезией. Мистер Тримонти получил сильный шок, и сейчас его тоже нельзя беспокоить! Вы сможете прослушать запись нашей беседы, как только мы ее получим. А пока что могу я предложить вам кофе?

— Да, спасибо, — сказала Джуди. Она понимала, что Масней дает ей таким образом возможность взять себя в руки, и была благодарна. Он вернулся с кофе. Джуди некоторое время пила его маленькими глотками, украдкой изучая шефа полиции.

Это был плотный человек, который двигался так, будто у него больные ноги. Неудивительно, если так оно и было — его кисти и ступни выглядели очень маленькими по сравнению с остальным телом. У Масней были светлые волосы и темные брови и ресницы, а его пышные усы были совершенно белыми. Похоже, он так же сгорает от нетерпения. Джуди еще не видела, чтобы Масней сидел в нормальном положении, сейчас его ноги были перекинуты через один подлокотник вращающегося кресла, а плечи покоились на другом.

— Вы хоть знаете, где он сейчас? — Джуди не могла больше сдерживать себя.

— Конечно, — быстро сказал Масней. — Он только что пересек границу штатов Канзас и Колорадо на высоте девять тысяч футов. Думаю, он не знает, как отключить опознавательный сигнал. Хотя, может быть, просто не утруждается.

— Может, он не любит городов, — предположил пожилой человек в углу.

До того, как он заговорил, Джуди думала, что он спит. Его представили как Лукаса Гарнера, военндог представителя ООН. Джуди ожидала, что он продолжит, но Гарнер, по-видимому, уже все сказал. Масней объяснил за него.

— Понимаете, вообще-то мы не афишируем, что все наши радары-перехватчики установлены в городах. Я так понимаю, если Гринберг знает достаточно, чтобы облетать города, что он и делает, он, естественно, должен знать, как отключить свой сигнал, чтобы мы не могли проследить за его передвижениями. Люк, у тебя есть какие-нибудь основания думать, что Гринберг не любит городов?

Люк кивнул. Джуди подумала, что Гарнер выглядит самым старым человеком на свете. Его лицо было морщинистым, как лицо Сатаны. Он передвигался в наземном самоходном кресле, мощном, как персональный танк.

— Я долгие годы ожидал, что произойдет что-нибудь подобное, — сказал он. — Ллойд, ты помнишь, когда всту-

пили в силу законы, ограничивающие рождаемость, я сказал тебе, что чокнутые маньяки начнут убивать холостяков, получивших разрешение иметь детей? И это случилось. То же самое и здесь. Я думал, что это произойдет на Джинксе, но это, наоборот, случилось на Земле.

— Ларри Гринберг думает, что он пришелец.

Джуди была ошеломлена.

— Но он и раньше этим занимался, — слабо возразила она.

— Нет, — Гарнер вытащил зажженную сигарету из ручки своего кресла. — Не этим. Он работал с людьми и дельфинами. На этот раз он столкнулся с чем-то, что значительно сильнее его. Я догадываюсь, что это, и я бы отдал свое кресло на колесах, — Джуди посмотрела, но колес у кресла не было, — чтобы узнать, прав ли я.

— Миссис Гринберг, вашего мужа когда-нибудь прочли бы мысли телепата?

Джуди молча покачала головой.

— Ну вот, — сказал Гарнер. Джуди снова показалось, что он заснул, только на этот раз с тлеющей между пальцами сигаретой. У Гарнера были огромные руки, под дряблой, в старческих пятнах кожей проступали мускулы, а его плечи были плечами кузнеца. Контраст между мощным торсом и беспомощными, почти бесплотными ногами делал его немного похожим на лысую обезьяну. Гарнер вернулся к действительности, глубоко затянулся и продолжал:

— Люди Ллойда прибыли туда спустя 15 минут после того, как ушел Ларри Гринберг. Полицию вызвал, конечно, Тримонти, больше никто не мог двинуться. Еще через 10 минут сам Ллойд был на месте. Когда он увидел ранения тех, в кого стрелял Гринберг, он позвонил мне в Брюссель. Я — Военный Представитель, член Технологической Полиции ООН. Могло случиться, что оружие, которым были нанесены эти ранения, пришлось бы скрыть. Конечно, требовалось расследование. Поэтому меня в

первую очередь интересовало оружие. Я надеюсь, что кто-нибудь из вас слышал о Баке Роджерсе? Нет? Жаль. Тогда я просто скажу следующее: ни одна из наших современных технологий не могла привести к созданию подобного оружия. Оно не разрушает материю, что утешает. Переписать один закон физики — хуже, чем съесть один земляной орех. Это оружие раздвигает материю. Люди Ллойда обнаружили, что кровь, остатки тканей и кости образовали единый жирный слой по всей комнате. Свидетельство Тримонти было неожиданной удачей. Ясно, что Морская Статуя выронила оружие, а Гринберг им воспользовался. Почему?

Масней громко сказал:

— Ближе к делу, Люк.

— Ладно, дело вот в чем. Контактный шлем — очень сложное устройство. И вот вопрос, который занимал психологов: почему контактеры не слишком запутываются, когда вклиниваются посторонние воспоминания? Обычно бывает несколько минут путаницы, а потом все становится на свои места. Говорят, потому, что входящие воспоминания слабы и туманны, но это только половина ответа. Может быть, это даже результат, а не причина. Представьте себе: двое людей сидят под хрустально-металлическим шлемом, и когда один из них поднимается, у него остаются два набора воспоминаний. Какой из них принадлежит поднявшемуся?

Он помнит другое тело, отличное от того, в котором он себя обнаруживает. Но более важно то, что в одном наборе есть воспоминания о том, что он телепат, а в другом нет. И в одном наборе есть сведения о том, что, сидя под контактными шлемом, он заранее знал, что когда встанет, у него будет два набора воспоминаний. Естественно, контактер поведет себя так, будто этот набор — его собственный. Даже с восемью или десятью разными наборами воспоминаний контактер автоматически выберет свой.

Что ж, допустим, что Морская статуя — телепат. Не со склонностью к телепатии, как Ларри Гринберг, а насто-

ящий телепат, способный прочесть любой разум, какой захочет. Внезапно все переворачивается. Гринберг просыпается с двумя наборами памяти, и один набор помнит, что читал сотни чужих умов, или тысячи! Теперь понимаете?

— Да, о.., да.. - проговорила Джуди. — Я предупреждала его о том, что должно что-то случиться. Но что мы можем теперь предпринять?

— Если он не пролетит над городом в ближайшее время, нам придется послать истребители-перехватчики. Но лучше подождать, пока Шнайдер выйдет из операционной.

Полчаса спустя Кзано́л снова посадил машину. Его беспокоило странное ощущение зуда в глазах. Когда Кзано́л впервые его почувствовал, он чуть не потерял сознание от страха. Но потом память Гринберга подсказала, в чем дело. Он просто хотел спать.

Кзано́л даже не стал тратить время на беспокойство по этому поводу. Он уже привыкал к унижениям, появившимся вместе с телом Гринберга. Он просто посадил машину на вспаханное поле и заснул.

Кзано́л проснулся, как только рассвело, и сразу поднял машину в воздух. А потом — невероятно! — он даже стал получать удовольствие. Города разной величины появлялись перед несущейся машиной, и он осторожно облетал их.

Сельская местность привлекла внимание Кзано́ла. Поля винограда и люцерны удивляли его своими маленькими размерами и расположением в виде шахматной доски. Была и другая растительность, и Кзано́л опустился пониже, чтобы рассмотреть деревья. Деревья с густыми бесформенными зелеными шапками вместо цветов. Деревья, которые иногда склонялись к самой земле, как будто боялись неба. Возможно, ветра на этой планете были

опасны. Деревья, которые почти никогда не вырастали совсем прямо. Они были причудливыми, асимметричными и прекрасными, а память Гринберга немногое могла сообщить о них — Гринберг был горожанином. Кзано́л даже отклонился от своего пути, чтобы посмотреть на них. Он опускался низко над старинными домиками с остроко́нечными крышами, зачарованный их непривычной архитектурой, и снова дивился земной погоде.

Гринберг, которого на этот раз пришлось подтолкнуть, вспомнил торнадо в Канзасе. Кзано́л был поражен.

Кзано́л был счастлив, как бывает счастлив турист. Правда, он испытывал еще больший физический дискомфорт от того, что хотел есть и пить, ему требовался никотин или гнал. Но он мог игнорировать эти мелкие неудобства — он был тринтом и знал, что гнал окажется сейчас смертельным ядом. К тому же Гринберг был твердо убежден, что сможет бросить курить, когда захочет. Кзано́л поверил этому и не обращал внимания на страстное желание закурить. Обычно он доверял всему, что находил в памяти Гринберга, и продолжал таращить глаза на пейзаж, как какой-нибудь экскурсант при виде очередной достопримечательности.

Спустя два часа ему начало это надоедать. Кзано́ла снова начала беспокоить проблема его местонахождения. Но он уже видел решение. Публичная библиотека Топски — вот что ему нужно. Если поблизости была обнаружена солнечная система подобная этой, он найдет там ее описание. Телескопы Кольца, не стесненные атмосферными помехами, были способны видеть планеты, вращающиеся вокруг других солнц. К тому же межзвездные автоматические станции разыскивали обитаемые миры уже почти тысячелетие. Если система F-124 еще не была обнаружена, значит, она находится за пределами досягаемости земных кораблей, и, значит, он может спокойно совершить самоубийство.

Изумительно, какими почти совершенно одинаковыми оказались система F-124 и солнечная система. В

обеих были две обитаемые бинарные третьи планеты, гигантские пятые, метеоритные пояса, одинаковые по положению, если не по плотности. Соответствие размеров и расположения первых восьми планет, окруженные кольцом шестые планеты в обеих системах — это было слишком. Он не мог в это поверить.

Он, лишенный Силы! Кзано́л-Гринберг вздохнул и хрустнул костяшками пальцев, ужасно напугав себя. В это было слишком страшно поверить. И он не поверил.

Внезапно Кзано́л-Гринберг почувствовал сильную усталость. Тринтум находился очень далеко в неизвестном пространстве. Усилительный шлем и все остальное, чем он владел, было, вероятно, также недостижимо и находилось в совершенно другом направлении. Его Сила исчезла, и даже его тело было украдено каким-то ужасным колдовством рабов. И, что хуже всего, он не знал, что делать дальше!

Вдали показался город. Машина направлялась прямо к нему. Кзано́л-Гринберг уже собирался повернуть, когда осознал, что это, должно быть, Топека, и уронил голову на руки, в надежде снова потерять сознание.казалось, силы вытекают из него.

Это должна быть F-124!

Но этого не может быть. В системе была лишняя планета и недостаточное количество астероидов.

Но, — вспомнил Кзано́л-Гринберг, — Плутон был чем-то вроде безбилетного пассажира в Солнечной системе. У него неправильная орбита и некоторое математическое несоответствие в размерах. Возможно, он был захвачен Солнцем до того, как Кзано́л проснулся.

Но за три столетия? Почти невероятно.

Кзано́л поднял лицо, на котором застыл ужас. Он отлично знал, что триста лет — это нижний предел. Бортовой компьютер определил ему полет длиною в триста лет, используя половину мощности корабля. На самом деле он мог быть похоронен в поле стасиса намного дольше.

Допустим... Пусть совершилось невероятное, и Плутон действительно притянуло за триста лет. А как насчет расы рабов, счастливо живущей там, где должны быть лишь дрожжи тнактипов, покрывающие океаны в фут глубиной, или, самое большее, белокормы, огромные, как бронтозавры, и такие же милые, гуляющие вдоль кромки моря и пожирающие мутировавшую накипь?

Он не мог этого объяснить и перестал об этом думать.

Но пояс астероидов был значительно тоньше, чем тогда. Правда, со временем он в любом случае стал бы тоньше из-за давления фотонов и солнечного ветра, выгоняющего пыль и мельчайшие частицы в глубокий космос, а также из-за столкновений с крупными планетами, сдвигающими некоторые камни. Ведь даже несколько астероидов, обладавших самой причудливой орбитой, были замедлены и уничтожены трением о солнечную атмосферу, которая расширилась, должно быть, уже дальше Земли. Но это дело не нескольких столетий. Или даже тысячелетий. Или сотен...

Тогда Кзанол понял.

Не сотни лет или сотни тысяч. Он оставался на дне моря, когда солнечная система захватила новую планету и потеряла добрую треть астероидного пояса, когда океаны дрожжевой закваски мутировали, портились и мутировали снова и снова... Там, на дне, он лежал, пока закваска становилась травой и рыбой, а теперь ходила на двух ногах, как тринт.

И миллиарда лет для этого недостаточно. Два миллиарда могли сделать это. Кзанол-Гринберг стиснул колени обеими руками, как будто хотел спрятать в них голову. Тринт бы этого не сделал. Но его испугал не просто тот факт, что прошло столько времени. Это означало потерю всего, что он знал и любил, даже его собственной расы. Не только Тринтум, как планета, но и тринт, как вид, должно быть, исчез в прошлом. Если бы в галактике оставались

тринтия, они колонизировали бы Землю много веков назад.

Он был последним тринтом!

Кзанол-Гринберг медленно поднял голову и безразлично уставился на огромный город, раскинувшийся под ним.

Он чертовски хорошо мог вести себя как тринт.

Машина остановилась. Вероятно, он был над центром Топеки. Но в какой стороне космопорт? И как он туда попадет? У Гринберга, к сожалению, не было опыта кражи космических кораблей. Ладно, сначала нужно узнать, где находится космопорт, а потом...

Корабль вибрировал. Кзанол-Гринберг чувствовал это своими нелепо хрупкими кончиками пальцев. Был и другой звук, слишком высокий, неуловимый для слуха, но он отдавался в его нервах. Что происходит?

Он заснул. Машина повисела в воздухе еще мгновение, потом пошла вниз.

— Они всегда запихивают меня в хвост самолета, — ворчал Гарнер.

Ллойд Масней не проявил сочувствия.

— Радуйся, что они не заставляют тебя ехать в багажном отделении... Я опасался этого, глядя, как ты отказываешься покинуть свою колымагу.

— А почему мне нельзя в ней оставаться? Я — калека!

— Разве после специального лечения, которому тебя подвергли, ничего не изменилось?

— Только манера разговаривать. Мой спинной мозг снова несет какие-то неясные послания. Но десяток шагов по комнате дважды в день доводит меня чуть не до смерти. Пройдет еще не меньше года, прежде чем я смогу дойти до деловой части города и обратно. А до тех пор мое кресло путешествует со мной, а не в багажном отделении. Я к нему привык.

— Думаю, что уж этот год не будет вызывать у тебя старческой ностальгии, — сказал Масней. — Сколько тебе сейчас, Люк?

— В апреле будет сто семьдесят. Но годы не становятся короче, Ллойд, в противоположность общепринятому мнению. Ну почему им обязательно нужно запихивать меня в хвост? Я нервничаю, когда вижу, как крылья раскаляются докрасна. — Он поежился.

Джуди Гринберг вернулась из комнаты отдыха и села рядом с Ллойдом. Люк находился напротив нее. Их разделял проход, специально расширенный для Люка за счет двух боковых кресел. На первый взгляд, Джуди совсем оправилась: она выглядела и двигалась так, будто только что вышла из косметического кабинета. На расстоянии ее лицо казалось спокойным. И все же Гарнер заметил легкое подрагивание мышц вокруг глаз, на щеках и на шее.

Гарнер был очень стар. У него был свой, не парапсихический способ чтения мыслей. Он произнес как будто в пустоту:

— Мы приземлимся через полчаса. До тех пор Гринберг будет мирно спать.

— Хорошо, — сказала Джуди. Она наклонилась и включила экран в спинке кресла перед собой.

Кзанол почувствовал совершенно новое, страшно неприятное ощущение и проснулся. В ноздрах у него стоял запах аммиака. Он проснулся, отплеиваясь и задыхаясь, с твердым намерением совершить массовое убийство. Первому же рабу, которого увидел, Кзанол приказал умереть самым ужасным способом.

Раб робко улыбался ему.

— Дорогой, с тобой все в порядке?

Голос был ужасно натянутым, а улыбка фальшивой.

Вмиг все вернулось. Это была Джуди...

— Конечно, милая. Я в порядке. Может, ты подождешь в другом месте, пока эти достойные люди будут задавать мне вопросы?

— Конечно, Ларри.

Она встала и поспешно вышла. Кзанола дождался, пока дверь закроется, и повернулся к остальным.

— Ты, — обратился он к человеку в кресле. Сидевший, очевидно, был здесь за главного, потому что явно был самым старшим. — Зачем понадобилось впутывать в это дело Джуди?

— Я надеялся, это подтолкнет твою память. Помогло?

— Моя память в полном порядке. Я даже помню, что Джуди — разумная женщина, и мысль о том, что я — не Ларри Гринберг, будет для нее большим потрясением. Поэтому я и отослал ее.

— Очень мило с твоей стороны. Ваши женщины не разумны?

— Нет. Должно быть, это очень странно — иметь разумного партнера по ощущениям? — Кзанола мгновенно порывшись в воспоминаниях Гринберга, гнусно улыбнулся и вернулся к делу. — Как вам удалось меня захватить?

Старик пожал плечами.

— Очень просто. Мы усыпили тебя звуковым парализатором, потом перевезли машину с помощью автопилота. Мы рисковали только в одном. Если бы машина оставалась на ручном управлении... Кстати, меня зовут Гарнер. А это — Масней.

Кзанола принял информацию без комментариев. Масней задумчиво смотрел на Кзанолу. Взгляд Маснея очень походил на взгляд, которым юный студент-биолог оценивает законсервированное сердце овцы, прежде чем пройти по нему скальпелем.

— Гринберг, — сказал он, — зачем ты это сделал?

Кзанола не ответил.

— Джански потерял оба глаза и большую часть лица. Кнадсен будет калекой почти год: ты повредил ему спинной мозг. Вот этой штукой. — Он взял с полки дезинтегратор. — Зачем? Ты что, думал, она сделает тебя повелителем мира? Это глупо. Это всего лишь ручное оружие.

— Это даже не то, — сказал Кзано́л. Говорить по-английски оказалось довольно просто. Все, что ему нужно было сделать, это расслабиться. — Это копательный или режущий инструмент, не более того.

Масней вытаращил глаза.

— Гринберг, — прошептал он, как будто ответ напугал его, — кем ты себя считаешь?

Кзано́л попытался ответить и чуть не задохнулся.

Чрезмерные разговоры не на пользу человеческим голосовым связкам.

— Не Гринбергом, — выговорил он. — Не... рабом... Не человеком.

— Тогда кем?

Кзано́л тряхнул головой, прочищая горло.

— Ладно. Как же работает этот безобидный инструмент?

— Вы нажимаете на кнопку, и луч начинает удалять поверхностный материал.

— Я не это имел в виду.

— О! Ну, он задерживает... заряд на электро́не. Я думаю так. Потом что бы ни оказалось в луче, начинает разрываться. Мы используем более мощные для рассека́ния гор. — Его голос сорвался до шепота. — Использовали... — Кзано́л-Гринберг задохнулся и оборвал себя. Масней нахмурился.

Гарнер спросил:

— Как долго ты пробыл под водой?

— Думаю, от одного до двух миллиардов лет. Ваших или моих лет, они не слишком различаются.

— Тогда твоя раса скорее всего вымерла.

— Да.

Кзанол недоверчиво взглянул на свои руки.

— Как... — он прочистил горло, — как, обладая Силой, я попал в это тело? Гринберг думал, что это всего лишь телепатическая машина!

Гарнер кивнул.

— Правильно. И ты был в этом теле, так сказать, все время. Память пришельца наложилась на твой мозг, Гринберг. Ты годами проделывал то же с дельфинами, но это никогда так на тебе не сказывалось. Что с тобой, Гринберг? Приди в себя!

Раб в самодвижущемся кресле и не шевельнулся, чтобы убить себя.

— Ты, — Кзанол-Гринберг сделал паузу, чтобы перевести «белокорм». — Ты — презренный, гниющий, неполноценный белокорм с дефектными половыми органами. Прекрати говорить мне, кто я! Я знаю, кто я! — Он взглянул на свои руки. В уголках его глаз появились слезы и сбегали по щекам, но лицо оставалось неподвижным, как лицо идиота.

Гарнер прищурился.

— Ты думаешь, что ты, как его там, этот ужас из Открытого космоса? Инопланетный ужас сейчас находится на первом этаже здания и совершенно безобиден. Если бы мы смогли вернуть его в нормальное время, он бы первый назвал тебя самозванцем. Позже я покажу его тебе. Часть того, что ты сказал, правда. Я, конечно, старик. Но что такое... э, белокорм? — Он особо выделил это слово.

Кзанол успокоился.

— Я переведу. Белокорм — это искусственное животное, выведенное тнактипами как кормовое. Белокорм огромный, как динозавр, и гладкий и белый, как шму... Они очень похожи на шму. Мы используем их тело целиком, кроме скелета. Белокормы едят все подряд. По форме они напоминают гусеницу, тянущуюся за листом. Рот находится перед расположенными на животе лапами.

— Все подряд?

Кзано́л-Гринберг не слышал его.

— Забавно. Гарнер, ты помнишь фотографии бандерснэтчей, которые прислала вторая экспедиция с Джинкса? Гринберг собирался когда-нибудь прочитать их раз-зум.

— Конечно.

— Бандерснэтчи — это белокормы, — сказал Кзано́л-Гринберг. — У них нет разума.

— И я так думал. Но не забывай, сынок, что в их распоряжении были два миллиарда лет, чтобы развить его.

— Им бы это не помогло. Они не могут мутировать. Они так задуманы. Белокорм — это одна большая клетка, с хромосомой длиной в вашу руку и толщиной в ваш палец. Радиация на них не влияет, а первое, что будет повреждено и выведено из строя, это почки.

Кзано́л был сбит с толку. Как оценить еще одно совпадение?

— Почему вы вообще решили, что они разумны? — спросил он.

— По одной причине, — мягко сказал Гарнер, — в отчете говорится, что их мозг огромен. Весит, как трехлетний мальчик.

Кзано́л-Гринберг рассмеялся.

— Они были так задуманы. Мозг белокорма имеет удивительный вкус, поэтому генетики-тнактипы увеличили его размеры.

— И что?

— А то, что у него извилины, как у человеческого мозга.

Что э́с, так оно и есть. Как у человеческого мозга, и мозга тнактипа, и мозга тринта, по этой причине.

А почему...

Кзано́л-Гринберг хрустнул костяшками пальцев, потом поспешно разъединил руки. Он дал себе клятву никогда в жизни больше этого не делать. Загадка разумно-

го «бандерснэтча» беспокоила его, но еще больше волновало другое. Почему, например, его не спасли? Через триста лет после того, как Кзанола нажал красную кнопку, он должен был обрушиться на Землю, как разрушительный гнев Того, кто наделяет Силой. Кто-нибудь на луне обязательно должен был его увидеть.

Мог ли наблюдательный пункт на луне быть покинут?

Почему?

Гарнер ворвался в его размышления.

— Возможно, нечто большее, чем космическое облучение, способствовало мутации. Что-нибудь вроде орудийного залпа или метеоритного дождя.

Кзанола-Гринберг покачал головой.

— Еще какие-нибудь основания?

— О, да, черт возьми. Гринберг, что ты знаешь о Джинксе?

— Много чего, — сказал Кзанола-Гринберг. Информация Ларри о Джинксе была очень полной, как и у любого колониста. Воспоминания выстроились при одном этом слове без усилий. Джинкс...

Спутник Бинари, третьей планеты от Сириуса А. Бинари - это оранжевый гигант, имеющий кольцо. Больше Юпитера и гораздо теплее. Джинкс в шесть раз больше Земли, с гравитацией 1,78 g и с периодом обращения более четырех земных дней. Среди всех факторов, сформировавших Джинкс, самым важным было отсутствие радиоактивных элементов. Потому что Джинкс обладает цельной, монолитной литосферой, уходящей вглубь почти на половину расстояния от поверхности до железно-никелевого ядра.

Давным-давно, еще до его времени, до времени Кзанола, Джинкс находился намного ближе к Бинари. Так близко, что приливы и отливы остановили его вращение и растянули планету до формы яйца. Позже те же самые приливы и отливы оттолкнули Джинкс прочь. Ничего

необычного. Но, несмотря на то, что атмосфера и океан Джинкса приняли более сферическую форму, с планетой этого не произошло. Тело спутника все еще имело форму яйца.

Джинкс — это пасхальное яйцо, расписанное в разные цвета меняющимися поверхностными воздействиями.

Океан Джинкса представлял собой широкое кольцо того, что условно можно назвать чрезвычайно соленой водой, влекомой течениями через полюса. Районы, которые колонисты называли Концами, отмеченные точками наибольшего и наименьшего удаления от Бинари, находились на высоте 600 миль над уровнем океана, то есть на расстоянии 600 миль от центра тяжести спутника. Они вырывались за края атмосферы.

На фотографиях, полученных во время первой экспедиции, Концы выглядели совершенно белыми с резким узором из черных теней. Ниже тени исчезали в атмосфере и начинали появляться облака. Облака становились все плотнее и плотнее, и все реже и реже сквозь них проглядывала коричнево-серая земля, пока внезапно пелена туч не окутывала все.

Океан был вечно скрыт полосой неподвижных кудрявых облаков, растянувшихся в ширину на тысячи миль. Над водой воздух был ужасающе плотным при постоянной температуре 207 градусов по Фаренгейту.

Колония Сириус Мейта находилась на Восточном континенте, на 300 миль восточнее океана, и представляла собой треугольник возделанной земли и надувных сооружений у разветвления двух рек. Впервые колонисты выбрали для посадки место с большим поверхностным давлением, зная, что более плотная атмосфера защитит их от перепадов температур во время долгих дней и ночей и от ультрафиолетового облучения бело-голубого Сириуса А. Сириус Мейта теперь могла похвастаться населением почти в двести энтузиастов всех возрастов...

— Отлично, — сказал Гарнер. — Тогда мне не придется ничего объяснять. Можно воспользоваться телефоном, Ллойд?

— Конечно, — Ллойд указал на одну из стен.

Экран телефона был довольно большим и занимал половину стены. Люк сделал тринадцать быстрых движений указательным пальцем. Экран мгновенно прояснился, и Гарнер увидел стройную молодую женщину с волнистыми черными волосами.

— Технологическая полиция. Архив.

— Это Лукас Гарнер, оперативный работник с широкими полномочиями. Вот мое удостоверение. — Он поднес пластиковую карточку к экрану. — Мне нужны фрагменты, касающиеся бандерснэтчей, из отчета по Джинксу 2106 года.

— Да, сэр. — Женщина встала и исчезла из поля видимости.

Кзанол-Гринберг наклонился вперед, чтобы лучше видеть. Последний отчет с Джинкса пришел только два месяца назад, и основная его часть еще не была обнародована. Он вспомнил, что видел только рекламные ролики о бандерснэтчах. Теперь, новыми глазами, готовыми сравнивать, Кзанол-Гринберг увидит, действительно ли бандерснэтч — это белокорм?

Не стоило бы придавать этому такого значения. У него есть все основания чувствовать себя так же паршиво, как сразу же после окончания действия звуковой пилюли Маснея.

Лишенный дома, друзей, собственного тела и всякой надежды... Но первый долг заключенного — бежать: с помощью подкупа, предательства, с помощью воровства или убийства, любыми способами. Если он сумеет внушить этим самонадеянным рабам, что будет сотрудничать, будет давать информацию...

К тому же, ему необходимо все узнать самому. Позже он разберется, почему этот вопрос кажется таким важным.

Сейчас же Кзанол-Гринберг знал только то, что он важен. Предположение, что белокорм может быть разумным, нанесло ему смертельный удар. Почему? Какая разница, почему. Правда ли это?

Девушка вернулась, улыбаясь.

— Мистер Гарнер, передаю вас мэру Херкимеру. — Она прикоснулась к чему-то у края своего стола.

Изображение растворилась, потом изменилось и стало раздробленным, испещренным беспорядочными разноцветными точками. Лазерный луч преодолел девять световых лет, чтобы принести эту картинку, и по пути был несколько изорван пылью, G-полями и поперечными световыми волнами.

У мэра Херкимера были каштановые волосы и густая каштановая борода, окаймлявшая квадратную челюсть. Его голос прерывался помехами, но выговор был чистым и точным и... искаженным незнакомым акцентом.

«...Так как все, что не пошло в переплавку, давным-давно было вынесено из Лейзи Восемь II, и так как плави́льная установка на Лейзи Восемь I не была повреждена при первом приземлении и будет снабжать нас энергией хоть сто лет, и так как до весны все равно нечего делать, Руководство большинством голосов решило рискнуть судьбой Лейзи Восемь II ради исследования океанических регионов Джинкса. Поэтому шестеро из нас, первоклассные исследователи, а именно... — Херкимер назвал имена, — подняли корабль и отправились на запад. Круговое летающее крыло — не совсем древний аэроплан, черт его дери, но корабль стал легче, чем во время первой посадки, к тому же у нас было столько энергии, что мы могли бы вечно оставаться в воздухе или совершить вертикальную посадку на любом ровном месте.

Единственной проблемой было то, что проклятая видимость все время пропадала...»

Гарнер прошептал:

— По-моему, их жаргон слегка изменился с тех пор, как они попали на Джинкс.

— О, и ты заметил?

Кзанол-Гринберг раздраженно поморщился. Это где угодно выдало бы в нем прищельца! В 2106 году любой нормальный человек умеет не замечать посторонние шумы.

«... вообще нельзя ничего разглядеть. Мы приземлились на твердые агаты у кромки моря и включили камеры. Тотчас же нас окружили... эти».

Мэр Херкимер, видимо, был прирожденным драматургом. Как только он замолчал, место действия переместилось на песчаный пляж. Песок на переднем плане был темным и лежал в виде наклонной стены. Вдали океан. На этом океане не было волн. Вода казалась... густой. Густой, серой и живой.

Что-то зашевелилось в поле зрения. Что-то белое, похожее на непомерных размеров слизняка, но с гладкой и блестящей кожей. Впереди у существа была приподнятая, как у бронтозавра, шея, но головы не было совсем. Шея конусообразно поднималась над плечами. Верхушка была толстой, закругленной, лишенной каких-либо черт, не считая двух пучков черной щетины.

Камера наблюдала, как зверь приблизился и остановился на раскаленном песке. Другие, подобные ему, один за другим медленно появлялись из тумана. Камера описала полный круг. Повсюду были громадные туши, похожие на кашалотов-альбиносов, плавающих по песку.

Их закругленные верхушки качались взад-вперед. Щетина раздувалась без ветра. Щетинки были, разумеется, органами чувств, и, разумеется, ртов не было видно, потому что все рты были закрыты. Необычно для белокоорма. Но это были белокормы, ошибки быть не может.

Мэр Херкимер снова заговорил:

«Мы снимали при естественном освещении, но с большой выдержкой, что вполне естественно при этом

проклятом тумане. Для нас это было, как ночь. Уинстон Дозени, наш биолог, только взглянул на этих монстров и сразу окрестил их Фрумос бандерснэтчи. Харлоу вышел наружу в специальном скафандре и убил одного бандерснэтча для вскрытия, а остальные животные разбежались. К счастью, скафандр выдержал жару и давление».

Фильм воспроизводил все события. Трассирующие пули, в шести местах прошивающие массивное тело бандерснэтча. Безмолвная смерть, свидетельством которой была лишь внезапно поникшая верхушка тела. Белые силуэты, исчезающие в тумане, как призраки.

Херкимер продолжал:

«Они бегают на волнообразных бахромчатых ногах, расположенных на животе и, как видите, чертовски быстро.

Если верить Дозени, это животное — одна большая клетка. Их нервная система по структуре сходна с человеческой, но у них нет клеточного тела, нет ядра, нет ничего, что отделяло бы их от другой адаптировавшейся протоплазмы. Мозг, продолговатый и узкий, заключен в костяной раковине на приподнятой конусообразной верхушке. Череп является одним концом гибкого, очень прочного внутреннего скелета без единого сустава. Кажется, Господь никогда не намеревался делать зверя подвижным».

Гарнер поморщился при этом невольном богохульстве.

«Рот, который во время съемок был закрыт, находится прямо под лапами и не годится ни на что, кроме вычерпывания дрожжей из океана».

Фильм показывал детали вскрытия бандерснэтча.

Двое полицейских в дверях явно не желали смотреть, но Масней и Гарнер наблюдали с неподдельным интересом. Вскрытия не были им в новинку. Зверь был положен на бок, чтобы были видны ножки на животе. Челюсти были разжаты. Слайды показывали ткани в разрезе. У зверя было шесть кругов кровообращения с шестью

сердцами, весом 11 фунтов каждое; слева находились странные органы, в которых только Кзанол-Гринберг узнал почечный аппарат. С маниакальной сосредоточенностью он наблюдал, как была вскрыта черепная коробка и как открылся продолговатый узкий мозг, серый и в глубоких извилинах, покоящийся в челноке черепа. Форма до деталей была ему знакома, хотя Кзанол ни разу не видел его в сыром виде.

Потом фильм прекратился, и на экране снова появился мэр Херкимер.

«Океан постоянно густой от какой-то неизвестной разновидности грибка или дрожжей. Стада бандерснэтчей бродят вдоль берега, непрерывно питаясь. Этот берег, черт побери, не приманка для туристов. Волны здесь разглажены этим грибком и тяготением, да еще бандерснатчи бродят по берегу, как потерянные души стертых с лица земли гор. Мы хотели было сразу же и убраться, но Дохеми не мог найти половые органы и хотел произвести еще несколько вскрытий.

Поэтому мы высадили вертолеты на поиски других особей. Но ни один бандерснэтч ни разу не подошел на расстояние выстрела с вертолета. Сначала бандерснэтчи не были напуганы, а только любопытны. Теперь же они убегали, как только приближался вертолет. Невероятно, чтобы они все сразу узнали о нас, если только у них нет телепатии или языка.

Хотя, по крайней мере, один бандерснэтч всегда был в поле зрения каждого вертолета. Казалось, что они знают радиус действия нашего оружия.

На третий день охоты Дохеми потерял терпение. Он решил, что бандерснэтчи боятся вертолетов, посадил свой чертов вертолет и отправился охотиться пешком. Как только он отошел от вертолета дальше расстояния выстрела, бандерснэтч бросился и раздавил вертолет, как чертов грузовик, переехавший пешехода. Дохеми пришлось убраться.

Семьсот миль восточнее мы обнаружили другие формы...»

Мэр Херкимер был прерван на полуслове. Из-за пустого экрана раздался голос стройной брюнетки:

— Мистер Гарнер, здесь есть еще одна секция отчета в разделе «Бандерснэтчи». Она вам нужна?

— Да, только повремените немного. — Гарнер повернулся к Кзано-Лу-Гринбергу.

— Гринберг, это были белокормы?

— Да.

— Они телепаты?

— Нет. И я никогда не слышал, чтобы они избегали корабль мясозаготовителя. Они просто продолжали есть, пока не оказывались мертвыми.

— Хорошо, мисс, мы готовы.

Снова появилось квадратное, бородатое лицо мэра.

«Мы вернулись на Сириус Мейта через 5 дней по времени Джинкса. Оказалось, что Фрумос бандерснэтч опередил нас. Это была одна особь. Должно быть, он прошел триста миль без дрожей и без любого другого источника пищи только для того, чтобы увидеть наше поселение. Он, должно быть, отъедался месяцами или, может быть, годами, чтобы накопить достаточно жира для путешествия.

Колонисты не тронули его, что было чертовски разумно с их стороны, да и бандерснэтч подошел не слишком уж близко. К этому времени его кожа, или стенка клетки, стала светло-голубого цвета, возможно, для защиты от солнца. Он прошел прямо к северо-западной Зоне Культивации, провел два часа, распахав ее вдоль и поперек, в самом, как утверждает вице-мэр Тайс, отвратительном танце, какой ему только доводилось видеть, и удалился после этого в сторону океана.

Так как оба вертолета были у нас, мы первыми увидели сверху эти борозды. Вот съемки. Я убежден, что это — форма письменности. Дохеми говорит, что этого не

может быть. Он считает, что бандерснэтчу разум совершенно не нужен, следовательно, он и не развил его. Приходится признать, что сукин сын выдвинул хороший аргумент. По сравнению с бандерснэтчем движения выброшенного на берег дельфина кажутся чудесами ловкости. Пожалуйста, проанализируйте все и сообщите, действительно ли мы находимся в компании разумных существ».

— Машины ничего не смогли с этим сделать, — вставил Гарнер. — Возможно, в основе слишком разные принципы.

На экране появились калейдоскопические цветные помехи, потом немая картина. Кривые линии, похожие на следы улитки на коричневой почве. Поверхность вспахана математически правильными бороздами, линии были широкими и глубокими. Иногда их прерывали холмики и пни. Вертолет приземлился среди волнистых рядов и стал похож на муху, севшую на газетный лист.

Кзанол-Гринберг откашлялся и прочитал:

— «Немедленно покиньте нашу планету или будете уничтожены в соответствии с договором...» Остальное не могу прочесть. Но это научный язык тнактипов. Можно мне воды?

— Конечно, — сказал Масней любезно и показал большим пальцем на автомат с водой. Помедлив, Кзанол встал и налил себе воды.

Ллойд подошел к креслу Гарнера и заговорил вполголоса:

— Люк, что все это значит? Что ты делаешь?

— Просто удовлетворяю любопытство. Расслабься, Ллойд. Через час сюда прибудет доктор Шнайдер и возьмет его в свои руки. А тем временем Гринберг может нам много рассказать. Это не просто человек с галлюцинациями, Ллойд.

— С какой стати телепатической расе думать, что бандерснэтч — всего лишь бессловесное животное? Поче-

му он так бурно реагировал, когда мы предположили, что эта тварь может быть разумной? Гринберг считает себя захваченным инопланетянами, он знает, что его раса уже миллиарды лет мертва и его дом навсегда потерян. И все-таки что его так заинтересовало? Фрумос бандерснэтч. Ты заметил, как он смотрел, когда шло вскрытие?

— Нет. Я сам был слишком заинтересован.

— Я почти испугался, подумав о том, что, может быть, в голове у Гринберга... информация, которую он носит. Ты отдаешь себе отчет в том, что доктору Шнайдеру, может быть, придется постепенно подавить эти воспоминания, чтобы вылечить его?

— Зачем расе, такой высокоразвитой, какой, должно быть, были тнактипы, — он произнес это слово так же затрудненно, как и Гринберг, — работать на адаптированную Гринбергом расу? Из-за телепатии? Я просто...

— Я могу вам это сказать, — горько сказал Кзано-Гринберг. Он выпил пять стаканов на одном дыхании и теперь не мог отдышаться.

— У тебя хороший слух, — сказал Мясней.

— Нет. Просто я немного телепат. Это талант Гринберга, но он в него не особенно верил, поэтому не мог им по-настоящему пользоваться. Я могу. Это может оказаться мне очень полезным.

— Так почему тнактипы работали на вас? — Он исковеркал слово еще хуже, чем Гарнер.

В самом вопросе уже содержался ответ.

В этот момент все, кто был в комнате, дернулись, как рыба, посаженная на крючок.

Он не упал. Мгновение спустя после того как он выбросил руки, Кзано уже опирался на все свои шесть пальцев, как отжимающийся человек. Минуту он оставался в этом положении, потом встал на ноги. Тяготение было сильнее привычной нормы.

Где все? Где тот тринт или раб, который освободил его?

Кзано находился в пустом, отвратительно чужом здании, в таком, какие встречаются только в свободных рабских мирах до появления там правителей. Но... как он сюда попал, если направлялся на пустынную продовольственную планету? В первое мгновение *Кзано* ожидал увидеть себя во дворце надсмотрщика. И куда все подевались? *Кзанолу* страшно нужен был кто-то, кто скажет ему, что происходит.

Он прислушался.

По какой-то причине ни у людей, ни у тринтов нет заслонок на ушах вроде тех, которые у них имеются на глазах. Дар Силы у тринтов лучше защищен. *Кзано* не смог мгновенно опустить щит умственной защиты и теперь расплачивался за опрометчивость. Это все равно, что заглядывать в дуговую лампу с тротуара. Нигде во вселенной тринтов телепатический шум не был таким сильным. Рабские планеты никогда не были так перенаселены; к тому же в общественных местах тринты держали щиты умственной защиты наготове.

Кзано зашатался от боли. Его реакция была мгновенной и автоматической.

ПЕРЕСТАНЬТЕ ГНАТЬ НА МЕНЯ СВОИ МЫСЛИ!

приказал он жителям *Топеки*.

В комплексе психиатрических больниц, все еще называвшемся в честь Меннингера, тысячи врачей, медсестер и пациентов услышали приказ. Сотни пациентов приняли его как буквальный и долгосрочный. Некоторые оцепенели и выздоровели. Другие оказались парализованными. Несколько тихих психов стали буйными. Груп-

па докторов превратилась в пациентов, всего лишь маленькая группа, но их выход из строя сказался на работе отделения экстренной помощи, когда из города стали поступать толпы пострадавших. Госпиталь Меннингера находился за десятки километров от Главного Управления Полиции Топеки.

В маленькой комнате все дернулись, как пойманная на крючок рыба. После этого все, кроме Кзанола-Гринберга, застыли на месте. Их лица ничего не выражали. Они были невменяемы.

В первое же мгновение телепатического удара щит мысленной блокады Кзанола-Гринберга опустился с почти слышимым лязгом. Несколько минут ревуший шум отдавался в его мозгу. Когда Кзанол-Гринберг снова обрел возможность думать, он все еще не решался поднять умственный щит.

На земле был еще один тринт.

Охранники в дверях сидели на корточках или валялись, как тряпичные куклы. Кзанол-Гринберг вытащил сигареты из темно-синего кармана рубашки и зажег одну из них от тлеющего окурка во рту Маснея, невольно спасая его от сильнейшего ожога. Кзанол-Гринберг сидел и курил, размышляя о другом тринте.

Первое: этот тринт увидит в нем раба.

Второе: у него, Кзанола, был щит мысленной блокады. Это могло бы убедить тринта, кем бы он ни был, что он, Кзанол, тринт в человеческом теле. А может и нет. Если убедит, то поможет ли ему другой тринт? Или он будет считать Кзанола-Гринберга всего лишь птаввом — тринтом, лишенным Силы?

Неприятно, но фактически Кзанол-Гринберг и был птаввом. Ему нужно во что бы то ни стало получить обратно свое тело, прежде чем другой тринт найдет его.

И тут, невероятно, он перестал думать о другом тринте. Хотя было чему удивляться. Что тринт делает на Земле? Объявит ли он Землю своей собственностью?

Поможет ли он Кзанолу-Гринбергу добраться до Тринтума или до любой новой планеты, считающейся сейчас Тринтумом? Выглядит ли он до сих пор по-тринтски, или два миллиарда лет эволюции превратили тринтов в монстров? Но Кзанол-Гринберг бросил это и стал думать о том, как попасть на Нептун. Возможно, он уже знал, кто этот второй тринт, но еще не был готов посмотреть правде в глаза.

Кзанол-Гринберг осторожно прислушался. Тринт покинул здание. Ему больше ничего не удалось узнать, так как щит другого тринта был опущен. Тогда Кзанол-Гринберг перенес свое внимание на людей в комнате.

Они приходили в себя, но очень медленно. Из-за ограниченности ума Гринберга ему пришлось **прислушиваться** с мучительным напряжением, но все же Кзанол-Гринберг чувствовал, что их личности восстанавливаются. Больше всех преуспел Гарнер. За ним Масней.

Еще одна часть памяти Гринберга вот-вот должна была ему пригодиться. Гринберг не лгал, когда говорил о своей дельфиньей любви к розыгрышам. Он провел недели, изучая технику того, что великодушно называют невинной шалостью.

Кзанол-Гринберг склонился над Ллойдом Маснеем.

— Ллойд, — сказал он внятным, спокойным и внушительным голосом. — Сосредоточься на звуке моего голоса. Ты будешь слышать только звук моего голоса. Твои веки становятся тяжелыми. Очень тяжелыми. Твои пальцы делаются усталыми. Очень усталыми. Пусть они слабеют. Твоим глазам хочется закрыться, тебе с трудом удастся держать их открытыми...

Кзанол-Гринберг чувствовал, что личность Маснея прекрасно поддается гипнозу. Она совсем не сопротивлялась.

*** *** ***

Тяготение раздражало. Сначала оно было едва заметным, но спустя несколько минут становилось изнурительным. Кзанолю пришлось отказаться от мысли идти пешком, хотя он и не хотел ехать в рабских повозках.

У меня нет гордости, сказал себе Кзанолю, и забрался в припаркованный кадиллак, приказав толстогубому водителю доставить его в ближайший космопорт. Он ощутил неприятную вибрацию, и машина поднялась в воздух с совершенно необязательным рывком.

Эти рабы были значительно крупнее среднего сухопутного разумного существа. Над головой Кзанола оказалось много свободного пространства. Помедлив, он осторожно снял шлем. Воздух казался слегка разреженным, что было удивительно, принимая во внимание сильное тяготение. Не считая этого, воздух был довольно хорошим. Кзанолю бросил шлем на сиденье и закинул ноги туда же; сиденье было чересчур широким, чтобы быть удобным.

Город был удивительным. Огромный и нелепый! Взгляду не открывалось ничего, кроме остроугольных призм, перемежающихся тут и там желтыми прямоугольниками или почти плоскими зданиями со странно изогнутыми крышами. Улицы никак не могли решить, быть ли им кривыми или ровными. Машины проносились мимо, жужжа, как летающие паразиты. Звук лопастей его собственной машины действовал ему на нервы до тех пор, пока Кзанолю не научился не обращать на него внимания.

Но где он? Должно быть, он как-то проскочил мимо F-124 и попал сюда. Водитель знал, что на этой планете — Земля? — совершались космические полеты и, значит, мог знать, как найти F-124. И восьмую планету ее системы. Потому что было уже ясно, что ему потребуется второй костюм. Эти рабы численно превосходили его в пропорции семнадцать миллиардов к одному. Они могли уничтожить его в любой момент. И уничтожат, когда узнают, что Кзанолю из себя представляет. Ему нужно получить Шлем

Власти, чтобы обезопасить себя. Затем ему нужно найти планету тринтов, и ему скорее всего потребуется космический корабль лучше тех, которые люди до сих пор производили. Их нужно заставить производить более совершенные корабли.

Здания становились ниже, и между ними появились промежутки. Плохие транспортные средства, что ли, заставили этих рабов сбиваться в кучи? Когда-нибудь ему придется потратить время и узнать о них побольше. В конце концов люди теперь принадлежат ему.

Что это будет за история! Как восхищенно будут слушать его внуки! Когда придет время, Кзанолу придется купить балладеров, прантаквилов-балладеров, потому что только эти по-настоящему владеют языком...

Космопорт приближался.

Ему не требовалось особой изобретательности. Поскольку Кзанол-Гринберг имел полный контроль над Масней, он просто приказал тому доставить себя из Лос Анжелеса в космопорт Топеки. Чтобы добраться до него, понадобилось пятнадцать минут.

Сначала Кзанол-Гринберг не мог понять, почему Масней идет на посадку. Разве он не может просто перелететь через ограду? Масней не выдавал никакой информации: к этому времени его ум почти пришел в норму, разумеется, в норму для человека, находящегося в гипнотическом трансе. Масней «знал», что на самом деле он не загипнотизирован, а делает все это просто шутки ради. Теперь в любое время он освободится и захватит Гринберга врасплох. А до тех пор Масней был спокоен, счастлив и свободен от необходимости принимать решения. Ему сказали отправиться в космопорт. Вот он в космопорте. Пассажир позволил ему вести машину.

Только когда они оказались внизу, Кзанол-Гринберг понял, что Масней ждет, чтобы охранники их пропустили. Он спросил:

— Охрана нас пропустит?

— Нет, — сказал Масней.

Черт, еще одна задержка.

— А они пропустили бы меня с... — Кзанол-Гринберг подумал, — Гарнером?

— Да. Гарнер — военный.

— Ладно, разворачивайся и возвращайся за Гарнером.

Машина загудела.

— Подожди-ка, — сказал Кзанол-Гринберг и отдал мысленный приказ: *Спи*.

А где же охрана?

На громадном ровном бетонированном пространстве, разрисованном большими красными мишенями, Кзанол-Гринберг увидел космические корабли. Там было двадцать или тридцать орбитальных аппаратов с воздушно-реактивными ракетными двигателями, некоторые из них предназначались для вывода других кораблей на орбиту. Линейный ускоритель стоял у сплошной южной стены поля: четверть мили широких, близко посаженных металлических обручей. Боевые реактивные снаряды лежали в доках, готовые быть загруженными в плоские треугольные ракеты. Но эти ракеты выглядели простыми мотороллерами по сравнению с двумя по-настоящему огромными кораблями.

Один, похожий на чудовищную консервную банку, — круговое летающее крыло, лежащее на боку, — был ракетой носителем, грузовым судном и системой жизнеобеспечения Лейзи Восемь III. Его узнал бы кто угодно, даже без синего знака бесконечности на борту. Корабль был 320 футов в диаметре и 360 высотой. Другой, дальний справа, — пассажирский корабль, огромный, как старинная «Куин Мэри», — был одним из двух роскошных транспортных средств, обслуживающих отель «Титан». И... даже с такого расстояния было видно, что все, все столпились у его входного отверстия.

Прислушиваясь изо всех сил, Кзано-Гринберг все же не мог понять, что они там делают: но он узнал привкус этих слишком спокойных мыслей. Это были покорные рабы. Рабы, выполняющие приказы.

Здесь был другой тринт. Но почему он не возьмет собственный корабль? Или тринт приземлился прямо здесь? Или... он был отпрыском птава и проводил теперь неспешную инспекцию своей недавно обретенной собственности?

Кзано-Гринберг сказал Маснею:

— Охранник разрешил нам проезжать. Веди машину к тому кораблю для свадебных путешествий.

Машина понеслась над бетоном.

Гарнер тряхнул головой. Его ум походил на ум спящего ребенка. В голове проносились мысли, эфемерные, как сны. Они не задерживались. Гарнеру было приказано не думать.

Должно быть, я выгляжу ужасно дряхлым, как-то умудрился подумать Гарнер. Мысль куда-то ускользнула... и вернулась. Дряхлый. Я старый, но не дряхлый. Разве? У меня на подбородке слюни.

Он сильно тряхнул головой и хлопнул себя по лбу. Способность мыслить возвращалась к Гарнеру, но все же не так быстро, как ему хотелось. Он тронул рычаги управления своего кресла, и оно двинулось к кофейному автомату. Когда Гарнер наполнил чашку, рука у него дрогнула, и горячий кофе расплескался прямо на колени.

Разозлившись, Гарнер швырнул чашку в стену.

Его мозг снова погрузился в белый туман.

Через некоторое время в дверь шатаясь вошла Джу-ди Гринберг. Она выглядела ошарашенной, но ее мозг снова функционировал. Она увидела Гарнера, развалившегося в кресле с лицом дряхлого идиота, и стала поливать его голову холодной водой до тех пор, пока он не пришел в себя.

— Где он? — спросил Гарнер.

— Не знаю, — ответила Джуди. — Я видела, как он выходил, но для меня это как будто не имело значения. Шеф Масней был с ним. Что это с нами произошло?

— То, чего я ожидал! — Гарнер был уже не дряхлым стариком, а разъяренным Иеговой. — Это означает, что дела были плохими, а стали ужасными. Эта инопланетная Статуя... Я знал, что в ней что-то не то, как только ее увидел, но не мог понять, что именно. О, черт! Обе его руки были выставлены вперед. Еще я заметил выступ. Вот, смотрите. Пришелец поместил себя в поле, тормозящее время, чтобы избежать какой-то катастрофы. После этого кнопка, включившая поле, оказалась внутри поля, так же как и палец, нажавший ее. Поэтому кнопке и не нужно запирающее устройство, чтобы поддерживать поле. Его и не было.

— Но когда я увидел пришельца, обе руки у него были выставлены. Видимо, когда Джански создал свое поле вокруг статуи, пришелец выпустил «копательный инструмент», как его назвал Гринберг, и кнопку тоже. Кнопка, должно быть, отжалась. Не знаю, почему он не ожил сразу, разве только у замораживающего поля нет инерции, подобной запаздыванию фаз в электрическом токе. Но сейчас пришелец жив, и это его мы слышали.

— Что ж, тогда это настоящее чудовище, — сказала Джуди. — А Ларри считает себя этим существом?

— Да.

Кресло Гарнера приподнялось, и в комнате поднялся ветер. Кресло выкатилось из комнаты, быстро набирая скорость. Джуди смотрела ему вслед.

— Тогда, если Ларри поймет, что он не тот, кем себя считает... — начала она в надежде. Потом оставила эту мысль.

Один из полицейских поднялся, двигаясь, как зомби.

*** *** ***

По пути к космопорту Кзано́л захватил охранников. Кроме этого он взял всех механиков, диспетчеров, космонавтов и даже пассажиров, которых ему случилось встретить по дороге.

Похоже, владелец кадиллака считает рискованным путешествием даже полет на Марс! Если таково состояние земной технологии, Кзанолу нужно получить побольше квалифицированной информации.

Пару диспетчеров он отослал обратно в центр управления, приказав им найти на звездных картах F-124. Остальная группа шла с Кзанолом; разрастаясь по ходу продвижения. Только у двоих хватило ума спрятаться при виде надвигающейся толпы. Когда Кзанол дошел до пассажирского лайнера, он тащил за собой почти весь космопорт, не считая Маснея, Кзанола-Гринберга и тех двух осторожных парней.

Кзанол уже выбрал Лейзи Восемь III — единственный межзвездный корабль на всем поле. Пока он починит спасательную кнопку на спине, рабы успеют закончить настройку и вывод на орбиту двигателя и топливных баков корабля. Пройдет по меньшей мере год, прежде чем он сможет покинуть Землю. Тогда Кзанол наберет большую команду, а сам проведет полет в стасисе.

Потомки этих рабов и разбудят его в конце путешествия.

Кзанол стоял в полукруге нижнего края корабля и смотрел вверх, в зияющую пасть твердо-топливного посадочного двигателя. Он изучил мозг одного из инженеров, чтобы выяснить, как создается искусственная гравитация. Потом пошел по дальней стене центрального коридора, заглядывая в двери у себя над головой и под ногами; в Сад, где ряды водоемов, оборудованных гидропоникой, служили вместо воздушного растения, выведенного тнактипами; в просторную каюту управления, где стены в каком-то кошмарном изобилии были усеяны циферблатами, экранами и пультами. Корабль Кзанола обходил только

экраном и панелью управления. Повсюду он видел изобретательность, заменяющую истинное знание, сложные приспособления вместо простых, компактных механизмов, известных Кзанолю. Отважится ли он доверить свою жизнь этому наспех сколоченному монстру?

Выбора нет. Примечательно, что и люди были бы вынуждены довериться кораблю. Они стали бы плести интриги, бороться, только чтобы попасть сюда. Тяга к космосу была у людей каким-то сумасшествием... сумасшествием, которое необходимо быстро вылечить, пока они не истощили всех ресурсов планеты.

Это обзорное путешествие, вяло подумал Кзанол, длится дольше, чем я предполагал. А потом совсем не вяло: увижу ли я Тринтум когда-нибудь снова?

Что ж, по крайней мере, у него полно времени. Пока он здесь, он может еще узнать, что, по мнению людей, называется роскошным лайнером.

Кзанол был поражен против желания.

На Тринтуме имелись лайнеры, которые были больше Золотого Кольца, и несколько таких, которые были значительно больше; но немногие из них создавали атмосферу роскоши. Даже те, что перевозили владельцев целых планет. Реактивные двигатели, расположенные под треугольными крыльями, были величиной почти с те военные корабли, что стояли на поле.

Строители Золотого Кольца оставили углы только там, где их не было видно. Комната отдыха выглядела просторной, намного просторнее, чем была на самом деле. Стены были отделаны золотым и темно-синим. Антиперегрузочные кресла убирались в стену, освобождая место для бара, небольшой танцплощадки и компактного казино. Обеденные столы аккуратно и автоматически поднимались из покрытого ковром пола и переворачивались, показывая темную, поверхность искусственного дуба. Передняя стена представляла собой гигантский стереоэкран. Когда уровень воды в топливных баках становился

достаточно низким, холл перед комнатой отдыха превращался в бассейн.

Кзанол был несколько озадачен планировкой, пока не понял, что двигатель находится в нижней части корабля. Воздушно-реактивные двигатели поднимут корабль на безопасную высоту, но после этого реактивный двигатель будет сообщать корпусу ускорение вверх, а не вперед. Корабль использовал воду вместо жидкого водорода не потому, что пассажиры не могли обойтись без бассейна, а потому, что воду было безопаснее перевозить, и она обеспечивала резервный запас кислорода. Какоты показались Кзанолу чудесами миниатюризации.

Здесь есть идеи, думал Кзанол, которые можно будет использовать, вернувшись в цивилизованный мир. Он уселся в одно из антиперегрузочных кресел в комнате отдыха и стал просматривать литературу, вложенную в их спинки. Первое же, на что наткнулся Кзанол, была прекрасная цветная фотография Сатурна, вид с главного танцевального яруса отеля Титан.

Конечно же, Кзанол сразу узнал его. Он начал нетерпеливо задавать вопросы людям вокруг.

Правда потрясла его.

Кзанол-Гринберг задохнулся, и его щит телепатической защиты с лязгом поднялся.

Масней не был столь удачлив. Он пронзительно закричал, сжал голову и снова закричал. В Топеке, на расстоянии тридцати миль, особенно чувствительные люди тоже слышали вопль ярости, горя и отчаяния.

В госпитале Меннингера девушка, парализованная уже четыре года, заставила дряблые мышцы ног поддерживать ее в вертикальном положении, пока она озиралась вокруг. Кому-то нужна была помощь, кому-то нужна была ее помощь.

*** *** ***

Лукас Гарнер задохнулся и резко остановил кресло. Окруженный пешеходами, которые вели себя так, будто их мучили сильные головные боли, Гарнер прислушался. Во всем этом волнении должна быть информация! Но Гарнер ничего не узнал. Он чувствовал, что ощущение потери становится его собственным, лишая его желания жить, пока, наконец, не ощутил, что тонет в черном водовороте.

— Тебе не больно, — сказал Кзано́л-Гринберг спокойным, уверенным, очень громким голосом. Эта громкость должна была заглушить крик Маснея. — Ты чувствуешь это, но тебе не больно. Несмотря ни на что, ты ощущаешь себя невероятно смелым, более смелым, чем когда-либо в своей жизни.

Масней перестал кричать, но его лицо было искажено гримасой страдания.

— Хорошо, — сказал Кзано́л-Гринберг. — Спи.

Он дотронулся до лица Маснея кончиками пальцев. Масней обмяк. Машина продолжала невесомо скользить над бетоном, двигаясь не воздушной подушке по направлению к цилиндрической раковине Лейзи Восемь III. Кзано́л-Гринберг позволил машине двигаться самой, потому что не мог управлять ею с заднего сидения, а Масней был не в состоянии помочь.

Мысленный вопль оборвался. Кзано́л-Гринберг положил руку на плечо Маснея и сказал:

— Останови машину, Ллойд.

Масней подчинился без малейшего признака паники, физической или умственной. Машина мягко приземлилась в двух ярдах от обшивки гигантского колониального корабля.

— Спи, — сказал Кзано́л-Гринберг, и Масней заснул. Возможно, это пойдет ему на пользу. Масней все еще был под гипнозом, а когда он проснется, гипноз будет еще более глубоким. Что касается Кзано́ла-Гринберга, он знал,

чего хочет. Разве что отдохнуть и подумать. И еда ему бы тоже не повредила, решил он. Кзано́л-Гринберг узнал разум, который выплеснул свою боль на половину Канзаса, и ему требовалось время, чтобы понять, что он, Кзано́л-Гринберг - не Кзано́л, не тринт, не повелитель мироздания.

Все ближе и ближе слышался рев, похожий на рев взорвавшегося реактора. Кзано́л-Гринберг увидел, как над бетоном расстилается и постепенно исчезает волна пылающего дыма. Он не мог даже представить, что это.

Кзано́л-Гринберг осторожно опустил свой умственный щит и — понял:

Настоящий Кзано́л отправился за вторым костюмом.

Корабли, границы и Родильный Астероид — по этому вы можете узнать Мир Кольцо.

Столетие назад, когда на Кольце появились первые поселения, на кораблях использовались ионовые двигатели, атомные батареи и химические маневровые двигатели. Теперь все корабли использовали реакторные трубки, основанные на методе, заставляющем внутреннюю поверхность хрустально-цинковой трубки отражать основные формы энергии и вещества.

Компактный преобразователь заменил резервуары с воздухом и гидропоникой, по крайней мере, во время месячных перелетов, хотя на межзвездных колониальных кораблях по-прежнему приходилось строить продовольственные заводы. Корабли стали меньше, более надежными, более маневренными и дешевыми, гораздо более быстрыми. Их, определенно, стало намного больше.

У Кольца имелись десятки тысяч кораблей и... миллионы телескопов.

На каждом корабле находится, по крайней мере, один. Телескопы на Троянском астероиде наблюдают за

звездами, и Земля покупает эти фильмы, расплачиваясь зерном, водой и готовыми продуктами, потому что телескопы Земли расположены слишком близко к Солнцу, чтобы избежать помех, вызванных искривлением гравитационного поля и солнечным ветром. Еще телескопы наблюдают Землю и Луну, и эти фильмы засекречены. Телескопы следят и друг за другом, корректируя орбиту каждого важного астероида, когда планеты сталкивают его с курса.

Родильный Астероид уникален.

Первые исследователи наткнулись на почти цилиндрическую глыбу, состоящую из сплошного железно-никелевого сплава, длиной в двадцать две мили и в милю шириной. Она вращалась недалеко от Цереры. Разведчики нанесли на карту ее орбиту и нарекли С-2376.

Шестьдесят лет спустя пришли рабочие и привезли с собой план. Они пробурили отверстие вдоль оси астероида, наполнили его пластиковыми мешками с водой и заткнули с обеих сторон. Твердо-топливные реактивные двигатели заставили С-2376 вращаться вокруг своей оси. Пока астероид крутился, солнечные зеркала купали его в свете, медленно расплавляя от поверхности к центру. После того, как вода перестала взрываться и камень остыл, рабочие получили цилиндрический железно-никелевый пузырь двадцать миль в длину и шесть в диаметре.

Это уже тогда было дорого. Теперь еще дороже. Пузырь постоянно искусственно вращали, чтобы обеспечить половину тяготения, его наполнили воздухом, дорогостоящей водой, сверху присыпали смесью из распыленных каменных метеоритных осколков и пыли, засеянной специально отобранными бактериями. Небольшой холм в центре создал озеро в виде обручального кольца, которое теперь окружало небольшой, вывернутый наизнанку мир. На полюсах астероида были установлены тенты в милю шириной, защищавшие их от света, так, чтобы там конденсировался снег, падал под собственным весом, таял и стекал к озеру ручейками.

Для завершения этого проекта потребовалась четверть века.

Тридцать пять лет назад Родильный Астероид освободил Мир Кольцо от самой важной, буквально пуповинной связи с Землей.

Женщины не могут рожать в невесомости. Родильный, с его двумястами квадратными милями полезной площади, мог свободно вмещать сто тысяч человек, и однажды так и будет. Но пока население Кольца составляет всего восемьдесят тысяч человек. Родильный насчитывает приблизительно двадцать тысяч, в основном женщин, в основном временно, в основном беременных.

Ларс держал морковку в одной руке и ручку киноаппарата в другой. Он прокручивал шестичасовой фильм таким образом, что катушка закончилась бы за 15 минут. Фильм был снят одной из камер Эроса, нацеленных на Землю.

Большую часть следующей недели Эрос будет ближайшим к Земле астероидом. Пленки будут поступать одна за одной.

Внезапно Ларс перестал жевать. Его рука медленно двинулась в обратную сторону, пленка прокрутилась немного назад. Остановилась. Вот оно. Один кадр засвечен почти до краев. Ларс перенес пленку на более мощный аппарат и стал прокручивать ее медленно, вернувшись на несколько кадров назад. Дважды он использовал увеличитель. Наконец пробормотал: «Идиоты».

Ларс пересек комнату и попытался найти Цереру с помощью мазера.

Дежурный нацепил наушники с видом человека, теряющего терпение. Он слушал молча, зная, что источник находится на расстоянии световых минут. Когда сообщение стало повторяться, дежурный ткнул кнопку и сказал:

- Джери, найди Эрос и передай следующее.
- Записываю...
- Спасибо, Эрос.
- Ваше сообщение полностью принято. Мы выйдем прямо на него, Ларс. У меня для тебя есть новости. Врач говорит, что через семь месяцев ты станешь отцом здоровых девочек-близнецов. Повторяю, девочек-близнецов...

Аккуратно, не спуская пальцев с кнопок вспомогательных реактивных двигателей, Лит Шефер завел корабль в док на полюсе Родильного. Церера, постоянно находящаяся на тридцать миль ниже Родильного, была валуном, изрытым гигантскими ямами и испещренным пузырями гибкого прозрачного пластика.

Лит немного отдохнул — стыковка всегда давалась с трудом, к тому же вращение Родильного было неустойчивым, даже на оси. Затем он выбрался из люка и прыгнул.

Он приземлился на сетку, натянутую над ближайшей из десяти служебных шлюзовых камер, спустился, как паук, к стальной двери, и вполз внутрь. Десять минут спустя, пройдя еще дюжину дверей, Лит добрался до раздевалки.

Раздевалкой ему служил шкафчик с меткой. Туда он и сложил свой костюм и снаряжение, обнажив гигантскую, худощавую фигуру, темные волосы и красно-коричневый загар, исключительно на руках и лице. Лит купил в автомате тонкий комбинезон. Лит и Марда были одними из нескольких сотен жителей Кольца, которые не стали нудистами в до предела упрощенной обстановке.

Последняя дверь позволила Литу выйти за тепловой экран. Он все еще находился в невесомости. Лифт одним прыжком доставил его на четыре мили вниз, туда, где Лит мог получить трехколесный мотороллер. Даже постоянные жители Кольца не могли удерживать двухколесный в вертикальном положении из-за изменяющейся силы Кориолиса.

Мотороллер съехал по крутому склону, который переходил во вспаханные поля, оранжереи с работающими сельхозмашинами, леса, реки и разбросанные коттеджи. Через десять минут Лит был дома.

Нет, не совсем дома. Их домик был арендован у так называемого правительства Кольца. Дом жителя Кольца — внутри его скафандра. Но когда внутри домика ждала Марда — темная, крупная, у которой только что стали появляться признаки беременности, — он чувствовал, что возвращается домой.

Потом Лит вспомнил о предстоящем разговоре. Мгновением он колебался, намеренно расслабляясь, прежде чем позвонить.

Вжик — дверь исчезла. Они стояли друг против друга.

— Лит, — сказала Марда спокойно, ничуть не удивившись. Потом: — Тебе звонили.

— Тогда я сперва займусь этим звонком.

На Кольце, как на Земле, уединенность считалась редкой и ценной вещью. Телефонная будка представляла собой прозрачную звуконепроницаемую призму. Лит еще раз украдкой глянул на Марду, прежде чем ответить на звонок. Она выглядела взволнованной и решительной.

— Привет, Каттер. Что нового?

— Привет, Лит. Потому и звоню, — сказал дежурный на Церере. Голос Каттера, как обычно, ничего не выражал. Как и его внешность. Каттер отлично смотрелся бы, выдавая билеты или марки из-за решетчатого окошка. — Ларс Стиллер только что звонил. Один из специальных кораблей для свадебных путешествий на Титан только что стартовал с Земли, не предупредив нас. Комментарий?

— Комментарий? Эти безмозглые...

Транспортная проблема в космосе означала больше, чем просто столкновение космических кораблей. Два корабля еще никогда не сталкивались, но люди погибали, когда их корабли проходили через выхлопы реактивного двигателя. Транспортный контроль с помощью телеско-

пов, радиопередач, наблюдения за звездами и астероидами — все это могло пойти насмарку из-за одного неосторожного пилота.

— И я сказал то же самое, Лит. Что мы будем делать, повернем их обратно?

— О, Каттер, почему бы тебе не отправиться на Землю и не основать собственное правительство? — Лит сильно потер виски обеими руками, снимая напряжение. — Но как мы можем развернуть тридцать молодоженов, каждый из которых мультимиллионер? Ситуация сейчас напряженная. Хочешь начать Последнюю Войну?

— Думаю, нет. Сожалею насчет Марды. Что с ней?

— Она прилетела сюда поздновато. Ребенок развивается слишком быстро.

— Чертовски досадно.

— Да.

— Так что делать с молодоженами?

Лит попытался отогнать тягостные мысли.

— Назначь кого-нибудь следить и передавать курс свадебного. Потом выпиши большой счет за услуги и отправь на Титан Энтерпрайзиз—Земля. Если они не оплатят его через две недели, мы пошлем копию в ООН и потребуем санкций.

— Годится. Пока, Лит.

Зачатый в невесомости и проведенный в невесомости почти три месяца ребенок рос слишком быстро. Это вопрос, который может разрушить их брак: разрешить ли автодоку сделать сейчас аборт? Или подождать, замедлить развитие ребенка при помощи соответствующих гормональных инъекций и надеяться, что он не родится каким-нибудь монстром? Но такой надежды почти не было.

У Литы появилось ощущение, что он тонет. Неимоверным усилием воли он заставил себя говорить спокойно.

— У нас еще будут дети, Марда.

— Будут? Слишком велик риск, что я снова попаду на Родильный, когда будет уже поздно. О, Лит, давай подождем, пока не будем уверены.

Со времени последней проверки автодока прошло уже три месяца. Но сейчас Лит не мог ей этого сказать. Ни сейчас, ни позже. Вместо этого проговорил:

— Марда, автодок уверен, и доктор Сайропопулос уверен. Я скажу тебе, о чем я подумал. Мы можем снимать домик где-то здесь, на Родильном, пока ты снова не забеременеешь. Так уже делали. Разумеется, это дорого...

Зазвонил телефон.

— Да, — рывкнул он. — Каттер, что еще случилось?

— Две вещи. Подготовься, возьми себя в руки.

— Давай.

— Первое. Свадебный направляется не на Титан. Похоже, он держит курс в направлении Нептуна.

— Но... Выкладывай лучше все сразу.

— С базы в Топеке только что стартовал военный корабль. Он преследует свадебный, но Земля и на этот раз с нами не связалась!

— Более чем интересно. Сколько свадебный уже в пути?

— Полтора часа. Он еще не достиг поворотного пункта, но, конечно, может направляться к любой группе астероидов.

— О, просто великолепно! — Лит на мгновение закрыл глаза. — Выглядит так, будто у свадебного какие-то неполадки, а другой корабль пытается прийти ему на помощь. Могло что-нибудь выйти из строя в системе жизнеобеспечения?

— Не думаю. Не на Золотом Кольце. У свадебного аварийная система на системе. Но ты послушай самое интересное.

— Валяй.

— Военный корабль стартовал с поля на реактивном двигателе.

— Тогда... — Был только один мыслимый ответ. Лит рассмеялся. — Кто-то угнал его!

Каттер тонко улыбнулся.

— Точно. Опять же, будем мы их разворачивать?

— Конечно, нет. Во-первых, если мы пригрозим, что будем стрелять, может случиться так, что нам действительно придется это сделать. Во-вторых, Земля очень обидчива, когда речь идет о ее правах в космосе. В-третьих, это их проблема и их корабли. В-четвертых, я хочу посмотреть, что будет дальше. У тебя есть какие-нибудь соображения, Каттер?

— Я думаю, что украдены оба корабля. — Каттер все еще улыбался.

— Нет, нет. Слишком невероятно. Военный корабль угнали, а свадебный, должно быть, захвачен. Мы скоро будем свидетелями первого случая космического пиратства!

— О-о! Пятнадцать пар со всеми своими драгоценностями плюс, ух, выкуп... знаешь, я думаю, ты прав! — и Лит Шефер стал первым человеком за многие годы, услышавшим как Каттер открыто смеется.

На исходе августа Канзас напоминал паровую ванну. В городе, под температурным зонтиком, была прохладная, немного ветреная осень. Но когда кресло Люка Гарнера преодолело неосоздаемый барьер между Прохладой и Жарой, воздух опалил его, как дыхание Ада! С этого места Люк ехал на максимальной скорости, стремясь поскорее попасть в госпиталь с кондиционированным воздухом и не особенно заботясь о том, что его кресло может разбиться.

Люк притормозил на контрольно-пропускном пункте космопорта, мгновенно был пропущен и пронесся по бетону, как снаряд, выпущенный из катапульты. Госпиталь возвышался на краю огромного посадочного поля,

как кусок швейцарского сыра, острым углом указывая внутрь. Гарнер все же успел въехать внутрь прежде, чем его накрыл бы солнечный удар.

Очередь перед лифтом была безнадежно длинной, а кресло Гарнера довольно массивным, он один занял бы весь лифт. А люди теперь уже не были чрезмерно вежливыми со стариками. Слишком много стало стариков. Гарнер глубоко вдохнул прохладный воздух и выехал из госпиталя.

Оказавшись на улице, он нащупал пепельницу на левой ручке своего кресла. Гул мотора перешел в рев, и внезапно мотор перестал быть устройством для наземного передвижения.

Видел бы его сейчас Масней! Шесть лет назад Масней бессовестно приказал ему избавиться от нелегального мощного стартового двигателя, пригрозив посадить Люка в тюрьму за использование летательного аппарата с ручным управлением. Чего не сделаешь для друга, рассудил Гарнер, и спрятал панель управления под пепельницей.

Земля удалялась. Стена здания уносилась вниз: шестьдесят этажей. С такой высоты ему стали видны шрамы, оставленные Гринбергом и Маснеем. Волнообразное пламя, вырвавшееся из реактивного двигателя, расплескало расплавленный бетон во все стороны; оставило огромные кратеры и замысловатые канавки, похожие на следы земляного червя; задело вход в пассажирский тоннель, превратив его в ручьи расплавленного металла, стекающие по ступеням. Люди и машины теперь были заняты уборкой всего этого.

Под ним был солярий. Люк посадил кресло на крышу и покатил к лифту мимо перепутанных пациентов, принимавших солнечные ванны.

По пути вниз лифт был совершенно пустым. Гарнер вышел на пятьдесят втором этаже и показал дежурной сестре удостоверение.

Они все были в одной палате. Мидей, Сандлер, Бужин, Катц... всего двадцать восемь человек, ближе всех

оказавшихся к Кзанолу, когда он выплеснул свой гнев. Семеро находились в пластиковых коконах. Пришелец забыл приказать им укрыться, и они попали в воздушный поток во время старта «Золотого Кольца». Остальные спали искусственным сном. Иногда их лица искажались, видимо, жестокими сновидениями.

— Я — Джим Скаруорд, — сказал белокурый круглолицый человек в форме медперсонала. — Я о вас слышал, мистер Гарнер, могу я вам чем-нибудь помочь?

Гарнер указал глазами на ряд лечебных камер.

— Сможет ли кто-нибудь из этих людей перенести дозу скополамина? Возможно, они располагают информацией, которая мне необходима.

— Скоп? Не думаю. Мистер Гарнер, что с ними случилось? В колледже я немного изучал психиатрию, но никогда не видел ничего подобного. Это не уход от реальности, это не прямой или извращенный страх... Они в отчаянии, но не так, как другие люди.

— Мне сообщили, что они стали такими в результате контакта с инопланетянином. Если бы вы рассказали мне об этом подробнее, у меня было бы больше шансов вылечить их.

— Вы правы. Вот, что я знаю, — сказал Гарнер. И рассказал доктору все, что случилось после того, как статуя была поднята из океана. Доктор слушал молча.

— Тогда он не просто телепат, — сказал он, когда Гарнер закончил. — Этот пришелец может управлять умами. Но что такое он мог им приказать, что вызвало бы подобный стресс? — Врач указал на ряд спящих пациентов.

— Ничего. Не думаю, что он тогда отдавал приказания. Пришелец просто получил адский шок и стал переживать во всеуслышание. — Люк уронил массивную руку на плечо доктора, Скаруорд вздрогнул, удивившись ее тяжести. — Теперь, когда они очнутся, я в первую очередь выясню, кем они себя считают. С собой? Или пришельцем?

Инопланетянин мог наложить на их разум свою эмоциональную модель или даже память.

— Я, лично и как официальное лицо, хочу знать, почему Гринберг и пришелец раздельно угнали космические корабли. Они же должны знать, что это межпланетные корабли, а не межзвездные колониальные ракеты. Или где-то в солнечной системе есть инопланетная база? Какова их цель? Возможно, мы сможем решить обе проблемы сразу, доктор Скаруорд.

— Да, — медленно проговорил Скаруорд. — Может, вы и правы. Дайте мне один час на то, чтобы найти, у кого из них самое сильное сердце.

Люк всегда держал книги в отделении для перчаток. При его профессии ему приходилось много ждать.

Артур Катц, квалифицированный помощник пилота реактивных кораблей (типов С, D и X—1), выгнулся и забился, словно в эпилептическом припадке. Его руки бессмысленно молотили воздух. Из груди рвались нечленораздельные звуки.

— Это займет несколько минут, — сказал Скаруорд. — Катц уже не под наркозом, но проснуться он должен естественно.

Гарнер кивнул. Он внимательно изучал лежащего перед ним человека, при этом глаза его сузились, а губы были слегка сжаты. Как будто Гарнер рассматривал незнакомую собаку, размышляя, собирается ли она лизнуть его в лицо или перегрызть горло.

Катц открыл глаза. Они округлились, затем крепко сжались в отчаянии. Потом Катц снова осторожно открыл их. Он закричал и опять бессмысленно замотал руками. И стал задыхаться. На это было страшно смотреть. Как только ему удавалось восстановить дыхание, Катц принимался ловить воздух ртом и снова начинал задыхаться. Он был до смерти напуган и, подумал Гарнер, в основном не тем, что может задохнуться.

Скаруорд нажал кнопку, и автодок Катца впрыснул ему в легкие успокаивающее средство. Катц расслабился и глубоко задышал. Скаруорд снова усыпил его.

Неожиданно Гарнер спросил:

— Кто-нибудь из них хоть чуть-чуть обладает парапсихическими способностями?

Арнольд Диллер, контролер реактивных двигателей (всех общепринятых типов) глубоко вздохнул и начал мотать головой взад—вперед. Не мягко. Казалось, он пытается сломать себе шею.

— Мне бы хотелось найти кого-нибудь с высоким телепатическим уровнем, — сказал Гарнер. Между ладонями он машинально раскрошил сигарету. — У него был бы лучший шанс. Посмотри на беднягу!

Скаруорд сказал:

— У него всего лишь жалкий человеческий дар предвидения. Если бы Диллер на что-то годился, он бы убежал вместо того, чтобы прятаться, когда пришелец взорвался. Как это могло защитить его от телепатии? Он... — Скаруорд толкнул Гарнера под руку, чтобы тот замолчал.

— Диллер! — сказал Скаруорд властно. Диллер перестал трести головой и посмотрел на них.

— Вы меня понимаете, Диллер?

Диллер открыл было рот для ответа и стал задыхаться. Потом он закрыл рот и кивнул, тяжело дыша носом.

— Меня зовут Скаруорд, я — ваш врач. — Он помедлил, как бы сомневаясь. — Вы — Арнольд Диллер, не так ли?

— Да. — Голос был хриплым, неустойчивым, как будто им давно не пользовались.

Что-то внутри Гарнера расслабилось, он заметил, что у него полная рука табака, и стряхнул его.

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно. Мне хочется неправильно дышать, неправильно говорить. Мне можно закурить?

Гарнер протянул ему зажженную сигарету.

Голос Диллера зазвучал лучше, более внятно:

— Это было странно. Я пытался заставить вас дать мне сигарету. И когда вы просто сидели, я сходил от этого с ума. — Он нахмурился. — Скажите, как я вообще попал к врачу—человеку?

— То, что с вами произошло, не было введено в программу автодока, — беспечно сказал Скаруорд. — Хорошо, что вам пришлось в голову спрятаться. Другие оказались ближе. Они в гораздо худшем состоянии. Ваша сила предвидения действует?

— Она мне ничего не говорит. Я все равно никогда не могу на нее рассчитывать. Почему..?

— Ну, поэтому я вас и выбрал. Я думал, если вы ее лишились, вы, может быть, свыклись с мыслью, что вы — некий пришелец.

— Некий... — Диллер стал задыхаться. На какое-то мгновение он совсем перестал дышать, потом медленно возобновил дыхание через раздувавшиеся ноздри.

— Я помню, — сказал он. — Я видел нечто, идущее по полю с толпой людей, еще подумал, что бы это могло быть? Потом в моей голове помутилось. Я больше не ждал. Я просто побежал, как ненормальный, и оказался позади какого-то здания. Что-то, происходившее у меня в голове, мучило меня. Я хотел подойти к нему поближе, но знал, что это неправильно, и еще я думал, не схожу ли я с ума, а потом а—а—а... — Диллер замолчал и сглотнул, его глаза обезумели от страха, и он опять задохнулся.

— Все в порядке, Диллер, все в порядке, — повторял Скаруорд.

Дыхание Диллера пришло в норму, но говорить он не мог. Скаруорд сказал:

— Я бы хотел представить мистера Гарнера из Технологической полиции ООН.

Диллер вежливо кивнул, но не проявил особенного интереса. Тогда Гарнер сказал:

— Мы хотим поймать этого пришельца, пока он не принес еще большего вреда. Если вы не возражаете... Мне кажется, вы можете располагать информацией, которой у нас нет.

Диллер кивнул.

— Примерно через пять минут после того, как этот телепатический взрыв накрыл вас, пришелец стартовал в открытый космос. Час спустя за ним последовал человек, у которого есть причина думать, что он — этот пришелец. У этого человека неверные воспоминания. Оба держат курс в одном направлении. У них есть какая-то цель. Не могли бы вы сказать мне, что это?

— Нет, — сказал Диллер.

— Вы могли получить что-то при этом умственном взрыве. Пожалуйста, постарайтесь вспомнить, Диллер.

— Я ничего не помню, Гарнер.

— Но...

— Ты, старый дурак! Ты что думаешь, я хочу задохнуться насмерть? Каждый раз, когда я вспоминаю о том, что случилось, я начинаю задыхаться! Я и думать начинаю по-чужому, все выглядит незнакомым. Я чувствую себя окруженным врагами. Но, что хуже всего, я становлюсь таким подавленным! Нет. Я ничего не помню. Убейтесь.

Гарнер вздохнул и демонстративно положил руки на рычаги управления креслом.

— Если вы передумаете...

— Я не передумаю. Так что незачем возвращаться.

— Я и не смогу. Я отправлюсь за ними.

— В космическом корабле? Вы?

— Мне придется, — сказал Гарнер. Однако он непроизвольно глянул на свои скрещенные ноги... скрещенные утром, руками. — Мне придется, — повторил он. — Никто не знает, до чего хотят добраться эти двое, но это, должно быть, что-то очень ценное. Уж очень они стараются получить его. Может быть, это оружие или сигнальное устройство для связи с их планетой...

Кресло загудело.

— Полминуты, — сказал Диллер.

Гарнер выключил мотор и стал ждать. Диллер откинулся и посмотрел в потолок. Его лицо стало меняться. Теперь это было уже не лицо — зеркало души, а беспорядочное подергивание мышц на голове. Дыхание Диллера снова нарушилось.

Наконец Диллер поднял глаза, начал говорить и запнулся. Он прочистил горло и начал снова.

— Усилитель. У этого... ублюдка... усилитель, спря-
танный на восьмой планете.

— Отлично! А что он усиливает?

Диллер стал задыхаться.

— Ладно, — сказал Гарнер. — Думаю, я знаю.

Кресло стремительно выкатилось из комнаты.

— Они оба напуганы, — сказал Люк. — Направляются к Нептуну, причем ваш муж на полтора часа сзади.

— Но разве вы никого не пошлете за ними? — умоляла Джуди. — Он не отвечает за себя, он не знает, что делает!

— Конечно. Мы пошлем меня. У него мой товарищ, вы же знаете. — Увидев реакцию миссис Гринберг, он быстро добавил: — Они на одном корабле. Мы не сможем защитить Ллойда, не защитив вашего мужа.

Они сидели в гостиничном номере Джуди, попивая «Том Коллинз». Было сверкающее августовское утро. Одиннадцать часов.

— Вы знаете, как он сбежал? — спросила Джуди.

— Да. Пришелец отключил всех в порту во время той вспышки гнева. Всех, кроме Гринберга. Ваш муж просто взял корабль, который стоял наготове, и заставил Ллойда поднять его в воздух. Ллойд, к несчастью, знает, как управлять военным кораблем.

— А почему мистер Масней подчиняется приказам Ларри?

— Потому что Ларри загипнотизировал его. Я помню все представление.

Джуди посмотрела на свои колени. Уголки ее рта начали кривиться. Она хихикнула, потом рассмеялась. Как раз в тот момент, когда смех стал угрожающе переходить во всхлипывания, Джуди стиснула зубы, застыла на мгновение, потом откинулась в своем кресле.

— Все в порядке, — сказала она. На ее лице не было и следов смеха, только изнеможение.

— Что с вами?

— Ничего страшного. А зачем им лететь на Нептун?

— Не знаю. Мы даже не уверены, что они направляются именно туда. У вас нет чего-нибудь вроде телепатической связи с вашим мужем?

— Больше нет. После того, как он вошел в поле доктора Джански, я ничего не чувствую.

— Что ж, в любом случае вы ощущали бы другого человека. Вы помните, что вы почувствовали позавчера в двадцать часов?

— В 20.00 ? Дайте подумать. — Она закрыла глаза. — Разве я не спала? О, что-то разбудило меня, и я больше не смогла заснуть. У меня было чувство, что произошло что-то ужасное. Чудовища в ночных тенях. Я была права, не так ли?

— Да. Особенно, если вы чувствовали разум Ларри. А что потом?

— Ничего. — Ее маленькая ладонь ритмично постукивала по ручке кресла. — Ничего! Кроме того, что я хочу найти его. Найдите его! Это все, чего я хотела с тех пор, как он взял корабль! Найдите его, пока он...

Найти его! Хотя дело не только в том, чтобы найти его, сказал он себе в сотый раз. Он должен найти его первым! Он должен найти его раньше, чем это сделает Кзанол, настоящий Кзанол. И в сотый раз Кзанол-Гринберг задал себе вопрос, удастся ли ему это.

Земли не было видно уже несколько часов. Кзано-Л-Гринберг и Масней молча сидели в пузыре управления. Молча и неподвижно. Пузырь управления занимал три четверти системы жизнеобеспечения корабля. Стоять выпрямившись можно было только в шлюзовой камере.

Никаких особенных развлечений у Кзанола-Гринберга не было. Правда, ему приходилось следить за Масней. Кзано-Л-Гринберг должен был предвидеть, когда Масней почувствует неудобство. Если Масней выйдет из гипноза, потом может оказаться трудным загипнотизировать его снова. Поэтому Кзанолу-Гринбергу приходилось посылать Маснею в туалет раньше, чем в этом возникала необходимость, давать ему воду еще до того, как он захочет пить, заставлять его делать упражнения прежде, чем его мышцы затекут от постоянного сидения. Масней не был обычным рабом, который сам мог позаботиться о себе.

Не считая этих маленьких забот, самозванный тринт был не слишком обременен обязанностями. Он проводил часы просто сидя и размышляя. Не планируя, потому что планировать было нечего. Или он достигнет восьмой планеты первым, или нет. Или он наденет усиленный шлем, или это сделает настоящий Кзано-Л, и тогда никогда уже не придется ничего планировать. Ничей телепатический щит не сможет противостоять усиленному шлему. С другой стороны, шлем сделает его повелителем Кзанола. Применение усилителя к тринту категорически запрещено, но вряд ли ему теперь стоит опасаться законов Тринтума.

«Сможет ли Шлем Власти увеличить Силу рабского ума?» - Кзано-Л-Гринберг отогнал эту мысль... в очередной раз.

Далекое будущее в лучшем случае было мрачным. Кзано-Л-Гринберг был последним из тринтов, а настоящий Кзано-Л не сможет дать потомства. Да, он будет владельцем пояса астероидов и перенаселенного мира рабов. Да, он будет богаче, чем даже дед — владелец Раккарлиу. Но у деда были сотни жен и тысяча детей!

Сотни жен Кзанола-Гринберга будут рабынями, как и его тысяча детей. Каждый из них ниже, чем птавв.

Покажутся ли ему «женщины» красивыми? Сможет ли он вступать с ними в брак? Возможно. Ему придется попробовать. Но его железы — явно не железы Кзанола. В любом случае, он будет выбирать себе женщин по представлениям о красоте Ларри Гринберга... да, Гринберга, независимо от того, что сам чувствует. Большая часть удовольствия, которое приносит богатство, состоит в том, чтобы демонстрировать это богатство, а Кзанолу-Гринбергу будет не на кого производить впечатление, кроме рабов.

Унылая перспектива.

Ему хотелось забыться в воспоминаниях, но его что-то удерживало. Одно препятствие было в том, что Кзанол-Гринберг знал, что больше никогда не увидит ни Тринтум, его родную планету, ни Кзанит, место, где он родился, ни Раккарлиу, мир, который он нашел и которому дал название. Кзанол-Гринберг никогда не взглянет на мир своими настоящими глазами, он будет видеть себя только со стороны. Отныне это тело было его могилой, отныне и навсегда.

Существовало еще одно затруднение, внешне довольно незначительное. Несколько раз Кзанол-Гринберг закрывал глаза и намеренно пытался представить счастливое прошлое. И каждый раз единственное, что приходило ему в голову, — это белокормы.

Кзанол-Гринберг верил Гарнеру, верил безоговорочно. Эти фильмы не могли быть поддельными. Простого повторения методики по древним записям тнактипов было бы недостаточно, чтобы создать такую подделку. Гарнеру пришлось бы творить по-тнактипски!

Тогда, значит, бандерснэтчи разумны, а бандерснэтчи — это несомненно белокормы. Белокормы разумны и всегда были разумны.

Признать это — все равно, что начисто разрушить одно из основополагающих убеждений. Белокормы при-

существовали во всех его воспоминаниях. Белокормы, скользившие по поместью Пусковые Стволы Кзанит, как белые шестидесятитонные облака, или по серебристо-зеленым полям других поместий, когда Кзанола брали в гости. Мясо белокорма в десятках разных видов на семейном столе и в каждом ресторанном меню. Скелет белокорма над парадными воротами каждого землевладельца — огромная арка из чистых, гладких, белых костей. Еще не рождался тринт, который не мечтал бы о собственном стаде белокормов! Ворота из костей белокорма означали «землевладелец» так же безошибочно, как и ограда из подсолнухов.

Кзанол-Гринберг вскинул голову, слегка сжав губы и наморщив лоб. Джуди не узнала бы этой гримасы. Он неожиданно понял, что делало разумного бандерснэтча таким ужасным.

Тринт был повелителем всякого разумного зверя. Это — основополагающий принцип Дающего Силу, установленный еще до того, как он сотворил звезды. Так говорили все двенадцать религий тринтов, несмотря на то, что они безбожно боролись между собой за свои постулаты. Но если белокорм разумен, значит, он невосприимчив к Силе тринтов. Тнактипы сделали все то, что запретил Дающий Силу!

Если тнактипы сильнее, чем дающий Силу, а тринты сильнее, чем тнактипы, а Дающий Силу — сильнее, чем тринты...

Тогда все священники — шарлатаны, а Дающий Силу — всего лишь выдумка.

Разумный белокорм — это богохульство.

К тому же это чертовски странно.

С какой стати тнактипам создавать разумное кормовое животное? Фраза звучит почти так же безобидно, как «применение средств поражения избыточной мощности» или «умерщвление», но если подумать...

Тринты не щепетильная раса. Сила, нет! Но...

Разумное кормовое животное! Гитлер бежал бы в приступе рвоты.

Тнактипы тоже никогда не были особенно щепетильными. Милая простота мутированного ими виприна — типичный пример того, как они работали. Естественное животное и так было самым быстрым на свете, тнактипы не особенно много могли усовершенствовать. Они просто сделали голову животного уже, нос свели до точки с единственной ноздрей-клапаном для выхода пара, а кожа стала идеально гладкой, чтобы уменьшить сопротивление воздуха, но это их не удовлетворило. Тнактипы удалили несколько фунтов веса, заменив его дополнительными мышцами и дополнительной легочной тканью. Весь лишний вес был удален за счет пищеварительных органов. Еще у мутированного бегового виприна был обтекаемый отросток рта, открывавшийся прямо в кровяной поток.

Тнактипы всегда были рациональными, но никогда — жестокими.

Зачем делать белокорма разумным? Чтобы увеличить размеры мозга, как было приказано? Но зачем делать его невосприимчивым к Силе?

А он ел мясо белокормов.

Кзано-Гринберг сильно потрянул головой. Масней требовал внимания. К тому же, нужно еще кое-что спланировать. Нужно ли? Планирование или одно сплошное беспокойство?

Будет ли усилитель работать на человеческом мозге?

Найдет ли он костюм вовремя?

— Миссис Гринберг, — сказал Гарнер, — я пришел к вам, чтобы узнать все о вашем муже.

— Тогда вам лучше поговорить с Дейлом Шнайдером. Он приехал сегодня утром. Дать его номер?

— Спасибо, у меня есть. Он мне тоже звонил. Вы его хорошо знаете?

— Очень.

— Я еще хочу поговорить с Чарли, дельфином-антропологом. Но давайте начнем с вас.

У Джуди был несчастный вид.

— Я не знаю, с чего начать.

— С чего хотите.

— Ладно. У него не два, а три яйца.

— Будь я проклят! Это довольно редкая вещь, не так ли?

— К тому же, это иногда беспокоит врачей, но у Ларри никогда не было никаких проблем. Мы называли это «небольшое лишнее кое-что». Такого рода вещи вас интересуют?

— Конечно.

Люк не знал точно, нужны ли ему *такие* подробности. Он только помнил, что чем лучше он знает человека, за которым охотится, тем больше шансов его поймать. Это правило оправдывало себя, когда Люк работал полицейским десятки лет назад. Оно должно было сработать и сейчас. И Гарнер позволил Джуди рассказывать все, лишь изредка перебивая ее.

— Я не замечала, что он любит розыгрыши, пока Ларри не начал работать с дельфинами. Потом он рассказал мне кое-что из того, что проделывал в колледже. Он там, должно быть, был настоящим кошмаром. Он не блистал в командной атлетике, но Ларри неплохо играет в сквош и чертовски хорошо в теннис...

Теперь Джуди не надо было просить. Ее жизнь вырывалась из нее потоком слов. Ее жизнь с Ларри Гринбергом.

— ...наверное знал много женщин до того, как встретил меня. Но должна добавить: мы ни разу не изменяли друг другу. Я хочу сказать, что у нас есть соглашение, что мы можем делать это, но мы никогда этим соглашением не пользовались.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Люк видел, что так и есть. Она даже удивилась, что он спросил об этом.

— ...его шокирует, что я могу так точно предсказывать. Скорее всего Ларри не верит в ясновидение, поэтому его и пугает, когда у меня озарение. Он думает, что это какое-то колдовство. Помню, как однажды (мы тогда были женаты меньше года) меня охватила мания потребительства. Однажды Ларри наблюдал, как я пришла, нагруженная пакетами, бросила их, ушла и вернулась со второй партией, потом сказал: «Честное слово, красавица, ты тратишь деньги, как будто Последняя Война начинается завтра!» Я ничего не ответила. Я просто загадочно улыбнулась ему, а он вдруг сделался совершенно белым.

Вольно или невольно, все эти подробности выходили наружу. Джуди делала только то, что просил Гарнер, но с какой-то обескураживающей откровенностью.

— ...большинство пар, с которыми мы знакомы, не женились до беременности. Когда вы благополучно прошли Комиссию по контролю рождаемости, глупо рисковать и выбрасывать право иметь ребенка на ветер, женившись на стерильном партнере, правильно? Это слишком важно. Но мы решили рискнуть... — Джуди прочистила горло, потом хрипло продолжила: — Кроме того, автодок разрешил нам вступить в брак. Потом был Джинкс. Мы должны были быть уверены, что ни один из нас не останется там.

— Я хорошо поразмыслил. Миссис Гринберг, давайте, пожалуй, закончим, пока вы совсем не потеряли голос. Спасибо за помощь.

— Надеюсь, это помогло.

Люк послал лифт на самый верх и задумался. Скорость, с которой говорила Джуди, — деталь. Теперь он понял, почему она постаралась так полно нарисовать

портрет Ларри Гринберга. Знала Джуди это или нет, но она не надеялась увидеть его снова. И пыталась обессмертить его в своей памяти.

Отель «Джейхок» располагался в третьем по величине здании Топеки. Из бара, расположенного на его крыше, открывался великолепный вид. Выехав из лифта, Люк столкнулся с обычным непрерывным шумом. Он выждал 10 секунд, пока его уши «научатся» игнорировать шум — необходимая защитная техника, которой учится каждый ребенок еще до того, как ему исполнится три года.

Хозяйка бара оказалась высокой рыжеволосой женщиной, на которой не было ничего, кроме туфель на раздвоенной шпильке. Ее волосы были уложены в нечто закрученное кверху, что доводило ее рост до добрых двух с половиной метров. Она провела Люка к маленькому столику у окна.

Сидевший там мужчина поднялся ему навстречу.

— Мистер Гарнер?

— Спасибо, что согласились прийти, доктор Шнайдер.

— Называйте меня Дейл.

Перед Гарнером был невысокий коренастый человек с полосой волнистых, светлых волос на затылке. Временный заменитель кожи закрывал его лоб, щеки и подбородок, оставляя участки неповрежденной кожи в виде буквы «Х». От глаз через нос к уголкам рта. Его руки были перевязаны.

— Тогда я — Люк. Когда вы в последний раз слышали о Морской Статуе?

— Вчера вечером, когда меня разбудили, чтобы сообщить, что Ларри сделался инопланетянином. Как он?

Опуская детали, Люк рассказал психологу о событиях последних суток.

— Поэтому я сейчас делаю все, что могу на Земле, пока они готовят для меня корабль.

— Друг мой, я никогда не видел Статую, а если бы и видел, то никогда не заметил бы этой кнопки. Что вы будете пить?

— Пожалуй, молочный коктейль, я сегодня еще не обедал. Дейл, почему вы хотели, чтобы мы привезли Статую сюда?

— Я надеялся, что если Ларри увидит ее, это поможет. Однажды был случай, еще задолго до того, как я родился, когда двух пациенток, считавших себя Марией, Божьей Матерью, доктора поместили в одну комнату.

— Здорово. И что произошло?

— Это был чертовски хороший аргумент. В конце концов одна из женщин сдалась и решила, что она, наверное, мать Марии. И ее вскоре удалось вылечить.

— Вы надеялись: Гринберг поймет, что он — Гринберг, если показать ему, что он не Морская Статуя?

— Правильно. Но, как я понимаю, это не сработало. Вы говорите, я могу помочь в госпитале Меннингера?

— Возможно, но в первую очередь мне. Я уже сказал вам, за чем, как мне кажется, летят Гринберг и Морская Статуя. Мне нужно обогнать их, пока они до этого не добрались.

— А чем я могу помочь?

— Расскажите мне все, что можете, о Ларри Гринберге. У человека, который сейчас направляется к Нептуну, память инопланетянина, но его рефлексы — по-прежнему рефлексy Гринберга. Он продемонстрировал это, когда вел машину. Я хочу знать, насколько много в нем осталось от прежнего Гринберга.

— Я бы сказал, очень немного. И не особенно рассчитывайте на него, не то закончите это дело голым где-нибудь на Луне. Но я вас понял. Предположим, э... в цивилизации Морской Статуи был закон против карманников. В большинстве стран был такой закон до того, как нас стало слишком много и полицейские перестали с этим справляться.

— Я помню.

Глаза Шнайдера расширились.

— Помните? Да, наверное. Ну вот, представьте, что Ларри в своем теперешнем состоянии обнаружил, что кто-то залез к нему в карман. Его первым импульсом будет поймать вора за руку, а не позвать полицейского. Полицейский — осознанное решение, а времени на обдумывание у Ларри нет.

— Значит, если я захвачу его врасплох, я могу рассчитывать на его человеческие рефлексy?

— Да, но не путайте рефлексy с побуждениями. Вы не знаете, каковы сейчас его побуждения.

— Продолжайте.

Шнайдер откинулся в кресле и заложил руки за голову. Неслышно подкатил официант и достал из ниши в своем туловище напитки. Гарнер расплатился и отослал официанта.

Шнайдер неожиданно заговорил:

— Вы же знаете, как выглядит Ларри: около метра семидесяти ростом, темноволосый и довольно привлекательный. Его родители были православными, но не миллионерами. Они не могли позволить себе полностью выдерживать посты. Ларри очень приспособленный, у него потрясающая способность восстанавливаться, благодаря этому он и смог заняться контактной телепатией. Он слегка комплексует из-за роста, но это частично компенсируется тем, что Ларри называет «мое небольшое лишнее кое-что».

— Миссис Гринберг рассказывала мне.

— Частично он имеет в виду телепатию. Частично — медицинскую аномалию, о которой упомянула Джуди. Но Ларри чертовски серьезно считает себя особенным.

Вы также должны помнить, что он годами читал чужие мысли — мысли людей и дельфинов. Это дало Ларри массу полезной информации. Не знаю, как насчет дельфинов, но среди добровольцев, позволивших Ларри

прочитать их разум, были доктора физических наук, студенты-математики, психологи. В целом его можно назвать великолепно образованным.

Шнайдер выпрямился.

— Помните это, когда отправитесь за ним. Вы не знаете, каков интеллект Морской Статуи, но Ларри Гринберг обладает своим собственным интеллектom и ничьим другим. Он умен и коммуникабелен и необычайно уверен в себе. Ларри недоверчиво относится к суевериям, но искренне религиозен. Его рефлексy великолепны. Я это знаю. Я играл с ним в теннис. Джуди и я были против него одного, и Ларри целую партию удавалось защищать корт.

— Тогда мне лучше быть начеку.

— Безусловно.

— Предположим, его вера оказалась под угрозой. Как он будет реагировать?

— Вы имеете в виду православие?

— Нет, я имею в виду любую веру, которой Гринберг сейчас может придерживаться. Подождите, я поясню. Как он будет реагировать на угрозу чему-то, во что он верил всю свою жизнь?

— Это его разозлит, конечно. Но Ларри не фанатик. Бросьте ему вызов, и он его примет. Но чтобы Ларри изменил мнение о чём-то основополагающем, вам придется представить настоящие доказательства. Недостаточно просто заронить сомнение, если вы понимаете, что я имею в виду.

На огромном белом экране Центра Управления Космическими Перевозками две темные точки висели почти неподвижно. Халли Джонсон развернул камеру видеотелефона так, чтобы Гарнеру было видно.

— Военный корабль движется чуть-чуть быстрее свадебного. Если они действительно направляются к самому Нептуну, их корабли поменяются местами.

- Куда еще они могут направляться?
- К каким-нибудь астероидам. У меня есть список.
- Послушаем-ка.

Джонсон зачитал имена четырнадцати второстепенных греческих богов.

— Еще больше мы уже вычеркнули, — добавил он. — Когда корабль проходит точку поворота и продолжает ускорение, мы отмечаем это.

— Отлично. Держите меня в курсе. А что с моим кораблем?

— Будь здесь в 20.00, а еще через час ты уже будешь на орбите.

Клуб «Стрилдбрагз» — не единственный с низким возрастным пределом для своих членов. (Принимая во внимание Сенат.) Но это единственный клуб, где возрастная граница опускается на год каждые два года. В 2106 году каждому члену клуба было как минимум 149 лет. Естественно, автодоки клуба «Стрилдбрагз» считались лучшими в мире.

Но лечебные камеры все же выглядели, как огромные гробы. Люк выбрался из камеры и прочитал подробный счет. Он оказался длинным. Автодок зацепился за вход в его позвоночный столб и сделал несколько приседаний, чтобы создать мышечный тонус, подзарядил крошечную батарею в сердце, добавил гормонов и эзотерических веществ в кровь. Особенно важным элементом лечения были сверхзвуковые импульсы. Люк чувствовал боль, распространяющуюся от основания черепа вниз по позвоночному столбу, туда, где боль почти исчезала в пояснице. Маникюр и педикюр завершили лечебный сеанс.

Люк воспользовался удостоверением, чтобы потребовать для себя шестимесячное обеспечение гормонами, антиаллергенами, отборными инсектицидными и омолаживающими препаратами, которые поддерживали бы его живым и здоровым.

То, что выпало из специального отверстия автодока, оказалось инъектором размером с пивную банку, со всех сторон исписанную инструкциями. При виде иглы Люк сжал губы, но нельзя же пользоваться пульверизатором, когда необходимо проколоть вену. Он сообщил автодоку, куда послать счет.

Еще одно небольшое дело, и он сможет немного вздремнуть.

Из-за дряхлого состояния многих членов «Стрилдбрагз», телефонные будки в клубе были сделаны так, чтобы в них могло войти самоходное кресло. Воздух вокруг Люка помутнел от сигаретного дыма.

— Как мне разговаривать с дельфином? — спросил он, чувствуя себя совершенно обновленным.

Фред Торранс ответил:

— Точно так же, как ты говорил бы с Ларри. Но Чарли будет отвечать на дельфиньем, а я стану переводить. По телефону вы не разберете его английский.

— Ладно. Чарли, меня зовут Лукас Гарнер. Я — военный. Ты знаешь, что произошло с Ларри?

Хрюки, визги, хихиканье, писк и визг! Только однажды Люк слышал нечто подобное. Восемнадцать лет назад он был свидетелем в суде, где слушалось дело об убийстве. Три свидетеля и жертва, которая, естественно, не присутствовала, — были... дельфинами.

Торранс перевел:

— Он знает, что Ларри утратил ощущение своей индивидуальности. Звонил доктор Джански и рассказал нам обо всем, что случилось.

— Вчера Ларри сбежал от нас и вылетел в космос на украденном им корабле. Я отправляюсь следом. И хочу знать все, что Чарли может о нем рассказать.

Дельфинья речь. Торранс сказал:

— Чарли хочет взамен одно одолжение.

— О, в самом деле? Что?

Люк взял себя в руки. После того как был сломан языковой барьер, эти пловцы доказали, что умеют торго-

ваться. К счастью или несчастью, но строгий и сложный моральный кодекс дельфинов легко приспособился к представлениям о торговле.

— Он хочет поговорить с вами о возможности участия дельфинов в освоении звезд.

Из троих присутствующих Торранс имел самое ясное представление, о чем шла речь. Чарли говорил медленно и четко, держась намного ниже ультразвукового диапазона, но даже Торрансу было временами трудно переводить. Разговор выглядел так:

— Будь я трижды проклят, — сказал Гарнер. — Чарли, это что-то новое? Никогда не слышал, чтобы дельфины рвались в космос.

— Нет... Не совсем новое. Этот вопрос обсуждался теоретически, и многие высказались «за», правда, возможно, лишь из страха, что пловцы могут что-нибудь упустить. Лично я никогда не испытывал особенного желания, до позавчерашнего дня.

— Все дело в Гринберге. Он был помешан на космосе, так?

— Пожалуйста, не говорите о нем в прошедшем времени. Да, он действительно помешан на космосе. У меня была пара дней, чтобы привыкнуть к присутствию Ларри у себя в голове. Не могу сказать, что я полностью понял это стремление попасть на Джинкс, но кое-что я могу объяснить. Мне не нравится пользоваться старомодным термином, но в чем-то это... — Чарли заговорил по-английски. — ...очевидная ссудьба. Частично дело в том, что на Джинксе он мог бы иметь столько детей, сколько захочет, четыре или пять, и никто бы не возражал. Частично это то же побуждение, которое возникает у меня в бассейне. Нет места, чтобы плавать. Ларри хочется пройти по улице без малейшего опасения наступить кому-нибудь на ногу, быть ограбленным или попасть в пешеходную пробку и быть перенесенным за шесть кварталов от того места, куда ему надо.

— И что ты чувствуешь? Ты же дельфин. Ты, наверное, даже ни разу не смотрел на звезды...

— Ммисстер Аррнер, я вас уверяю, что мы, пловцы, знаем, как выглядят звезды. В иллюстрированных журналах, которые ваши агенты продают нам, много астрономических и астрофизических пленок. И, в конце концов, нам время от времени приходится всплывать, чтобы набрать воздух!

— Извини. Но суть та же. У тебя довольно просторно, тебе никто никогда не наступал на ноги и вряд ли кто-нибудь, кроме касатки, полезет к тебе в карман. Так что же для тебя космос?

— Возможно, приключение. Возможно, создание новой цивилизации. Вы же знаете, что многие сотни лет существует только одна цивилизация пловцов. Моря не являются изолированными, как континенты. Если есть наилучший способ социального устройства, единственный путь выяснить это — создать много общин на многих планетах. Логично?

— Да! — Голос Гарнера звучал убежденно. У него не было сомнений. — Но это может оказаться не так просто, как ты думаешь. Нам нужно будет разработать для вас принципиально новый корабль, потому что придется включить в конструкцию бассейн. А вода — тяжелая, черт побери. Держу пари, что перевезти дельфина стоило бы в десять раз дороже, чем перевезти человека.

— Вы используете воду в посадочных двигателях. Разве нельзя просто провести в резервуары с водой освещение?

— Можно, и можно наполнить их только на две трети, и можно установить фильтры, чтобы удалять рыбу, водоросли и прочее перед тем, как пустить воду в двигатели. Можно даже предусмотреть маленькие баки, куда бы вы могли заплывать, когда резервуары опустошаются во время приземления. Чарли, ты уже начал представлять себе, во сколько все это обойдется?

— Начал, да. Деньги — это сложно.

— Ты это знаешь. И вы вряд ли сможете купить себе этот полет за то, что производят и продают дельфины. Хм. Вы даже не можете заявить, что присутствовать на космическом корабле — ваше право. Дельфины не платят налоги ООН... Хм, — сказал Люк и почесал затылок. — Чарли, а сколько дельфинов можно убедить навсегда оставить свои океаны?

— Столько, сколько нужно. Выбрать по жребия, если потребуется. В случаях крайней необходимости закон позволяет такой отбор. Из сотен пловцов, принявших участие в первых экспериментах ходячих, проверяющих нашу разумность, и из двадцати или тридцати тех, кто в результате умер, почти все были так отобраны.

— О... правда?

Торранс удивился странному выражению лица Гарнера. Почти гримаса ужаса. Это было уже давно, почему он сейчас так шокирован?

Гарнер сказал:

— Что было, то было. Сколько настоящих добровольцев?

— Они все будут настоящими. Но вы, видимо, хотите знать, сколько вызовется без жребия? От пятидесяти до ста. Я думаю, из всех океанов.

— Хорошо. Нам нужно начать с широкой рекламной кампании. Дельфинам придется внести свою долю в стоимость корабля. Просто как жест. Сумма будет ничтожной по сравнению с конечной стоимостью проекта, но для вас и это будет дорого. Кроме того, нам придется убедить основную часть мира ходячих, что на планете без дельфинов и жить не стоит. Не приходится говорить, что лично я уже в это верю.

— Спасибо. Спасибо за все. А пловцы будут принимать участие в рекламе?

— Не напрямую. Безусловно, нам понадобятся официальные заявления видных пловцов, таких как тот, кото-

рого в газетах называют Юрист. Ты знаешь, кого я имею в виду?

— Да.

— Пойми, что пока я просто прикидываю. Нам необходимо будет нанять консультанта по связям с общественностью и рекламного агента для того, чтобы они все организовали. И все это может оказаться напрасным.

— Можем ли мы снизить стоимость перелета, поместив пловцов в поле доктора Джански?

Гарнер выглядел крайне изумленным. Торранс усмехнулся, узнавая реакцию: «Это дельфин говорит?»

— Да, — сказал Гарнер, сам себе кивая.

— Правильно. Нам тогда даже не потребуются резервуары. Люди будут выполнять функции команды и держать нас в замороженном состоянии, пока не найдут небольшое море, вроде Средиземного...

Этот разговор тянулся бесконечно.

— ...значит, теперь все улажено, — сказал Гарнер, спустя долгое время. — Поговорим об этом с дельфинами, особенно обладающими властью, но ничего не предпринимайте, пока я не вернусь. Я сам хочу найти агента по рекламе. Нужного агента.

— Мне неприятно об этом говорить, но может ли случиться так, что вы не вернетесь?

— Господи! Совсем забыл. — Гарнер глянул на запястье. — Я уже должен спать. Быстрее, Чарли, переходи к Гринбергу. Каково твоё мнение о нём?

— Боюсь, предвзятое. Я люблю его и завидую его рукам. Но Ларри для меня чужой. А может и нет.

Чарли опустился на дно бассейна. Торранс воспользовался этой возможностью, чтобы прочистить горло, у него было ощущение, что он наелся использованных лезвий.

Чарли всплыл и выпустил фонтанчик.

— Он не чужой. Неверно! Ларри во многом думает так же, как я, потому что он несколько раз вступал со мной

в контакт до того, как мы решили попробовать наоборот. Он любит розыгрыши... Нет, на самом деле это далеко не так. Ну ладно, придется довольствоваться этим. Он любит дельфины шутки. Несколько лет назад Ларри отобрал некоторые из наших самых известных шуток, те, которые мы считаем классическими, переделал их так, чтобы ими можно было пользоваться среди ходячих, а потом решил не пробовать, потому что за это он мог бы запросто угодить в тюрьму. Если Ларри больше не опасается тюрьмы, ему может прийти в голову разыграть кого-нибудь по-нашему.

— ?

— Например ту, которую я еще ни разу не пробовал на пловце. Я должен сказать это по-английски: гипноз.

Торранс сказал:

— Я не понял.

— Определяется как искусственно вызванное состояние мономании.

— А-а, гипноз.

— Ларри тщательно его изучил и даже уже пробовал и у него получилось. На пловца гипноз может не подействовать.

— Он уже сделал это, — сказал Гарнер. — Что-нибудь еще?

— Гаррнерр, вы должны понять, что дельфины бульк-взик-ПИИИ — не совсем розыгрыш. Это способ посмотреть на вещи. Положить разводной ключ в аппарат — часто единственный способ заставить кого-то починить, заменить или усовершенствовать этот аппарат. Особенно юридический или общественный аппарат. Откусив кому-нибудь плавник точно в подходящий момент, можно заставить полностью изменить отношение к жизни, и часто к лучшему. Ларри понимает это.

— И я хотел бы. Спасибо, что уделил мне время, Чарли.

— Неверрно! Неверрно! Это вам спасибо!

*** *** ***

Оставался час до прыжка в неизвестность. Горло Гарнера казалось отработавшим свое. Возможно, у него еще было время, чтобы вздремнуть, но Люк слишком сильно расчувствовался.

Гарнер сидел в читальном зале клуба «Стрилдбраз» и думал о Гринберге.

Почему он захватил разум пришельца? Что ж, это просто. Имея два набора воспоминаний, Ларри, естественно, выбрал личность, которой было более привычно отделять себя от других. Но зачем цепляться за нее? Теперь Гринберг уже должен знать, что он — не Морская Статуя. И он был вполне счастлив, будучи Ларри Гринбергом.

У него такая жена, можно только позавидовать... И она любит его. Если верить доктору Шнайдеру, Ларри был устойчивым и гибким. Он любил свою работу. Он считал себя особенным.

А Морская Статуя совершенно одинока во вселенной. Последний из целой расы, оказавшийся среди враждебных существ. Гринберг-Морская Статуя, вдобавок, утратил свою способность... что ж, назовем это телепатическим гипнозом.

Любой разумный человек предпочел бы быть Гринбергом.

Придется принять, размышлял Гарнер, что Гринберг не может думать как Гринберг, когда у него в голове воспоминания Морской Статуи. Чтобы вообще существовать, Ларри должен оставаться Морской Статуей. Иначе он хотя бы попытался вернуться в прежнее состояние.

Но... это особенное высокомерие, которое он продемонстрировал...

Не... раб. Не человек.

Рядом с его ухом оказался робот. Гарнер повернулся и прочитал на груди официанта бегущую строку:

*Вас просят немедленно позвонить мистеру
Чарльзу Уотсону.*

*** *** ***

Чик Уотсон был тучным человеком с толстыми губами и мясистым носом. У него были жесткие черные волосы, постриженные «ежиком», серая вечерняя щетина на щеках и подбородке и довольно безобидный вид. В центре его стола находился большой экран, на котором с ненормальной скоростью прокручивалась пленка. И один из тысячи не мог бы читать так быстро.

Раздался звонок. Чик отключил видео и перешел в режим телефона. Для толстяка он двигался довольно быстро и ловко.

— Слушаю.

— Звонит Лукас Гарнер, сэр. Вы хотите его видеть?

— Отчаянно. — Голос Чика Уотсона не соответствовал его внешности. Это был командный голос, глубокий звучный бас.

Люк выглядел усталым.

— Я тебе нужен, Чик?

— Да. Я думал, ты сможешь помочь мне кое в чем.

— Хорошо. Но у меня мало времени.

— Я быстро. Первое, это послание с Цереры на Титан Энтерпрайзис. «Золотое Кольцо» стартовал вчера с базы в Топеке без согласования, и Кольцо намеревается предъявить счет за обслуживание. Титан переслал уведомление сюда. Они говорят, что их корабль, должно быть, украли.

— Так и есть. Все детали в Канзас-Сити. Это очень запутанная история.

— Часом позже военный корабль «Иво Джимма»...

— Тоже угнан.

— Здесь есть какая-нибудь связь с инцидентом с Морской Статуей в Калифорнийском Университете Лос Анжелеса?

— Непосредственная связь. Слушай, Чик...

— Знаю, все детали в Канзас-Сити. Последнее... — Чик порывлся в коробках с пленкой на столе. Его голос был подозрительно кротким, когда он произнес:

— Вот оно. Твое уведомление, что ты вылетаешь из Топеки на специально снаряженном корабле «Хайнлайн»; отправление — база Топеки в 21.00; направление — неизвестно, возможно Нептун; цель — официальное задание. Гарнер, я всегда говорил, что это должно случиться, но никогда серьезно не верил.

— У меня не старческий маразм, Чик. Это необходимо.

— Самый сильный приступ старческого маразма, о каком я только слышал. Что может быть такого важного, чтобы в твоём возрасте тащиться в космос?

— Важность именно такая.

— Ты что, не можешь объяснить?

— Мало времени.

— Предположим, я прикажу тебе не лететь.

— Думаю, это будет стоить многих жизней. И может означать конец цивилизации.

— Мелодраматично.

— Но чистая правда.

— Гарнер, ты предлагаешь мне признать свое невежество и позволить тебе действовать самостоятельно только потому, что ты единственный, кто знает, что происходит. Так?

Некоторое колебание.

— Думаю, так и есть.

— Что ж, отлично. Ненавижу принимать решения. Поэтому они и усадили меня за стол. Гарнер, ты должен знать что-то, чего не знают в Канзас-Сити. Почему бы тебе не позвонить мне после взлета? Я еще буду здесь.

— На случай, если я отброшу коньки? Хорошая мысль.

— Не забывай об этом.

— Конечно нет.

— И принимай там витамины...

*** *** ***

Похожий на стрелу с пестрым оперением, «Золотое Кольцо» удалялся от Солнца. Сравнение затертое, но точное, потому что гигантское треугольное крыло находилось как раз в задней части корабля, а маленькие передние крылья сразу после взлета втягивались в боковины. Огромный стабилизатор представлял собой запутанную систему труб. Пар, нагретый двигателем, прежде чем снова начать путешествие, проходя через генератор и охлаждающие трубы. Основная часть энергии шла на питание реакторного экрана трубки двигателя. Остальная часть поддерживала систему жизнеобеспечения.

Лишь в одном отношении сравнение со стрелой было неточным. Эта стрела несла в своем брюхе раскаленный факел.

Кзано́л зарычал от досады. Пасьянс снова не сложился! Он сгреб карты своими неловкими руками в небольшую аккуратную кучку, сбил в колоду и разорвал пополам. Двигатель уже создал земную гравитацию, а у него в общем-то не было времени привыкнуть к дополнительной силе тяжести. Кзано́л сел за игровой стол и стал копаться в его ящике. Достал новую колоду, открыл, дал автомату немного ее потасовать, потом снова стал раскладывать пасьянс. Пол вокруг Кзано́ла был усеян обрывками намагниченных пластиковых карт.

Наверное, ему следует придумать какое-нибудь подходящее наказание пилоту, который научил его этой игре.

Пилот и второй пилот неподвижно сидели в каюте управления. Время от времени пилот, чтобы слегка изменить курс, касался панели управления. Примерно каждые шестнадцать часов второй пилот приносила Кзано́лу чашку воды и возвращалась на свое место.

Из нижней части корабля вырывался активнический газ, толкавший его к еще более высоким скоростям.

Это была прекрасная ночь. Прошло уже много лет с тех пор, как Гарнер последний раз видел звезды. В городах

их свет незаметен из-за смога и неоновых огней, а американский континент почти целиком был застроен городами. Скоро он увидит звезды так отчетливо, как не видел уже полстолетия.

Воздух напоминал дыхание Сатаны. Гарнер страшно вспотел, Андерсен с Ноймутом тоже.

— Я все еще считаю, что мы могли сделать это сами, — сказал Андерсен.

— Ты бы не знал, что искать, — возразил Гарнер. — А я приучил себя к этому. Я читал фантастику десятилетиями. Столетиями. Наймут, ты куда?

Наймут, невысокий темноволосый человек, повернулся к выходу.

— Пора пристегиваться, — отозвался он. — Счастливого путешествия!

— Он пойдет вперед, к кабине ракеты-носителя, — сказал Андерсен. — А мы поднимемся в корабль.

— Хотелось бы мне разглядеть этот корабль получше. Отсюда это просто большая тень.

Тень была горбатой, напоминающей дротик с прикрепленным к нему огромным бумажным змеем. Этот планер на самом деле был ракетой-носителем, заправленной водородом и охлажденной жидким водородом. Это было необходимо для получения в полете собственного жидкого кислорода. К верхней части планера был прикреплен узкий цилиндр, это и был военный корабль с реакторным двигателем и некоторыми приспособлениями для спасательных работ. Он был рассчитан на двух человек.

Применение ядерного ракетного двигателя в земной атмосфере было преступлением и каралось смертной казнью. Стартовав восемнадцать часов назад, Масней и Кзанол-Гринберг нарушили двенадцать различных местных законов, пять межнациональных постановлений и договор с Кольцом.

Еще один корабль, стартовав, излил из дюзов гнев Господний. Гарнер прищурился от яркого света и вопросительно посмотрел на Андерсена.

— Это наш корабль сопровождения, — равнодушно сказал тот.

Люк уже устал от необходимости задавать вопросы. «Мне не нравится этот Андерсен, — решил он. — Если мальчик захочет сказать, зачем им корабль сопровождения, пусть скажет сам».

Они подошли к эскалатору.

— Встретимся наверху, — сказал Гарнер, протягивая руку к пепельнице.

Андерсен уставился на него и невольно вздрогнул, когда инвалидное кресло превратилось в летающую посудину. Военный использует нелегальный летательный аппарат? Военный?

Андерсен ехал на эскалаторе, насвистывая. В конце концов, это путешествие может оказаться неплохим развлечением.

— Просто оставьте кресло на платформе эскалатора, — сказал он наверху. — Мы распорядились, чтобы его доставили в «Стралдбрагз». Они о нем позаботятся. А я внесу вас внутрь, сэр.

— Возьми мои лекарства. Я пойду сам, — сказал Гарнер.

И, действительно, он пошел, шатаясь и все время помогая себе руками.

С большим трудом он добрался до своего гравитационного кресла. Андерсен нашел лекарства и пошел следом. Прежде чем пристегнуться, он проверил ремни безопасности Гарнера.

— Наймут! Мы готовы, — сказал Андерсен как будто в пустоту. Потом продолжил уже для Гарнера: — На ракетеносителе находятся несколько твердотопливных реактивных снарядов. Это ускорители. У нас мощности не больше, чем у «Золотого Кольца», а мы отстаем от них на полтора дня, поэтому мы воспользуемся ускорителями, которые дадут нам начальный толчок. Может, ничего и не получится, но если все-таки сработает...

— ...будет хорошо, — закончил за него Гарнер.

Его голос стал гуще из-за работы линейного ускорителя. Около пяти секунд длилась беззвучная вибрация, потом включилось зажигание, и они взлетели.

«Нам потребуется провести два дня при ужасно неприятном ускорении в $2g$, чтобы попасть туда первыми», — думал Гарнер, вдавленный в кресло. Его старым костям придется туго. Он уже начал скучать по хитроумным приспособлениям своего кресла. Да, это путешествие будет не слишком большим развлечением.

Ларс спокойно ел замысловатый сэндвич с сардинами и яйцом, когда раздался звонок. Он очень аккуратно, обими руками, отложил бутерброд, чтобы тот не подпрыгнул из-за почти несуществующей силы тяжести, вытер руки о комбинезон, который из-за этого часто стирал, и подошел к приемнику.

Мазерный луч рассек пустоту мгновенным телеметрическим сигналом. Радиоприемник трансформировал его в звук, потом тщательно привел в соответствие с едва заметным сдвигом Допплера. То, что из него в итоге раздалось, было бесцветным голосом Каттера, дежурного на Церере.

— Спасибо, Эрос, ваше послание полностью принято. На этот раз никаких неожиданностей. База в Гопеке связалась с нами восемь часов назад, чтобы передать время старта и предполагаемый курс. Согласно вашему отчету, взлет произошел на восемь минут позже расчетного времени, но это обычное дело. Держите нас в курсе. — Пауза. — Спасибо, Эрос, ваше...

Ларс отключил приемник и вернулся к своему бутерброду. Интересно, заметил ли Каттер, что военный корабль преследует тех, кого он провел восемнадцать часов назад. Наверняка заметил.

— Ты слишком тяжело это переносишь, — сказал Дейл Шнайдер.

Джуди пожала плечами.

От взгляда Дейла не укрылись ее опухшие веки, незнакомые морщинки на красивом двадцативосьмилетнем лице Джуди, мертвая хватка, которой она вцепилась в стакан с кофе, и то, как неподвижно она сидела в кресле.

— Послушай, — сказал он. — На тебя слишком многое свалилось. Ты уже думала... то есть... Тебе приходило в голову воспользоваться твоим соглашением с Ларри насчет верности друг другу? По крайней мере, ты бы избавилась от одного из своих стрессов. К тому же, ты не сможешь ему тем, что так переживаешь.

— Я знаю. Я думала об этом. Но... — Джуди улыбнулась. — Не с другом, Дейл.

— О, я не это имел в виду, — поспешно сказал Дейл Шнайдер. И покраснел. К счастью, большая часть его лица была скрыта повязками. — Как насчет того, чтобы поехать в Вегас? В городе полно разведенных обоих полов, большинство из них пока боятся снова вступать в брак. Предпочитают кратковременные связи. И ты легко могла бы прекратить такую связь, когда вернется Ларри.

Наверное он вложил слишком много уверенности в последнее предложение, потому что рука Джуди крепче сжала стакан, потом мгновенно расслабилась.

— Не думаю, — безразлично сказала Джуди.

— Подумай об этом. Кроме того, ты могла бы поиграть там.

Двойная сила тяжести! Двенадцать часов назад он бы посмеялся над собой. Двойная сила тяжести в положении лежа на спине? Люк мог бы проделать это на голове. Но с тех пор прошло двенадцать часов двойного веса, постоянной вибрации, шума и отсутствия сна. Термоядерные двигатели ускорителей ревели снаружи. Два из них уже были запущены. Всего осталось десять.

Звезды казались холодными отчетливыми точками. Никогда еще небо не было таким черным, никогда не были звезды такими яркими. Люк чувствовал, что звезды могли бы прожечь крошечные дырочки в сетчатке его глаз, если бы он был в состоянии долго смотреть в одну точку. Крошечные разноцветные участки слепоты в дополнение к его завидной коллекции шрамов. Млечный Путь был похож на туманную реку света с проглядывающими сквозь нее резкими актиническими точками.

Вот где он сейчас находился.

Люку исполнилось семьдесят два в тот день, когда запустили первый пассажирский корабль — орбитальный комплекс, неловкий и громоздкий, по сегодняшним меркам. Ему сказали, что он слишком стар, чтобы покупать билет. А теперь? Люку рассмеялся было, но его грудь сильно сдавило.

Люк с усилием повернул голову. Андерсен натягивал лист прозрачного пластика над сложной и обширной панелью управления. Основная часть панели уже находилась под пластиком. Андерсен заметил взгляд Люка и сказал:

— Теперь нечего делать, кроме как следить за камнями.

— Мы можем позволить себе потерять немного времени?

— Конечно. Если они направляются к Нептуну, — голос Андерсена звучал бодро и энергично, хотя и несколько невнятно из-за перегрузки. — Если это не так, они нас все равно обгонят, куда бы ни направлялись. Мы и знать об этом не будем, пока они не совершат маневр.

— Придется рискнуть.

Дополнительный вес, казалось, не причинял Андерсену никаких неудобств. Норма для пилотируемого космического корабля — одна земная сила тяжести.

На некоторых спасательных кораблях, так же как и на нескольких экспрессах на Кольцо, предусмотрены

приспособления для термоядерных ускорительных двигателей, используемых для того, чтобы сократить время полета. Часто это оправдано. Еще чаще — нет. Постоянное ускорение и время полета изменяются прямо пропорционально квадратному корню увеличения мощности. Скорее всего когда Гринберг и пришелец узнают о преследователях, они будут ожидать, что те так и будут отставать от них на полтора дня до самого Нептуна.

Твердотопливный ускоритель можно использовать всего один раз. Под гладкой цилиндрической оболочкой заключен только водородный газ под давлением и ядро уранового сплава. Источник энергии реакторной трубки находится снаружи и остается на корабле после того, как ускоритель отделяется. В тот момент, когда внутри трубки образуется экран, нейтроны из ядра начинают отражаться обратно в урановую массу, и во время цепной реакции наступает полный распад. Как время ослабляет давление в пойманной в ловушку звезде, так и крошечное выхлопное отверстие поддерживает ускорение постоянным.

На этот раз ускорители сыграли существенную роль. «Хайнлайн» будет на Нептуне на шесть часов раньше остальных...

Если только они направляются на Нептун! Но если Диллер ошибся или если Диллер солгал... если Диллер, как и Гринберг, стал считать себя пришельцем, если беглецы на пути к какому-нибудь астероиду... Тогда «Хайнлайн» промахнется. Когда те двое совершат маневр, будет уже поздно, «Хайнлайн» наберет слишком большую скорость.

Конечно, всегда можно пустить в ход ракеты. Если «Золотое Кольцо» или «Иво Джимма» приземлятся на Кольце, там это будут рассматривать как нарушение договора. Их можно будет убедить открыть огонь.

Но на «Иво Джимме» находится Ллойд Масней.

Разговор с Чиком Уотсоном был одновременно утомительным и непродуктивным. Теперь Чик знал все, что

знал сам Гарнер, кроме тех исчерпывающих подробностей о жизни Гринберга, которые Гарнеру удалось собрать. Они пришли к твердому решению, что больше не станут посылать корабли с Земли. Корабли, которые все равно придут слишком поздно, чтобы оказать помощь. Если любой из двух угнанных кораблей достигнет какой-либо точки и повернет назад, Земля откроет огонь без предупреждения. Чик будет держать для Гарнера открытыми все каналы связи, чтобы при необходимости разыскать любую информацию, которая может ему понадобиться. И еще одно решение...

— Нет, мы не можем обратиться за помощью к Кольцу, — само выражение лица Чика отвергало эту идею с презрением, которого, как ему казалось, она заслуживает. — При тех отношениях, которые у нас с ними сейчас, — нет. Они знают, как вредят нам своим эмбарго на уран, а мы знаем, что делаем им, задержав их витамины, и обе стороны просто сгорают от нетерпения посмотреть, кто сдастся первым. Думаешь, они поверят в нашу историю? С их точки зрения, все наши доказательства — информация из вторых рук. На Кольце подумают, что мы сами решили осуществить разработку месторождений или собираемся заявить права на какой-нибудь спутник. Они подумают все, что угодно, потому что им известно лишь, что три земных корабля летят сейчас к Нептуну. Еще хуже, что Кольцо наверняка не позволит усилителю попасть на Землю. Они предпочтут заключить сделку с Гринбергом, повелителем мира, а не с нами.

— Я этого не допущу, — ответил Гарнер. — Но ты прав, нам незачем звать на помощь. Есть лучшее решение.

И они стали ждать. Если Люк и Андерсен не ошибаются и похищенные корабли летят на восьмую планету, они уложатся в шесть дней. До того, как пришелец отдаст свои приказания, Люку и Андерсену нечего было делать.

Люк наконец заснул. Андерсен тоже спал, позволив автопилоту выполнять его работу.

*** *** ***

В 21.00 следующего дня сгорела последняя пара ускорителей. Теперь шесть пар кувыркающихся цилиндров с толстыми металлическими стенками летели следом за «Хайнлайном», растянувшись на миллионы километров. За столетие все они окажутся в межзвездном пространстве. Некоторые со временем пройдут между галактиками.

Теперь корабль летел при нормальной силе тяжести в 1G. Люк сердито хмурился, упражняя мышцы лица, а Андерсен вошел в шлюзовую камеру, чтобы произвести какие-то изометрические измерения.

Астероиды Кольца неслись навстречу все быстрее и быстрее с каждой секундой.

Человек, заунывным голосом назвавший себя «базой на Церере», был похож на чиновника. По его внешности и вправду можно было поверить, что у него нет собственного имени. Он хотел знать, что корабль Земли делает на Кольце.

— У нас есть разрешение на пролет, — отрывисто ответил ему Андерсен.

— Да, — сказала Церера, — но куда движется «Хайнлайн»?

Гарнер прошептал:

— Дай мне микрофон.

— Говори просто так. Он услышит.

— Церера? Это Гарнер, военный представитель ООН.

Что за внезапная перемена?

— Мистер Гарнер, ваши полномочия недействительны здесь, на...

— Я не об этом спрашиваю.

— Прошу прощения?

— Вы только сейчас поняли, что мы преследуем «Золотое Кольцо». Не так ли?

— Действительно так. С какой целью?

— Не ваше дело. Но я могу ответить одному из ваших начальников.

— Кольцо не даст разрешения на ваше прохождение, если вы не объясните цели.

— Кольцо ничего нам не сделает. До свидания.

Услышав звонок, Марда скатилась с кушетки и плавно пошла к телефонной будке. В ее животе оставалось только легкое напряжение, хотя после операции прошло всего двенадцать часов. Легкое напряжение — когда Марда двигалась. Как напоминание о том, что она потеряла.

— Лит, — позвала она. — Это Церера. Тебя.

Лит вернулся из сада.

На этот раз Каттер выглядел встревоженным.

— Помнишь те два пиратских корабля с базы в Топеке? Так вот. Кое-кто присоединился к процессии.

— Долго же они думали. Когда он вылетел?

— Два дня назад.

— Два дня, Каттер?

— Лит! Мы получили несколько уведомлений о «Хайнлайне» и точный курс. Они еще использовали вспомогательные ускорители. Кривая времени-пространства совершенно не совпадает с кривыми пиратов. Поэтому-то мне и понадобилось столько времени, чтобы понять, что все они двигаются в одном направлении.

— Ладно. Черт с ним, Каттер... ничего страшного. Еще что-нибудь?

— «Хайнлайн» сейчас проходит мимо Цереры. Ты не хочешь поговорить с Лукасом Гарнером, военным представителем ООН?

— Военным? Нет. А что военный представитель ООН делает здесь?

— Мне он не говорит. Может, тебе скажет.

*** *** ***

— Почему вы так уверены, что Кольцо нас не остановит?

— Они не могут захватить нас. Все, что они могут — это выпустить в нас ракеты.

— Вы меня осчастливили.

— Они там на Кольце — не дураки.

Кавказец с космическим загаром, черными волосами и морщинками вокруг глаз взглянул на них с экрана и сказал:

— Имею честь обратиться к Лукасу Гарнеру, находящемуся на борту «Хайнлайна».

— Слушаю. Кто вы?

— Чарльз Мартин Шефер. Первый спикер. Политическая секция Кольца. Могу я узнать....

— Маленький Шефер?

Красно-коричневое лицо человека на мгновение застыло, потом слегка улыбнулось.

— Меня называют Лит. Какова ваша цель, Гарнер?

— Тебе я скажу, Шефер. Теперь не перебивай, потому что это длинная история...

Чтобы все рассказать, потребовалось пятнадцать минут. Потом последовали вопросы. Шефер хотел деталей, разъяснений. Позже некоторые вопросы повторились. Были и скрытые обвинения, которые постоянно становились все менее скрытыми. Андерсен поддерживал радиосигнал и благоразумно не мешал Люку разговаривать.

— Это уже почти перекрестный допрос, Шефер.

— А вы чего ожидали? Что я целиком проглочу вашу байку? Вам пора пересмотреть свое мнение о жителях Кольца.

— Нет, Шефер, не нужно. Я и не ожидал, что мне поверят. Вы просто не можете позволить себе поверить, поднялась бы невероятная шумиха, если бы Земля провела вас на такой дикой истории.

— Естественно. С другой стороны, вы пытаетесь убедить меня, что инопланетное чудовище угрожает всей

человеческой цивилизации. В свете этого кажется странным, что вы отказываетесь ответить на несколько вопросов.

— Ерунда. Шефер, сделайте вот что. Пошлите несколько вооруженных...

— Я не принимаю приказаний...

— Не перебивайте, Шефер. Пошлите несколько вооруженных кораблей за мной на Нептун. Я уверен, что пираты направляются именно туда. Они уже миновали точку поворота к большинству астероидов. Ваши корабли быстро догонят нас. Они могут подоспеть вовремя, чтобы выручить нас. Если ты мне не веришь, тогда вышли корабли хотя бы для того, чтобы убедиться, что я не делаю ничего противозаконного. Независимо от того, в чем ты меня подозреваешь, тебе понадобятся корабли, чтобы остановить меня, правильно? Но пусть они будут вооружены, Шефер. Пусть они будут хорошо вооружены.

— В противном случае все, что вам остается, — это начать войну, так?

— Так. Если вы хотите подтверждения моей истории, свяжитесь с Департаментом Обороны в Лос-Анжелесе, потом позвоните в Бразилию, в провинцию Суидад, на Выставку Сравнительных культур ООН и спросите, действительно ли Морская Статуя все еще у них. Это все, что вы можете сделать. Так что свяжитесь потом со мной и сообщите, сколько кораблей вы посылаете. Люк сделал знак Андерсену, который отключил связь.

— Ничтожество, — сказал Андерсен с чувством.

— Не совсем. Лит уже поступил правильно. И будет продолжать так поступать. Во-первых, он пошлет за нами корабли, включая один корабль с антирадаром, который, правда, прибудет позже остальных из-за дополнительного веса. Потом он свяжется с Землей и получит подтверждение моей истории. В конце концов Шефер свяжется с нами и скажет, что отправляет корабли, не упоминая об антирадаре. Этот корабль дает Кольцу все шансы поймать меня

за руку при совершении любой противозаконной, нарушающей договоры операции, особенно если я вдруг не знаю, что на Кольце изобрели антирадар... Но если они меня ни на чем таком не поймают, они будут со мной сотрудничать.

— Да. Все это так. Но смогут ли они справиться, когда узнают, что все, что мы говорим, — правда?

— Конечно. Они будут вооружены против нас, а оружие — это оружие. Кроме того, некоторые из них поверят мне. Жители Кольца все время ждут первого контакта с инопланетянами. Они будут хорошо вооружены в любом случае! — Гарнер почесал затылок. — Интересно, против кого вооружена Морская Статуя?

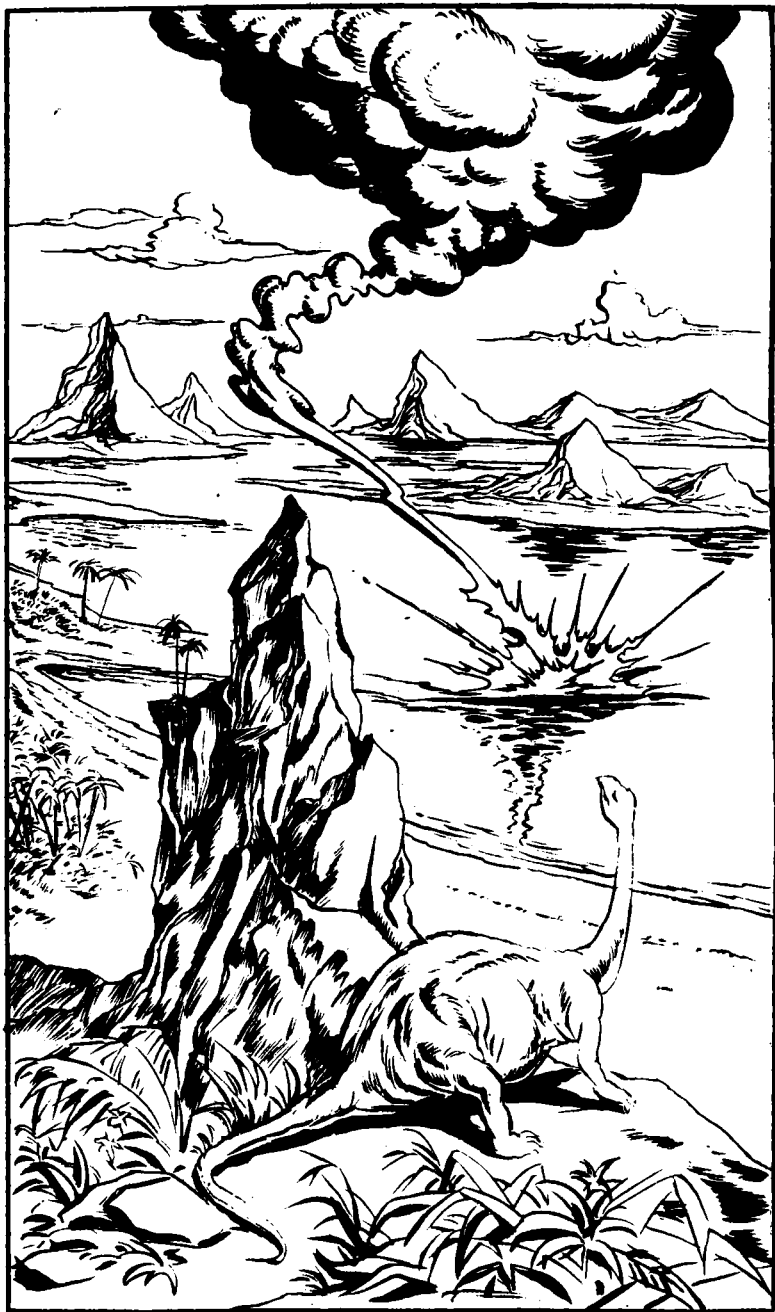
Воспаленный нерв в зубе — это невыносимо больно. Несчастную жертву доводит до мыслей о самоубийстве еще и то, что боль никогда не утихает. От нее нет спасения.

Марда чувствовала слабое напряжение в животе каждый раз, когда двигалась.

Многие женщины Кольца бездетны. Некоторые стали бесплодными из-за воздействия солнечных бурь. Некоторые стали фригидными, и их фригидность позволяла им свободно выносить одиночество безбрачия. У некоторых были неблагоприятные рецессивные гены. К тому же, в противоположность распространенному мнению землян, на Кольце действовали законы, ограничивающие рождаемость. Некоторым не удавалось зачать в невесомости или почти в невесомости. Это были женщины особого класса, те, кого изгнали с Родильного.

Что Лит делает в этой телефонной будке? Уже прошло больше часа.

Он был в ярости, это было видно сразу. Марда никогда не видела его таким злым. Даже после того, как экран погас, Лит остался сидеть, свирепо глядя в него.

Что-то заставило Марду встать и толкнуть звуконепроницаемую дверь. Лит оглянулся.

— Это Военный представитель. Этот самодовольный землянин. Марда, ты можешь представить военного, который обращается со мной надменно?

— Похоже, он действительно нажал на все твои кнопки разом? Что случилось, Лит?

— О... — Он ударил ребрами ладоней друг о друга. — Ты помнишь те два корабля, что стартовали с базы в Топеке без...

— Никогда об этом не слышала.

— Точно. Я забыл. Тогда ты вряд ли была в настроении слушать. Ну, два дня назад...

Когда Лит закончил, он был почти спокоен. И Марда без колебаний сказала:

— Но, Лит, ты же допрашивал его целый час. Что еще ему оставалось делать, кроме как оборвать тебя или признаться, что он лжет.

— Ты права. Что меня действительно бесит, так это та сказка, которую он мне рассказал.

— А ты уверен, что он лгал? Это все звучит слишком фантастично.

— Не в этом дело. Зачем ему понадобился Нептун? И эти три корабля? И почему, ради всего святого, он реквизирует «Золотое Кольцо» у Титан Энтерпрайзис?

— Чтобы подтвердить свою историю?

— Нет. Я думаю, как раз наоборот. Это его история была сочинена так, чтобы соответствовать фактам.

Лит медленно повернулся к экрану. Марда наблюдала за ним. Некоторое время он сидел молча. Наконец он произнес:

— Мне придется сделать так, как он сказал, и это меня убивает. Напомни, чтобы я рассказал тебе как-нибудь, почему я ненавижу военных.

— Ладно. Попозже.

— Умница.

Лит сразу же забыл о Марде. Он все еще пристально смотрел в пустой экран. Ему не хотелось отдавать приказаний Церере, не обдумав все как следует.

Наконец Лит пробормотал:

— Я могу опередить его. Я отправлю корабли со Свинцовых Троянских Астероидов, Гарнер будет пролетать как раз мимо них. Да, мы последуем за ним. И быстрее, чем он думает. И... я пошлю антирадар. Оператор? Свяжите меня с Ахиллесом, быстро.

Все это, конечно, могло быть отвлекающим маневром, думал Лит, пока оператор соединял его. Прикрытием чего-то, происходящего прямо здесь, на Кольце. Что ж, им не удастся удрать с добычей. Каждый корабль, покидающий Землю или Луну, будет осмотрен. Земля тоже свое получит. Я заставлю нашу шпионскую систему думать, что Конец Света близок.

Через четыре с половиной дня ни Кзано́л, ни Кзано́л-Гринберг не повернули корабли. Похоже, оба действительно летят на Нептун. Если так, они сделают поворот через восемнадцать часов.

Андерсену было пора поворачивать корабль, что он и сделал.

— Мы попадем туда на шесть часов раньше них, — сказал он Гарнеру.

— Отлично.

— Они, конечно, могут направляться в открытый космос. Может быть простым совпадением, что они двигаются в этом направлении. Тогда мы их потеряем.

— На их-то кораблях? Кроме того, я никогда не сомневался, что они летят именно на Нептун. Иначе не стал бы рисковать.

— Я просто предполагаю. Как насчет обеда?

— Отлично.

Было уже за полночь. В системе жизнеобеспечения корабля недостаточно просторно, чтобы разгуливать, но в ней имелась механическая кухня. К тому же завоеватели космоса давно уже поняли, что икра дешевле кукурузных хлопьев и в ней гораздо больше энергетической ценности.

Пока они складывали тарелки обратно в отверстие кухонного аппарата, Гарнера обеспокоила новая проблема.

— Мы можем развернуть наши телескопы?

— Конечно. А зачем?

— Чтобы следить за остальными кораблями. Они все еще впереди нас, а мы сейчас двигаемся задом наперед.

— Мы их сейчас все равно не увидим из-за свечения наших дюзов. Но через шесть часов мы обгоним их и тогда сможем следить.

— Нам не удастся их перехватить, — сказал человек в головном корабле. Это был рослый и стройный негр с преждевременно поседевшими волосами и бесстрастным лицом. — Они все время будут на три дня впереди нас. Браконьеры!

Кто-то, судя по акценту, Курильщик, ответил:

— Были бы на все четыре, если бы мы стартовали не с Ахиллеса.

— Вижу что-то в телескопе, — передал один из кораблей.

Все пять кораблей были наспех переделаны для военных целей. Раньше их использовали при добыче свинца на Троянских астероидах Юпитера.

— Что там?

— Искры водородного света, они двигаются почти так же быстро, как и военный корабль, но далеко впереди него.

— С Церерой еще есть связь?

— Напрямую — нет. Церера некоторое время будет закрыта Троянскими астероидами.

— Тартов! Свяжись с Фебом и скажи, что за Ураном сейчас летят три корабля, все на пути к Нептуну. Они движутся приблизительно с одной скоростью. Мне нужно расчетное время прибытия каждого из них.

— Понял тебя, Лью.

Флотилия из пяти кораблей Кольца была похожа на небольшой рой светлячков. Они находились на расстоянии каких-нибудь тысяч миль друг от друга. Корабли держались так близко, чтобы избежать задержки сообщений, что всегда раздражало. Но это расстояние все же защищало их друг от друга на случай использования химических или ионовых реактивных двигателей. Жгучий свет двигателей был намного ярче, чем свет любой из окружающих их звезд.

— Лью?

— Здесь.

— Я уверен, что один из них — специальный, для свадебных путешествий. В его спектре сильная полоса кислорода.

— Да? Военные безупречны, тебе придется доверять им.

Тартов добавил:

— Должно быть, они на пути к чему-то важному. К чему-то потрясающему.

Никто не ответил. Возможно, они приберегали свои мнения.

Позади роя светящихся кораблей, все больше и больше отставая от него, но стараясь изо всех сил, мчался одинокий светлячок.

Что-то, подобно падающей комете, пронеслось мимо.

— Это Гринберг, — сказал Андерсен ухмыляясь.

Бело-голубой огонек медленно растаял на фоне звезд.

— Через несколько минут мы обгоним «Золотое Кольцо», - добавил он. — Корабль Гринберга летит не намного быстрее.

Гарнер не ответил.

Андерсен повернулся, чтобы посмотреть на него.

— Вас что-то беспокоит? — спросил он доброжелательно.

— Я думаю об этом уже несколько дней и только сейчас понял, что правильного решения просто нет. Это все равно, что пытаться держать телепортанта в тюрьме.

— Вы о чем?

— Бессмысленно пытаться помешать любой из этих птиц взять усилитель.

Гарнер рассеянно пошарил по ручке кресла в поисках кнопки для сигарет, поймал себя на этом и нахмурился.

— Вот, смотри. Мы не сможем добраться до усилителя первыми. Мы не знаем, как они сами планируют его найти. Возможно, они просто помнят, где его оставили. А мы даже не знаем, каких он размеров! Мы не можем арестовать их, по крайней мере, прищельца, потому что он просто превратит нас в никчемных лакеев. С Гринбергом у нас тоже будут проблемы, потому что он на вооруженном корабле, а Масней умеет пользоваться оружием. И у него это может получиться лучше, чем у тебя, сынок. — Лицо Гарнера было ужасно похоже на греческую трагедийную маску, голос его звучал очень обеспокоенно. — Мне кажется, единственное, что мы можем — это стрелять без предупреждения.

— Вы этого не сделаете, — запротестовал Андерсен.

— Вы же убьете Гринберга и Маснея.

— Я не хочу никого убивать. Предложи что-нибудь другое!

— Хорошо, дайте мне шанс. Я даже еще не думал об этом! — Андерсен сморщил свое молодое лицо в некое

подобие лица Гарнера. — Хей! — внезапно воскликнул он. — Отлично!. Я кое-что придумал. Вам не нужно стрелять без предупреждения. Вы можете подождать, чтобы узнать, действительно ли то, что они ищут, находится на Нептуне.

— Какая от этого польза?

— Они могли оставить это на одном из спутников или на какой-нибудь орбите. Но если это на Нептуне, им его не получить! Ни один из их кораблей не развивает больше одной гравитации. Притяжение Нептуна выше. Они просто не смогут приземлиться.

— Ну и что?. Корабль инопланетянина снабжен крыльями. Но, в любом случае, это неплохая мысль.

— Еще бы! — зло сказал Андерсен. — А как, черт побери, он потом взлетит?

Люк Гарнер переменился в лице, казалось, его осенило. Спустя мгновение он спросил:

— Парень, ты никогда не думал о том, чтобы стать военным?

— Ну... — начал Андерсен скромно.

КТО ВЫ?

Двое уставились друг на друга.

КТО ВЫ?????

— Лукас Ланцелот Гарнер. Военный.

— Лерой. Сын Джорджа Андерсена. Астронавт.

Я НЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ВЫ ПРЕСЛЕДОВАЛИ МЕНЯ.

Телепатический удар был подобен взрыву. Даже когда этот разум просто «думал вслух», это делало Гарнера и Андерсена физически и умственно парализованными.

Потом разум принял решение. Андерсен протянул руку к панели управления. Его ногти застучали по пласти-

ку. Он стал нащупывать запирающее устройство на предохранительной панели.

Гарнер одной рукой оттолкнул Андерсена.

И тут же пришелец нанес удар. Гарнер почувствовал, как его сердце остановилось, и он задохнулся. «Уже?» — подумал он. В его глазах все стало красным, потом померкло.

Когда Гарнер очнулся, в голове у него шумело. Андерсен выглядел страшно измученным. В руках он держал шприц.

— Слава Богу, — выговорил он. — Я уже решил, что вы умерли.

— Сердце остановилось, — прохрипел Гарнер. — Со мной это впервые. Что ты ввел?

— Адреналин. Как вы себя чувствуете?

— Относительно...

Молодой пилот был все еще бледен.

— Вы знаете, что он приказал мне сделать? Я собирался отключить экран реактора. Взрыв был бы виден с самой Земли. — Он вздрогнул. — При дневном свете было бы видно! Какое счастье, что вы оттолкнули меня. Но как вы догадались?

— Я понял, чего он может хотеть. Ладно. Как ты узнал, что это сердце?

— Я почувствовал, как он это сделал. Но пока мы не попадем на Нептун, нам нечего о нем беспокоиться. Он вышел за пределы досягаемости, как только остановил ваше сердце.

— В эту птичку нам придется стрелять первыми.

— С удовольствием, — злобно сказал Андерсен.

Кзанол напрягся, пытаясь вцепиться во вражеские умы, но напрасно. Не только расстояние было против него,

разница в скоростях была еще большей помехой. Небольшая разница в относительном коэффициенте времени делала общение невозможным. Даже между двумя тринтами.

Кзано́л снова занялся картами. Пилот, который был англичанином, называл эту игру пасьянс (терпение). Подходящее название. Кзано́л учился терпению с большим трудом. Пол комнаты отдыха был усеян клочками изорванного пластика. Но одна колода уже пережила десять проигранных партий. Это была последняя колода на борту.

С глухим рычанием Кзано́л сгреб и перемешал карты. К тому же он учился равноправию. Еще он узнал кое-что о себе. Кзано́л не позволит рабу видеть, как он мошенничает в картах. Один раз Кзано́л смошенничал, а пилот как-то догадался. Больше Кзано́л не будет этого делать.

Кзано́л вскочил. Еще один! Этот был слишком далеко, чтобы дать ему приказ, но достаточно близко, чтобы Кзано́л его почувствовал. И все же... в этом образе была какая-то неясность, и дело тут было не в расстоянии. Как будто раб спал. Но... как-то по-другому.

Полчаса он оставался в пределах досягаемости. За это время Кзано́л убедился, что на борту не было никакого другого раба. О другом тринте он даже и не думал. Он бы почувствовал, как тринт дает приказания.

В 6.00 следующего утра корабль Гринберга развернулся. Тремя минутами позже «Золотое Кольцо» сделал то же самое. Андерсен обнаружил следы на телескопе, когда проснулся: два огонька медленно вытянулись в яркие полосы, потом одинаково неторопливо сжались в еще более яркие точки.

Время шло медленно. Гарнер и Андерсен увлеклись игрой на экране внешнего обзора: разрозненные точки в

прямоугольнике нужно было соединить линиями. Побеждает тот, у кого получится больше квадратов. Почти каждый день они поднимали ставки. Утром последнего дня Гарнер сравнял счет. В какой-то момент он был должен 11 тысяч долларов.

— Видишь? — сказал он. — С возрастом не отказываешься от всех удовольствий.

— Только от одного, — необдуманно сказал Андерсен.

— И не только, — согласился Гарнер. — Мои вкусовые рецепторы все эти долгие годы изнашивались. Но, думаю, однажды откроют, как заменять и их. Совсем как мой спинной мозг. Он ведь тоже изнашивался.

— Износился? Вы хотите сказать... это был не несчастный случай? Нервы просто отмерли?

— Скорее перешли в коматозное состояние.

Быстрая смена тем разговора была у них в порядке вещей.

— Что мы будем делать, когда доберемся до Нептуна? У вас есть какая-нибудь идея? Спрячемся на одном из спутников и понаблюдаем?

— Правильно, — сказал Гарнер.

Через полчаса он спросил:

— Мы можем отсюда связаться с Землей?

— Разве что с помощью мазера, — с сомнением сказал Андерсен. — Но это смогут услышать все. Луч сильно расширится пока достигнет Земли. У вас есть какие-нибудь секреты от человека на пешеходной дорожке?

— Не беспокойся об этом. Направь мазер на Землю.

У Андерсена ушло полчаса на то, чтобы навести и послать луч.

— Говорите, но если это «Привет дорогой мамочке», вам конец, — предупредил он.

— Моя мать умерла. В сущности прошло уже около столетия. А она еще считала себя старухой! «Привет,

Департамент Обороны. Это Лукас Гарнер вызывает технологическую полицию ООН».

Андерсен подтолкнул его локтем.

— Вы что, ждете ответа?

— Конечно, нет! Но старые привычки трудно менять. «Гарнер вызывает Департамент Обороны Земли. Пожалуйста, направьте ответ на Нептун. Нам срочно необходима следующая информация от Доркаса Джански. Отражает ли его замедляющее поле радар полностью? Повторяю, полностью. Относится ли это к костюму пришельца». — Он отложил микрофон. — Все, парень, поставь это на повтор.

— Хорошо. Уже на повторе. И что все это значит?

— Не знаю, как я сразу не понял, — самодовольно сказал Гарнер. — Пришелец был заморожен около двух миллиардов лет назад, если верить Гринбергу. А я думаю, он говорил правду. Пришелец не мог знать, что на Нептуне что-то есть, если только сам не положил это туда два миллиарда лет назад. И почему он уверен, что оно не развалилось на части или не заржавело насмерть после стольких лет?

— Оно в замедляющем поле.

— Точно.

Андерсен глянул на хронометр.

— Они смогут ответить не раньше, чем через восемь часов, не считая времени, которое потребуется, чтобы найти этого, как его там... Думаю, это еще около часа, так что они свяжутся с нами около 19.30. Поэтому давайте-ка поспим. Мы будем на месте завтра около трех часов утра.

— Ладно. Снотворное?

— Угу, — Андерсен нажал несколько кнопок на ящике с медикаментами.

— Люк, я все еще думаю, что вы ждали, что Земля вам ответит.

— Не докажешь, сынок.

*** *** ***

Двадцать один час сорок пять минут.

Гарнер с минуту изучал экран внешнего обзора, потом провел между светящимися точками короткую линию. Сканер, настроенный, чтобы следовать за движениями его ручки, воспроизводил линию на панели.

Загудело радио.

«Департамент Оборона вызывает космический корабль «Хайнлайн»... Департамент Оборона вызывает Лукаса Гарнера, космический корабль «Хайнлайн»... Гарнер, это Чик. Я поймал Джански сегодня утром, и он сидел три часа в нашей лаборатории, проводя эксперименты. Он говорит, что замедляющее поле отражает, повторяю, отражает 100 процентов энергии любой частоты, включая радар, и все, что он только может представить. Ультрафиолетовые, инфракрасные, радио и рентгеновские лучи. Если тебя это интересует, Джански считает, что между замедляющими полями и реакторным экраном существует математическая зависимость. Если он ее обнаружит, ты хочешь об этом узнать? Чем мы еще можем помочь?»

— Вы можете помочь мне в этой игре, — пробормотал Люк.

Но Андерсен уже стер всю игру вместе с линией длиной в шесть дюймов, которую провел Гарнер, когда его рука дрогнула при звуке радио.

Человек в головном корабле запустил пальцы в свои мягкие волосы, вид у него был крайне озадаченный.

— Всем кораблям, — сказал он. — Что, черт побери, он имел в виду?

Спустя некоторое время кто-то предположил:

— Шифровка?

Остальные хором согласились. Потом Тартов спросил:

— Люк, на Земле есть что-нибудь под названием «замедляющие поля»?

— Не знаю. И мы не можем никуда направить мазер, чтобы корабль землян не попал в него. — Он вздохнул, потому что пользоваться мазерной связью всегда было достаточно сложно. — Кто-нибудь, запросите Политическую Секцию о замедляющих полях.

— Замедляющие поля?

— Замедляющие поля. И они передали нам полный текст послания Гарнеру.

Лит улыбнулся одной стороной рта.

— Замедляющие поля — часть истории Гринберга. Я знал, что он подойдет к этому основательно, но это уже просто нелепо.

Лит подумал о тысячах кораблей Кольца, которые он привел в боевую готовность на случай, если флотилия Гарнера собиралась отвлечь внимание от вещей, происходящих значительно ближе к дому. Еще он подумал о пяти поисковых кораблях и о бесценном корабле-невидимке, находящихся на пути к чему-то, что запросто могло оказаться открытым космосом. Этот Гарнер доставляет слишком много хлопот.

— Ладно, я сыграю с ним в эту дурацкую игру. Свяжитесь с Департаментом Обороны и спросите, что они знают о замедляющих полях.

Каттер был потрясен.

— Спросить военных?

Потом до него дошло, что это шутка, и его лицо застыло в некоем подобии улыбки. Впрочем, у Каттера улыбка всегда выходила фальшивой.

Только после того, как Департамент Обороны заявил, что ему ничего не известно о замедляющих полях, Лит Шефер начал сомневаться.

*** *** ***

При первом же резком звуке сигнала тревоги Гарнер проснулся. Он видел, как Андерсен вздохнул и открыл глаза, но эти глаза были слишком сонными.

— Удар метеорита, — закричал Гарнер.

Взгляд Андерсена снова стал осмысленным.

— Не смешно, — сказал он.

— Разве?

— Нет. Вы что, из тех, кто орет «воздушная тревога» на переполненном эскалаторе? Сколько времени?

— 03.04. — Гарнер посмотрел на звезды. — Нептуна нет. Почему?

— Минутку.

Андерсен поиграл со вспомогательными двигателями. Корабль развернулся. Нептун оказался сине-зеленым шаром, тусклым в слабом солнечном свете. Обычно вид планеты с такого близкого расстояния внушает ужас, если не опьяняет. Эта планета просто выглядела невероятно холодной.

— Вот Нептун. И что мне с ним делать?

— Выведи нас на орбиту и начинай прощупывать планету радаром. Ты можешь настроить его на поиск чего-то, по плотности напоминающего звездное вещество?

— Вы хотите сказать, настроить его на поиск ниже поверхностного слоя? Будет сделано, Капитан!

— Андерсен?

— Да? — Он уже погрузился в работу на приборной панели.

— Надеюсь, ты помнишь, что у нас мало времени?

Андерсен в ответ усмехнулся.

— Я могу поместить эту штуку на форсированную орбиту и закончить поиск за пять часов. Годится?

— Великолепно.

— Правда, некоторое время мы будем в невесомости. Вы сможете это вынести?

— Конечно.

Когда Андерсен закончил маневры, корабль завис носовой частью вниз на расстоянии тысячи миль от поверхности планеты.

— Теперь не волнуйтесь, — сказал Андерсен. — Я попытаюсь удержать нас за пределами атмосферы, но если получится, что мы в нее все-таки попадем, все, что мне нужно будет сделать, — это выключить двигатель. Этот двигатель — единственное, что держит нас на форсированной орбите. И мы окажемся прямо в открытом космосе.

— Значит, вот что такое форсированная орбита. Как ты производишь поиск?

— Ну, на карте это выглядело бы, как будто я иду по линиям долготы. При пересечении полюса я смещаю корабль на несколько минут в сторону, таким образом, мы все время меняем полосу поиска. Если бы планета просто вращалась под нами — поиск занял бы шестнадцать часов.

Через несколько часов Андерсен развернул корабль в открытый космос. У него болело все тело, от плеч до кончиков пальцев.

— Его там нет; — сказал он устало. — Теперь что?

— Теперь подготовимся к бою. Направь нас к Нерейде и выключи основной двигатель.

Две яркие звезды — летательные аппараты с реактивными двигателями — находились слишком близко к крошечному солнцу. Из-за этого их было трудно разглядеть. Андерсен не мог даже определить, какой из них «Золотое Кольцо». Но корабль Гринберга неуклонно приближался, голубой и сияющий, двигаясь вдоль кромки золотой короны Солнца. Гарнеру и Андерсену предстояло проделать десятичасовой путь до Нерейды, самого удаленного из спутников Нептуна. Все это время они наблюдали, как огонек Гринберга становился все ярче и ярче.

В 9.30 огонек стал покачиваться. Гринберг совершал маневры.

— Откроем огонь? — поинтересовался Андерсен.

— Думаю, пока не стоит. Давай-ка посмотрим, куда он полетит.

Они находились на темной стороне планеты., а Гринберг летел в направлении Нептуна на грани дня и ночи. Его было отчетливо видно.

— Он летит не на Нереиду, — сказал Андерсен. Почёму-то они оба разговаривали шепотом.

— Правильно. Он оставил это на Тритоне или на орбите.

Миновав Тритон, Гринберг начал тормозить корабль.

— На орбите? Он, должно быть, свихнулся.

Через двадцать минут корабль Гринберга превратился в огонек, мерцающий между рогами холодного голубого полумесяца Нептуна. Гарнер и Андерсен наблюдали, как он медленно полз к одному из рогов. Гринберг тоже был на форсированной орбите, повторяя их схему обследования планеты.

— Что будем делать? — спросил Андерсен.

— Подождем и посмотрим. Сдаюсь, Андерсен. Я ничего не понимаю.

— Клянусь, что эта штука не на Нептуне.

— О! — Гарнер показал рукой. — Вся шайка в сборе.

Крошечная искра двигалась по освещенному краю планеты.

Сине-зеленый шар был больше, чем он ожидал. В первый раз Кзанола раскаивался, что в своем легкомыслии не узнал об этой восьмой планете побольше, когда у него была такая возможность, каких-нибудь два миллиарда лет назад. Он спросил пилота, потом второго пилота, и она вспомнила, что на поверхности Нептуна сила тяжести составляла 1,23 земной. Для Кзанола это составляло примерно 2,5.

Кзано́л стоял у одного из иллюминаторов, сжав свои жесткие губы в гримасе беспокойства. Теперь уже скоро! Так или иначе.

Пилот выводил корабль на поисковую орбиту.

Но там уже кто-то был.

Это был тот полусонный свободный раб, которого он встретил на полпути. Он был уже почти на другой стороне планеты, но за 18 дилтанов он успеет обернуться.

Кзано́л приказал пилоту выключить двигатель. Пусть раб поищет.

Корабль шел низом, выплевывая в звезды языки пламени. Раб действительно следовал плану поиска. Кзано́л позволил ему продолжать.

А потом ему пришло в голову. Как он собирается приземлиться с двигателями, у которых просто не хватит на это мощности? Кзано́л дал пилоту подумать об этом, и пилот объяснил, что это возможно, если одновременно воспользоваться крыльями и воздушно-реактивными двигателями.

Но даже пилот не знал, как потом подняться в воздух.

Кзано́ла-Гринберга некому было предостеречь. Его радар был настроен так, что на нем корабль Кзано́ла был прозрачнее воздуха. Даже сама планета выглядела полупрозрачной. Кзано́л-Гринберг не отрывал глаз от экрана в уверенности, что если Масней и пропустит корабль, то он — никогда.

— Почему второй корабль не ведет поиск? — спросил Андерсен.

— При обычных обстоятельствах, — произнес Гарнер, размышляя вслух, — я бы подумал, что они заодно. Незачем искать обоим сразу. Но как...? А! Я понял. Прише-

лец взял Гринберга и Масея под контроль. Или он просто позволил им делать работу за него. Скорее всего они об этом и не догадываются.

— Разве дело не шло бы быстрее, если бы они оба вели поиск?

— Я уже начинаю думать, что этот инопланетянин — аристократ из аристократов. Может, он считает, что каждый, кто работает, — раб. Раз он хозяин... Но главный вопрос в том, что они ищут и где оно? Слушай, сынок, а почему бы тебе не разогреть мазер и не навести его на наших друзей с Кольца. Я мог бы и с ними поделиться новостями.

Одна особенность кораблей Кольца заключалась в том, что их генераторы воздуха могли перерабатывать табачный дым. Человек в третьем корабле был единственным, кто извлекал из этого какую-то выгоду, единственный из шести на всем Кольце. Его так и называли, без особой нежности, Старина Курильщик.

Когда-то он был жалким землянином. Почти тридцать лет он водил бесконечное количество туристических кораблей вокруг Луны. Ночи он проводил в маленькой дешевой квартирке в Лос-Анжелесе. Она находилась всего на несколько этажей выше уровня уличного движения. По выходным Курильщик ходил на пляж, и ему всегда удавалось найти участок свободного песка, чтобы посидеть. Свои отпуска он проводил в заграничных городах, странных, неизвестных и бесспорно прекрасных, но в большинстве случаев таких же переполненных, как и Лос-Анжелес. Однажды Курильщик пробыл две недели в том, что осталось от тропических лесов Амазонки. Он тайно провез туда несколько сигарет, рискуя попасть на два года в тюрьму, и выкурил их за пять дней. Когда Курильщик обнаружил, что говорит всем знакомым и незнакомым, как сильно ему хочется курить, он вернулся в город.

Курильщик познакомился с Лукасом Гарнером по долгу службы. По долгу службы Гарнера. Проходила мощная сидячая забастовка в знак протеста против коррупции в Комитете по контролю за рождаемостью, и когда полицейские сорвали с него майку, он встретился с Гарнером, который был в форме шефа полиции. Каким-то образом они подружились. Их взгляды на жизнь оказались достаточно схожими для того, чтобы вызвать яростные, хорошо аргументированные и веселые споры. На протяжении многих лет они время от времени встречались, чтобы поспорить о политике. Потом Люк вступил в Армию. Курильщик ему этого не простил.

Однажды Курильщик, как обычно, огибал Луну с группой туристов и вдруг ощутил непреодолимое желание развернуть корабль в сторону открытого космоса и лететь до тех пор, пока звезды не окажутся позади. Он поборол это желание и тем же вечером приземлился в Долине Смерти, как приземлялся уже семьсот с лишним раз. В ту ночь, когда сквозь кипящую толпу Курильщик добрался до своей квартиры, он понял, что ненавидит все города на свете.

К тому времени Курильщик скопил достаточно, чтобы купить собственный корабль для работы на месторождениях. Принимая во внимание это обстоятельство, на Кольце его с радостью приняли. Курильщик научился быть осторожным раньше, чем Кольцо убило его, а того, что он зарабатывал, вполне хватало, чтобы обеспечивать своему кораблю своевременный ремонт, а себе еду и табак.

Сейчас Курильщик был единственным во всей флотилии, кто узнал голос Лукаса Гарнера. Когда радио с треском ожило, он внимательно прослушал Сообщение, потом связался с Лью, чтобы убедиться, что это действительно был Гарнер.

У Курильщика радиопередача отмела всякие сомнения. Это был Гарнер собственной персоной. Не то чтобы старик был выше намеренной лжи, но он не любил риско-

вать своей жизнью. И если Гарнер находился возле Нептуна в прохудившемся земном суденышке военного образца, для этого должна быть веская причина.

Старина Курильщик очень тщательно проверил свой арсенал, состоящий из двух радиолокационных ракет, одного самонаводящегося снаряда и одной лазерной пушки малого радиуса действия. Наконец-то Война Миров началась!

Кзанол-Гринберг был сбит с толку... За шесть часов поиска раб Масней прошел всю планету. Костюма там не было!

Чтобы окончательно убедиться в этом, Кзанол позволил рабу начать повторный поиск. Свой корабль он направил к Тритону. Мозг не мог вычислять орбиты спутников, но один из них оказался на пути к Нептуну. Вполне возможно, что это и был Тритон. Этот спутник был не только ближе к Нептуну, чем Нереида, но и значительно больше: две с половиной тысячи миль в диаметре по сравнению с двумястами.

После изматывающего нервы часа, часа, проведенного в полете вниз головой над поверхностью Тритона, когда изрытый кратерами спутник находится прямо над головой, Кзанол признал свое поражение. Белая вспышка на экране радара так и не появилась, и он перенес внимание на меньший из двух спутников.

— Так вот в чем дело! — Лицо Андерсена просияло. — Они думали, что найдут все на поверхности, а его там нет. И теперь они не знают, где оно! — Он нахмурился, думая о чем-то своем. — А не убраться ли нам отсюда? Свадебный явно направляется к Нереиде, а мы слишком близко, чтобы чувствовать себя в безопасности.

— Правильно! — сказал Гарнер. — Но сначала мы

выпустим ракету. Ту, что нацелена на пришельца. С Гринбергом мы разберемся позже.

— Ужасно не хочется этого делать. На «Золотом Кольце» еще два человека.

Прошла минута. Пауза затянулась.

— Я не могу двинуться, — сказал Андерсен. — Это вон та третья кнопка под синей лампочкой.

Но и Люк не мог пошевелиться.

— Кто бы мог подумать, что он достанет нас с такого расстояния? — с горечью воскликнул Гарнер.

Андерсен не мог не согласиться с ним.

Корабль продолжал свое движение к Нерейде.

Для Силы расстояние не имело большого значения. Значение имело соотношение скорости и времени. Нерейда не оправдала надежд. Мощный радар проходил сквозь нее, как через кривое оконное стекло, и ничего не показывал.

Кзано́л бросил поиск и некоторое время наблюдал за кораблем полуспящего рабом. Крошечный огонек его двигателей храбро светился на фоне крошечной ночи Нептуна.

Кзано́л был в ужасном настроении. Похоже, его корабль не достиг не только Нептуна, но и обоих его спутников. Что могло случиться с Бортовым Мозгом его старого корабля? Возможно, он не был рассчитан на столько лет.

Но в глубине души Кзано́л знал, в чем дело. Мозг промахнулся намеренно. Кзано́л приказал ему совершить самоубийство, не сознавая, о чем просит. И Мозг, который был машиной, а не рабом, подчинявшимся Силе, ослушался. Должно быть, его корабль пролетел через Солнечную систему и ушел дальше в межзвездное пространство на скорости девяносто семь парсеков. Сейчас он обогнул уже половину вселенной.

Кзано́л почувствовал, как мышцы у него во рту напряглись, расправляя вкусовые усики вдоль щек, откры-

вая челюсти до отказа, раздвигая губы и обнажая зубы, готовые крушить. Это была произвольная реакция страха и ярости, автоматически готовящая тринта к бою не на жизнь, а на смерть. Но сейчас сражаться было не с кем. И вскоре челюсти Кзанола сжались, а голова поникла.

Его единственным развлечением было наблюдать за кораблем, в третий раз обследующим Нептун. Вскоре Кзанол увидел, как яркое пламя корабля неожиданно вытянулось, потом снова сократилось. Сонный раб сдался.

После этого Кзанол увидел, что раб тоже летит к Тритону. Им овладело чувство благородной жалости, он вспомнил традицию семьи деда — на Раккарлиу никогда не помыкали рабами. И Кзанол отправился встречать сонного раба на Тритоне.

— Один... два... не вижу корабля Гарнера. Он наверное приземлился где-то или отключил двигатель. Остальные просто делают круги.

— Забавно, что он не связался с нами. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— Мы бы заметили взрыв, Курильщик. В любом случае его двигатель остановился, когда он летел к Нериде. Если двигатель отказал, мы найдем его.

Когда Кзанол оказался достаточно близко, он приказал Сонному повернуть корабль и следовать за ним. Через час военный корабль и «Золотое Кольцо» оказались бок о бок.

Первый и второй пилоты Кзанола были обеспокоены положением с топливом, поэтому, как только корабль Сонного приблизился, Кзанол приказал ему перелить горючее в топливные баки «Золотого Кольца». Кзанол ждал, пока шум в обоих кораблях прекратится. К счастью,

карты были намагничены, а самого Кзанола в кресле удерживали ремни. Подсознательно он следил за передвижениями троих своих личных рабов: Сонный находился в хвосте, а первый и второй пилоты неподвижно сидели в кабине. Кзанол не хотел рисковать их жизнями и не приказал им помогать Сонному.

Неудивительно, что Кзанол подскочил, как ужаленный, когда дверь его каюты распахнулась и вошел РАБ.

Раб со щитом умственной защиты.

— Привет, — сказал раб по-английски. — Думаю, нам нужен переводчик.

И невозмутимо прошел в каюту управления. В дверях он остановился и взмахнул... дезинтегратором Кзанола.

Человеку, обладавшему талантом и образованием Лимана, никогда не следовало поручать такую нудную работу. Лиман знал, что подобное никогда бы не случилось на Кольце. Когда-нибудь, очень скоро, он переселится на Кольцо, где его оценят.

А пока что Лиман был старшим в команде технического обслуживания корпуса Лейзи Восемь III.

Лиман завидовал команде другой секции, секции двигателя в Гамбурге. Им постоянно давали приказания о внесении незначительных изменений в двигатель звездного корабля, пока все ждали разрешения политиков запустить его. А система жизнеобеспечения Лейзи Восемь III за два года не подвергалась никаким изменениям.

До сегодняшнего дня.

Сейчас Лиман и трое его подчиненных с изумлением наблюдали, как орда технических служащих делала непонятные вещи с каютой номер три. По стенам, полу и потолку была натянута сеть тонких проводов. К тому, что в будущем должно было стать полом корабля, а пока что было внешней стеной, приварили тяжелое оборудование.

Были сделаны отводы в энергетическую систему. Лиман и его люди бегали взад-вперед по круглому коридору, принося техническим служащим кофе и бутерброды, деталиные схемы, инструменты, контрольные приборы и сигареты. Они не имели ни малейшего представления о том, что происходит. Пришельцы охотно отвечали на вопросы, но ответы были какими-то непонятными. Вроде этого: «Мы сможем утроить число пассажиров,» - сказал человек, голова которого напоминала коричневое в крапинках яйцо. Для выразительности он тряхнул омометром.

— Как?!

Человек взмахнул омометром и обвел рукой всю комнату.

— Мы поставим их здесь, как пассажиров в лифте в часы пик, — доверительно сообщил он.

Когда Лиман обвинил его в легкомыслии, он смертельно обиделся и перестал разговаривать вообще.

К концу дня Лиман ощущал себя плоским червем в четырехмерном лабиринте.

Каким-то образом ему удалось устроить так, что вся группа отправилась ужинать вместе. Во время ужина многое прояснилось. Лиман насторожился, когда услышал фразу «замедляющие поля».

Незаметно ужин превратился в вечеринку. Было уже два часа, когда Лиману, наконец, удалось позвонить по телефону. Какой-то человек хотел было нажать на рычаг, но Лиман знал, что ему сказать.

Свой первый медовый месяц чета Лингов провела в Рино, штат Невада, тридцать лет назад. С тех пор Линг Ву разбогател на оптовой торговле медикаментами, и недавно Комиссия по рождаемости предоставила ему и его жене редкую привилегию — иметь более двух детей. И вот они здесь.

Здесь, перед хрустальной стеной прозрачного зала, разглядывая окруженный кольцом мир, они не слышали

музыки за своими спинами. Это была волшебная музыка: звуки воображения, вызванные к жизни необитаемым, бесплодным пейзажем, расстилавшимся перед ними. Мягкие изгибы льда разбегались к горизонту, похожему на выступ обрыва. Над этим обрывом висела игрушка, украшение, эстетическое чудо, какого никогда не знал ни один обитаемый мир. Спросите любого начинающего астронома о Сатурне. Он не просто расскажет вам, он достанет свой телескоп и покажет. Он просто заставит вас посмотреть на это.

Линг Дороти, жительница Сан-Франциско в четвертом поколении, нажала ладонями на хрустальную стену, с такой силой, будто желала продавить ее.

— О, я надеюсь, я надеюсь, — сказала она. — Я надеюсь, что он никогда за нами не прилетит!

— Что, Дот? — Линг Ву улыбнулся ей снизу вверх, потому что она была на один дюйм выше.

— «Золотое Кольцо».

— Он уже и так опоздал на пять дней. Мне здесь тоже ужасно нравится, но я бы не хотел думать, что люди погибли только для того, чтобы мы остались здесь подольше.

— Ты разве не слышал, Ву? Миссис Виллинг только что рассказала мне, что «Золотое Кольцо» кто-то украл прямо со взлетной площадки космопорта!

— Миссис Виллинг слишком романтична.

— Дай мне время, дай мне время, — передразнивал Чарли. — Сначала Ларри, потом Ларнерр. Время — это все, что у нас есть. Они что, хотят забрать все звезды себе?

— Мне кажется, ты их недооцениваешь, — сказал дельфин постарше. — На любой планете есть место для нас обоих.

— Чарли не слушал.

— Практически до недавнего времени они не знали, что мы здесь. А мы могли помочь. Я знаю, мы могли.

-- И почему у них должно быть время? Ты знаешь, сколько им самим потребовалось?

— Что ты имеешь в виду?

— Первому рассказу ходячих о полете на Луну — тысячи лет. Но попали они туда всего сто пятьдесят лет назад. Имей терпение, — сказал дельфин, зубы которого были сломаны, а челюсть украшена шрамами.

— В моем распоряжении нет тысячи лет. Я что, должен провести всю жизнь глядя в небо, пока мои глаза не высохнут?

— Ты будешь не первым. Даже не первым пловцом.

Дейл Шнайдер шел по залу, как завоеватель, обдумывающий новые планы захвата. Когда он проходил мимо пациентов, он улыбался и кивал, но его энергичная походка отклоняла всякую возможность разговора. Наконец Дейл добрался до ординаторской.

За пятнадцать секунд он дошел до автомата с кофе. Дейлу Шнайдеру было около сорока лет. Его тело ослабло, плечи ссутулились, щеки ввалились, придавая лицу выражение крайней обескураженности. Он налил черный кофе в пластиковую чашку, попробовал и, презрительно скривив губы, выплеснул. После минутного колебания Дейл наполнил чашку из другого краника. По крайней мере, будет другой привкус.

Так и оказалось. Дейл плюхнулся в кресло и уставился в окно, чашка приятно грела его руку. Снаружи были деревья, трава и нечто, похожее на мощеные дорожки. Госпиталь Меннингера представлял собой лабиринт зданий, ни одно из которых не было выше четырех этажей. Небоскреб в милю высотой мог бы сэкономить миллионы за счет земли, даже если окружить его жизненно необходимой садово-парковой архитектурой. Но многие пациентки просто взвыли бы от сексуальных проблем, вызванных такой одинокой, вытянувшейся вверх башней.

Дейл встряхнулся и отхлебнул варева. На десять минут он мог забыть о пациентах.

Пациенты. Пациенты с «синдромом пришельца». Сначала они ввели его в заблуждение, его и других, одинаковым поведением. Только сейчас становилось очевидным, что их заболевания разнятся, как отпечатки пальцев. Когда пришелец дал себе волю, каждый получил какой-то особый вид потрясения. Дейл и его коллеги пытались проводить групповую терапию, но это было абсолютно неверно.

Каждый взял в точности то, что ему требовалось от этой вспышки ярости, потрясения, горя и страха. Каждый нашел то, в чем нуждался и чего боялся. Одиночество, синдром кастрации, страх стать жертвой насилия, неприязнь к иностранцам, боязнь замкнутого пространства... нет смысла даже перечислять все.

Врачей не хватало. Дейл был измучен... как и все остальные. И ни в коем случае нельзя было этого показать.

Чашка опустела.

— В строй, солдат, — вслух сказал Дейл.

В дверях он посторонился, чтобы дать пройти Гарриет Какой-то — добродушной толстушке, которая всегда держалась, как всеобщая мамаша. Его память задержала остаточное видение ее улыбки, и он удивился, как это ей удается улыбаться даже сейчас? Дейл не видел, как за его спиной улыбка погасла.

— Эти детали, — сказал Лит. — Трижды проклятые детали. Как они могли предусмотреть столько деталей?

— Я думаю, он говорил правду, — решительно сказала Марда.

Лит посмотрел на жену с изумлением. Марда явно туго соображала.

— Не сбивай меня, — сказал он. — Военные могли позаботиться обо всех этих мелочах. Меня беспокоит, что

они пошли на такие затраты и усилия. Спрятать Гринберга. Подготовить его жену. Разрушить кое-что в системе жизнеобеспечения звездного корабля. Они, конечно, смогут потом все восстановить, но представь, сколько это будет стоить!. А переполох в госпитале Меннингера. Боже, как они смогли и это устроить! Подговорить всех этих пациентов? Вдобавок, они не могли бы так запросто воспользоваться «Золотым Кольцом». Девяносто миллионов вопят от негодования, что не могут вовремя вернуться домой. Еще тридцать человек на Земле теперь пропустят свое свадебное путешествие. Титан никогда не допустил бы этого! Военные, как ни крути, должны были украсть этот корабль.

— Скальпель Оккама, — сказала Марда.

— Оккама?? О! Нет. Мне в любом случае приходится слишком многое основывать на предположениях.

— Лит, как ты можешь рисковать? Если Гарнер не лжет, вся солнечная система сейчас в опасности. Если лжет, каковы его мотивы?

— Ты твердо уверена, не так ли?

Марда энергично закивала.

— Да, ты права. Мы не можем рисковать.

Лит вышел из телефонной будки и сказал:

— Я только что послал кораблям запись моего разговора с Гарнером. Целый чертов час. Я хотел бы сделать большее, но Гарнер услышит все, что я скажу. На таком расстоянии он неизбежно окажется в луче мазера.

— Теперь они будут готовы.

— Не знаю. Я хотел бы предупредить их об усилительном шлеме пришельца. Самое худшее, о чем я могу подумать, — это то, что Гарнер заграбастает эту чертову штуку. Ну, ладно. Лью не дурак, он сам обо всем позаботится.

Позже Лит опять связался с Церерой, чтобы узнать, как идет проверка. Уже больше двух недель Кольцо произ-

вольно останавливало и осматривало земные корабли. Если эти упорные поиски Гарнера были попыткой отвлечь внимание от чего-то, то у него ничего не выйдет! Но Церера сообщила, что на данный момент осмотры не дали результатов.

Церера ошибалась. Тактика захвата и осмотра принесла, по крайней мере, один результат. Напряженность в отношениях между Землей и Кольцом еще никогда не была такой сильной.

Второй пилот неподвижно сидела, слушая Кзанола-Гринберга. Она не понимала сверхразговора, но этого и не требовалось. Было достаточно, что понимал Кзанол-Гринберг, а сам Кзанол слушал раба с умственным щитом при помощи разума второго пилота.

— Я должен избавиться от тебя немедленно, — размышлял Кзанол. — Рабу, которым нельзя управлять, нельзя доверять.

— Это более верно, чем ты думаешь. — В голосе Кзанола-Гринберга был оттенок горечи. — Но пока ты не можешь меня убить. У меня есть информация, которая тебе крайне необходима.

— Неужели? Что за информация?

— Я знаю, где второй костюм. Я знаю, почему нас не спасли, и я понял, где... где сейчас наша раса.

Кзанол сказал:

— Я думаю, что тоже знаю, где второй костюм. Но ради того, что ты там еще можешь знать, я тебя не убью.

— Очень великодушно, — Кзанол-Гринберг беспечно взмахнул дезинтегратором. — Для начала я скажу тебе то, что ты не сможешь использовать. Только для того, чтобы доказать, что я действительно знаю, о чем говорю. Ты знал, что белокормы разумны?

— Дерьмо белокормовое.

— Люди обнаружили их на Сириусе А-III-I. Это точно белокормы. И они точно разумны. Ты допускаешь возможность, что они могли развить разум?

— Нет.

— Конечно, нет. Если какая-либо форма жизни и была когда-нибудь защищена от мутации, то это белокормы. Кроме того, что делать с разумом травоядных, лишенных оперативных придатков и естественной защиты? Нет, тнактипы, должно быть, вывели их разумными. То, что они сделали мозг деликатесом, - всего лишь оправдание тому, что они сделали его огромным.

Кзанол сел. Его вкусовые усики торчали вперед, как будто он принюхивался.

— Зачем им это понадобилось?

Попался.

— Давай уж я выдам тебе все сразу, — сказал Кзанол-Гринберг.

Он не спеша снял шлем и сел, потом достал сигарету и закурил, чтобы потянуть время.

Кзанол тем временем молча, но явно приходил в ярость. Нет ничего плохого в том, что тринт приходит в ярость, пока ярость не станет слишком сильной.

— Ну вот, — начал Кзанол-Гринберг. — Первое — белокормы разумны. Второе — ты помнишь, какая началась депрессия, когда тнактипы Плорна изобрели антигравитацию?

— Да, чтоб мне лишиться Силы! — воскликнул Кзанол нетерпеливо и... бестактно. — Плорна нужно было убить сразу же.

— Не его. Его тнактипов. Не понимаешь? Они уже тогда вели необъявленную войну. За этим, должно быть, с самого начала стояли свободные тнактипы: ведь их флоту удалось уйти в космос, когда Тринтум обнаружил их систему. Они и не пытались достичь Андромеды. Они, наверное, все время оставались между звездами, куда никто не летает... летал. Некоторые тнактипы-роботы, должно

быть, принимали их приказы. Белокормы, сами того не сознавая, служили источником информации. Ведь каждый состоятельный тринт в галактике, каждый, кто мог себе позволить, держал белокормов на своей земле.

— Ты птавв и дурак. Ты основываешь все эти предположения на безумной идее, что белокормы разумны. Это ерунда, *нонсенс*. Мы бы почувствовали их разум.

— Нет, проверь Маснея, если не веришь. Должно быть, тнактипы каким-то образом сделали мозг белокорма невосприимчивым к Силе. И один этот факт убеждает, что все было сделано умышленно. Шпионы-белокормы. Антигравитация, вовремя открытая, чтобы вызвать депрессию. Возможно, были и другие идеи. Мутированный виприн был предложен за несколько лет до антигравитации. Они оставили без дела все традиционные фермы по разведению випрингов. Это и породило депрессию, антигравитация ее только ускорила. Еще одно: обычно подсолнухи были единственной защитой плантации, и у всех, кто владел землей, были ограды из подсолнухов. Это приучило землевладельцев к уединенности и независимости, чтобы в военное время они не могли действовать согласованно. И я бы дал голову на отсечение, что у них был какой-нибудь распылитель, уничтожающий подсолнухи. Когда депрессия была в полном разгаре, они нанесли удар.

Кзанола молчал. По выражению его лица нельзя было ничего понять.

— Здесь не все предположения. У меня есть проверенные факты. Во-первых, бандерснэтчи, для нас белокормы, разумны. Люди не дураки. Они бы не сделали такой ошибки. Во-вторых, возьмем тот факт, что тебя не подобрали, когда ты упал на F-124. Почему?

— Чертовски хороший вопрос. Почему?

Это было его исходным пунктом, болью, которая терзала душу Кзанолы-Гринберга в течение 16 дней размышлений о прошлом и о себе. 16 дней, на протяжении которых ему ничего не оставалось делать, как наблюдать

за Маснеем и думать о своем несчастье. Его ум проделал длинный путь, начавшийся с грустных раздумий о молчаливом бандерсиэтче, и закончился войной, которая велась целую вечность назад. И всего этого могло не быть. Он мог бы избежать всех мучений и опасностей, если бы этот кретин-надсмотрщик увидел вспышку. Но он не увидел, и только по одной причине.

— Потому что на Луне никого не было. Надсмотрщик был или убит во время восстания, или где-то сражался. Но, скорее всего, он был уже мертв. Тнактипы напали бы одновременно повсюду, чтобы отрезать источники питания.

— Чтобы что? — Кзанола явно растерялся.

Тринты никогда не воевали ни с кем, кроме других тринтов, к тому же последняя война закончилась еще до межзвездных полетов. Кзанола ничего не знал о войне.

Тринт попытался вернуться к главному.

— Ты сказал, что знаешь, где сейчас тринты.

— Там, где и тнактипы. Они мертвы, вымерли. Если бы они не вымерли, они бы уже добрались до Земли. Это относится и к тнактипам, и почти ко всем остальным расам, которые нам служили. Они, должно быть, все погибли во время войны.

— Но это безумие. Кто-то же должен был выиграть войну!

Он говорил так искренне, что Кзанола-Гринберг рассмеялся.

— Это не так. Спроси любого человека. Спроси русского или китайца. Они решат, что ты дурак, раз спрашиваешь об этом, но все же расскажут тебе о Пирровой победе. Сказать, что могло произойти?

Он не стал дожидаться ответа Кзанола.

— Это просто предположение, но в нем есть смысл, и у меня было две недели, чтобы как следует все обдумать. Должно быть, мы проигрывали войну. Если так, то некоторые представители нашей расы скорее всего решили взять

всех рабов с собой. Как похороны деда, только с большим размахом. Они сконструировали такой мощный усилительный шлем, чтобы накрыть всю галактику. После этого они приказали всему, что было в пределах досягаемости, совершить самоубийство.

— Но это ужасно! — Кзанола просто рассвирепел от такого нравственного преступления. — Зачем тринту делать подобное?

— Спроси любого человека. Он знает, на что способны разумные существа, когда кто-то угрожает их жизни. Сначала они заявят, что все это ужасно безнравственно и что немыслимо, чтобы такая угроза когда-нибудь была исполнена. Потом признаются, что у них похожие планы, лучшие во всех отношениях, и что они вынашивали их годами, десятилетиями, веками. Ты признаешь, что создание Большого усилителя технически возможно?

— Конечно.

— Ты сомневаешься в том, что восставшая раса рабов довольствовалась бы меньшим, чем полное уничтожение тринтов?

В уголках рта усики Кзанола корчились в безмолвной борьбе. Он наконец заговорил:

— Я в этом не сомневаюсь.

— Тогда...

— Конечно, мы бы захватили их всех с собой! Подлые, трусливые, ниже, чем белокормы, воспользовавшиеся свободой, которую мы им дали, чтобы погубить нас! Мне бы только хотелось, чтобы мы взяли их всех с собой, всех до одного...

Кзанола-Гринберг усмехнулся.

— Должно быть, так и произошло. Как еще можно объяснить, что не обнаружено ни одной расы наших рабов, кроме белокормов? Вспомни, я тебе говорил о том, что белокормы невосприимчивы к Силе. Теперь о другом. Ты искал второй костюм?

— Да, на спутниках. А ты обыскал Нептун. Я бы знал, если бы Масней нашел его. Но есть еще одно место, кото-

рое я хотел бы осмотреть.

— Давай. Дай мне знать, когда закончишь.

«Золотое Кольцо» разворачивался. Кзано́л сидел, глядя прямо перед собой, перенеся внимание в каюту управления. Кзано́л-Гринберг зажег сигарету и приготовился ждать.

Если Кзано́л научился быть терпеливым, то и его жалкое человеческое подобие тоже. Иначе он совершил бы какую-нибудь глупость, когда тринт взял под контроль Маснея, его личного раба. Он мог бы убить тринта уже только за то, что тот пользовался его телом... собственным украденным телом Кзано́ла-Гринберга. А чего стоило вообще общаться с Кзано́лом, лицом к своему собственному лицу!

Но у него нет выбора.

Удивительнее всего было то, что Кзано́л-Гринберг кое-чего достиг. Он встретился со взрослым тринтом на территории этого тринта. Ему пришлось потрудиться, чтобы заставить Кзано́ла считать себя разумом другого тринта, по крайней мере, птаввом. Но Кзано́л все еще мог убить его. Жаль, что тринт так мало внимания обращает на дезинтегратор! Но пока что все идет гладко. И он гордился этим, — у Кзано́ла-Гринберга нет самоуважения.

А пока, раз делать больше нечего, ему лучше держаться от Кзано́ла подальше.

Первым побуждением Кзано́ла было проверить корабль Кзано́ла-Гринберга с помощью радара. Когда костюм обнаружить не удалось, Кзано́л снова взялся за Маснея, проверяя тем самым предположение, что раб с умственным щитом как-то тайком пронес костюм на корабль и отключил поле стасиса. И снова ничего не обнаружил.

Но раб казался таким уверенным в себе! Почему, если у него нет костюма?

Они еще раз совместно общарили Тритон. По ходу того, как продвигались поиски, Кзано́л-Гринберг видел,

что неуверенность Кзанола растёт. Костюма не было на Нептуне, не было и... на обоих спутниках, определенно не было на втором корабле. Костюм не мог столько времени оставаться на орбите. Где же он тогда?

Двигатель замер. Кзанол повернулся к своему мучителю, который внезапно ощутил, что его мозг как бы расплющили. Кзанол вложил в это все: кричащие чувства и невнятное бормотание, приказы, гнев, грубую бешеную ненависть и

ВОПРОС, ВОПРОС, ВОПРОС

Пилот застонал и обхватил голову руками. Второй пилот пронзительно вскрикнула, встала, повернулась вполоборота и умерла с пеной на губах. Так она и стояла мертвая у игорного стола, несмотря на невесомость — магниты в ее сандалиях не давали ей уплыть. Кзанол-Гринберг встретил взгляд тринта, как он встретил бы торнадо.

Умственное торнадо прекратилось.

— Где он? — спросил Кзанол.

— Давай заключим сделку, — Кзанол-Гринберг повысил голос, чтобы пилоту было слышно.

Боковым зрением он увидел, что тринт донял его: из каюты управления выходил пилот, чтобы занять место второго пилота в роли переводчика.

Кзанол достал свой складной нож. Он относился к дезинтегратору с величайшим равнодушием. Возможно, тринт просто не думал о нем как об оружии. В любом случае, никто не пустит в ход оружия против тринта, кроме другого тринта. Кзанол выдвинул нож на восемь дюймов и стоял, готовый вонзить невидимо тонкое лезвие в тело непокорного разумного.

— Я тебя вызываю, — сказал Гринберг.

Он даже не потрудился поднять дезинтегратор.

ВЫЙДИ — приказал Кзанол пилоту.

Кзанола-Гринберг чуть не закричал. Он выиграл! Рабы не могут присутствовать во время схватки или ссоры между тринтом и тринтом.

Пилот медленно двинулся к шлюзовой камере. Слишком медленно. Должно быть, какой-то двигательный участок его мозга перегорел во время умственной борьбы или раб просто не хотел уходить.

ХОРОШО. НО БЫСТРЕЕ.

Пилот очень быстро забрался в свой скафандр перед тем, как покинуть корабль. Семья владельцев Раккарлиу никогда не помыкала рабами...

Дверь шлюзовой камеры захлопнулась.

Кзанола спросил:

— Что ты задумал?

Ответа он не понял. Чувствуя к себе отвращение, он сказал:

— Нам придется воспользоваться радио. А, вот оно, — Кзанола пригнул лицо к стене так, чтобы пара вкусовых усиков попала в углубление и щелкнула выключателем.

Теперь пилот, чтобы быть переводчиком, мог слышать Кзанола-Гринберга с помощью радио внутри своего скафандра.

— Повторяю, — сказал Кзанола. — Что ты задумал?

— Я хочу стать твоим партнером в управлении Землей. Наше соглашение останется в силе, если мы обнаружим и другие... э... существа, подобные тебе, или их правительство. Половина тебе, половина мне и твое полное содействие в создании усилителя для меня. Пусть первый остается у тебя, он может не подойти моему мозгу. Я хочу, чтобы ты дал клятву... подожди, не могу произнести. — Он взял листок для записи очков при игре в бридж и написал *пртуув* точками и загогулинами. — Я хочу, чтобы ты поклялся этой клятвой, что будешь защищать мою половину владения по мере сил и что ты никогда намеренно не подвергнешь опасности мою жизнь и здоровье, при условии, что я доставлю тебя туда, где ты найдешь второй

костюм. Еще поклянись, что мы заставим людей сконструировать мне второй усилитель, как только вернемся.

Кзано́л раздумывал целую минуту. Его умственный щит был непроницаем, как дверь лунного форта, но Кзано́л-Гринберг легко читал его мысли. Он тянул специально, чтобы набить цену. Конечно, он уже решил дать эту клятву, потому что клятва *пртууул* обязательна между тринтом и тринтом. Кзанолу нужно всего лишь посмотреть на него как на раба...

— Хорошо, — сказал Кзано́л и произнес клятву *пртууул*, не пропустив ни единого слога.

— Отлично, — удовлетворенно сказал Кзано́л-Гринберг. — А теперь поклянись этой клятвой.

Он достал из нагрудного кармана еще один листок для бриджа и передал Кзанолу. Тринт взял листок и взглянул.

— Ты хочешь, чтобы я произнес для тебя еще и клятву *кшитлиттулм*?

— Да.

Кзанолу-Гринбергу не было необходимости расшифровывать для Кзано́ла эту клятву или даже скрывать свою дельфинью ухмылку. Клятва *кшитлиттулм* использовалась между тринтом и рабом. Если Кзано́л даст обе клятвы, он свяжет себя навсегда, разве только он позволит себе считать Кзано́ла-Гринберга растением или бессловесным животным. Что было бы несмываемым позором.

Кзано́л бросил бумажку. Его умственный щит был таким напряженным, что почти вибрировал. Потом челюсти Кзано́ла широко раскрылись, губы отодвинулись от игольчатых клыков в улыбке более ужасной, чем та, которой улыбается король тиранозавров, дразня палеонтолога, или Лукас Гарнер, услышав хорошую шутку. Глядя на Кзано́ла, кто усомнился бы, что это плотоядное животное? Проголодавшееся плотоядное животное, которое готово утолить голод в любую секунду. Можно было даже забыть, что Кзано́л был всего лишь в половину человеческого

роста, а вместо этого с ужасом увидеть, что он больше, чем сто скорпионов, или три дикие кошки, или полчище марширующих муравьев, или стая пираний.

Кзанол-Гринберг узнал улыбку печального восхищения, капитуляции перед более сильным соперником, улыбку игрока, умеющего проигрывать. Но, неся в себе воспоминания тринта, он видел и большее. Улыбка Кзанола была фальшивой, как медный транзистор.

Кзанол произносил клятву четыре раза и сделал четыре технические ошибки, лишавшие клятву законной силы. На пятый раз он сдался и дал клятву по всем правилам.

— Хорошо, — сказал Кзанол-Гринберг. — Прикажи пилоту доставить нас на Плутон.

— Ну-у ладно. Всем кораблям развернуться и направиться к 3, 84, 21, — по голосу человека в головном корабле чувствовалось, что он теряет терпение. — Не знаю, что это за игра, но мы умеем играть не хуже любого ребенка в квартале.

— Плутон, — сказал кто-то. — Он летит к Плутону!

Старина Курильщик Петропулос ткнул пальцем в передатчик.

— Лью, не лучше ли кому-то из нас остаться и выяснить, что с двумя другими кораблями?

— Ух. Ладно, Курильщик, ты это и сделаешь. Сможешь позже найти нас с помощью мазера?

— Конечно, босс. Никаких секретов?

— Черт, они все равно знают, что мы летим за ними. Говори все, что будет нужно. И узнай, где Гарнер. Если он на свадебном, дай мне знать. И еще, свяжись с Вуди на шестом и передай приказ следовать за Гарнером.

*** *** ***

— Конечно, это Плутон. До тебя еще не дошло?

Уже не в первый раз Кзано́л-Гринберг усомнился в умственных способностях своего бывшего «я». Эти сомнения становилось трудно игнорировать. Он боялся, что Кзано́л сам догадается. Но?..

— Нет, — сказал Кзано́л злобно.

— Корабль попал в один из спутников Нептуна, — начал терпеливо объяснять Кзано́л-Гринберг. — И так сильно, что сбил спутник с орбиты. Ведь корабль двигался почти со скоростью света. Спутник набрал достаточно энергии, чтобы стать самостоятельной планетой, но у него осталась эксцентрическая орбита, которая временами все еще приводит его на орбиту Нептуна. Это, естественно, и помогло его обнаружить.

— Мне сказали, что Плутон пришел из другой солнечной системы.

— Мне тоже. Но это невозможно. Если такая громада приплыла в систему извне, почему она снова не вышла из нее, чтобы завершить гиперболу? Что могло ее остановить? Но одно меня беспокоит. Плутон не очень большой. Ты не думаешь, что костюм могло вынести взрывом обратно в космос?

— Если так, я тебя убью, — пообещал Кзано́л.

— Не говори, дай мне самому догадаться, — упрашивал Гарнер. — Ага! Понял. Курильщик Петропулос, как дела?

— Не так хороши, как твоя память. Прошло добрых 22 года.

Курильщик стоял позади двух кресел в плюсовой камере и усмехался двум собственным отражениям в боковом стекле. На большее не было места.

— Что, черт побери, с тобой, Гарнер? Почему ты не повернешься и не пожмешь руку своему старому приятелю?

— Не могу, Курильщик. Один инопланетянин, который не принимает отрицательных ответов, приказал нам не двигаться. Может быть, хороший гипнотизер и сможет вывести нас из этого затруднительного положения, но до тех пор нам придется подождать. Кстати, познакомься, это Лерой Андерсен.

— Привет.

— Дай-ка нам по сигарете, Курильщик, и вставь их нам в углы ртов, чтобы мы могли разговаривать. Твои парни преследуют Гринберга и пришельца?

— Да, — Курильщик возился с сигаретами и зажигалкой. — А что это за игра в музыкальные стулья?

— Что ты имеешь в виду?

Старина Курильщик вложил сигареты куда просили и сказал:

— Этот свадебный отправился на Плутон. Зачем?

— Плутон!

— Удивлен?

— Усилителя там нет, — сказал Андерсен.

— Правильно, — сказал Гарнер. — Мы знаем, что они ищут, и теперь знаем, что здесь они этого не нашли. Но я не представляю, почему они решили, что усилитель на Плутоне. Уф! Стойте. — Гарнер сердито попыхивал сигаретой: добрый, настоящий табак, все еще со смолами и никотином. Казалось, ему совсем не трудно двигать лицом. — Плутон когда-то мог быть спутником Нептуна. Может быть, в этом дело. А что с кораблем Гринберга? Он движется в том же направлении?

— Ух. Где бы он ни находился, его двигатель выключен. Мы потеряли его четыре часа назад.

Заговорил Андерсен:

— Если ваш друг все еще там, у него могли возникнуть проблемы.

— Точно, — сказал Гарнер. — Курильщик! Возможно, этот корабль падает к Нептуну вместе с Ллойдом Маснеем. Ты его помнишь? Такой крупный, грузный парень с усами.

— Кажется. Он тоже парализован?

— Он загипнотизирован. Обыкновенная, избитая, кустарная разновидность гипноза, и если ему не прикажут в случае чего спасти собственную жизнь, он не спасет. Сделаешь?

— Конечно. Я привезу его сюда, — Курильщик повернулся к шлюзовой камере.

— Эй! — взвизгнул Гарнер. — Вытащи окурки, пока наши лица не загорелись!

Из своего корабля Курильщик связался с Вуди Атвудом в шестом номере, антирадаре, и все рассказал.

— Это похоже на правду, Вуди, — закончил он. — Но рисковать незачем. Давай сюда и держись поближе к кораблю Гарнера. Если он сделает хоть одно движение, значит, он проклятый вун, так что не спускай с него глаз. Он давно известен своими штучками. А я посмотрю, действительно ли с Маснеем что-то не так. Думаю, я его найду быстро.

— При единице гравитации отсюда до Плутона полторы недели пути, — сказал Андерсен, который уже сделал простые подсчеты в уме. — Но мы не смогли бы последовать за этой шайкой, даже если бы могли двигаться. У нас нет горючего.

— Мы сможем заправиться на Титане, так ведь? Где, черт побери, Курильщик?

— Вряд ли его стоит ждать сегодня.

Гарнер сердито глянул на Андерсена. Космос, невесомость, паралич — все это сказывалось на его самообладании.

— Эй, — неожиданно прошептал он.

— Что? — Это слово было произнесено преувеличенно тихим шепотом.

— Я могу двигать указательными пальцами, — огрызнулся Гарнер. — Это колдовство может терять силу. И следи за своими манерами.

Курильщик вернулся вечером следующего дня. Он вставил заостренный нос своего корабля в реакторную трубку корабля Масней, чтобы толкать его. Когда он отключил свой двигатель, оба корабля стали свободно дрейфовать. Курильщик сновал между ними с аварийным ранцем на поясице. К этому времени Атвуд уже присоединился к ним и помогал Курильщику, потому что было глупо подозревать обман после того, как был найден Масней.

И не потому, что Масней был все еще загипнотизирован. Уже не был. Кзано́л вывел его из гипноза, взяв под контро́ль, и, отправляясь на Плутон, по доброте или легкомыслию не дал никаких распоряжений. Масней был близок к голодной смерти. На его лице залегли глубокие морщины, а кожа на теле стала похожей на обвислую, в складках, палатку, растянутую на его скелете. Кзано́л-Гринберг неоднократно забывал кормить его, спохватываясь только тогда, когда было видно, что голод вот-вот выведет Масней из гипноза. Кзано́л никогда бы не обращался так с рабом, но Кзано́л, настоящий Кзано́л, в значительно большей степени был телепатом, чем самозванный. К тому же... Кзано́л-Гринберг не привык думать о ежедневном потреблении пищи как о необходимости. Такое количество пищи было роскошью, и притом глупой.

Как только «Золотое Кольцо» исчез из вида, Масней набросился на еду. В его корабле не осталось и капли горючего, и его обнаружили дрейфующим по сильно эксцентрической орбите вокруг Тритона, по орбите, которая постепенно сужалась.

— Вряд ли все это было подстроено, — сказал Курильщик, когда связался с флотилией Кольца. — Еще немного, и Масней бы умер. Он находится на грани истощения.

Сейчас четыре корабля были около Нереиды.

— Нам нужно заправить корабли, — сказал Гарнер. — Вот как это можно сделать.

И он стал объяснять.

Курильщик заупрямился:

— Я свой корабль не брошу.

— Мне очень жаль, Курильщик. Но посуди сам. У нас три пилота, так? Ты, Вуди и Масней. Я и Андерсен не можем двигаться. Но у нас четыре корабля. Один мы должны оставить.

— Должны. Но почему мой?

— У нас пять человек на три корабля. Это означает, что нам необходимы оба двухместных. Правильно?

— Правильно.

— Остаются твой корабль и корабль с антирадаром. Какой бы ты выбрал?

— Ты же не думаешь, что мы успеем добраться до Плутона к началу военных действий?

— Но мы можем попытаться. Или ты хочешь все бросить и вернуться домой?

— Ладно, ладно.

Флотилия двинулась к Тритону без четвертого номера, но с половиной его горючего, залитого в корабль Маснея «Иво Джимма». Гарнер стал пассажиром Маснея, а Курильщик полетел на «Хайнлайне» с Андерсеном. Все три корабля зависли над покрытой льдом поверхностью большего из спутников. Их двигатели слой за слоем растапливали замороженные газы — азот, кислород, углекислоту, пока не добрались до плотного слоя льда. Корабли совершили посадку на лед, после чего Вуди и Курильщик отправились за четвертым номером.

Курильщик посадил корабль-одиночку при почти пустом баке. То, что оставалось, они черпали в «Иво Джимма», потом дополнили его бак горючим «Хайнлайна». Вуди отключил в одиночном корабле охлаждающий блок резервуара с водородом, снял обогреватель кабины и перенес его в резервуар. Для этого ему пришлось проделать дыру в стене.

Следующие несколько часов Вуди и Курильщик провели, вырезая изо льда глыбы. Масней все еще не оправился, поэтому представителям Кольца пришлось взять всю работу на себя.

Они еле держались на ногах, когда закончили ее. Два лазерных режущих инструмента практически вышли из строя, но зато топливный бак четвертого номера был заполнен теплой, не очень чистой водой.

Потом Курильщик и Вуди подключили батарею номера шесть, чтобы подвергнуть электролизу растопленный лед.

В бак «Хайнлайна» залили смесь водорода с кислородом, потом установили термостат выше точки конденсации водорода, но кислород выпал в виде снега, Курильщику и Вуди пришлось, сменяя друг друга на дне бака, выгребать его. Один раз им даже понадобилось поднять в воздух шестой номер и немного покружить над Тритоном, чтобы зарядить батареи. И все это время их преследовало острое чувство безвозвратно уходящего времени.

За два дня Вуди с Курильщиком заправили все три корабля. Баки были неполными, но этого было достаточно, чтобы доставить небольшой вспомогательный флот на Плутон. Четвертый номер никуда не годился, его бак был забит грязью.

— Мы опоздаем на три дня, что бы там ни происходило, — мрачно заметил Вуди. — Зачем тогда вообще лететь?

— Мы можем приблизиться настолько, чтобы вести пререговоры по радио, — возразил Курильщик. — Я хочу, чтобы Гарнер был поблизости и давал команды флоту, он больше всех нас знает об этих монстрах.

Люк добавил:

— Основной аргумент — это то, что флот, прежде чем проиграет войну, сможет продержаться дня три. А к тому времени мы доберемся туда, да еще день сэкономим время. А может и нет. Полетели.

*** *** ***

— Свариваем! — В голосе Кзанола слышалось характерное для тринта презрение. — Мы с таким же успехом могли бы раскладывать пасьянс.

Эти слова прозвучали довольно странно, особенно если принять во внимание, что Кзанола проигрывал.

— Знаешь что? — предложил Кзанола-Гринберг. — Давай поделим Землю прямо сейчас и будем играть на людей. Мы можем уже сейчас договориться, что разделим Землю пополам, с севера на юг, и оставим пока все как есть, а когда вернемся с усилителем, ставкой каждого будет восемь миллиардов человек.

— Звучит заманчиво. А почему с севера на юг?

— Так у каждого из нас будут все типы климатических зон. А почему бы и нет?

— Согласен.

Кзанола сдал две карты мастью вниз и одну вверх.

— 7 дальше, — объявил пилот.

— Упал, — сказал Кзанола-Гринберг, глядя, как Кзанола зарычал и сгреб взятки. — Надо было взять Маснея. Опасно лететь без пилота.

— Да? Представь, что я взял Маснея. Как бы ты себя чувствовал, видя, как я управляю твоим бывшим рабом?

— Паршиво.

На самом деле Кзанола-Гринберг только сейчас понял, что Кзанола проявил редкий такт, оставив Маснея. Ллойд был использованным рабом. Рабом, который уже кому-то принадлежал. Обычай почти требовал его смерти и, безусловно, предполагал, что он уже никогда не станет собственностью уважающего себя тринта, хотя может быть отдан нищему.

— 5 дальше, — сказал пилот.

Со своего места он не мог видеть игровых, но готов был в любую секунду переводить, ломая язык о неперево-димый покерный слэнг.

Кзано́л сдал одну вверх, одну вниз.

— Забавно, — сказал Кзано́л-Гринберг. — Я почти вспомнил что-то, но потом все куда-то исчезло.

— Открой свой ум, и я скажу, что это было.

— Нет. Все равно это на английском. Из воспомина-
ний Гринберга. — Он сжал голову. — Что же это было?
Кажется, что-то чертовски подходящее. Что-то насчет
Маснея.

— Играй.

— Девять человек.

— Поднимаю на пять.

— Мои десять.

— Ходи. Гринберг, почему это ты выиграл больше
меня, хотя ты вскрываешься чаще?

Кзано́л-Гринберг щелкнул пальцами.

— Вот оно! «Когда я стану мужчиной и буду очень
гордым и сильным, я не позволю другим девчонкам и
мальчишкам брать мои игрушки». Стивенсон. — Он засме-
ялся. — Почему я....

— Двойка тебе, дама мне, — перевел пилот.

Кзано́л продолжал по-тринтски:

— Если бы у людей были телепатические регистриру-
ющие аппараты, им бы не приходилось вот так возиться
со звуками. Хотя у ваших звуков приятный ритм.

— Конечно, — рассеянно сказал Кзано́л-Гринберг.

Он проиграл эту партию, поставив две тысячи на две
четверки.

Через некоторое время Кзано́л отвлекся от игры:

— Коммуникатор, — сказал он, встал и прошел в
каюту управления.

Кзано́л-Гринберг последовал за ним. Когда они уст-
роились, пилот включил звук.

«...Атвуд в шестом номере. Надеюсь, что ты слуша-
ешь, Лью. В свадебном определенно находится иноплане-

тянин, и у него определенно мощнейшие способности. Все это правда. Пришелец парализовал военного представителя и его пилота с расстояния примерно в миллион миль. И он довольно черствый парень. Он бросил человека во втором корабле дрейфовать около Тритона, умирающим от голода и без капли горючего. Гарнер говорит, что из-за Гринберга. Гринберг — это тот, который считает себя пришельцем. Он сейчас тоже на свадебном. Там еще двое: пилот и второй пилот. Гарнер говорит: стрелять без предупреждения, не пытаться приблизиться к кораблю. Я оставляю это на ваше усмотрение. Мы на три дня позади вас, но все равно летим. Четвертый номер находится на Тритоне, им нельзя пользоваться, пока не вычистим топливные баки. Только трое из нас могут вести корабль. Гарнер и его пилот все еще парализованы, хотя это понемногу проходит.

По-моему, ваша основная цель — усилитель, если вы сможете его найти. Эта штука гораздо опаснее, чем любой инопланетянин. Кольцу он нужен только для исследовательских целей, и я знаю ученых, которые возненавидят нас, если мы лишим их этой возможности. Но ты представляешь себе, что Земля может сделать с усилителем телепатического гипноза...

Ставлю на повтор. Лью, это Атвуд в шестом номере. Повторяю, Атвуд...»

Кзанол-Гринберг достал сигарету и закурил. На свадебном был обширный выбор сигарет. Эта была из денникотинизированного табака с двойным фильтром и ментолом. У нее был запах слабо горящих листьев, а вкус — леденцов от кашля.

— Стрелять без предупреждения, — повторил он. — Хорошего мало.

Тринт смотрел на него с нескрываемым презрением. Бояться рабов! Хотя и сам-то он всего лишь птавв...

Кзанол-Гринберг выглядел раздраженным. В конце концов, он знает о людях куда больше Кзанола.

— Всем, всем,— заговорил человек в головном корабле. — Я думаю, огонь открывать необходимо. Комментарии?

Последовали комментарии. Лью все терпеливо выслушал, потом сказал:

— Тартов, твои гуманные побуждения делают тебе честь. Никакого сарказма. Но положение слишком серьезно, чтобы думать о двух землянах в свадебном специальном. Насчет усилителя нам нечего беспокоиться. Земля все равно не найдет его раньше нас. Они не знают о Плутоне того, что известно нам. Мы выставим над планетой охрану, пока Кольцо не пришлет автоматический орбитальный сторожевой корабль. Если радар засечет усилитель, мы просто сбросим на него бомбу, и к черту все исследовательские возможности. Я ничего не пропустил?

Женский голос произнес:

— Давай пустим одну ракету с камерой. Мы же не хотим использовать весь огневой потенциал сразу.

— Правильно, Мейб. У тебя есть ракета с камерой?

— Да.

— Выпусти ее.

Кзанол-Гринберг, как всегда, ушел в себя. Почему-то он вспомнил свои часы, лежащие во втором костюме, для торжественных случаев. Они надевались на локоть, с криогенными шестеренками. Нужно сделать новый ремешок.

Но зачем? Они всегда отставали. Ему приходилось подводить их каждый раз, возвращаясь с приемов, с других плантаций, из космоса.

Ну, конечно. Его часы портила относительность времени. Как он раньше этого не понял?

Потому что был тринтом.

Глупым. Тринты были глупы. Кзанол не мог играть в покер, даже когда пользовался знаниями пилота. Он не догадался, что его корабль мог врезаться в Плутон. Ему не нужен ум, у него есть Сила.

Тринты перестали использовать собственный интеллект после того, как нашли первую расу рабов. До этого момента Сила ничего не значила, ей не было применения. У тринтов был безграничный приток рабов, которые даже думали за них. Стоит ли после этого удивляться, что тринты деградировали?

— Ставлю пятьдесят, — сказал Кзанол-Гринберг.

Тринт улыбнулся.

— Я никогда не считал, что Департамент Обороны — превосходная идея, — сказал Люк. — Но я полагаю, что он необходим. Совершенно необходим. Я стал военным, потому что думал, что таким образом смогу быть полезен обществу.

— Люк, если землянам необходима полиция мысли, чтобы поддерживать их жизнь, им незачем жить. Вы пытаетесь задержать эволюцию.

— Мы не полиция мысли! Мы всего лишь осуществляем контроль за технологией. Если кто-то создает нечто, что запросто может уничтожить цивилизацию, тогда и только тогда мы вмешиваемся. Ты бы удивился, если бы узнал, до чего часто это происходит.

В голосе Курильщика прозвучало презрение:

— Неужели? Почему бы тогда не запретить реакторные трубки? Нет, не перебивай меня, Люк, это важно. Термоядерная реакция используется не только в кораблях. Половина питьевой воды на Земле поступает из дистилляторов морской воды, и все они используют тепло реакции. Большая часть электроэнергии Земли и вся электроэнергия Кольца — это реактивы. А термоядерное

пламя в крематориях и мусоросжигающих заводах? Возьми уран, который вы вынуждены импортировать только для того, чтобы впрыскивать его в реакторные трубки в качестве детонатора. А что говорить про сотни тысяч реактивных кораблей, каждый из которых...

— ... превращается в водородную бомбу одним нажатием кнопки.

— Совершенно верно. Так почему же военные не запретили термоядерную реакцию?

— Во-первых, потому что Департамент Обороны был создан слишком поздно. Термоядерная энергия уже существовала. Во-вторых, потому что нам нужна эта энергия. Реакторная трубка — это человеческая цивилизация, так уж устроены электрогенераторы. В-третьих, мы не вмешиваемся в то, что способствует космическим полетам. Но я рад...

— Ты служишь...

— Моя очередь, Курильщик. Я рад, что ты затронул реакторы, потому что именно в них все дело. Цель Департамента Обороны — поддерживать равновесие цивилизации. Нарушишь равновесие, и первое, что случится, — это война. Так всегда бывает. Но этот раз будет последним. Можешь представить себе полномасштабную войну со всеми этими водородными бомбами, ждущими своего часа? Только нажать на кнопку — ты, кажется, так сказал.

— Ты сказал. Значит, нужно подавлять человеческую изобретательность, чтобы удержать равновесие? Жалкая у Земли участь, если так.

— Курильщик, если бы это не было совершенно секретно, я бы показал тебе проект, позволяющий устранять реакторный экран с расстояния в 10 миль. Чик Уотсон стал моим боссом после того, как ему удалось обнаружить изобретение, которое заставило бы нас узаконить убийство. Это было...

— Не говори мне о доказательствах, которые все равно не можешь представить.

— Ладно, черт побери, а как насчет того усилителя, за которым мы все охотимся? Представь, что появляется такой умник с усилителем для телепатического гипноза! Ты бы его не запретил?

— Сначала достань такую штуковину, а тогда я отвечу.

Масней взмолился:

— Ради Бога, вы, двое!..

— Чертовски верно, — откликнулся голос Андерсена.

— Дайте нам, невинным свидетелям, час передышки.

Человек в головном корабле открыл глаза. Остаточные изображения, как вайды-амебы, мешали ему смотреть, но экран оставался темным и плоским.

— Всем кораблям! — сказал он. — Мы пока не можем стрелять. Придется подождать, пока они развернутся.

Никто ничего не спросил. Все они видели с помощью камеры, укрепленной на носу, как ракета Мейб Дьюлин приблизилась к «Золотому Кольцу». Они видели, как пламя двигателя свадебного стало ослепительным, несмотря на то, что картинка постепенно тускнела. Потом экраны погасли. Расщепляющийся водород превратил ракеты в расплавленные огарки, прежде чем они успели близко подойти к кораблю. Еще один день свадебный останется цел и невредим.

Кзанол-Гринберг принял решение.

— Остаешься за старшего, — сказал он. — Я скоро вернусь.

Кзанол наблюдал, как он встал и надел скафандр.

— Что это ты собираешься делать?

— Попытаюсь задержать противника, если повезет.

После этого птавв поднялся по трапу в шлюзовую камеру.

Кзанол вздохнул. Он считал, что раб с умом птавва делал ужасно много шума из ничего. Возможно, тот слишком много размышлял о предполагаемом восстании тнактипов, и все рабы стали казаться ему опасными.

Кзанол-Гринберг оказался на верхней части корпуса корабля. Шлюзовую камеру поместили именно там по нескольким причинам, главной из которых была та, что так люди могли ходить по обшивке при работающем двигателе.

Кзанол-Гринберг надел магнитные сандалии, потому что если бы он поскользнулся, падать пришлось бы очень долго, и быстро пошел по корме к хвосту.

Кнопка, спрятанная в киле корабля, выпустила ступеньки, ведущие по закруглению корпуса к крылу. Кзанол-Гринберг спустился вниз. Водородное свечение было очень ярким: даже закрыв глаза, он чувствовал жар на лице. Он встал на колени, чтобы крыло защитило его от света...

Кзанол-Гринберг посмотрел через край. Если наклониться слишком сильно, можно ослепнуть, но ему необходимо разглядеть... Да, вот они. Пять светящихся точек, одинаково ярких и одинакового цвета. Кзанол-Гринберг направил дезинтегратор и спустил курок.

Если бы дезинтегратор обладал лучом вроде мазера, он мог бы нанести серьезный урон. Но таким узким лучом было крайне сложно попасть в одну из этих крошечных мишеней. Конус расширялся слишком быстро. Кзанол-Гринберг не заметил никакого результата. Правда, он особенно и не рассчитывал на это. Он прицелился так хорошо, как только смог, в пучок из пяти звезд. Шли минуты.

— Какого черта... Лью! Мы что, в облаке звездной пыли?

— Нет.

Человек в головном корабле озабоченно смотрел на потрескавшийся кварц своего ветрового стекла.

— Может, это оружие, о котором предупреждал Гарнер? У всех ветровые стекла испорчены?

Хор утвердительных ответов.

— Ух, ладно. Мы не знаем, какой мощностью обладает этот инструмент, но, наверное, у него есть предел. Вот что мы сделаем. Во-первых, некоторое время будем пилотировать по приборам. Во-вторых, со временем нам придется выбить ветровые стекла, чтобы обеспечить обзор, так что остаток пути мы проведем в закрытых скафандрах. Но пока мы не можем этого сделать! Иначе лицевые стекла покроются инеем. Третье... — Для убедительности Лью сердито огляделся по сторонам, хотя никто его не видел. — Никому не покидать корабль ни при каких обстоятельствах! Мы все знаем, что это оружие может за 10 секунд оставить нас без скафандров. Будут другие предложения?

Предложения были.

— Свяжись с Гарнером и спроси, что он об этом думает.

Это был голос Мейб Дьюлин из второго корабля.

— Уберем на несколько часов антенны радара, иначе они выйдут из строя.

Так и сделали. Корабли продолжали лететь вслепую.

— Нам нужно определить, что еще это оружие повредило в наших кораблях.

Но никто не мог придумать ничего лучшего, чем «выйти и посмотреть».

Заградительный огонь прекратился через пятнадцать минут. Две минуты спустя он возобновился, и Тартов, который снаружи изучал повреждения, поспешно забрался в корабль, при этом правая сторона его лицевого стекла сделалась непрозрачной.

*** *** ***

Кзано́л посмотрел на своего «партнера», устало спускающегося в шлюзовую камеру.

— Великолепно, — сказал он. — Тебе не приходило в голову, что дезинтегратор нам может понадобиться для того, чтобы откопать второй костюм?

— Приходило. Поэтому я и использовал его не дольше, чем было необходимо.

• На самом деле Кзано́л-Гринберг прекратил работу с дезинтегратором из-за усталости, но Кзано́л был прав. После двадцати пяти минут почти непрерывной работы батареи могут сесть.

— Я надеялся, что смогу нанести им кое-какие повреждения. Не знаю, удалось ли мне это.

— Может, ты успокоишься? Когда они подойдут поближе, я возьму их, и у нас сразу появится еще несколько кораблей и личных слуг.

— Я в этом не сомневаюсь. Но им незачем подходить так близко.

Расстояние между «Золотым Кольцом» и флотилией Кольца медленно сокращалось. Они достигнут Плутона почти одновременно, через одиннадцать дней после того, как свадебный покинул Нептун.

— Вот он, — сказал кто-то.

— Точно, — отозвался Лью. — Все готовы открыть огонь?

Никто не ответил. Пламя из двигателя свадебного растянулось на несколько миль — длинная тонкая линия голубовато-белого цвета в тусклой, конусообразной оболочке. Пламя начало медленно сжиматься.

— Огонь, — сказал Лью и нажал на красную кнопку.

Над кнопкой была предохранительная решетка. Ее предусмотрительно откинули заранее.

Пять ракет ринулись вперед. Пламя свадебного сжалось в светящуюся точку. Прошла минута. Час. Два.

Раздался радиосигнал.

— Вызывает Гарнер. Что-нибудь уже произошло?

— Нет, — сказал Лью в микрофон, предназначенный для мазерной связи. — Хотя они уже должны были поразить цель.

Тянулись минуты. Белая звездочка «свадебного специального» продолжала безмятежно сиять.

— Значит, что-нибудь не так, — голос Гарнера пересек световые минуты между ним и группой кораблей. — Возможно, дезинтегратор вывел из строя антенны радаров ваших ракет.

— Сукин сын! Конечно, так и есть. И что теперь?

Снова пауза.

— Наши ракеты в порядке. Если нам удастся подойти поближе, мы ими воспользуемся. Но так они выиграют три дня на то, чтобы найти усилитель. Ты можешь придумать, как задержать их на три дня?

— Да, — Лью был мрачен.

Он прикусил губу, размышляя, можно ли как-нибудь не говорить этого Гарнеру. Ладно, не такая уж секретная эта информация, и потом, военный все равно узнает.

— Корабли Кольца совершили несколько полетов к Плутону, но никогда не пытались приземлиться. После того, как первый корабль провел тщательные спектроскопические измерения...

Они играли за столом, расположенным сразу за дверью каюты управления. На этом настоял Кзанол-Гринберг. Он играл, слушая одним ухом радио. Кзанол не возражал, поскольку это отрицательно сказывалось на игре Кзанола-Гринберга.

После нескольких минут полной тишины до них донесся голос Гарнера, скрипучий и немного искаженный: «Похоже, все зависит от того, где они сядут, но мы не сможем это проконтролировать. Лучше подумать о чем-нибудь еще, так, на всякий случай. Что у вас еще есть, кроме ракет?»

Из-за помех радио слегка жужжало.

— Мне бы хотелось слышать и того, к кому он обращается, — проворчал Кзано́л. — Ты что-нибудь понимаешь?

Кзано́л-Гринберг покачал головой.

— Должно быть, они в курсе, что мы находимся в мазерном луче Гарнера. Но, похоже, им известно что-то еще, чего не знаем мы.

— Четверку.

— Меняю две. Как бы там ни было, приятно сознавать, что они не могут в нас стрелять.

— Да. Неплохая работа.

Кзано́л невольно сказал это свысока, пользуясь стандартной формой, которой обычно поощряли раба, проявившего надлежащую инициативу.

Кзано́л смотрел в карты. Он так и не увидел убийственной ярости на лице своего партнера. И так и не почувствовал, какие страсти кипели в голове существа, сидящего напротив. Разум Кзано́ла-Гринберга боролся с чужой яростью до тех пор, пока она не остыла. Кзано́л мог запросто умереть в тот день, крича и извиваясь, когда дезинтегратор снимал бы с него костюм, кожу, мышцы, и даже не узнал бы, почему.

Прошло десять дней и двадцать один час после взлета. Закованная льдом планета висела впереди, огромная и грязно-белая, с ослепительно ярким сиянием, которое и обмануло древних астрономов. С Земли видно только это свечение, фактически свидетельствующее о том, что у Плутона ровная, почти гладкая поверхность, делающая планету очень маленькой и очень плотной на вид.

— Слишком мал, — сказал Кзано́л.

— А что ты ожидал от спутника?

— Здесь была F-28. Слишком темная даже для белокормов.

— Точно. М-м-м.... Посмотри на этот огромный круг. Похоже на гигантский метеоритный кратер, не правда ли?

— Где? А, вижу.

Кзано́л прислушался.

— Есть. Радар поймал его. Чтоб мне лишиться Силы, - добавил он, глядя на радар телескопа глазами пилота, — почти видно его форму. Но мы сможем приземлиться только на следующем витке.

Огромный корабль медленно разворачивался. Наконец его двигатель оказался обращенным к орбите.

Флотилия Кольца держалась на почтительном расстоянии. Весьма почтительном — четыре миллиона миль. Без телескопов Плутон был еле заметен.

— Всем загадать число, — сказал Лью. — Между единицей и сотней. Сначала говорите вы, потом я. После свяжемся с Гарнером, и пусть он выберет. Тот, чье число окажется самым близким к тому, которое загадает Гарнер, проиграл.

— Три.

— Двадцать восемь.

— Семьдесят.

— Пятьдесят. Отлично. Я вызываю Гарнера. — Лью переключился на мазер. — Первый вызывает Гарнера... Первый вызывает Гарнера.. Гарнер? Мы тут почти решили, что делать, если свадебный не приземлится. Ни одна из наших радарных антенн не повреждена, так что мы можем запрограммировать один из кораблей на столкновение со свадебным на максимальной скорости. Потом будем наблюдать с помощью телескопов, и когда корабль подойдет достаточно близко, взорвем двигатель. Мы хотим, чтобы ты выбрал число от единицы до ста.

Прошло несколько секунд. Корабли Гарнера теперь были уже недалеко. Их полет подходил к концу.

— Это Тартов в третьем номере. Он идет на посадку.

— Говорит Гарнер. Я предлагаю подождать и, если получится, воспользоваться антирадаром. Я понял, что

вы собираетесь посадить кого-то в шлюзовую камеру и заставить его просидеть там до самого Кольца. Подождите нас, в одном из земных кораблей есть место. Вам все еще нужно число? Тогда — пятьдесят пять.

Лью сглотнул.

— Спасибо, Гарнер.

Он выключил искатель мазера.

— Лью, свадебный выходит на ночную сторону. В предрассветную область. Лучшего и желать нельзя. Если повезет, он сядет в самом Полумесяце!

Лью наблюдал за крошечным огоньком над тусклой белой поверхностью Плутона. Огонек был очень бледен.

Кзанол-Гринберг сглотнул, снова сглотнул. Небольшое ускорение раздражало его. Он винил в этом свое человеческое тело. Кзанол-Гринберг сидел в кресле у иллюминатора, ремни безопасности были крепко пристегнуты.

За иллюминатором не было ничего особенного. Корабль, постепенно снижаясь, обогнул половину планеты, но до сих пор единственной достопримечательностью поверхности, как две капли воды походившей на бильярдный шар, было медленное перемещение планетарной тени. Сейчас корабль летел над ночной стороной, освещенной только тусклым огоньком двигателя, тусклым, по крайней мере, когда он отражался с такой высоты. Да и видеть в общем-то было нечего... до сих пор.

На восточном горизонте что-то поднималось, что-то чуть более светлое, чем черная равнина. Неровная полоса на фоне звезд. Кзанол-Гринберг подался вперед, когда начал понимать, до чего громадными были горы, потому что это было не что иное, как горная цепь.

— Что это? — вслух спросил он.

Кзанол впился в ум пилота.

Пилот ответил:

— Полумесяц Котта. Замороженный водород, скопившийся вдоль стороны рассвета. Когда планета поворачивается на дневную сторону, водород закипает, а потом опять замерзает на ночной стороне.

— Спасибо.

Недолговечные горы водородного снега, гладкие и высокие, плавно, ряд за рядом, вырастали перед замедляющимся кораблем, показывая цепь потрясающей ширины. Но своей длины они не могли продемонстрировать. Кзанол-Гринберг видел только, что горы растянулись на половину горизонта, но он представил, что они шли от полюса к полюсу, огибая половину планеты. Так должно было быть. Так и было.

На высоте одной мили «Золотое Кольцо» мягко-мягко затормозил и остановился. Огненная подушка, преодолев милю, коснулась поверхности. В этом месте поверхность стала исчезать. Под снижающимся кораблем образовался обширный, мелкий кратер, но он быстро углублялся. Из кратера поднялось кольцо тумана, мягкое, белое и непроницаемое. Оно постепенно уплотнялось в холоде и темноте, замыкаясь вокруг корабля. После этого не было видно уже ничего, кроме светящегося тумана, кратера и языков пламени, вырывающихся из реактора.

Это было невероятно чуждое место. Кзанол-Гринберг зря тратил свою жизнь, отыскивая необитаемые миры в галактике. Ни один из них не дал ему такого ощущения отчужденности, какое возникало при виде этого оледеневшего мира, более холодного, чем... чем дно Дантова ада.

— Мы совершим посадку на слой льда, — объяснил пилот просто, как будто его спрашивали. — Слои газа не удержат нас. Но до льда еще нужно докопаться.

Это он искал неизведанности? Не Гринберга ли это мысль проскользнула в его здравый ум? Да. Моральное удовлетворение было старым грешком Гринберга, а Кзанол искал богатства и только богатства.

Сейчас кратер уже походил на открытую угольную шахту с покатыми краями, состоящими из колец разной толщины. Кзанола-Гринберг смотрел вниз, щурясь от света и усмехаясь, пытаясь угадать, каким газом был тот или иной слой. Они проходили через очень толстую глыбу льда, толщиной в сотни или тысячи футов. Может, это азот? Тогда следующий слой, наверное, кислород.

Равнина и все пространство над ней вдруг ярко вспыхнули.

— Он взрывается! — закричал Лью, как помилованный преступник.

Со стороны равнины, где светилась маленькая звездочка «Золотого Кольца», вырвался закручивающийся столб желто-белого пламени. Секунду звезда продолжала ярко сиять, потом исчезла, и все, что было видно в телескоп — это огонь.

Лью сократил увеличение в десять раз, чтобы посмотреть, как распространяется огонь. Потом ему пришлось сократить увеличение еще раз. И еще раз.

Плутон горел. Миллиарды лет толща относительно инертного азотного льда предохраняла лежащие под ней легко вступающие в реакцию слои. Метеоры, такие же редкие здесь, как кашалоты в аквариуме с золотыми рыбками, неизбежно сгорали в азотном слое.

На Плутоне не было никакого пожара с тех пор, как корабль Кзанола свалился со звезд. Но сейчас пары водорода, смешавшись с парами кислорода, воспламенились. Другие элементы подхватили эстафету.

Пламя кольцом вырывалось в космос. Сильный раскаленный ветер дул в пустоте, развевая огромные ленты пламени над кипящими льдами, пока, наконец, не остался только чистый кислород. Тогда пламя пошло вниз. Под слоем льда лежали чистые металлы. Ледяной покров над ними был очень тонким, местами он совсем

исчезал. Все это сформировалось после падения космического корабля бессчетные века назад, когда Землей еще правили пищевые дрожжи.

Жилы натрия и кальция. Даже железо неистово горит при наличии кислорода и достаточной температуры. И хлор, и фтор — оба галогена тоже присутствовали, сжигая верхнюю часть замороженной атмосферы Плутона. Если температуру поднять до нужной отметки, даже кислород и азот вступят во взаимодействие.

Лью не отрываясь смотрел на экран. Он думал о своих пра-пра-правнуках. Он заставит их увидеть все так, как он видел это сейчас. Старый, сморщенный, лысый, он скажет этим детям, сидя в каталке:» Когда я был молодым, я видел, как горит целый мир...» Ничего более удивительного в своей жизни Лью больше не увидит.

Плутон стал черным диском, закрывающим почти весь экран его телескопа. Широкое кольцо огня на нем почти замкнулось, превращаясь в огромный круг, половина которого ползла по краю планеты. Когда она сомкнется на другой стороне со второй половиной, произойдет такой взрыв, какого и представить невозможно. Но в центре кольцо темнело, постепенно становилось черным. Все, что могло гореть, уже почти полностью выгорело. Точка, в которой огонь начался, была теперь самым холодным местом на планете.

«Золотое Кольцо» поднимался вверх, раскачиваясь и вибрируя от взрывов, за его крыльями и корпусом тянулись языки пламени. Кзанол-Гринберг лежал без сознания. Кзанол только приходил в себя. Корабль не был поврежден. Разумеется, он и не мог быть поврежден температурой горения водорода. Обшивка корабля могла неделями выдерживать температуру термоядерной реакции.

Но пилот вышел из-под контроля. В тот момент, когда ударила взрывная волна, возобладали его рефлексy,

а потом восстановился его собственный разум... Впервые за несколько недель пилот оказался хозяином самому себе и принял осознанное решение. Он отключил подачу горючего. Теперь корабль вряд ли снова удастся запустить.

Кзанол пришел в бешенство и приказал пилоту:

УМРИ!

Пилот умер, но было уже поздно. Корабль, лишенный энергии, стал снижаться в пылающий вихрь.

Кзанол смачно выругался. Под ним стена огня в десятки миль высотой медленно отступала к горизонту. Корабль почему-то не опрокинулся, гироскопы, должно быть, все еще работали.

Удары снизу становились более редкими по мере того, как утихал пожар. Корабль начал падать.

С трудом взяв себя в руки, Лью оторвал глаза от экрана и встряхнулся. Потом включил радио.

— Всем кораблям! — сказал он. — Лететь к Плутону на максимальной скорости. Посмотрим на пожар по пути. Тартов, запрограммируй нас на посадку на рассветной стороне того, что там осталось от Полумесяца Котта. Хекстер, последнее время ты не сделал ничего полезного. Найди мазером Цереру, чтобы я мог проинформировать их о случившемся. Вопросы?

— Это Тартов. Лью, ради всего святого! Планета в огне. Как мы сядем?

— Нам лететь еще четыре миллиона миль. Когда мы доберемся, огонь уже успокоится. Хотя, ладно, выведи нас на орбиту, но все равно запрограммируй посадку.

— Я думаю, нам лучше оставить один корабль на орбите, так, на всякий случай.

— Ладно, Мейб. Мы бросим жребий, кому оставаться. Еще что-нибудь?

Трое мужчин и женщина одновременно нажали кнопки, которые впрыснули в реакторные трубки летучий

уран, потом водород. Растущий ураган нейтронов произвел расщепление, которое произвело тепло, которая произвела реакцию. Образовались четыре бело-голубые звезды, с очень длинными и очень тонкими лучами. Они плавно повернулись к Плутону и начали движение.

— Вот что, — устало сказал Масней, — ты думаешь телепатический усилитель вообще когда-нибудь существовал?

— Я уверен, что усилитель существует. И он пока еще цел и невредим.

Люк разминал пальцы, вид у него при этом был взволнованный. На экране перед ними появился Плутон, на котором прямая полоса огня соединяла запад с востоком.

— Ллойд, как ты думаешь, почему я не хотел, чтобы корабли Кольца обогнали нас? Почему мы, несмотря ни на что, следуем за ними? Этот усилитель — новое оружие! Если Кольцо сможет его использовать, мы станем свидетелями самой ужасной и самой длительной диктатуры в истории. Она может вообще никогда не закончиться.

Масней представил себе будущее, которое нарисовал Люк, и, судя по тому, как исказилось его лицо, нашел такое будущее зловещим. Потом он усмехнулся.

— Они не смогут сесть. Все в порядке, Люк. В таком огне они не найдут шлем.

— Там, где приземлился свадебный, огня больше нет.

Масней посмотрел на экран телескопа.

— Точно. Интересно, Плутон все еще взрывоопасен?

— Не знаю. Там все еще могут быть залежи несторевавшего материала. Но при желании они смогут приземлиться несмотря ни на что. Все, что от них требуется, это сесть на дневной стороне, где нет водорода, и сесть быстро, так, чтобы не прожечь слой азота. Их корабли, конечно, прова-

лятся в него из-за утечки тепла, и в конце концов им придется прокапывать себе путь. Но это ерунда. Водород — единственное, что имеет значение.

— Я почти уверен, что они отправятся за усилителем, как только утихнет огонь. Нам необходимо уничтожить его до того, как они смогут до него добраться. Или после. Выбора у нас нет.

— Посмотри-ка, — сказал Ллойд.

На экране четыре ярких огонька за какие-нибудь секунды вытянулись в линию в милю длиной и двигались в одну сторону.

— У нас еще есть время, — сказал Масней. — Они за миллионы километров от Плутона.

— Не так уж это далеко, — Люк протянул руку и замкнул цепь межкорабельной связи. — Вызываю «Хайнлайна». Андерсен, флотилия Кольца только что отправилась на Плутон с расстояния в четыре миллиона миль. Сколько им потребуется времени?

— Они стартовали из положения абсолютного покоя?

— Почти.

— Дай-ка... М... М-м... Примерно 5 часов 10 минут. Не меньше. Может, больше, в зависимости от того, боятся ли они огня.

— А сколько времени уйдет у нас?

— Пятьдесят девять часов.

— Спасибо, Андерсен.

Люк выключил радио. Странно, что Курильщик просто сидел, не говоря ни слова. В сущности, он вообще ничего не говорил последнее время.

Люк вздрогнул. Он догадался, что Курильщик думает о том же, о чем и он. В случае смерти инопланетянина вопрос стоял так: кто получит шлем? Кольцо или Земля? И Курильщик не очень-то доверял Земле в этом вопросе.

*** *** ***

Ларри Гринберг открыл глаза и увидел тьму. Было холодно.

СВЕТ НЕ РАБОТАЕТ, — сказал голос у него в голове.

— Мы что — разбились?

*ЭТО УЖ ТОЧНО. НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ, ПОЧЕМУ МЫ
ЕЩЕ ЖИВЫ.
ВСТАТЬ!!!*

Ларри Гринберг встал и прошел по проходу между пассажирских кресел. Его мышцы, затекшие и ноющие, казалось, действовали сами по себе. Он подошел к штурманскому креслу, убрал труп пилота и сел. Собственные руки пристегнули его, потом сложились на коленях. Так он и сидел. Кзано́л стоял рядом, почти за пределами периферийного зрения Ларри.

УДОБНО?

— Не совсем, — признался Ларри. — Можно оставить одну руку свободной для курения?

КОНЕЧНО

Ларри почувствовал, что левая рука начала его слушаться. Он все еще не мог двигать глазами, хотя мог моргать. На ощупь он достал и зажег сигарету.

Ларри пришло на ум: «Хорошо еще, что я один из тех, кто умеет бриться без зеркала».

Кзано́л спросил:

ЧТО ЭТО ДОЛЖНО ЗНАЧИТЬ?»

— Это значит, что, лишившись зрения, я не теряю координации.

Кзано́л стоял, глядя на Ларри. Уголкем глаза Ларри видел какую-то расплывчатую массу. Ларри знал, чего хотел тринт. Но он этого не сделает, он не спросит.

Интересно, как Кзано́л выглядит?

Он выглядит как тринт, конечно. Ларри помнил, как был Кзано́лом-Гринбергом, и единственное, что он тогда видел, это низкорослый, симпатичный, не очень ухоженный тринт. Но когда он проходил мимо Кзано́ла в каюту управления, мимолетный взгляд обнаружил нечто ужаса-

ющее, нечто одноглазое, чешуйчатое, зеленое и переливающееся, с огромными серыми земляными червями, извивающимися в уголках рта, напоминающего прорезь в детском резиновом мяче, с остро отточенными металлическими зубами, с непомерно большими руками и массивными трехпалыми ладонями, похожими на ковши экскаватора.

Голос тринта, по его собственным стандартам, был холоден:

ТЕБЯ ИНТЕРЕСУЕТ МОЯ КЛЯТВА?

— Клятвы. Да, раз уж ты заговорил об этом.

*ТЫ БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕШЬ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ТЫ —
ТРИНТ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ТЕЛЕ.*

ТЫ НЕ ТО СУЩЕСТВО, КОТОРОМУ Я ДАЛ КЛЯТВУ.

— Клятвы...

*Я ВСЕ ЕЩЕ ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ПОМОГАЛ МНЕ
УПРАВЛЯТЬ ЗЕМЛЕЙ.*

Ларри без труда понимал даже интонации сверхразговора, а Кзанола, разумеется, теперь мог читать его мысли.

— Но ты будешь управлять мной, — сказал Ларри.
КОНЕЧНО

Ларри поднял сигарету и постучал по ней указательным пальцем. Пепел падал медленнее, чем пелена с его глаз.

— Я кое-что должен тебе сказать, — произнес он наконец.

*ТОЛЬКО КОРОЧЕ. У МЕНЯ МАЛО ВРЕМЕНИ. МНЕ ЕЩЕ
НУЖНО КОЕ-ЧТО ОТЫСКАТЬ.*

— Не думаю, что тебе придется владеть Землей. Я остановлю тебя, если смогу.

Вкусовые усики Кзанола выделяли что-то странное, но Ларри этого не видел.

*ТЫ МЫСЛИШЬ КАК РАБ. НЕ ПТАВВ, А РАБ. У ТЕБЯ НЕ
МОЖЕТ БЫТЬ МЫСЛИМОЙ ПРИЧИНЫ УГРОЖАТЬ
МНЕ.*

— Это мои проблемы.

ДОВОЛЬНО. НЕ ДВИГАЙСЯ, ПОКА Я НЕ ВЕРНУСЬ.

В приказе были нотки отвращения. Темное пятно зашевелилось и исчезло.

Оставшись один в каюте управления, Ларри стал прислушиваться к лязгу, скрипу, проклятиям, которые означали, что Кзанол что-то искал. Он услышал, как тринт резко приказал пилоту вернуться к жизни и НЕМЕДЛЕННО показать ему, куда он спрятал портативный радар... Приказ, скорее взрыв ярости, внезапно оборвался. Как и звуки обыска.

Вскоре Ларри услышал, как тяжело захлопнулась шлюзовая камера.

Служащий был средних лет. В его обязанности входило устанавливать очередность посланий, отправляемых и принимаемых из глубокого космоса. В три часа утра он ответил на звонок наружного телефона.

— Привет, приемо-передающая Станция Мазерной Связи Департамента Обороны, — сказал он немного сонно.

Это была скучная ночь.

Но скука мгновенно улетучилась. Миниатюрная брюнетка, смотревшая на него с экрана, была поразительно красива, особенно для мужчины, который увидел ее неожиданно посреди ночи.

— Привет! У меня сообщение для Лукаса Гарнера. Я думаю, он на пути к Нептуну.

— Лукас Гарнер? Что... то есть, что за сообщение?

— Скажите ему, что мой муж вернулся в нормальное состояние, пусть имеет это в виду. Это очень важно.

— А кто ваш муж?

— Ларри Гринберг. Г-р-и...

— Да, я знаю. Но сейчас он за Нептуном. Не может ли Гарнер уже знать то, что вы хотите сообщить о Гринберге?

— Нет, если он не телепат.

— О!

Для служащего это было рискованное решение. Мазерные послания по стоимости не уступали урану, не столько из-за расходуемой энергии и необходимости использования сверхточного оборудования, сколько из-за трудности поиска цели. Но в данном случае только Гарнер мог решить, действительно ли для него важно это сомнительное «предчувствие». И служащий рискнул своей должностью и отправил послание.

Огонь уже стихал. Большая часть несгоревшего водорода взорвалась еще до пожара и сгустилась в облако на противоположной от «Золотого Кольца» стороне Плутона. Вокруг этой тучи бушевал ураган устрашающей силы. Замороженный дождь падал с небес в виде огромных капель, со свистом врезающихся в азотистый снег. Слои над азотом исчезли, испарились, потому что это были газы, разжижающие водород. На границе урагана водород все еще горел с галогенами и даже азотом, образуя аммиак, но вокруг почти всего огромного кольца пожары утихли. Относительно небольшие локальные пожарища медленно, но верно пожирали все на пути к новому центру. «Горячий» водяной лед продолжал падать. Когда он выпарит весь азот, то примется за кислород. И тогда все вспыхнет снова.

В центре урагана лед стоял, как гигантский вал в Аризоне. Даже галогены все еще находились в замерзшем состоянии под его ровной верхушкой, представлявшей собой тысячи квадратных миль замороженного фтора. Некоторое время эффект Кориолиса сдерживал пылающий ветер.

На другой стороне планеты Кзанол вышел из «Золотого Кольца».

Один раз он оглянулся. Свадебный корабль лежал на днище. Его посадочный механизм был втянут, а под

выхлопным конусом двигателя образовался широкий, ровный кратер. Раскаленный, как звездное вещество, водород просочился из реакторной трубки вскоре после того, как была отрезана подача топлива. Фюзеляж был помят, но не поврежден.

Корабль обречен. Он больше никуда не годится.

Кзанола пошел дальше. В космическом костюме тринта был прекрасный набор инструментов. В костюме веками не вносились изменения, потому что конструкция давно была признана идеальной, не считая небольшого изъяна в системе безопасности, о котором конструкторы не подозревали. И наивные тринты так никогда и не достигли того уровня искусственного мастерства, которое обычно возникает только с годами. Температура внутри костюма была оптимальной, даже немного теплее, чем в самом корабле.

Но костюм был не в состоянии охладить воображение того, кто его носил. Когда корабль остался позади, Кзанола ощутил холод. Там, где он находился, толщи азотистого и кислородного снега выкипели, оставив мерзлоту, которая казалась темно-зеленой в свете лампы его шлема. Густой туман растянулся вокруг, застывая почти всю поверхность планеты. Этот туман сузил вселенную Кзанола до небольшого участка пузырчатого льда.

Двигаясь большими, легкими, быстрыми прыжками, он за 40 минут добрался до первой возвышенности Полумесяца. Это было в шести милях от корабля. Сейчас Полумесяц представлял собой небольшой холм вечной мерзлоты, исковерканной пожаром.

Портативный радар Кзанола, взятый им на «Кольце», показывал, что его цель находится в пределах досягаемости, на расстоянии примерно в милю вперед и почти тысячу футов вглубь мерзлоты.

Кзанола начал взбираться по склону.

*** *** ***

— У нас больше нет ракет, — мрачно заметил человек во втором номере. — Как мы защитим себя?

Лью ответил:

— Пока Гарнер успеет хотя бы на нюх подойти к Плутону, мы уже будем на пути домой. Самое большее, что он сможет сделать, это открыть огонь. Но его ракеты не настолько совершенны, чтобы попасть в нас на такой скорости, разве что случайно. И он это знает. Гарнер даже не станет пробовать, потому что это может начать Последнюю Войну.

— А если он решит, что ставки слишком высоки?

— Черт поberi, Тартов, что нам тогда остается? Мы не должны позволить Гарнеру улететь отсюда с усилителем! Если это произойдет, мы станем свидетелями периода такого рабства, о каком никто даже не мечтал до сих пор. — Лью с шумом выдохнул воздух. — Нам нужно спуститься и уничтожить эту штуку. Приземлиться на стороне рассвета и выслать экспедицию. Хекстер, ты можешь снять с корабля радар так, чтобы он при этом работал?

— Конечно, Лью, но чтобы нести его, потребуются два человека.

Тартов сказал:

— Ты не совсем понял, Лью. Конечно, мы должны разрушить чертов усилитель. Но как мы потом докажем Гарнеру, что мы действительно его разрушили? С какой стати ему верить нам?

Лью провел толстыми пальцами по своим спутанным жестким волосам.

— Прошу прощения, Тартов. Это чертовски хороший вопрос. Замечания?

Кзанол направил дезинтегратор вниз под углом 30 градусов и спустил курок.

Туннель образовывался быстро. Кзанол не видел, насколько быстро, потому что с первой же секунды в от-

верстии не было ничего, кроме крошечной тьмы. Из туннеля вырвался небольшой вихрь, который тут же замерз, и Кзано́л прислонился к нему, как к стене.

Через несколько минут Кзано́л решил, что туннель, должно быть, получился достаточно просторным, но вход был не более фута шириной, и Кзано́л дезинтегратором расширил его. Даже отключив копательный инструмент, он не мог ничего разглядеть.

Спустя мгновение Кзано́л шагнул в темноту.

Протянув левую руку, Ларри тряхнул пилота за плечо. Никакой реакции. Он напоминал восковую фигуру. На его месте Ларри, наверное, чувствовал бы себя так же. Но щека пилота оказалась холодной. Пилот был не парализован, он был мертв.

Где-то в подсознании Гринберга присутствовала Джу́ди, но это было не так, как раньше. Теперь Ларри в это верил. Даже разделенные расстоянием более чем в три миллиарда миль, он и Джу́ди каким-то образом чувствовали друг друга, знали друг о друге. Но не более того.

Ларри ничего не мог ей сказать. Он не мог предупредить ее о том, что пришельца от полного господства над Землей отделяют какие-нибудь часы или минуты.

Пилот тоже ничем не мог ему помочь. У него было только мгновение для того, чтобы сделать выбор, и он сначала сделал его верно, а потом ошибся. Пилот решил умереть, убив при этом всех, кто был на корабле. И это было правильно. Но ему нужно было отключить экран радара, а не доступ горючего! И вот теперь пилот был мертв, а Кзано́л свободен.

Он, Ларри, один виноват во всем! Без Ларри Гринберга Кзано́л никогда бы не узнал, что костюм на Плутоне! Сознать это было мучительно.

А где его щит? Еще два часа назад у Ларри была непроницаемая телепатическая стена, щит, который

выдержал самые неистовые атаки Кзанола. Теперь Ларри вспомнил, что он ЭТО делал. Если бы он мог... удержать ЭТО.

Нет, все исчезло. Какое-то воспоминание, какое-то тринтское воспоминание. Ладно, постараемся припомнить. Ларри был в офисе Маснея, когда тринт приказал всем погасить свой разум. Его телепатический щит... но он уже был. Ларри каким-то образом уже знал, как пользоваться им. Он знал уже тогда.

Посолнухи в 8 футов высотой. Они все время поворачивались, следуя за солнцем, вращавшимся вокруг плантации на полюсе Кзанит. Огромные серебряные параболические тарелки, посылающие сконцентрированный солнечный свет на свои темно-зеленые узлы фотосинтеза. Гибкие зеркала, держащиеся на толстых выпуклых стеблях, зеркала, которые слегка наклонялись, чтобы перенести свой смертоносный фокус, куда захотят: на взбунтовавшегося раба, дикого зверя или нападающего враждебного тринта. Фокус был смертоносным, как лазерная пушка, и подсолнухи никогда не промахивались. Но по какой-то причине они никогда не покушались на обитателей дома, который охраняли.

В чреве лежащего на брюхе роскошного лайнера трепетал Ларри Гринберг. Рыба на сковородке! Должно быть, подсолнухами управляли домашние рабы-тнактипы! Хотя у него не было ни малейшего доказательства, он знал это. В какой-то день в далеком прошлом каждый подсолнух в галактике повернулся против своего владельца... И Ларри подумал: «Мы не тринты... те тринты действительно дали себя подставить. Ублюдки!»

Вспоминая все заново, Ларри понял, что подсолнухи на самом деле не были такими большими, как казались. Он смотрел на них с точки зрения Кзанола, который был метр двадцать ростом, с точки зрения ребенка-тринта восьми тринтумских лет, Кзанола-недоростка.

Мазерный луч тянулся к Плутону, распространяясь вширь и все время, по мере удаления от Солнца, немного снижаясь в частоте. Прошло больше пяти часов, прежде чем он достиг цели. К этому времени волновой фронт был уже почти четверть миллиона миль в ширину.

Плутон не остановил луч. Плутон едва ли оставил в нем заметное отверстие. Луч обладал огромной энергией. Он продолжил свое путешествие в пустоту, двигаясь прямо к центру галактики. Столетия спустя он был пойман существами, и отдаленно не напоминающими людей. Им удалось установить форму конического луча и определить его вершину, но не совсем точно...

В его кильватере...

Тартов сказал:

— Ты был прав, Лью. Там, куда мы летим, огня нет.

— Тогда вы втроем продолжайте снижаться, а я останусь на орбите.

— Слушай, нам нужно еще раз бросить жребий.

— Ерунда, Мейб. Подумай, какие суммы я начну выигрывать в покер, истратив все свое невезение здесь. Получил мою орбиту, Тартов?

— Включи свою идиотскую машину, и я возьму информацию прямо оттуда.

— Автопилот выключен.

БИП-БИП-БИП...

Когда сигнал прекратился, Лью почувствовал, что его корабль поворачивается. Справятся ли они без него? Конечно, они же с Кольца. Если придет опасность, она придет к нему, на орбиту. И он сказал:

— Всем кораблям! Удачи. И никакого глупого риска.

— Вызывает Хекстер. Что-то на канале связи с Землей, Лью.

Лью поискал по шкалам частот.

— Не могу найти.

— Чуть ниже.

— Типичное... Черт побери, оно кодировано. Какого черта оно кодировано?

— Возможно, у них есть свои маленькие секреты, — предположил Тартов. — Что бы там ни было, это, несомненно, отличный повод покончить со всем быстро.

— Да. Слушай, вы приземляйтесь, а я отправлю сообщение на Цереру для расшифровки. Ответ займет часов двенадцать, но какого черта?

С какой стати оно кодировано?

Лит Шефр знал ответ.

Даже здесь, сидя в своем кабинете глубоко в недрах Цереры, зная, что в тридцати милях над головой по своей спиральной, замедленной орбите вращается пузырь Родильного, Лит готовил извинительную ноту в ООН. Это была самая тяжелая работа, которую ему когда-либо приходилось делать! Но, похоже, другого выхода нет.

Полторы недели назад было получено мазерное сообщение с Нептуна. Рассказ Гарнера полностью подтвердился: он вылетел на Нептун в погоне за безумно опасным инопланетянином. Лит нахмурился и приказал немедленно прекратить беспокоить земные корабли. Но ущерб уже был нанесен. В течение двух недель Кольцо препятствовало скудному судоходству Земли, кодировало мазерные передачи, даже прогнозы погоды на Солнце, в нарушение вековой традиции, использовало шпионскую сеть так интенсивно, что ее существование стало оскорбительно очевидным. Как никогда прежде, правилом стали секретность и подозрительность. Земля ответила тем же.

Теперь Кольцо прекратило использование кодов, а Земля нет.

Была ли в этих кодированных посланиях важная информация? Скорее всего, нет, сказал бы Лит. Некоторые наугад расшифрованные послания выводили его из себя.

Но у Кольца не было уверенности в добрых намерениях Земли. В этом, естественно, и было все дело.

Вдобавок корабли Кольца с оскорбительной тщательностью досматривались в земных портах. Это необходимо прекратить. Лит стиснул зубы и продолжил писать.

Послание стало повторяться, и Ллойд решительно выключил радио.

— Она почувствовала, что он умер, — сказал Люк. — Она этого не поняла, но почувствовала, что он умер.

Его мысли двигались сами по себе... Джуди почувствовала, что он умер. Что позволяет некоторым людям знать такие вещи, которых они никак не могут знать? В последнее время таких людей становилось все больше и больше. У Люка никогда не было задатков подобного рода, и он завидовал тем немногим счастливицам, которые без малейшего усилия могли находить потерянные кольца или потерянных преступников, не давая никаких других объяснений, кроме: «Я подумал, что ты могла уронить его в майонез», или «У меня было предчувствие, что он прячется в метро, питаюсь орешками из автоматов.

С помощью каких-то своих особых карт парапсихологи доказали, что пси-силы существуют, но за двести лет они так и не ушли дальше этого доказательства, не считая создания псионических приспособлений вроде контактного устройства. Для Люка слово «псионика» означало: «Я не знаю, как эта чертова штука действует».

Как Джуди узнала, что «Золотое Кольцо» разбился? Когда у вас нет приемлемого объяснения, вы просто вешаете ярлык. Телепатия.

— И все равно, — сказал Люк сам себе, не замечая, что говорит вслух, — она умудряется обманывать себя. Изумительно!

— А ты уверен, что и Гринберг и инопланетянин погибли?

Люк вскинул голову. Ллойд был испуган и даже не пытался скрыть этого:

— «Золотое Кольцо» — слишком прочный корабль. Двигатель у него, если помнишь, находится в днище. Его днище построено так, чтобы выдерживать температуру термоядерной реакции. А взрыв произошел именно под кораблем!

Люк почувствовал, как его собственные нервы затрепетали в ответной волне страха.

— Мы проверим это немедленно, — сказал он и прикоснулся к панели управления. — Внимание! Всем кораблям! Андерсен, что ты можешь сказать о «Золотом Кольце»?

— Да, я слышал. Это возможно, это вполне возможно. Люди, строившие свадебный, чертовски хорошо знают, что один несчастный случай или одна авария могут погубить многомиллиардный бизнес. Они строят корабли, которые выдержат что угодно. Система жизнеобеспечения «Золотого Кольца» меньше, чем у любого другого корабля как раз потому, что они добавили дополнительный вес в обшивку и аварийно-спасательную систему.

Курильщик сказал уныло:

— А мы не можем помочь нашим.

— Черта с два. Послание было кодировано. Ллойд, направь мазер на Плутон. Курильщик, у вас есть какой-нибудь условный сигнал?

— Нет необходимости. Они вас и так услышат. Но все равно уже поздно.

— Что ты хочешь сказать?

— Они спускаются.

Кзанола медленно шел по туннелю, который тускло освещивал там, куда падал свет. Постепенно он научился держаться на безопасном расстоянии от исчезающей впереди стены, следуя за лучом дезинтегратора в наклон-

ном колодце шести футов в диаметре. Ветер с шумом проносился мимо него и переставал быть ветром, превращаясь в частички льда и пыли, летающие в вакууме. При низкой гравитации они плотно заполняли туннель позади него.

Второй костюм находился в двухстах футах от него, в конце туннеля.

Кзано́л посмотрел вверх и выключил дезинтегратор. Потом остановился, задыхаясь от злости, и стал ждать. *Они осмелились!* Они находились пока за пределами досягаемости, но быстро приближались. Кзано́л ждал, готовый убивать.

Но здравые размышления остановили его. Ему нужен корабль, на котором он покинет Плутон. Его собственный корабль погиб в огне. Те, наверху, были одноместными, бесполезными для него кораблями, но Кзано́л знал, что следом идут другие. Он не должен спугнуть их.

Кзано́л позволит этим кораблям совершить посадку.

Корабль Лю́ висел носом вниз над поверхностью Плутона. Он специально так установил гироскопы. Корабль будет еще очень долго находиться в таком положении, возможно, пока гироскопы не выйдут из строя. Пока что Лю́ ничего не удавалось разглядеть. Поверхность планеты была закрыта покрывалом бурлящих штормовых облаков.

Лю́ знал, что несколько минут назад он миновал Полумесяц Котта. Он слышал жужжание разомкнутой межкорабельной связи. Теперь из-за горизонта на него надвигалась буря. Внутри бури был титанический вращающийся вихрь, над которым он пролетал уже дважды. Период обращения Плутона — несколько месяцев. Только мощнейшая струя воздуха, воздуха только что произведенного, примчавшегося с другой стороны планеты, могла набрать достаточно вторичной скорости, чтобы создать

такой небесный водоворот из простого эффекта Кориолиса. По краям вихря дрожали языки пламени, но в центре был круг, спокойный и чистый до самого плоскогорья, покрытого льдом.

По радио донесся голос Гарнера.

— ... пожалуйста, ответьте сразу, чтобы мы знали, что вы в порядке. Существует реальная возможность того, что инопланетянин выжил во время аварии, в этом случае...

«И ты мне это говоришь только сейчас! Ты, всезнающий сукин сын!» - Лью не мог говорить. Его язык и губы отнялись, как и все остальные мышцы. Он прослушал все сообщение, потом слушал, как оно повторялось и повторялось. Голос Гарнера стал казаться ему невыносимо назойливым.

Сейчас ураган был почти под ним. Лью смотрел вниз прямо в его центр.

На краю ядра надвигающегося урагана тусклый огонек полыхнул языками пламени.

Это было похоже на первый взрыв, который Лью видел в телескоп. Но этот был не в телескопе! За первые же двадцать секунд целое плоскогорье покрылось разноцветными языками пламени. Медленно, словно сбрасывая сонное оцепенение холода, огонь поднимался и тянулся к Лью.

Огонь и лед, большие осколки льда, лед, который горел, набирая высоту и силу, — сверкающее плотоядное животное, тянущееся, чтобы поглотить его.

Бега випринов. Сгорбленные, похожие на скелеты, фигуры, огромных гончих-альбиносов носились и носились вокруг зрителей, стоящих затаив дыхание в центре круга. Казалось, виприны едва касались грязной поверхности стадиона, из их ноздрей вырывался пар, а кожа отливала маслом. Воздух был густым от Силы — тысячи тринтов отчаянно швыряли приказы своим любимцам,

отлично зная, что у мутанта-виприна нет мозгов, чтобы услышать приказ. И Кзанола, сидящий на одном из самых дорогих мест, с зажатой в руке закладной пластиковой веревочкой, знал, что от этих бегов, что от этого забега зависит то, кем он станет: разведчиком или управляющим мусороуборочными машинами. Он уйдет отсюда или с такой суммой коммерсов, на которую можно купить корабль, или ни с чем.

Ларри бросил думать об этом. Это была поздняя часть жизни Кзанолла. Он хотел вспомнить то, что было значительно раньше. Но, казалось, его ум заполнился туманом, и воспоминания тринта стали неуловимыми и расплывчатыми. Когда он был Кзанолом-Гринбергом у него не было проблем с памятью, но сейчас Ларри обнаружил ее досадно тусклой.

Самое раннее, что Ларри удавалось вспомнить, - это были подсолнухи.

У него кончились сигареты. Возможно, у пилота в кармане они и оставались, но Ларри не мог дотянуться. К тому же он проголодался, он не ел уже десять часов. Гнал мог бы ему помочь. Определенно мог бы помочь, потому что, наверное, убил бы его в одну секунду. Ларри оторвал пуговицу от рубашки и сунул в рот. Она была круглой и гладкой, почти как гнал.

Он сосал ее, позволив своему разуму раствориться.

Три корабля лежали с другой стороны того, что осталось от Полумесеца Котта. В пузырях управления неподвижно сидели пилоты в ожидании инструкций, в их головах носились бессильные злобные мысли. В четвертом корабле... Вкусовые усики Кзанолла вытянулись, когда он прислушался.

Это было скорее похоже на исследование его собственной памяти после катастрофы. Пламя, ветер, все-ленная гудящая, неистового пламени и сокрушительных ударов.

Кзанол включил дезинтегратор и двинулся дальше. Что-то яркое замерцало в темной стене льда.

— Они не отвечают, — сказал Ллойд.

Люк обмяк. Слишком поздно, слишком поздно...

— Может быть, флотилия Кольца уже уничтожена?

— Но потом глаза Ллойда сузились и он убежденно сказал:

— Они просто блефуют!

Масней повернулся к нему.

— Конечно, они блефуют, Ллойд. Они были бы дураками, если бы не делали этого. Мы дали им такой великолепный шанс! Как четыре пиковые карты из пяти. Идеальная возможность заставить нас сражаться не с тем врагом.

— Но мы бы слышали то же жуткое молчание, если бы они действительно попались.

— Правильно. Наше радио молчало бы в обоих случаях. Открыть огонь на уничтожение. Либо флотилия Кольца отправится обратно с усилителем, либо его получит инопланетянин и отправится завоевывать Землю. Так или иначе, мы должны будем стрелять.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, правда?

— Ну что, скажи мне.

— В первую очередь нам придется убить Атвуда и Курильщика.

— О-о-ох. Верно, насчет Атвуда. Он не даст нам стрелять в своих друзей, независимо от того, рабы они или нет. Остается надеяться, что Андерсен справится с Курильщиком.

— Как у тебя с координацией?

— Моей?..

Люк приподнял свои неуверенные, трясущиеся руки и ставшие неуклюжими пальцы. Наследие паралича.

— Я снова в порядке. Курильщик сделает из Андерсена котлету. — Порывистый вздох. — Нам придется взорвать оба корабля.

— Люк, пообещай мне. — Масней выглядел, как Смерть. Он был стариком и вдобавок несколько дней назад чуть не умер от голода. - Я хочу, чтобы ты поклялся, что как только мы хоть на нюх подберемся к телепатическому усилителю, мы уничтожим его. Не захватим, Люк. Уничтожим!

— Ладно, Ллойд. Клянусь.

— Если ты попытаешься взять его на Землю, я убью тебя. Я не шучу.

Его палец, слишком большой палец, лежащий в слишком большом рту с крошечными игольчатыми зубами.

Приблизилось что-то большое, закрывающее свет. Мать? Отец. Его рука шевельнулась, презрительным движением выдернула палец, больно поцарапав палец о новые зубы. Кзанола попытался сунуть его обратно, но палец не двигался. Что-то властное и сильное сказала ему никогда больше этого не делать. Он никогда больше этого не делал.

Никакого умственного щита. Смешно, какой яркой была эта картина, воспоминание о раннем разочаровании. Что-то еще...

Полная комната гостей. Кзанолу четыре тринтумских года, и ему впервые разрешили появляться в обществе. Отец с гордостью показывал его гостям. Но шум, телепатический шум, был слишком громким. Кзанола сразу попытался думать, как все остальные. Это его напугало. Случилось что-то ужасное. Поток темно-коричневого полужидкого вещества вырвался у него изо рта и забрызгал стену. Испражняться на публике!

Гнев, багровый и острый. Внезапно Кзанола утратил контроль над своими конечностями и, спотыкаясь, побежал к двери. Гнев отца, стыд, свой или отца? Но это было больно, и он закрыл свой ум. Отец умчался, как молния, и

все гости тоже. Все исчезли. Кзанола оказался совсем один в опустевшем мире. Он остановился в испуге.

Его отец был горд, горд! В четыре года маленький Кзанола уже обладал Силой!

Ларри хищно усмехнулся и встал. Его скафандр? В комнате отдыха, в одном из кресел. Ларри взял его, натянул и вышел.

Кзанола изо всех сил дергал огромный яркий предмет, пока не выдернул из льда. Предмет был похож на огромного уродливого гоблина.

Лед плотно заполнил туннель позади Кзанола. Это было удачей. Кзанола воспользовался сжатым воздухом из своего костюма, чтобы загерметизировать эту ледяную комнату. Он нахмурился, глядя на датчики у себя на груди, и снял шлем.

Воздух был холодным и разреженным. Незачем нести усилительный шлем обратно на корабль, если можно надеть его прямо здесь.

Кзанола посмотрел на новый костюм и понял, что ему потребуется помощь, чтобы засунуть его обратно. Кзанола мысленно перенес внимание на Ларри Гринберга. И обнаружил пустоту.

Гринберга нигде не было.

Он умер? Нет, Кзанола, конечно же, почувствовал бы это.

Это было нехорошо, даже совсем нехорошо. Гринберг предупреждал, что попытается остановить его. Должно быть, раб со своим умственным щитом, находящимся в прекрасном состоянии, уже в пути. К счастью, усилитель остановит его. Усилитель может управлять даже взрослым тринтом..

Кзанола наклонился, чтобы перевернуть костюм. Он был... не тяжелым, но массивным... он не поддавался.

*** *** ***

Шел снег. В разреженной атмосфере снег падал, как камни, выброшенные взрывом. Снег падал так, что запросто мог убить незащищенного человека. Падая, он слипался так, что становился твердым. По ногам скрипело, как во время отличной зимней прогулки.

К счастью, Ларри Гринбергу не нужно было рыскать в темноте. Он совершенно точно чувствовал, где находится Кзанола, и уверенно шел в этом направлении. Его скафандр был не таким совершенным, как костюм Кзанолы. Холод легко проникал через его рукавицы и ботинки. Но во время лыжных прогулок Ларри приходилось и похуже, и ему это нравилось.

Потом его мозг резко хлестнуло Силой. Телепатический щит тяжело поднялся. Волна моментально исчезла. Но теперь он не мог найти Кзанолы. Тринт тоже поднял телепатический щит. Ларри остановился, сбитый с толку, потом пошел дальше. У него есть компас, так что кругами ходить не придется. Но Кзанола не должен знать, что он приближается.

Постепенно в его мозгу возник последовательный образ. Всеми органами чувств, глазами, ушами, осязанием и нервами Ларри почувствовал, что делал Кзанола, когда Сила внезапно хлестнула его. Кзанола склонился над вторым костюмом.

Слишком поздно.

Бежать Ларри не мог — скафандр, предназначенный для работы в вакууме, для этого не годился.

Ларри почувствовал, как поднимается в нем волна отчаяния. Он огляделся вокруг, а потом пошел дальше — помощи ждать было неоткуда.

Идти. Сбить лед с лицевой пластины и идти.

Идти, пока тебе не прикажут остановиться.

Полчаса спустя после удара Силой, через час после того, как он покинул корабль, Ларри стал замечать рассыпчатый снег. Он был светлым и пушистым, совсем не похожим на падающие ледяные пули. Здесь Кзанола начал копать. Это послужит ему путеводителем.

Рассыпчатый снег становился все глубже и глубже, пока внезапно не превратился в огромную гору утрамбованного снега. Ларри пытался залезть на нее, но все время соскальзывал вниз. Он должен подняться! Когда Кзано́л открое́т костю́м, все будет кончено.

Ларри был уже на полпути. Он почти лишился сил, когда вершина перед ним вдруг зашевелилась. Снег вырывался из нее непрерывным потоком и медленно падал.

Снег продолжал валить. Это Кзано́л пробивал себе дорогу назад... Но почему на нем нет шлема?

Фонтан сделался еще выше. Но частички льда, замороженные высоко в сожженной и вновь охлажденной атмосфере Плутона, проникали сквозь поток разлетающегося фонтаном снега и ложились на костюм Ларри. Он продолжал идти, чтобы сохранить гибкость суставов. Он уже покрылся тонкой коркой полупрозрачного льда, которая на суставах дробилась и трескалась.

И неожиданно его осенило. Губы Ларри растянулись в улыбке тихого счастья, и его дельфинье чувство юмора радостно всплыло на поверхность.

Кзано́л вышел из туннеля, волоча за собой бесполезный второй костюм. Чтобы расчистить снег в туннеле, ему пришлось пользоваться дезинтегратором да еще держать его вверх под углом тридцать градусов, таща груз, равный его собственному весу, не считая костюма, который был на нем и весил не меньше. Кзано́л очень устал. Будь он человеком, он бы уже плакал.

Но спуск... это было уже слишком. Кзано́л вздохнул и толкнул запасной костюм, который сжался с горы и остановился у ее основания, наполовину зарывшись в снег. Кзано́л пошел следом.

Лед валил быстрее, чем обычно, сотни тысяч тонн совершенно новой воды, замерзающей и падающей в яростной попытке планеты восстановить равновесие.

Кзано́л спотыкался, совершенно ничего не видя, с трудом переставляя свои мощные птичьи ноги, держа сознание закрытым, потому что он помнил, что где-то поблизости Ларри Гринберг. Его мозг оцепенел от смертельной усталости и холода.

Когда Кзано́л был уже на полпути вниз, снег неожиданно поднялся и встал перед ним, будто гигантский тринт. У Кзано́ла перехватило дыхание, и он непроизвольно остановился. Перед ним возникла чья-то фигура. Фигура хлопнула рукавицей по лицевому стеклу своего скафандра, и с него, отбившись, упал толстый слой льда. Гринберг! Кзано́л поднял дезинтегратор.

Почти небрежно, с улыбкой, которая была чисто дельфиньей, Ларри протянул негнувшийся указательный палец и ткнул им в грудь Кзано́ла. В кнопку, включавшую поле стасиса

Корабль-одиночка обогнул Плутон за тридцать четыре часа, это было слишком долго. Гарнер и Масней спали по очереди так, чтобы все время следить за экраном телескопа и не прозевать актиническую вспышку взлетающего корабля.

Корабли изредка переговаривались. Но что это были за разговоры, если все пятеро знали, что сражение уже очень близко, и ни один не хотел представить себе возможный исход.

Сейчас корабль Лью был виден на экране телескопа даже с выключенным двигателем. Люк, не сводивший глаз с экрана, хотя была не его очередь дежурить, хотя он знал, что должен спать, хотя его веки были страшно тяжелыми, наконец произнес магические слова:

— Они не блефуют.

— Что за неожиданная перемена?

— Нет смысла, Ллойд. Блеф или не блеф, флотилия должна стартовать, как только они найдут усилитель. Чем

дольше они тянут, тем ближе мы к их скорости и тем точнее попадут в цель наши ракеты. Они там уже слишком долго. Инопланетянин взял их.

— Я все время так думал. Но почему *ОН* не взлетает?

— На чем? На Плутоне только одноместные корабли. Он не может лететь сам. Он поджидает *НАС*.

Это совещание было большим облегчением для всех. К тому же оно принесло результаты. Например, Вуди Атвуду пришлось провести полных тридцать часов, стоя в шлюзовой камере «Иво Джимма».

Почтительного расстояния в четыре миллиона миль когда-то было достаточно для флотилии Кольца. Такое расстояние устраивало и Гарнера. Его корабль и один из кораблей Кольца заняли удобную позицию в пространстве. Третий отклонился от курса и сейчас уже находился всего в нескольких сотнях миль от планеты, окутанной безмолвием.

— Смешно, — сказал Курильщик. — Каждый раз, когда тебе нужно пустить в дело какой-нибудь корабль, это обязательно оказывается корабль Кольца.

— А какой бы корабль использовал ты, Старина Курильщик?

— Не старайся запутать меня логикой.

— Слушайте, — перебил его Масней.

Радио слабо, но отчетливо донесло визг, похожий на сирену воздушной тревоги.

— Это сигнал бедствия Лейзи Восемь III! — сказал Андерсен.

Шестой номер стал телемеханическим роботом. Управление им контролировалось с командного пульта корабля Гарнера. Это было сделано потому, что именно двухместный корабль Земли был отчаянно нужен инопланетянину.

— Ну что, будем его сажать?

Вуди сказал:

— Давай-ка сначала посмотрим, в порядке ли Лью.

Андерсен направил одноместный корабль к головному судну, огибавшему Плутон, выключил основной двигатель и с помощью вспомогательных подвел его поближе.

Наконец он и четверо остальных сквозь обмороженные, искромсанные обломки каюты управления увидели Лью. Он был мертв или парализован.

Сигнал бедствия шел с равнины нетронутого снега.

Андерсену за всю жизнь не приходилось так работать. Непрерывно что-то бормоча, он старался удержать корабль над источником сигнала бедствия. На экране «Хайнлайна» снежная мгла сменилась густым туманом. Андерсен включил инфракрасный прожектор, это не слишком помогло, и Курильщик поморщился от некоторых слов, которые бормотал себе под нос юный Андерсен. Внезапно он замолчал, и все пятеро подались к экрану.

В молочно-белом тумане показался «Золотое Кольцо».

Андерсен посадил корабль так мягко, как только умел. В момент касания корабль зазвенел, как медный колокол, и картинка на экране сильно задрожала.

В воцарившейся тишине приникшие к экрану увидели, как из верхней шлюзовой камеры «Золотого Кольца» с трудом выбралась чья-то фигура и двинулась по снегу в их сторону.

Свадебный перестал быть космическим кораблем, он превратился в прекрасное место сбора и госпиталь. Особенно госпиталь, потому что из десяти человек, сидевших друг против друга вокруг карточного стола, только двое были вполне здоровы.

Когда Ларри Гринберг, несший на плечах космические костюмы тринта, вернулся, он обнаружил, что «Золо-

тое Кольцо» уже почти полностью покрыт льдом. Корка льда, окружавшая корабль, была в двадцать футов толщиной. С помощью сварочного аппарата, входящего в снаряжение его скафандра, Ларри удалось выжечь себе проход, но его пальцы на руках и ногах, когда он, наконец, добрался до шлюзовой камеры, оказались обмороженными.

Его мало обрадовало то, что шестой номер оказался пустым. Показавшись наблюдателям на экране телескопа, Ларри предельно ясно изложил свое послание. «Все в безопасности, спускайтесь.»

Курильщик Петрополиус и Вуди Атвуд, взвалившие на себя всю работу, потому что все еще оставались единственными людьми, способными на это, перевезли парализованных пилотов Кольца в «Золотое Кольцо» на двухместных кораблях. Те четверо все еще не могли шевелиться. Действовали только голосовые связки и глаза. Ладони, кисти, ступни и шея Лью в тех местах, где не было волдырей, имели поджаренный вид — когда он на несколько секунд погрузился в пылающие газы, охлаждающая система его скафандра не выдержала. Если бы газ не был так сильно разрежен, какое-нибудь пластиковое соединение в воздушных баллонах Лью или система охлаждения обязательно расплавились бы...

Когда придет время, Лью снова и снова будет рассказывать об этом истерпеливым слушателям. Но все это будет потом. Потом остальные будут вспоминать, что все они летели в скафандрах, потому что им приказали выбить ветровые стекла, и что если бы Курильщик и Вуди не нашли их, они бы в своих кораблях умерли от голода.

Но теперь все были в безопасности.

Гарнер и Андерсен почти преодолели навязанный им паралич, который теперь проявлялся только в нарушении координации.

— Итак, мы выдержали, — сказал Люк, улыбаясь всем присутствующим. — А я уже боялся, что Последняя Война начнется на Плутоне.

— Я тоже, — сказал Лью, его голос звучал немного невнятно. — Мы боялись, что вы не поймете, почему мы не отвечали на ваш вызов. Вы могли подумать, что это какая-то уловка. — Он моргнул и сжал губы, прогоняя воспоминания. — Ну, и что мы будем теперь делать с запасным костюмом?

Теперь все слушали его. Комната отдыха превратилась в зал заседаний, а костюм был основной повесткой дня.

— Мы не можем позволить Земле завладеть им, — сказал Курильщик. — Некоторые изобретения действительно нужно скрывать.

— Сбросим его на Юпитер, — предложил Масней. — Прикрепите его к корпусу «Хайнлайна», а мы с Вуди поведем корабль. Если мы оба вернемся живыми, вы будете знать, что костюм сброшен, как запланировано. Правильно?

— Правильно, — сказал Лью.

Гарнер кивнул. Остальные обдумали эту идею и нашли ее неплохой, не считая потери ценнейших сведений, которые будут похоронены вместе костюмом. Ларри Гринберг придерживался другого мнения, но вслух его не высказывал.

— Все согласны? — Лью обвел взглядом комнату. — Ладно. Теперь осталось выяснить, какой из костюмов — усилитель?

Добрые две секунды царило испуганное молчание.

Потом Гринберг сказал:

— Тот, что весь в складках и с пустыми рукавами.

Разница в костюмах стала очевидной, когда на нее указали. На втором костюме были складки, какие-то шишки и выпуклости, конечности были неестественно скрючены. В нем было не больше души, чем в мешке. Но костюм, который был Кзаноном...

Он лежал в дальнем углу каюты, согнув колени и слегка подняв дезинтегратор. Даже в его странной позе

читалось удивление и ужас, которые, должно быть, были последними эмоциями тринта. Наверное, там была и злоба, бессильная злоба, поднимавшаяся в нем с того момента, когда Кзанол увидел расплавленное, бесцветное пятно, которое когда-то было спасательным выключателем поля стасиса внутри.

Гарнер попивал шампанское из продовольственных запасов свадебного.

— Ну, все устроилось. Морская Статуя отправится обратно на Выставку Сравнительных Культур ООН. А драгоценный костюм — на Юпитер. Вообще-то на Солнце было бы надежнее, но черт с ним. Гринберг, а ты куда поедешь?

— Домой. А потом, думаю, на Джинкс.

Ларри Гринберг улыбался, как показалось Гарнеру, кисло-сладкой улыбкой, хотя даже Гарнер не догадывался, что она означала на самом деле.

— Я — единственный человек во вселенной, умеющий разбирать письменность бандерснэтчей.

Масней тряхнул головой и рассмеялся. У него был раскатистый, неудержимый смех, заразительный, как свинка.

— Лучше не читай их мыслей, Гринберг. Ты закончишь, как целый космический зверинец, если не будешь осторожнее.

Все остальные засмеялись, Ларри тоже улыбнулся, хотя только одному ему было известно, насколько верно то, что сказал Масней.

Или Гарнер догадался? Уж больно странно смотрел на него старик. Если Гарнер догадался, что два миллиарда лет назад Кзанол взял раба-раккарлиу, как игрушку, и поместил его во второй костюм...

Ерунда.

Только Ларри будет знать об этом. Если бы костюм был открыт, он мог бы начать войну. Во времена, когда

ЛАРРИ НАЙВЕН

управляемая термоядерная реакция такое же обычное дело; как полтора столетия назад электрогенераторы, любая война может стать самой последней. Так что костюм пришлось отправить на Юпитер, и обреченный раб-раккарлиу отправился вместе с ним, уже навечно похороненный в мертвом, безмолвном стасисе.

Вправе ли был Ларри Гринберг приносить в жертву ни в чем не повинное разумное существо даже ради такой цели? Для Ларри плюс дельфина плюс тринта это ничего не стоило.

«Всего лишь раб, — прошептал Кзано. — Маленький, глупый, уродливый: в лучшем случае на полкоммерса».

«Не может защитить себя, — подумал Чарли. — У него нет прав».

Ларри решил никогда не рассказывать об этом Джуди, даже случайно, и стал думать о более приятных вещах.

«О чем это он думал? — спросил себя Гарнер. — Хотя, о чем бы он ни думал, теперь он, очевидно, оставил эту мысль. Можно не смотреть на него так пристально. Но я бы душу отдал, если бы смог почитать чужие мысли хотя бы часок. Если б я только смог этот часок найти...

СКАЗАНИЯ

ИЗВЕДАННОГО

КОСМОСА

Вуаль анархии

То была площадь в самом центре. Место это было когда-то окружной автострадой Сан Диего. Я прислонился спиной к громадному дубу с корявыми ветвями. Его старый ствол был покрыт глубоко изрезанной, грубой корой, и ее мельчайшие частички сыпались мне на голую спину. Темно-зеленую тень простреливали тонкие, почти параллельные лучи бледного золота. Высокая трава гладила мои ноги.

Лужайка шириной ярдов в сорок отделяла меня от группы вязов и от маленькой, похожей на бабушку из сказки, женщины, сидящей на зеленом полотенце. Она выглядела так, словно родилась, выросла и состарилась на этом месте. Травинка торчала у нее между зубов. Я почувствовал, что мы родственными душой, и сразу, стояло

нам встретиться глазами, поднял палец в знак приветствия, а старушка в ответ помахала рукой.

Через минуту мне придется уходить. Джил должна встретиться со мной у Уилширского выхода через полчаса. Но я шел вдоль Бульвара Сансет и немного устал. Еще минутку...

В этом месте так хорошо было сидеть и наблюдать, как кружится земля.

И день для этого был самым подходящим. На небе ни облачка. В этот жаркий летний полдень Королевский Парк Свободы был полон народа, как и всегда.

Кто-то из полицейского управления наверняка ожидал этого. В два раза большее против обычного количество полицейских глаз проплывало над головой. Золотистые точки на фоне голубого неба. На самом деле они были размером с баскетбольный мяч и висели в двенадцати футах над землей. В каждый такой шарик была вмонтирована полицейская телекамера и ультразвуковой парализатор. Каждый был связан с полицейским управлением и насаждал законность в Парке.

Никакого насилия.

Никто не смеет поднять руку на другого, и больше никаких законов. Безопасность была главным развлечением в Парке Свободы.

Я посмотрел на север в сторону Бульвара и увидел человека, который нес белый квадратный транспарант. На транспаранте ничего не было написано. Человек парадным шагом маршировал перед носом сопляка с квадратной челюстью, сидевшего на пластиковой коробке. Сопляк пытался поучать марширующего, читая мораль о вреде двигателей внутреннего сгорания и о вреде термического загрязнения вообще. Даже с такого расстояния, хотя я не разбираю слов, чувствовалась убежденность и решительность в голосе сопляка. Я посмотрел на юг и увидел группку, швырявшую камни в полицейскую систему наблюдения. Они старались непременно попасть в

золотистый шар. Группкой руководил яростно жестикулирующий мужчина с копной спутанных черных волос. Золотистый шарик уворачивался от камней, почти всегда в последний момент. Очевидно, какой-то полицейский просто издевался над снайперами. Интересно, подумал я, где это они набрали камней? Камни в Королевском Парке Свободы были редкостью.

Черноволосый, руководивший стрельбой, показался мне знакомым. Сначала я следил, как он и его толпа гоняются за прыгающим в воздухе шариком, а потом напрочь позабыл о них, потому что увидел девушку, вышедшую из-под вязов.

Она была очень мила. Просто прекрасна. Длинные, ладно скроенные ноги, густые рыжеватые волосы, спускавшиеся ниже плеч. Ее лицо напоминало лицо высокомерного ангела. Тело было столь идеально сложено, что казалось нереальным, словно мальчишеская мечта. В походке чувствовался профессиональный навык. Быть может, она была моделью или танцовщицей. Единственной одеждой рыжеволосой была накидка из сияющего синего бархата.

Она была длинной в пятнадцать ярдов, эта накидка. Она тянулась от петель, зацепленных за два больших золотых диска, которые каким-то хитроумным образом крепились прямо к коже у нее на плече. Накидка, словно невесомая вуаль, парила в воздухе на высоте пяти футов и извивалась, как змея, повторяя каждый поворот на пути, пройденном девушкой между деревьями. Она казалось картинкой из книжки волшебных сказок, если, конечно, иметь в виду, что настоящие волшебные сказки были явно не для детей. Как и она тоже.

Было слышно, как хрустнули шейные позвонки у всего Парка. Даже метальщики камней заключили перемирие с полицейской системой, чтобы поглазеть.

Наверняка она чувствовала всеобщее внимание. Или, быть может, слышала его в шуме вздохов. Ради этого

она и была здесь. Она шла прогулочным шагом, и на ангельском лице блуждала снисходительная ангельская улыбка. Она словно плыла. Она поворачивала, независимо от того, нужно ей было обходить какое-либо препятствие или нет. Она поворачивала лишь ради того, чтобы извивалась змеей ее летучая накидка.

Я невольно улыбнулся, глядя на нее. Сзади девушка была так же мила, как и спереди. У нее были такие ямочки...

Мужчина сделал шаг в ее сторону, и я увидел, что это тот самый, который предводительствовал шайкой метателей камней. Его растрепанные черные волосы и борода, впалые щеки, глубоко посаженные глаза... Его робкая улыбка, его робкая походка. Я сразу узнал. Рон Коул. Ну, конечно же...

Я не расслышал, что он сказал девушке в накидке, но видел результат разговора. Он вздрогнул, словно от боли, потом резко развернулся и пошел прочь, не поднимая глаз от земли.

Я быстро поднялся и посетил наперерез Рону.

— Не воспринимай все так лично, — сказал я.

Он остановился, изумленный. В его голосе слышалась неподеленная горечь.

— А как мне воспринимать?

— Она бы точно так же отвергла на твоём месте любого. На таких можно только смотреть и не трогать руками.

— Ты что, знаешь ее?

— Да нет, я вижу ее первый раз в жизни.

— Откуда же тогда такая уверенность?

— Видишь ли, все дело в ее вуали. Ведь ты должен был заметить ее вуаль.

Долгий змеящийся край накидки как раз проплыл мимо нас. Ее складки залегли, высветив невероятно насыщенный, богатый синий цвет. Рональд Коул поморщился так, словно ему было больно смотреть.

— Да уж.

— Ну, а теперь смотри. Предположим, что ты начинаешь с ней заигрывать, и предположим, что этой леди ты понравился и понравились твои речи. Что ты прикажешь ей сделать? Не забывай, что ей нельзя остановиться ни на секунду.

Рон надолго задумался, а потом спросил:

— Почему нельзя?

— Если она остановится, то весь эффект пропадет. Ее вуаль просто повиснет, как какой-нибудь хвост, а она должна развеиваться и трепетать. А если девушка опустится на землю, если она ляжет, будет еще хуже. Вуаль поднимется футов на пять, а потом застрянет в ветках каких-нибудь кустов, зацепится за колючки, и ветер начнет ее трепать...

Рон беспомощно рассмеялся высоким, почти детским голосом.

Я тут же добавил:

— Вот видишь. Зрители сразу начнут хихикать, а ей это решительно ни к чему.

Рон словно протрезвел.

— Но если ей действительно не хотелось, то она согласилась бы... ей было бы безразлично, тьфу, ну да! Я и не сообразил сразу. Должно быть, она потратила кучу денег, чтобы добиться такого эффекта.

— Ну, естественно. И она не пожертвует этим эффектом даже ради самого Казановы.

Нехорошие мысли вихрем пронеслись в моей голове, пока я глядел на девушку: ведь все-таки существуют вежливые слова отказа. А Рональда Коула было так легко обидеть. Чтобы сменить тему, я спросил:

— А где вы набрали камней?

— Камней? Ах, ну да. Просто мы нашли здесь одно место, где на поверхность выходит главный делитель водозабора. Мы просто отбили несколько кусков бетона.

Рон посмотрел вдоль парковой аллеи как раз в тот момент, когда какой-то мальчишка отбил миниатюрную ракетную установку с золотистого шара.

— Эй, они попали. Пошли, пошли скорей!

Самым быстрым торговым судном, когда-либо ходившим под парусами, был клиппер. И все же люди перестали строить их уже через двадцать пять лет после спуска на воду первого. На смену клипперу пришел пар. Пар был быстрее, безопаснее, надежнее и дешевле.

Автостреды служили Америке почти столетия. А после этого современные транспортные системы очистили землю и воздух. С ними автомобильные пробки стали делом прошлого, и нация оконфузилась. Никто не знал, что делать с десятую тысячами миль никому не нужных автостред.

Часть обьездной автостреды Сан Диего на участке, где Бульвар Сансет и Бульвар Санта Моника расходились в разные стороны, стала Королевским Парком Свободы. Десятилетие спустя на бетон насыпали грунт. Границы этой зоны покрыли искусственным пейзажем, и теперь парк был таким же зеленым, как старый Парк Свободы Гриффит.

Внутри Королевский Парк Свободы был моделью добропорядочной анархии. На входе людей обыскивали. Никто не мог бы пронести внутрь оружие, а плавающие над головой, недостигаемые полицейские системы наблюдения никем не замечались, так что законов здесь не существовало.

Впрочем, один закон здесь настойчиво насаждался. Все акты умышленного насилия влекли за собой одинаковое наказание, как для атакующего, так и для его жертвы. Стоило кому-нибудь поднять руку против своего соседа, и ближайший золотистый мячик для баскетбола парализовывал обоих. Приходили в себя они поодиночке, а систе-

мы слежения внимательно наблюдали за процессом. Как правило, этого было достаточно.

Естественно, что люди кидали камни в полицейские шарики. В конце концов, ведь это был Парк Свободы, не правда ли?

— Эй, они попали! Пошли, пошли скорей! — Рон схватил меня за локоть и потащил.

Сбитая полицейская система наблюдения была не видна. Ее закрывали тела тех, кто ее только что уничтожил.

— Только бы они не разбили ее. Я им говорил: мне она нужна целенькой. Но разве словами их остановишь?

— Но ведь это Парк Свободы, и они этой свободой воспользовались.

— Да, но моими камнями.

— А кто они такие?

— Не знаю. Когда я их заметил, они играли в бейсбол. Я сказал им, что мне нужен полицейский глаз, и они пообещали достать его.

Я хорошо помнил Рона. Рональд Коул был одновременно художником и изобретателем. Для кого-то это могло послужить двумя источниками обогащения, но Рон был не такой, как все. Он изобретал новые формы искусства. С помощью паяльника и проводков, с помощью отражательных пластин и нескольких наборов пластика да еще с невероятной коллекцией всякого гнutoго хлама Рон Коул умудрялся делать вещи, подобных которым на земле не видели.

Рынок авангардного искусства и всегда был не очень-то широким, но время от времени Рону удавалось что-нибудь продать. Этих денег хватало на то, чтобы приобретать новое сырье, особенно если учесть, что большая часть сырья попадала в мастерскую Рона с чердаков и подвалов. Правда, изредка ему удавалось продать что-

нибудь очень дорогое, и тогда на очень короткое время он становился богачом. И вот еще что было для него характерно: он знал, кто я, но совершенно позабыл мое имя. Рону Коулу было о чем подумать, вместо того, чтобы забивать себе голову посторонними людьми и их именами. Имя было для него лишь железкой на ошейнике, которой можно играть во время разговора.

— Рассел, как ты? — Это был сигнал: Рон повесил на мой ошейник новую бирку.

В какой-то момент разговора, посреди очередной паузы он обычно говорил: «Посмотри-ка сюда», — и обычно доставал на свет божий какое-нибудь чудо. Один раз он вытащил чистый пластиковый шарик размером с мячик для гольфа. Шарик лежал на идеально отшлифованной вогнутой серебряной поверхности. Когда его трогали пальцем, он начинал кататься по вогнутому зеркалу. Брызги отражений были фантастическими.

Другой раз Рон показал мне извивающуюся морскую змею, выгравированную на бутылке пива «Мешло» — чудной, похожей на вазу бутылочке начала 1960-х годов. Бутылка была слишком большой, чтобы поместиться в стандартный холодильник. А еще один раз Рон вложил мне в ладони две полоски матового серебристого металла. Полоски были на удивление тяжелыми.

— Что это? — изумился я.

Держа полоски на ладони, я пытался отгадать. Они были явно тяжелее, чем свинец. Может, платина? Но в наши дни негде раздобыть сразу столько платины. Тогда я шутя спросил:

— Уран-235?

Рон ответил вопросом на вопрос:

— Теплые?

Я с трудом подавил в себе инстинктивное желание бросить полоски как можно дальше и спрятаться за кушетку.

Они действительно были платиновыми. Рон так и не объяснил мне, где взял столько платины и зачем таскал пластинки с собой. Это было что-то сугубо личное.

Вокруг сбитого полицейского глаза стояли зеваки. Прибор был цел. Быть может, этим он был обязан двум подозрительно крупным мужчинам, которые стояли прямо над шариком и отгоняли всех в сторону.

— Так, хорошо, — сказал Рон.

Он опустился на колени, взял шарик и начал переворачивать его, держа своими длинными тонкими пальцами художника. Потом, обратившись ко мне, попросил:

— Помоги мне открыть его.

— Для чего? Что ты задумал?

— Сейчас все расскажу. Ну-ка, возьми... Все... Не надо.

Одна из полусфер, скрывавших внутренности прибора, отошла. Я в первый раз в жизни заглянул в полицейский глаз.

Он поражал своей простотой. Я взялся за звуковой парализатор, зажав в пальцах параболический отражатель, и вытаскил камеры и торовый трансформатор, который, должно быть, служил основой системы, удерживающей прибор в воздухе. Никакого источника питания я не обнаружил. Должно быть, сама оболочка служила антенной рассеянных энергетических лучей. Теперь, когда оболочка нарушена, ни один дурак, даже очень сильно стараясь, не сможет замкнуть электрическую цепь на себя.

Рон стоял на коленях и внимательно изучал странные внутренности полицейского глаза. Из своего кармана он достал что-то, сделанное из стекла и металла. Потом, очевидно, вспомнил, что я существую, и, протянув вещь мне, сказал:

— Посмотри.

Я взял вещь в руки, ожидая какого-нибудь сюрприза. И сюрприз не заставил себя долго ждать. Это были

старинные охотничьи часы. Большие заводные механические часы на цепочке да еще и в защитном корпусе. Такими часами пользовались лет двести назад. Поглядев на циферблат, я сказал:

— Опаздывают на пятнадцать минут. Ты что, не смог восстановить весь механизм?

— Да нет, дело не в этом.

Рон нажал на кнопочку, и крышка откинулась.

Механизм казался вполне современным. Я спросил наугад:

— Батарейка и вилка настройки?

— Естественно. Из этого я их и сделал. Только стрелки не движутся. Я поставил их сразу перед обыском.

— А... И что эта штука может сделать?

— Ну знаешь, если я все правильно рассчитал, то, думаю, эта штука сможет сбить все полицейские глаза в Королевском Парке Свободы.

Примерно с минуту я давился смехом, не в силах вымолвить ни слова. Рон смотрел на меня, склонив голову на бок, и, видимо, гадал, не принял ли я его слова за шутку. Наконец я выдавил через смех:

— Слушай... Ну, это будет большое развлечение!

Рон энергично закивал.

— Конечно! Все зависит от того, насколько правильно я разгадал их схему. Сам посуди. Полицейские системы не должны быть сверхнадежными. Они должны быть дешевыми. Если кто-нибудь собьет полицейский глаз, налоги от этого не увеличат. А если делать их дорогими, но сверхзащищенными, можно обмануть ожидания множества людей. А люди в Парке Свободы не должны обманываться в своих ожиданиях.

— Ну и..?

— Если они сделали систему питания дешевой, то я смогу уничтожить весь глаз. Сейчас посмотрим.

С этими словами Рон вытащил из-под воротника своей рубашки тоненький медный проводок.

— И сколько это времени займет?

— Да всего с полчаса, может, чуть больше.

Время было решающим фактором.

— Мне придется уйти. Я встречаюсь с Джил Хейз у Уилширского выхода. Ты знаешь ее. Такая высокая блондинка, с меня ростом.

Впрочем, Рон меня не слушал.

— Ну ладно, пока, — пробормотал он и начал вставлять медный проводок куда-то вглубь полицейского глаза.

Когда он вживил его с помощью крошечных плоскогубцев, я ушел.

Маленькая толпа всегда притягивает к себе толпу большую. Спустя несколько минут после того, как мы с Роном распрощались, я увидел на своем пути огромный полукруг любопытных, которые что-то разглядывали на земле.

Лысеющий, с квадратной челюстью индивидуум что-то собирал на траве — архаичная машина с какими-то лезвиями и маленьким бензиновым моторчиком. Т-образная деревянная рукоятка была совершенно новая. На ней еще не было краски. Все металлические части аппарата были тусклыми. Здесь и там их покрывали следы только что оттертой ржавчины. Толпа обменивалась впечатлениями шепотом. Что это было? Это не деталь машины, не моторная лодка, хотя у нее был пропеллер. Слишком мала для моторного скутера, слишком велика для моторного скейтборда...

— Газонокосилка, — гордо заявила седовласая леди, стоявшая рядом со мной.

Она относилась к той мелкой птицемордой породе людей, которые усыхают, худеют с возрастом и живут, кажется, вечно. Ее слова ничего для меня не значили, и я собирался спросить, когда...

Человек с квадратной челюстью закончил работу, что-то дернул, и мотор взревел. Черные клубы дыма окутали толпу. С триумфальным видом человек схватился за

рычаги. За пределами парка изготовление работающего двигателя внутреннего сгорания каралось тюремным заключением. Здесь...

Огонь одержимости горел в глазах лысоватого конструктора, когда он ехал по кругу на своей неполноценной машине. Под колесами, как стриженный ковер, оставалась полоска срезанной травы. В конце концов, это ведь был Парк Свободы, не правда ли?

В нос сразу ударил отвратительный запах. Черная грязь заполнила воздух, вонь наполовину отработанного угля вызывала в глазах слезы. Я начал задыхаться и кашлять. Никогда в жизни мне не приходилось нюхать ничего подобного.

Толпа заревела. Все рассыпались в стороны. Потом накинулись на лысоватого. Он что-то успел прокричать, когда чужие руки подняли его машину. Кто-то нашел пускатель и повернул его. Двое мужчин конфисковали набор инструментов лысоватого и заработали отвертками и молотками. Владелец возражал. Он поднял тяжелую пару ножниц для металла и попытался совершить убийство.

Полицейский глаз парализовал лысоватого и мужчину с молотком, бережно уронив их на лужайку. Остальные спокойно разобрали газонокосилку на части, а потом погнули и поломали детали.

— Мне почти жаль, что они это сделали, — сказала сухая старуха. — Иногда я так скучаю по газонокосилкам. Мой папа по утрам в воскресенье имел обыкновение подстригать газон.

Я сказал:

— Ведь это Парк Свободы.

— Ну так почему человек не может построить здесь все, что ему хочется?

— Человек свободен. Все, что он свободен построить, мы свободны разломать, — и невольно добавил про себя: «как полицейский глаз, переоборудованный Роном».

У Рона железки сами склеивались в механизмы. Я нисколько не удивился бы, если бы узнал, что он действительно построил систему, способную сбить все полицейские глаза.

Быть может, кто-то должен остановить его? Но сбивать полицейские глаза не было запрещено. Подобное случалось постоянно. Сбивание полицейских глаз входило в свободу, разрешенную в этом парке. Правда, Рон собирается сбить их все сразу. Может быть...

Может быть, кто-то должен остановить его?

Я миновал стайку старшекласниц. Им было не больше шестнадцати лет. Они щебетали, как птахи. Быть может, это была их первая прогулка по Парку Свободы. Они были такими пайньками, что я невольно оглянулся. Они чуть ли не с благоговением разглядывали дракона у меня на спине.

Пройдет несколько лет, и они слишком привыкнут ко всему, и уже не заметят моего дракона. А ведь Джил потратила сегодня утром почти полчаса, чтобы нанести его на мое плечо. Это был славный дракон: красный с золотым. Он изрыгал пламя на полспины, и казалось, что языки этого пламени светятся изнутри. Чуть пониже спины была принцесса и рыцарь в золотых доспехах. Принцесса была привязана к палке, а рыцарь бежал, пытаясь спастись от дракона. Я улыбнулся девочкам, и две из них помахали мне руками.

У нее были короткие белые волосы и золотистая кожа. Она была самой высокой девушкой на улице. На ней не было ничего, даже липкого квадрата с лицензией, обязательной для нудистов. Джил Хейз стояла прямо напротив Уилширского выхода, всем своим видом показывая, что потеряла меня. Было пять минут четвертого.

Все-таки в помешательстве на туризме был свой интерес. Джил просто настаивала на том, чтобы я приобрел

рел хорошую форму. Ежедневные упражнения были частью этого процесса, так же как и сегодняшнее задание пройти вместе с ней половину Королевского Парка Свободы...

Передо мной стояла задача пройти сквозь парк быстро. Но кто в Парке Свободы ходит быстро? Здесь так много интересного. Она отвела мне на прогулку один час, но я потребовал три. Это был компромисс. Как бумажные брюки, которые я носил, несмотря на нудистские верования Джил.

Рано или поздно она найдет себе кого-нибудь с более рельефной мускулатурой, или меня переборет лень, и мы расстанемся. Пока что... Мы умудрялись быть вместе. Мне казалось вполне разумным позволить ей закончить процесс моего физического воспитания.

Наконец она заметила меня и закричала:

— Рассел! Я здесь.

Звук ее голоса был слышен, должно быть, в другом конце парка. Вместо ответа я поднял руку в стиле семафор — медленно над головой и медленно вниз.

Одновременно с моей рукой на землю замертво упали все полицейские глаза Королевского Парка Свободы.

Джил осмотрелась, глядя в изумленные лица и на золотые баскетбольные мячики, лежащие в кустах и на траве. Несколько неуверенно она подошла ко мне и спросила:

— Это ты сделал?

— Да. Если я снова махну рукой, они все поднимутся в воздух.

— Я думаю, тебе лучше будет поднять их, — уверенно сказала Джил.

У нее было такое тонкое лицо. Величественным жестом я повторил сигнал семафора, но, естественно, полицейские глаза продолжали лежать там, куда свалились.

Джил спросила:

— И что это с ними произошло, интересно?

— Это все Рон Коул. Помнишь его? Тот самый, что гравировал пустые пивные бутылки для Стойбена.

— Ой, помню. А как он это сделал?

Мы пошли к Рону, чтобы спросить, как он это сделал.

Очень пристойный мужчина, напоминающий преподавателя колледжа, взвыл и сломя голову пронесся мимо нас. В следующее мгновение мы увидели, как он изо всех сил пнул полицейский глаз, словно это был футбольный мяч. Золотая сфера с треском распалась, но мужчина снова завыл, подпрыгнул и начал топтать ее содержимое.

Мы проходили мимо изуродованных, раскрошенных золотистых оболочек, лопнувших резонаторов, погнутых параболических отражателей. Нам встретилась одна очень гордая и покрасневшая леди. У нее на руках болтались браслеты из медных торовых трансформаторов. Какой-то мальчишка собирал камеры. Может быть, он решил, что сможет продать их потом, когда выйдет из Парка.

Уже через минуту вокруг нас не было ни одного целого полицейского глаза. Впрочем, не все были заняты тем, что ломали системы наблюдения. Джил долго шла, повернув голову на консервативно одетую группку, таскавшую в руках транспарантки:

**СНОШЕНИЕ
ТОЛЬКО
РАДИ
РОЖДЕНИЯ**

Джил несколько раз спросила меня: всерьез ли они это затеяли? Их лидер с угрюмым лицом вручил нам

листовки, в которых говорилось о том, что все попытки Человека изменить самого себя через вмешательство в генную структуру и через эксперименты по выращиванию детей в пробирках, суть зло и богохульство. Если они придурялись, то делали это очень здорово. Потом мы прошли мимо семерых маленьких мужчин, каждый ростом не больше трех-четырёх футов. В центре их группы плыла высоченная и очень красивая брюнетка. Мужчины носили средневековые наряды. Мы оба уставились на них, но только я заметил, что мужчины загримированы и намазаны ОТ-БЕЛом. Африканские пигмеи, догадался я. Наверняка они отбились от туристической группы, которую субсидирует ООН, а брюнетка, должно быть, их гид.

Рона Коула не оказалось там, где мы с ним расстались.

— Наверное, он решил, что осторожность лучше, чем трусость. Поэтому он просто скрылся, чтобы никто не сказал, что он трусил. Скорее всего он правильно сделал, — заключил я. — Ведь еще никто не сбивал сразу все полицейские глаза.

— А это не запрещено законом?

— Нет, но это излишество. Его могут как минимум изгнать из парка и лишить права посещения.

Джил потянулась на солнышке. Она была вся такая золотистая и такая большая. Наконец она проговорила:

— Я пить хочу. Тут нигде нет фонтана поблизости?

— Конечно есть. Если только никто не перекрыл в нем воду, ведь мы в...

— Парке Свободы, я знаю. Ты хочешь сказать, что они не охраняют здесь даже фонтаны?

— Стоит сделать хоть одно исключение из правил, и весь пирог свободы будет растаскан по кускам. Когда кто-нибудь ломает фонтан, они ждут ночи и починяют его. Так, нам сюда... Но если я увижу кого-нибудь, ломающего фонтан, я тут же брошусь на него с кулаками. Как, впрочем, и любой из нас. И к тому же, если ты проведешь

половину своего праздника, отдыхая под звуковым парализатором, решение больше не ломать фонтаны само придет тебе в голову.

Фонтан был фонтанчиком, точнее четырьмя фонтанчиками для питья, вмонтированными в монолитный бетонный куб. С каждого бока в бетон была вставлена металлическая кнопка размером в ладонь. Такую трудно было помять, согнуть или сломать. Рядом с фонтанчиком стоял Рон Коул с видом совершенно потерянного человека. Казалось, он обрадовался, увидев меня, но растерянность не исчезла. Я представил Рона.

— Ты, наверное, помнишь, это Джил Хейз.

— Ну, конечно, — тут же сказал он. — Привет, Джил. Дернув за собачью бирку ее имени, он тут же его забыл.

Джил сказала:

— А мы думали, что ты убежал.

— Я попытался сделать это.

— Ну, и что?

— Ты же знаешь, какая сложная вещь эти выходы?

Они ведь специально поставлены, чтобы не пропустить внутрь никого, ну, например, с пистолетом. — Говоря это, Рон постоянно расчесывал пятерней свою гриву, но она не становилась аккуратней. — Ну так вот. Все выходы заблокировались. Должно быть, они замкнуты на тот же лучевой канал, что и полицейские глаза. Я на это не рассчитывал.

— Ну, значит, мы заперты, — сказал я. Это было уже неприятно. Но в самой глубине я чувствовал легкий холодок приключения, который постепенно приближался к моему животу. — И как долго, ты думаешь, они...

— Ничего определенного сказать не могу. Им придется каким-то образом сначала поставить новые глаза. Потом починить лучевую систему питания, да еще и сообщить, как это я свернул им всем головы. Да еще и изменить устройство таким образом, чтобы подобное больше

не повторялось. Я думаю, что кто-нибудь уже наверняка растоптал глаз, который я переделал. Но ведь полиция не знает об этом.

— Ой, да они просто пришлют сюда немного полицейских, — сказала Джил. — Ты только посмотри вокруг.

Повсюду, куда хватало глаз, лежали золотистые обломки. Ни одна полицейская система не осталась целой. Только совершенно безумный полицейский теперь рискнет войти в Парк Свободы. Не говоря уже об ущербе, который будет нанесен самому духу Парка, стоит в нем появиться хоть одному полицейскому.

— А жаль, что я не прихватил с собой пакетик с завтраком, — сказал Рон.

Справа от себя я вдруг заметил вуаль — длинную змею сияющего синего бархата, вуаль, висящую на высоте пяти футов, словно кто-то проложил через воздух ковровую дорожку. Я не стал кричать, или тыкать пальцем, или еще что-нибудь. Это могло очень обидеть Рона.

Рон не видел вуали. Он оживленно говорил:

— Лично я по-своему даже рад, что все это произошло. Я всегда считал, что анархия может оказаться очень жизнеспособной формой существования общества.

Джил что-то вежливо и одобрительно промычала:

— В конце концов, слово анархия стоит последним в сионимическом ряду свободного предпринимательства. Разве государство может сделать для людей что-то такое, чего люди не могут сделать для себя сами? Защитить их от внешних врагов? Но если все другие страны будут тоже анархическими, армии им просто не понадобятся. Полиция, может быть. Но что дурного в частной полиции?

Внезапно Джил припомнила:

— Точно так же раньше работали пожарные команды. Их нанимали страховые компании, и пожарники тушили огонь только в застрахованных домах.

— Совершенно верно. Покупаешь себе страховку от ограбления и убийства, а страховая компания нанимает полицию. Клиент носит с собой кредитную карточку...

— А если грабитель украдет и кредитную карточку?

— Он не станет ее воровать, потому что не сможет ею воспользоваться. У него другой рисунок сетчатки глаза.

— Да, но если у клиента забрать кредитную карточку, он не сможет натравить полицейских на вора.

Слушая вполуха, потому что уже много раз все это слышал, я следил за изгибами вуали. С одного конца была вьющаяся пустота, а с другого — чудесная рыжеволосая девушка. Она разговаривала с двумя мужчинами, одетыми так же экстравагантно, как и она.

Иногда создается впечатление, что Парк Свободы это просто гигантский костюмированный бал. Но это не так. Здесь каждый десятый носит одежду, вряд ли отличающуюся от обычной, просто странные костюмы всегда бросаются в глаза. Эти парни были похожи на полуптиц.

Их ресницы и брови были покрыты маленькими перышками. На одном глазе — золотистые, на другом — зеленые. Более широкие перья покрывали головы. Перья были голубого, зеленого и золотого цвета и сходились хохолком, топорщившимся вдоль позвоночника. Оба были по пояс обнажены, демонстрируя сложение, которое Джил нашла бы достойным.

Рон все продолжал свою лекцию:

— Что правительство дает кому-нибудь, кроме тех людей, из которых оно состоит? Когда-то существовали частные почтовые отделения, и их услуги были дешевле, чем то, что мы имеем сейчас. Все, за что берется правительство, мгновенно становится дороже. Мне совершенно непонятно, почему частное предпринимательство не может выполнять все функции прави...

В этот момент Джил ахнула и воскликнула:

— Ой, какая прелесть!

Рон вынужден был обернуться.

Девушка в вуали изо всех сил наотмашь ударила одного из мужчин по губам. Она тут же попыталась влить пощечину и второму, но он вовремя схватил ее за

запястье. В следующий момент все трое замерли, ожидая парализующего луча, которого в тот момент быть не могло.

Я не удержался.

— Видели? Никто не может ее победить.

В Парке Свободы любая девушка с легкостью отвергает приставания. А если парню недостаточно простого «нет», ему дают пощечину. Потом парализующий луч обездвиживает обоих. Девушка приходит в себя первой и скрывается.

Все очень просто.

Девушка опомнилась первой. Она порывисто вдохнула, рывком высвободила руку и побежала. Один из мужчин, изукрашенных перьями, не пытаясь догнать, попросту схватил обеими руками кусок вуали.

Дело принимало серьезный оборот.

Вуаль натянулась, и девушка резко качнулась назад. Впрочем, она не раздумывала и рывком отстегнула большие золотые диски, крепившиеся к плечу, быстро высвободилась и побежала. Мужчины в перьях смеясь погнались за ней.

Рыжеволосой красавице однако было не до смеха. Она бежала изо всех сил. Два тонких кровоподтека обозначились на плечах. Я подумал было о том, что стоит остановить преследователей, но было уже поздно. Они быстро пронесли мимо меня. Вуаль, как ковровая дорожка, расстеленная в воздухе, висела, ничем не поддерживаемая.

Джил нервно обхватила себя за плечи.

— Рон, — спросила она, — а как можно нанять себе частную охрану? Или полицию?

— Ну, знаешь, так молниеносно все не устроится...

— Пойдем к выходу, — перебила она, — быть может, нам удастся выйти.

Толпа медленно росла. Каждый знал, для чего существует полицейский глаз, но никто никогда не воспринимал его всерьез. Двое мужчин в перьях гонятся за обнаженной красоткой? Чудненькое зрелище. Так чего же тут дергаться, чего вмешиваться? Если ей не хочется, чтоб за ней гнались, ей стоит только... Только что? Ничего не изменится. Костюмы, люди, идущие по делам, и люди без дела, люди, которые пришли поглазеть и послоняться... — все останется по-прежнему.

Транспарант без надписи присоединился к транспарантикам «СНОШЕНИЕ ТОЛЬКО РАДИ РОЖДЕНИЯ».

Его розовая уличная туника, выпачканная в траве, странно сочеталась с их консервативными костюмами. Но человек, носивший транспарант без надписи, был вполне серьезен. Его лицо было столь же неестественно утрюмым, как и лица в консервативных костюмах. Но все равно пуристы не выражали особого восторга от его присутствия.

Уилширский выход был запружен толпой. По облику изумленных и разочарованных лиц я догадался, что двери закрыты. Маленький вестибюль был настолько забит людьми, что мы даже не попытались узнать, что случилось с дверьми.

Все больше нервничая, Джил заговорила:

— Я не думаю, что нам нужно здесь оставаться.

Я заметил, как она все время обнимает себя за плечи, и спросил:

— Тебе что, холодно?

— Нет, — Джил вздрогнула. — Но я хотела бы что-нибудь одеть на себя.

— Как насчет вуалевой накидки?

— Отлично.

Мы опоздали. Накидка исчезла.

Был теплый сентябрьский день. Точнее, вечер. Хотя на мне были лишь бумажные брюки, мне было совершенно не холодно. Я предложил:

— Ну возьми мои брюки.

— Ой, нет. Я ведь нудистка.

Но, несмотря на это, Джил продолжала обнимать себя за плечи.

— Держи, — сказал Рон и вручил ей свой свитер.

Джил сверкнула благодарными глазами, а затем, чувствуя себя явно не в своей тарелке, обернула свитер вокруг пояса и узлом завязала рукава.

Рон ничего не понял. Я спросил его:

— Ты знаешь разницу между ню и обнаженным телом?

Он покачал головой.

— Ню — артистично, обнаженность — беззащитна.

Нудизм был популярен в Парке Свободы. Обнаженность в тот вечер явно была не в фаворе. Знаменитую вуаль я видел в тот вечер по меньшей мере в четырех воплощениях. Один ее кусок превратился в короткую мужскую юбку. Два обрывка превратились в подобие саронгов, еще одна полоска перевязывала чью-то руку.

В обычный день все входы в Королевский Парк Свободы закрываются в шесть. Те, кто хочет остаться, остаются, сколько им вздумается. Впрочем, таких немного, потому что фонарей, которые можно разбить, в Парке Свободы очень мало. Свет падает сюда из окрестных зданий, а полицейские глаза продолжают плавать по воздуху, направляемые приборами ночного видения. Впрочем, большая часть полицейских глаз — пустышки. Никто по ночам за ними не следит. *В эту ночь все будет по-другому.*

Солнце село, но было еще светло. Маленькая древняя старушонка шагала в нашу сторону. В ее лице сквози-

ла жажда крови. Поначалу я подумал, что она направляется прямо на нас, но я ошибался. Она настолько выжила из ума, что не могла долго смотреть в одном направлении.

Она увидела мои ноги и подняла глаза.

— А, это ты, это ты помог сломать газонокосилку, — сказала она.

Я почувствовал укол несправедливого обвинения.

Старушка продолжала обличать:

— Парк Свободы, да? Парк Свободы! Двое мужчин только что отняли у меня пакетик с едой.

Я развел руками.

— Мне жаль. Мне очень жаль. Если бы у вас оставался пакетик, мы бы попытались уговорить вас поделиться с нами.

Мои слова, видимо, вернули ее к реальности. На глаза старушки навернулись слезы.

— Значит, все мы — голодные. А я принесла обед в полиэтиленовом пакете. Следующий раз возьму непрозрачный пакет. Ой, черт! — Старушка наконец заметила Джил и ее импровизированный свитер-юбку и поспешила добавить: — Мне жаль, деточка. Я отдала свое полотенце девушке, которая нуждалась в нем еще больше, чем ты.

— Ничего страшного, все равно спасибо за беспокойство.

— Пожалуйста, люди, можно мне остаться с вами, пока не включат полицейские глаза? Мне что-то немножко страшно. Меня зовут Гленда Готорн.

Мы представились. Гленда Готорн по-мужски пожала нам руки.

Тем временем стало темно. Из-за высоких зеленых кустарников мы не могли видеть город, но, когда огни Вествуда и Санта Моника зажглись, переход от темноты к свету поразил нас.

Полиция явно не торопилась снабдить нас новыми полицейскими глазами.

Мы дошли до заросшего травой поля, на котором иногда упражняются члены Общества Творческого Анах-

ронизма. Они проводят здесь свои турниры, сражаясь в пешем строю деревянными плоскими дощечками, которые должны, по их мнению, напоминать мечи, секиры и так далее. Турнирное поле очень большое и совершенно ровное, со слегка выгнутыми краями. На нем не растет ни единого деревца.

На одном из таких выгнутых краев что-то шевелилось. Я остановился. Движение прекратилось, но свет, отраженный от белоснежных облаков, ясно выхватывал это место. Что-то, издалека похожее на человека и немного розоватое, стояло рядом с бледным квадратом.

Я тихо сказал:

— Оставайтесь здесь.

Джил заволновалась.

— Не глупи, там никто нигде не спрячется. Пойдем отсюда.

Транспарант без надписи был погнут; на белом фоне четко обозначились отпечатки грязных башмаков. Человек, когда-то носивший его, с болью в глазах посмотрел на нас. Кровь вздувалась пузырем у его ноздри и быстро засыхала. Он прошептал с видимым усилием:

— Я думаю, они выбили мне плечевой сустав.

Джил склонилась над ним.

— Давайте я посмотрю.

Некоторое время она что-то ощупывала, а потом, упершись ногами, дернула за руку сильно и резко. Человек с пустым транспарантом закричал от боли и отчаяния:

— Достаточно!

В голосе Джил послышалось удовлетворение от хорошо выполненной работы:

— Как чувствуете себя?

— Теперь так сильно не болит, — человек почти улыбался.

— Что с вами произошло?

— Они начали отталкивать меня и бить, чтобы я ушел. А я и так уходил. Я шел себе своей дорогой. Я шел.

А потом кто-то выхватил мой транспарант... — Человек вдруг запнулся, а потом продолжал с горечью и досадой: — Я никому не причинил вреда своим транспарантом. Я Помощник Мэра по Психологии. Я сейчас пишу работу о том, что каждый индивидуум хочет прочитать на пустом транспаранте. Это то же самое, что пустые страницы в тесте Роршаха.

— И как на вас обычно реагируют?

— Обычно с враждебностью, но ничего подобного раньше не происходило. — По интонации человека с пустым транспарантом можно было судить о том, насколько он изумлен:

— По-моему, Парк Свободы гарантирует нам и свободу слова. Не так ли?

Джил вытирала кровь у него с лица, вывернув наизнанку кошелек Гленды Готорн. Она очень старалась и одновременно говорила:

— Конечно, здесь должна быть обеспечена свобода слова, в особенности если ты ничего не говоришь. Эй, Рон, расскажи нам еще про свое государство анархии.

Рон откашлялся.

— Надеюсь, вы не будете судить об анархии по нынешнему случаю. Королевский Парк Свободы был во власти анархии всего лишь пару часов. Анархия должна успеть созреть.

Должно быть, Гленда Готорн и человек с пустым транспарантом слушали его и спрашивали себя: что за чертовщину он несет? Я искренне желал Рону получить удовольствие от того, что он разъяснит им свою теорию. Больше всего меня волновало, расскажет ли Рон о том, что это он сбил все полицейские глаза.

Пожалуй, на этом поле будет хорошо провести ночь. Поле было открытым. Здесь не было никаких зарослей, никаких теней, никто не смог бы подкрасться к нам незамеченным. К тому же, здесь я быстро учился чувствовать и думать, как истинный параноик.

Мы лежали на мокрой траве, то погружаясь в дремоту, то перебрасываясь фразами. Еще две группки, такие же маленькие, как наша, оккупировали два края поля. Они соблюдали дистанцию, мы соблюдали дистанцию. Время от времени до нас долетали их голоса, и мы знали, что они не спят. Во всяком случае, спят не все.

Человек с пустым транспарантом был очень неспокоен во сне. Очевидно, ребра у него болели по-настоящему, хотя Джил утверждала, что все они целы. Он поминутно всхлипывал, дергался во сне и от этого поминутно просыпался. Проснувшись, он брал себя в руки и лежал очень тихо, пока снова не засыпал.

Джил вдруг осенило: деньги! Правительство сохранится, чтобы печатать деньги!

— Зачем? Ведь можно выписывать долговые обязательства. Стандартного достоинства. Выписывают и нотариально заверяют. И вы подписываетесь собственным добрым именем.

Джил мягко рассмеялась.

— Ты уже все продумал, да? Так, знаешь ли, далеко не уедешь на добром имени.

— Ну, значит, кредитные карточки.

Мне надоело верить в анархию Рона. Я спросил его:

— Рон, помнишь девушку в длинной голубой вуали? Воцарилось долгое молчание.

— Да, а что?

— Ничего себе девица, да? На нее было очень интересно посмотреть.

— Согласен.

— Так вот, если бы не было никаких законов, запрещающих тебе попросту взять и изнасиловать ее, она бы ходила закутанной по уши. Платье бы застегивала на железные пуговицы и еще таскала бы с собой газовый баллончик. Приятно тебе будет на такую смотреть? Мне, например, нравится смотреть на тело ню. Ну посмотри, как быстро исчезли все ню после того, как упали полицейские глаза.

— Хм-м... — Рон задумался.

Ночь становилась все холодней. Отдаленные голоса, случайные, очень далекие окрики — все звуки слились в тонкие серые нити на черном покрывале молчания. Миссис Готорн решила нарушить его.

— А что все-таки хотел сказать этот парень с пустым транспарантом?

— Он не хотел ничего сказать, — пояснила Джил.

— Ну уж нет, секундочку, милочка. Я считаю, что он все равно своим транспарантом что-то говорил, даже если не знал, что именно. — Миссис Готорн говорила очень медленно, внимательно обдумывая каждую фразу, внимательно подбирая каждое слово. — Была когда-то организация, которая протестовала против обязательной контрацепции, и я была ее членом. Мы целыми часами носили всякие лозунги. Мы печатали листовки и останавливали прохожих, чтобы поговорить с ними. Мы тратили собственное время, собственные усилия и деньги, потому что мы хотели своими идеями достучаться до сердец.

Так вот, если к нам присоединяется человек с пустым транспарантом, значит он хочет что-то сказать.

Его транспарант просто означает, что у него нет мнения. Раз он присоединяется к нам, значит, он тем самым утверждает, что никакого мнения нет и у нас. Он словно говорит, что наши воззрения ничего не стоят.

Я тут же схватился за ее слова.

— Передайте ему это, как только он проснется. Он запишет ваши слова в свою тетрадочку.

— Но его тетрадочка врет. Он не станет совать свой транспарант под нос людям, с которыми во всем согласен, ведь так?

— Наверное, не станет.

— Я... лично... полагаю, что люди без всякого мнения не могут нравиться. — Миссис Готорн встала. — Вы случаем не знаете, где тут автомат с газировкой?

Естественно, мы не знали. Впрочем, ни одна частная компания не будет рисковать своими аппаратами в

том месте, где их будут ломать и разбивать два раза в день. Зато старуха напомнила нам, что мы все хотим пить. Так или иначе, мы все поднялись и побрели в сторону фонтана.

Все, кроме человека с пустым транспарантом.

Мне было жаль, что его нет с нами. Как странно, думал я, как дико, что такое неотъемлемое право, как свобода слова, должно зависеть от такой хрупкой штуки, как висячая полицейщина.

Мне хотелось пить.

Парк, залитый светом ночного города, резали на куски острые, длинные тени. При таком освещении всегда кажется, что видишь больше, чем на самом деле. Я думал, что вижу насквозь каждый темный уголок. На самом же деле, хотя повсюду ощущалось чье-то присутствие, я мог увидеть кого-нибудь только тогда, когда человек начинал шевелиться.

Мы мало разговаривали. И парк был погружен в молчание, лишь изредка прерывавшееся смехом, доносившимся со стороны фонтана. Мысль о воде не оставляла меня. Я чувствовал, что люди вокруг меня тоже хотят пить. Фонтан был совсем рядом на открытой площадке. Знакомый бетонный монолит, вокруг которого стояли пятеро.

Они были одеты совершенно одинаково — в бумажные шорты с огромными карманами. Они выглядели совершенно одинаково — первоклассные атлеты. Может быть, они принадлежали к какому-нибудь ордену, или клану, или классу ROTC?

Они захватили фонтан. Когда кто-нибудь подходил, чтобы напиться, высокий пепельный блондин делал шаг вперед, выставив руку и ладонью преграждая путь. У него был большой рот, искривленный в ухмылке, которая при иных обстоятельствах могла бы сойти за заразительную улыбку. Его голос был густым и сочным. С театральными интонациями он говорил:

— Изыди. Никто не смеет здесь ходить. Только бессмертный Ктулу*...

Или еще что-нибудь, равно бессмысленное.

Беда была в том, что они не шутили. Или, точнее, они-то шутили, но пить все равно никому не давали.

Когда мы подходили, какая-то девушка, опоясанная полотенцем, пыталась образумить их, но ее слова не подействовали. Скорее, наоборот. Они только раздухарились — милая полуголая девица умоляет их дать ей напиться. В конце концов она прекратила уговаривать и ушла.

При том освещении ее волосы казались мне красными. Я поймал себя на том, что надеюсь, что эта девушка была той самой, в вуали.

Какой-то плотный мужчина в желтом деловом свитере очень ошибался, требуя соблюдать его Права. То была не самая подходящая ночь для его Прав. Блондин дразнил его, пока мужчина в желтом свитере не начал выкрикивать оскорбления, перешедшие в невообразимую матерщину. Поток иссяк, когда мужчина попытался ударить блондина. В то же мгновение трое парней набросились на него. Мужчина покинул зону фонтана на карачках, перемежая стоны требованиями вызвать полицию и принести смиренные рубашки.

Почему же никто ничего не предпринимает? Сам я наблюдал все это, сидя у дерева. Мне были ясны причины собственного бездействия. Первая: было трудно осознать тот факт, что полицейский глаз не парализует сцепившихся мужчин. Вторая: мне не очень-то нравился этот визжащий толстый мужчина в желтом свитере. Уж очень грязно он ругался. Третья: я ждал, что вмешается кто-то другой.

* Ктулу (Cthulhu) — мифическое божество, тиранический правитель половины Земли во времена, когда не существовало людей. Впервые персонаж появляется в знаменитых «Мифах Ктулу» Г.Ф.Лавкрафта. (примечание переводчика)

В этот момент заговорила миссис Готорн:

— Рональд, который сейчас час?

Должно быть, Рон был единственным человеком в Королевском Парке Свободы, который знал точное время. Обычно люди оставляли все свои ценности в камере хранения на входе. Несколько лет назад, когда Рон утонул в деньгах от удачной продажи гравированных пустых бутылок, он купил себе имплантируемые часы. Теперь он определял время, глядя на красную отметинку и две красных полосочки, сияющие прямо под кожей на запястье. Хотя между нами сидели Джил и старуха, я увидел, как вскинулась его рука.

— Без четверти двенадцать.

— Вы полагаете, что им надоест и они уйдут? Уже двадцать минут никто не подходит, чтобы напиться, — сказала миссис Готорн.

Джил прислонилась ко мне.

— Им не более скучно, чем нам. К тому же, я думаю, что если даже им станет скучно, они все равно останутся. Тем более...

Она вдруг запнулась.

Я закончил вместо нее.

— Тем более, что мы хотим пить сейчас.

— Точно.

— Рон, ты нигде поблизости не видел своих метателей камней? В особенности хорошо было бы найти того, кто сбил полицейский глаз.

— Нет.

Я не был удивлен категоричностью ответа. Казалось бы, в такой темноте..?

— А ты помнишь его?

Я не успел даже закончить, как Рон неожиданно вскрикнул:

— Конечно!

— Да ты шутишь.

— Не шучу! Его звали Пучеглаз. Такие имена не забываются.

— Ты хочешь сказать, что у него глаза навывкате?

— Я не заметил.

Что ж, стоило попробовать. Я привстал и, сложив ладони рупором, прокричал:

— Пучеглаз!

Кто-то из Водяной Монополии тоже закричал:

— Ну-ка помолчим-ка там!

Буря остроумия разразилась возле бетонного квадрата.

— Ну и привычки у этих крестьян...

— По большей части они просто хотят питочки. А вот этот персонаж...

Откуда-то издалека отозвались:

— Чего ты хочешь?

— Мы хотим поговорить с тобой. Оставайся, где стоишь.

Потом, повернувшись к Рону, я сказал:

— Вставай, пошли.

Что же касается Джил и миссис Готорн, то они получили приказание оставаться на месте и не вмешиваться.

Мы вышли на открытую лужайку. Пройдя половину расстояния до того места, где по нашим предположениям должен был находиться Пучеглаз, мы заметили, что двое из пяти парней, составлявших Водяную Монополию, бросились нам наперехват. Должно быть, им действительно было очень скучно, и они искали развлечений. Мы кинулись вперед сломя голову и влетели под густую тень деревьев прежде, чем те двое добрались до нас. Они остановились и, смеясь как полоумные, пошли назад к фонтану.

Мы с Роном лежали под тенью низкого кустарника. Отсюда было видно всю залитую светом лужайку и четверых крепких ребят в бумажных шортах, которые, как на

параде, вытянулись по углам бетонного фонтанчика. Пятый явно искал жертву.

Внезапно в зону лунного света попал какой-то парень. Его глаза сияли. Большие, выразительные глаза. Может быть, чуть-чуть навывкате. К тому же, у него были большие руки с выпуклыми костяшками. В одной руке он держал пригорошню желудей.

Он бросал их очень быстро, по одному, широко размахнувшись. Сначала один, потом второй парень из Водяной Монополии согнулись. Они начали смотреть в нашу сторону, а Пучеглаз все кидал. Совершенно неожиданно двое парней бегом бросились к нам. Пучеглаз продолжал бросать желуди, пока до парней не осталось метров десять, а потом, швырнув всю пригорошню, нырнул в кусты.

Оба парня пробежали между мной и Роном. Первого мы пропустили, им оказался ширококоротый блондинистый говорун. Сейчас выражение его лица было низким, в нем читалось убийство. Второй был пониже ростом и очень широкоплечим — устрашающий силуэт, состоявший сплошь из мускулов.

Засада. Я встал перед ним, желая испугать, и он действительно остановился как вкопанный. В этот момент я изо всех сил ударил его в рот.

От удара он качнулся и невольно отступил на шаг. В этот момент Рон обхватил его рукой за шею. Парень тут же нагнулся, но Рон удержался. Он повис на нем, и я сделал то, что часто видел по телевизору. Сцепив пальцы замком, я изо всех сил ударил парня по затылку.

Сребровласый говорун должен был, по моему разумению, уже вернуться. Я посмотрел назад. Он был здесь. Он кинулся на меня, прежде чем я успел поднять руку. Мы покатались по земле. Мои руки были прижаты к бокам. Его руки были заняты моими. Если бы он захотел меня ударить, то должен был бы сначала отпустить меня. Глупое положение для обоих. Но он все же сжал меня так, что

у меня перехватило дыхание. Тут к нам подскочил Рон, выжидая момент, чтобы нанести удар.

Неожиданно вокруг нас появилось множество других людей. Трое оторвали блондина от меня, а плотный румяный мужчина в желтом деловом свитере шагнул из темноты и грохнул парня по голове обломком камня.

Блондин осел, как мешок. Мужчина приготовился и нанес ему мощный прямой удар левой рукой. Камень был зажат в кулаке. Голова блондина бултыхнулась назад и в сторону. Я заорал:

— Эй! — и прыгнул вперед, схватив руку, зажавшую камень.

Кто-то здорово ударил меня в горло. Я упал. Ощущение было такое, что все мои струночки оборвались. Кто-то помогал мне подняться на ноги... Рон... Голоса что-то шептали, кто-то крикнул:

— Возьмите его!

Мне не было видно блондинистого парня. Мне было видно другого, коренастого. Он поднялся и, шатаясь, побрел прочь. Откуда-то из-за деревьев выступили тени, готовые сыграть с ним в темную. Деревья ожили. То был лишь маленький участок рощи, полный злых и жаждущих людей. Откуда-то снова появился Пучеглаз. Он широко улыбался.

— Так, ну что теперь? Пошли еще куда-нибудь покидаем?

— Ох, нет. Здесь столько злобы сегодня. Рон, мы должны остановить их. Они ведь убьют парня.

— Это ведь Парк Свободы. Ты сможешь сам держаться на ногах?

Видно, остатки Водяного Треста, совершив обходной маневр, решили прийти на выручку своим. У одного из них в руке была толстая ветка с ободранными листьями.

Мы побежали.

Сделав не больше десяти шагов, я вынужден был остановиться. Моя голова хотела взорваться. Рон посмот-

рел на меня, но я махнул рукой. Позади парень с веткой уже прорвался сквозь линию деревьев и бежал на меня, намереваясь совершить убийство. Позади него все звуки внезапно смолкли. Я закрыл голову руками, ожидая удара, и потерял сознание.

Его тело лежало у меня на ногах. Ветка была все еще зажата в руке. Джил и Рон тянули меня за плечи, а пара золотистых лун плыла над головой. Я рывком высвободился и начал ощупывать голову. Похоже, она была цела.

Рон сказал:

— Полицейские глаза парализовали его, прежде чем он добежал до тебя.

— А остальные? Их что, убили?

— Я не знаю, — ответил Рон и взъерошил свои волосы. — Знаешь, я был неправ насчет анархии. Она очень нестабильна. Все слишком быстро распадается на части.

Люди вокруг нас начали подниматься с земли. Они потянулись к выходам, толпа становилась все больше, двигаясь все быстрее под желтыми полицейскими глазами.

Как умирают герои

Лишь ценой предельного вероломства он смог бы теперь выбраться из города живым. Толпа за спиной Картера и не пыталась охранять марс-багги — слишком много времени ему потребовалось бы, чтобы провести машину сквозь транспортный шлюз. Там его сразу накроют: они знали это. Хотя несколько человек стояли около шлюза на случай, если Картер все-таки рискнет воспользоваться им.

Он мог бы решиться на это. Стоит только захлопнуть у них перед носом одну дверь и тут же открыть другую — изолирующие системы не пустят внутрь никого, пока он не пройдет сквозь третью, четвертую дверь и, наконец, не выйдет наружу.

Но на марс-багги он оказывался пленником воздушного пузыря. Хотя здесь было достаточно места, чтобы

свободно двигаться: было возведено меньше половины сборных домиков, а остальные строения шарограда в виде пенопластиковых плит аккуратно лежали на полу из оплавленного, остекленевшего песка.

Впрочем, рано или поздно его неминуемо настигнут. Они уже заводили второй марс-багги. Они и помыслить не могли, что Картер на машине протаранит стену воздушно-го пузыря.

Сначала марс-багги качнуло, но он тут же выправился. Вокруг Картера редела, поднимая облачка тончайшего песка, искусственная атмосфера. Она быстро исчезала в дыре и смешивалась за стенками пузыря с разреженной и ядовитой атмосферой Марса.

Оглянувшись, Картер злорадно усмехнулся. Теперь они все погибнут. Все до единого. Он — единственный, на ком в момент прорыва оболочки был изолирующий костюм с искусственным давлением. Уже через час он сможет вернуться и залатать дыру... А потом до прилета следующего корабля будет время, чтобы придумать трогательную историю обо всем, что произошло.

Картер нахмурился. Что они там делают?

По меньшей мере с десятков человек, подталкиваемых мощным потоком вылетающего воздуха, боролись с блоком стены, лежащим на оплавленном песчаном полу. Картер снова оглянулся и заметил, что они подняли блок за один край, поставили его вертикально и тут же отпустили. Легкая пенопластиковая стена подлетела вверх, ураганная скорость воздуха потянула ее, и плита со шлепком ударилась о стенку пузыря, закрыв собой десятифутовую пробоину.

Картер даже остановил свой багги, чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

Никто пока не умер. Искусственный воздух больше не вылетал из пробоины, слышалось лишь легкое шипение от утечки. Медленно и методично группа людей облачилась в костюмы и вышла через шлюз для персонала,

чтобы починить пузырь. Второй марс-багги вошел в транспортный шлюз. Третий, и последний, тоже заводили. Картер завел свою машину и рванул вперед.

Максимальная скорость марс-багги двадцать пять миль в час. Такой багги катит на трех широких надувных колесах, каждое из которых смонтировано на конце пятифутовой руки. То, что нельзя переехать, багги перепрыгивает благодаря маленькому компрессионному двигателю, встроенному в днище. И воздушный компрессор для перепрыгивания, и основной двигатель работают от батарей Литтона. Каждая такая батарея содержит заряд в одну десятую мощности бомбы, сброшенной когда-то на Хиросиму.

Картер предусмотрел все. Настолько, насколько позволяло время. Он имел полный запас кислорода — двенадцать четырехчасовых баков были у него за спиной в барабанном воздухоотсеке, еще один бак лежал под ногами. Батареи были почти полными — их заряд кончится гораздо позже, чем кислород. Он сможет двигаться, пока не иссякнет дыхательный ресурс преследователей, а потом на дополнительном баке с кислородом вернется к пузырю.

Его багги и те два, что шли теперь прямо за ним, были единственными подобными машинами на Марсе. Картер шел со скоростью двадцать пять миль, и они тоже. Ближайший был на расстоянии в полмили. Картер включил рацию и попал на середину разговора:

— ...не можем себе такое позволить. Одному из вас придется вернуться. Пусть мы потеряем два багги, но один должен остаться.

Это был голос Шюта, начальника исследовательской службы шарограда, единственного военного человека. С весельем, в котором чувствовалась изрядная доля нервозности, ему ответил другой голос. Глубокий и низкий голос биохимика Руфуса Дулитла.

— Так что же, подбросим монетку, чтоб узнать, кому возвращаться?

Третий голос, жесткий и решительный, врезался в их разговор:

— Останусь я. У меня здесь личные счета...

Картер невольно почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он узнал этот голос.

— О'кей, Элф. Удачи тебе, — снова заговорил Руфус и прибавил, словно был уверен, что Картер слышит их: — Удачи и... доброй охоты.

— Главное, почините шар. А уж я сделаю так, чтобы Картер не вернулся.

За машиной Картера самый ближний из преследователей вдруг резко принял в сторону и, описав широкую петлю, взял курс на город. Другая машина продолжала неотступно следовать за ним. Вел ее лингвист Элф Харнесс.

Большая часть из дюжины работников шарограда суежилась, стараясь починить десятифутовую дыру с помощью специальных нагревателей и кусков листового пластика. На это уйдет немало времени, хотя задача сама по себе не так уж сложна. По приказу Шюта пузырь тут же выкачали. Он лежал теперь прозрачными мягкими складками на крышах блочных домиков, сложившись вокруг них наподобие шатров. Между домиками под складками пузыря оставалось достаточно места, чтобы двигаться безо всяких затруднений.

Старший лейтенант Майкл Шют внимательно оглядел каждого работника и решил, что они держат ситуацию под контролем. Стараясь не пригибать головы под складками пузыря и как можно меньше спотыкаться, Шют удалился шагом солдата на параде.

Он остановился только рядом с Гондо, работавшим с генератором воздуха. Гондо заметил его и, не отрывая глаз от приборов, спросил:

— Мэр, зачем вы позволили Элфу гнаться за ним в одиночку?

Шют не возражал, чтобы его называли мэром. Он веско сказал:

— Мы не можем позволить себе роскошь потерять все машины.

— Ну, так поставьте кого-нибудь охранять выходные шлюзы на пару дней.

— А что, если Картер прорвется сквозь охрану? Он ведь явно решил уничтожить купол. Он же поймает нас со спущенными штанами. Пусть некоторые успеют влезть в изолирующие костюмы: мы все равно не выдержим второй дыры в оболочке.

Задумавшись, Гондо хотел почесать свою коротенькую бородку, но пальцы заскребли по пластиковому шлему, и Гондо вернулся к реальности.

— Пожалуй, не выдержим. Я-то успею накачать пузырь воздухом по первому же сигналу. Но это значит, что в генераторе не останется ничего. Баки со сжатым воздухом опустеют как раз к тому времени, как мы успеем залатать эту дыру. Так что вторая дыра нас погубит.

Шют согласно кивнул и пошел дальше. Воздух, которым дышали все, был здесь, рядом, за пузырем. Тонны кислорода и азота, но в форме газообразной двуокиси. Генератор успевал превратить эту смесь в реальный воздух в три раза быстрее, чем люди использовали его, но пробей Картер вторую дыру — и генератор не успеет.

Но Картер не пробьет. Уж Элф позаботится об этом. Так что нештатная ситуация исчерпана. В очередной раз. Поэтому он, Шют, может вернуться к себе и начать обдумывать причины того, что случилось.

Его доклад об этих причинах был закончен еще месяц назад. Шют несколько раз обновлял его, и каждый раз доклад казался ему вылизанным до блеска. И все же ему часто казалось, что доклад мог быть написан еще лучше. Нужно сделать его максимально эффективным. То, что он собирался сказать, должно быть сказано раз и навсегда. После этого его карьера оборвется, никто не станет его слушать.

Казинс писал для развлечения художественные штучки, даже умудрился что-то кому-то продать. Пожалуй, он согласился бы помочь... Впрочем, Шют не желал втягивать кого-нибудь другого в то, что считал своей личной революцией.

И все же придется теперь снова переписывать доклад. Или хотя бы сделать необходимые добавления. Лью Харнесс погиб. Точнее, был убит. Джон Картер через пару дней тоже погибнет. Все это — на ответственности Шюта. Все это непосредственно касается его доклада.

Впрочем, нет необходимости переписывать доклад срочно. Пройдет еще целый месяц, прежде чем Земля окажется в зоне, доступной для передатчиков шарограда.

Большинство астероидов проводит основную часть своей космической жизни между Марсом и Юпитером, но часто случается, что какой-нибудь из них пересекается с планетой в той точке, где в прошлый раз он пересекался только с ее орбитой. Астероидными кратерами изрыта вся поверхность Марса. Старые, с оплывшими краями, и новенькие — глубокие, большие и маленькие, рваные и круглые. Шароград располагался в центре крупного, сравнительно молодого кратера, достигавшего в поперечнике более четырех миль. Сверху кратер напоминал чудовищной величины пепельницу, которую не стали вытряхивать, а просто выбросили на красноватый песок.

Багги катили по остекленевшей и растрескавшейся поверхности, время от времени уворачиваясь от покосившихся глыб. В самом зените яростно сияло маленькое солнце, освещаая кроваво-красное небо.

Сейчас Элф медленно нагонял Картера, но когда они перевалят за край кратера и начнут спускаться вниз, расстояние между машинами обязательно увеличится. Погоня будет долгой. Теперь пришло время сожалений, если на это вообще стоит его тратить...

Картер относился к другому типу людей, да и в любом случае ему было нечего стыдиться. Лью Харнессу нужно было умереть. Фактически, он *просил* смерти. Единственное, что удивляло Картера, так это яростная реакция остальных на смерть Лью. Неужели они все такие, как Лью? Вряд ли. Если бы только Картер остался и попытался объяснить...

Они все равно бы разорвали его на части. Эти хищные лица падальщиков с сукровичными ноздрями и парадонтозными зубами! И вот за ним гонится один из них. Всего один. Но этот человек — брат Лью Харнесса...

Вот, наконец, и край кратерного кольца. А Элф все еще довольно далеко. Переваливая, Картер намеренно сбросил скорость, потому что знал, что спуск по бездорожью будет очень тяжелым. Машина была как раз на краю, когда ярдах в десяти кусок скалы превратился в ослепительную вспышку.

Значит, у Элфа есть лучевой пистолет.

Картер едва удержался, чтобы не выпрыгнуть из машины и не спрятаться где-нибудь среди нагромождений каменных глыб. Багги нырнул вниз, и Картеру пришлось позабыть свой страх, чтобы удержать машину.

Щебень, лежавший вдоль кольца кратера, сильно замедлял езду. Картер на вираже обошел ближайшую гору песка и взглянул в зеркальце. Элф как раз перевалил через кольцо и находился в четверти мили от Картера. Силуэт его машины замер на секунду на фоне кровавого неба, и в следующий момент новая вспышка с ослепительной яркостью выхватила кусок скалы в опасной близости от машины Картера.

Наконец-то Картер вывел машину на прямой гладкий участок и катился теперь вниз по слежавшемуся плотному песку, сливавшемуся вдаль с идеально плоским горизонтом. Включился передатчик:

— Это будет долгая прогулка, Джек.

Картер нажал кнопку, чтобы ответить.

— Это точно! Сколько лучевых зарядов у тебя еще осталось?

— Уж на этот счет не беспокойся.

— А я и не беспокоюсь, видя как ты швыряешься ими налево и направо.

Элф ничего не сказал в ответ. Картер специально не стал менять диапазон, зная, что Элф обязательно захочет поговорить с человеком, которого намеревается убить.

Кратер, где помещался их дом, постепенно растворялся позади. Бесконечная плоская пустыня ложилась под днище машины, слежалый песок тек под огромные колеса и исчезал позади. Маленькие, на изломе, дюны швырялись песком, но для багги они не представляли серьезного препятствия. Когда-то здесь был марсианский колодец. Он стоял один-одинешенек посреди песка — изветренная цилиндрическая стена семи футов в высоту и десяти в поперечнике, сложенная из алмазных блоков. Именно эти колодцы и косая надпись, глубоко врезанная в их «камень преткновения», были причиной появления города на поверхности Марса. Поскольку единственный марсианин, которого когда-либо находили, — мумия, высохшая много столетий назад, — буквально взорвался от первого контакта с водой, все почему-то считали эти колодцы крематориями. Впрочем, твердой уверенности не было. На Марсе ни в чем не было твердой уверенности.

Радио зловеще молчало. Медленно и мучительно проходил час за часом, солнце уже скатилось к малиновому горизонту, а Элф не говорил ни слова. Казалось, Элф уже сказал все, что хотел сказать Джеку Картеру. А ведь зря! Пожалуй, Элфу стоило бы выговориться, чтобы хоть как-то оправдать себя. Наконец Картеру надоело, он вздохнул и нарушил молчание.

— Тебе не поймать меня, Элф.

— Знаю, но зато я смогу гнать тебя столько, сколько мне нужно.

— Ты сможешь гнать меня только двадцать четыре часа. У тебя сорокавосемичасовой запас воздуха, и я не поверю, что ты угробишь себя только для того, чтобы угробить меня.

— На это ты можешь не рассчитывать. Но мне это и не понадобится. Завтра к полудню ты будешь гнаться по моим следам. Тебе нужен воздух так же, как и мне.

— Посмотри сюда, — сказал Картер. Бак у него под ногами был уже пуст. Картер пихнул его в сторону и краем глаза увидел, как бак тяжело упал на песок. — У меня был запасной бак, — сказал он и улыбнулся, сбросив этот проклятый лишний вес. — Я смогу прожить на четыре часа дольше, чем ты. Может, повернешь, а, Элф?

— Нет.

— Да, Лью не стоит твоей жизни, Элф. Он ведь был просто гомиком.

— Поэтому он должен был умереть?

— Должен, если лез ко мне со своими сучьими предложениями. Слышишь, Элф, а ты сам не такой же случайно?

— Не такой. И Лью не был гомосексуалистом, пока не попал сюда. И вообще, они должны были присылать сюда мужчин и женщин поровну.

— Аминь.

— Ты знаешь, многих людей начинает тошнить, когда разговор заходит о гомосексуалистах. Мне тоже было противно и очень больно видеть, как Лью превращается в одного из них. Но есть особый тип людей, который вечно выискивает гомосексуалистов, чтобы избить или покалечить. — Картер нахмурился. — Их называют латентными гомосексуалистами. Просто, знаешь, такие ребята, которые сами могут оказаться гомиками, если только им откроется такая возможность. Они не выносят гомиков, потому что гомики для них — соблазн.

— Да ладно тебе, Элф, ты просто возвращаешь мой комплимент.

— Может быть и так.

— В любом случае, в нашем городе и так достаточно проблем без... всей этой чехарды. Весь проект может пойти к чертям из-за таких, как твой братец.

— Ты не подсказешь, а насколько остро мы нуждаемся в убийцах?

— На настоящем этапе очень остро, — Картер вдруг поймал себя на том, что играет роль собственного адвоката. Если он сможет убедить Элфа в том, что его не должны казнить, значит, он сможет убедить их всех. Если не сможет... ему нужно уничтожить этот пузырь или умереть. Поэтому Картер продолжал говорить, насколько мог убедительней. — Видишь ли, Элф, у нашего города две цели. Первая — узнать, сможем ли мы выжить в среде, настолько враждебной нам, как эта. Вторая — контакт с марсианами. Теперь, когда нас в городе пятнадцать...

— Двенадцать. Когда я вернусь, будет тринадцать.

— Четырнадцать, если вернемся мы оба. О'кей, пусть будет по-твоему. Каждый из нас, так или иначе, необходим для функционирования города. Но я нужен для решения обеих задач. Я ведь эколог, Элф. И мне не только нужно следить, чтобы город не умер от какого-нибудь дисбаланса, я еще должен сидеть и прикидывать, как же марсиане живут, чем они питаются, и как вообще жизненные формы на Марсе зависят друг от друга. Понимаешь?

— Понимаю. А Лью, он был нужен?

— Мы сможем управиться без него. Он был просто радистом. По меньшей мере еще пара наших ребят имеют достаточную подготовку, чтобы взять на себя всю систему связи.

— Ты просто меня осчастливил. Значит, и тебя можно заменить, да?

Картер начал думать лихорадочно. Да, Гондо смог бы с небольшой помощью справиться с системой жизнеобеспечения города. Но вот...

— Есть еще марсианская экология. Ведь нет...

— Ведь нет никакой марсианской экологии, Джек. Разве кто-нибудь сталкивался с какой-нибудь жизнью или остатками жизни на Марсе, если не считать человекоподобной мумии? Какой же ты эколог, если не можешь делать элементарных выводов. Тебе здесь просто нечего исследовать. А раз так, то зачем тебе жить?

Картер не умолкал. Солнце утонуло в море песка, ночь сомкнула свои челюсти, а он все убеждал и убеждал, хотя знал теперь, что все бесполезно. Разум Элфа был закрыт.

К закату пузырь был снова натянут и надут, пыточный вой искусственного воздуха, рвущегося из системы жизнеобеспечения, сменился тонким усталым вздохом. Старший лейтенант Шют отстегнул заплечные карабинчики и осторожно начал снимать с головы шлем. Впрочем, он готов был тут же рывком натянуть его назад, если воздух окажется слишком разреженным. Но этого не произошло. Он поставил шлем рядом с собой и, подняв оба больших пальца вверх, подал сигнал людям, смотревшим на него.

Ритуал. Дюжина людей, стоявших вокруг Шюта, была твердо уверена в том, что воздух внутри воздушного пузыря был безопасен. Когда люди работают в космосе, ритуалы появляются на каждом шагу. Но самым первым и самым главным ритуалом был тот, когда главный человек в поселении первым расстегивал изолирующий костюм и последним застегивал на себе шлем.

Костюмы были сняты. Люди двинулись на рабочие места. Кто-то пошел на кухню, чтобы убрать раскардаш, вызванный мгновенным переходом к вакууму. Теперь Хэрли сможет приготовить обед.

Шют тронул за плечо Ли Казинса.

— Ли, тебя можно на минутку?

— Конечно, мэр. — Шют был «мэром» для всех жителей шарограда.

— Мне понадобится твоя помощь как писателя, — сказал Шют. — Я собираюсь послать на Землю, как только они выйдут на связь с нами, весьма острый доклад. И я бы хотел, чтобы ты помог мне написать его поубедительней.

— Нет проблем, пошли посмотрим.

Десять ламп зажглись одновременно, разгоняя мрак, который так неожиданно навалился на город. Шют вел Казинса в свой коттедж. Когда они вошли, он открыл сейф и вручил Казинсу рукопись. Тот многозначительно взвесил ее в руке.

— Ничего себе, — сказал он. — Быть может, будет разумно кое-что подсократить.

— Конечно-конечно, если тебе что-то покажется ненужным...

— Я просто уверен, что сократим, — расплылся в улыбке Казинс.

В следующее мгновение он завалился на койку и начал читать. Через десять минут Казинс спросил:

— Слушай, а какой процент гомосексуалистов служит во Флоте?

— Не имею ни малейшего представления.

— Тогда вот это, — Казинс провел пальцем по строчке, — можно назвать слабым доказательством. Я бы вместо этого процитировал пару стишков, чтобы доказать, что проблема универсальна. Между прочим, я знаю несколько, которые подойдут.

— Хорошо, — согласился Шют.

Спустя еще некоторое время Казинс снова привлек внимание Шюта.

— В Англии, кстати, полно смешанных школ, причем с каждым годом их все больше.

— Я знаю, но наша проблема — проблема мужчин, которые закончили мужские школы, причем очень давно.

— Ты не можешь яснее? И, кстати, ты заканчивал смешанную школу?

— Нет.

— А у вас были гомики?

— Немного было. Один-два человека на каждый класс. Старшие пользовались мухобойками, когда подозревали кого-нибудь.

— Ну, и как, помогало?

— Нет, конечно.

— О'кей, — протянул Казинс. — Ты вот здесь выводишь два ряда обстоятельств, при которых уровень гомосексуализма очень высок. Причем, в обоих случаях у тебя три условия: достаток свободного времени, отсутствие женщин и очень жесткие рамки дисциплины. Тебе требуется еще один пример.

— Где я его возьму?

— Ну, например, нацисты.

— То есть?

— Я дам тебе детали, — сказал Казинс и продолжал читать. Наконец он дошел до конца отчета и положил рукопись рядом с собой. — Да, из-за такого отчета поднимется черт знает что, — сказал он.

— Я знаю.

— Самое неприятное здесь — твоя угроза рассказать обо всем в газетах. На твоём месте я бы выбросил этот пункт.

— Если бы ты был на моем месте, ты бы его не выбросил, — сказал Шют. — Каждый, кто был хоть чем-то связан с системой БОЙБОГ, знал, что рискует каждый раз. А они предпочитают сбрасывать весь риск на нас, лишь бы не рисковать опорочить себя в глазах публики. В Соединенных Штатах существуют сотни Лиг Порядочности. Может быть, даже тысячи, я не знаю. И все они, как гарпии, обрушатся на правительство, если узнают, что кто-нибудь пытался послать смешанный командный состав на Марс или еще куда-нибудь. Поэтому единственный способ заставить правительство действовать — обрушить на них еще большую угрозу.

— Здесь ты прав, это еще большая угроза.

— Ну так как, ты нашел что-нибудь, что еще можно выбросить из отчета?

— О, да, черт возьми, да, — оживился Казинс. — Я тут пройдуся красным карандашом. Видишь ли, ты слишком много рассуждаешь, используешь слишком много длинных слов и грешишь общими местами. Одновременно ты должен давать больше деталей, или отчет потеряет остроту.

— Да, но детали могут подмочить репутацию некоторых...

— Ничего не поделаешь. Мы должны получить на Марс женщин и причем прямо сейчас. Руф и Тимми уже почти до стычек дошли. Руф, например, думает, что из-за того, что он бросил Лью, тот погиб, а Тимми его все время в этом упрекает.

— Ну, хорошо, — сказал Шют. Он встал. В течение всей дискуссии он сидел очень-очень прямо, словно выполнял команду «смирно». — Скажи, а багги еще не вышли за зону действия передатчика?

— На с они уже не слышат, но мы еще можем слушать их. Тимми как раз сидит на рации.

— Ну, хорошо, пусть сидит, пока они не выйдут из зоны. Кстати, мы когда-нибудь дождемся обеда?

Из-за горизонта, куда только что село солнце, выплыл Фобос, подобный созвездию тусклых звезд, — рассеянные, постоянно движущиеся пучки света. Он рос и становился все ярче — ущербная луна быстро, за считанные часы, превращалась почти в полную. Еще через несколько минут Фобос стоял так высоко, что уже невозможно было увидеть его из машины.

Картер должен был постоянно держать в поле зрения треугольную полосу пустыни, выхваченную светом фонарей. Лучи этих фонарей были цвета земного дня, но в глазах Картера, привыкших к красному свечению Марса, эти лучи все вымывали голубизной

Он умно рассчитал свой курс. Пустыня, расстилавшаяся впереди на семьсот миль, была совершенно плоской. Здесь ему не придется осторожничать с холмами, мягко подбирающимися под колеса и почти отвесно обрывающимися с обратной стороны. Значит, не придется включать реактивный компрессионный двигатель в днище машины, чтобы перепрыгнуть дыру, в которую не заглядывает тусклый лунный свет. Ему не придется тормозить, а потом дожидаться момента, когда Элф на полной скорости выпрыгнет на него из-за бугра. Завтра в полдень Элфу придет пора возвращаться назад. Тогда Картер выиграет.

Ведь Элф вернется. Ему придется повернуть назад к шарограду, а Картер сможет продолжать двигаться вперед по пустыне. Потом Элф скроется за горизонтом, и Картер сможет безопасно свернуть налево или направо, еще часок пройти в любом направлении, а потом двинуться курсом, параллельным движению Элфа. Его машина придет к пузырю лишь час спустя после Элфа. Останется еще три часа, чтобы что-нибудь предпринять.

Вот здесь-то начнется самое трудное. Они обязательно поставят кого-нибудь охранять пузырь. Картеру придется пронестись мимо охраны, которая может быть вооружена лучевым пистолетом, снова прорвать пузырь и попробовать захватить приемлемый запас искусственного воздуха. Если он снова прорвет пузырь, все внутри погибнут, но все равно останутся люди в изолирующих костюмах, работающие за пределами города. Нужно успеть загрузить в машину несколько баков с воздухом, а с остальных сдернуть предохранительные пробки. И сделать это нужно раньше, чем кто-нибудь успеет помешать ему.

Единственное, что беспокоило его, — неотвязная мысль о том, как зарядить лучевой пистолет... Но, может быть, ему просто удастся хорошенько разогнать машину и выпрыгнуть из нее? Время покажет.

У него тяжелели веки, руки затекли от напряжения, но Картер не решался сбросить скорость и не решался заснуть.

Несколько раз ему приходила в голову мысль разбить радиомаячок внутри шлема. Пока эта дрянь испускает сигналы, Элф без труда может найти его, но... Элф сможет найти его в любом случае. Свет его фонарей был все время сзади, ни на метр ближе, ни на метр дальше. Если ему вообще удастся выйти из поля зрения Элфа, маячок выключится сам, но Элфу не стоит об этом знать. Во всяком случае, пока.

Звезды нырнули на запад, к черной кромке горизонта. Снова поднялся Фобос. В этот раз он был еще ярче и вскоре опять забрался так высоко в небо, что Картер потерял его из поля зрения. Прямо по курсу, который обозначали фонари Элфа, засиял Деймос.

День наступил внезапно. И тонкие черные тени потянулись к пожелтевшему горизонту. На красно-черном небе все еще сияли последние звезды. Впереди обозначился кратер — остекленевшее блюдо, потерянное в пустыне. Впрочем, объезд будет недолгим. Картер принял влево. Багги позади него точно так же отклонился влево, и Картер невольно подумал, что если он будет кружить, Элф обязательно начнет нагонять. Из трубочек, торчащих внутри шлема, Картер высосал немного воды и питательного раствора. Он полностью сконцентрировался на дороге. Ему резало глаза, а рот, казалось, принадлежал марсианской мумии.

— С добрым утром, — раздался голос Элфа.

— С добрым утром. Хорошо выспался?

— Не совсем. Так, поспал часов шесть, да и то урывками. Я все волновался, что ты оторвешься и потеряешься.

В первый момент Картер похолодел, но потом понял, что Элф просто подкалывает его. Он спал не больше, чем Картер.

— Посмотри направо, — сказал Элф.

Направо возвышалась стена кратера, и Картер обернулся, чтобы проверить, не ошибся ли он, — на окраине кратера стоял силуэт почти человеческой формы, черный на красном небе. Одной рукой он пытался удержать что-то длинное и тонкое.

— Марсианин, — тихо сказал Картер.

Позабыв обо всем, он повернул свой багги и начал взбираться по склону кратера. Чуть впереди машины тут же вспыхнули два заряда, выпущенные из лучевого пистолета. Едва успев, Картер яростно нажал на педаль, изменяющую клиренс машины.

— Ты сдурел, Элф, это же марсианин. Нам нужно следовать за ним.

Силуэт исчез. Несомненно, марсианин убежал, спасая свою жизнь, когда увидел вспышки.

Элф молчал. Картер ехал вперед, минуя кратер, и убийственная ярость росла в нем.

Было одиннадцать часов. Из-за горизонта на западе показались первые шпили выветренных горных пиков.

— Позволь полюбопытствовать, — неожиданно спросил Элф, — а что ты хотел сказать марсианину?

В голосе Картера сквозила горечь и злоба.

— Тебе не все равно?

— Нет. Единственное, что ты мог сделать, так это его испугать. Когда мы войдем в контакт с марсианами, мы спокойно сделаем все по плану.

Картер заскрежетал зубами. Даже если бы ничего не случилось с Лью Харнессом, если бы Лью был жив... И то, никому не известно, насколько растянулось бы выполнение плана языкового контакта. План включал три стадии: засылка на Землю изображений с надписями на стенах крематория, фотографии других артефактов. Там, на Земле, компьютеры смогут расшифровать язык. Вторая стадия — оставлять неподалеку от колодцев надписи на этом же языке, с тем чтобы марсиане их обнаружили и

сделали ответный шаг к сближению, что должно стать третьей стадией. Впрочем, не было никаких оснований полагать, что надписи на колодцах сделаны на одном и том же языке. Как не было уверенности в том, что этот язык за тысячи лет не изменился до неузнаваемости. Не было никакой уверенности, что марсианам будут интересны странные существа, живущие в светящемся шаре, независимо от того, умеют эти чужаки писать или нет. Да и к тому же, понимают ли марсиане письма собственных предков?

И тут идея...

— Ты ведь лингвист, — сказал Картер.

Молчание.

— Элф, мы с тобой рассуждали о том, нужен ли был Лю для нашего города, и мы рассуждали о том, нужен ли я. А как насчет тебя? Ведь без тебя мы никогда не сможем расшифровать надписи на колодцах.

— Сомневаюсь. Основную работу делают компьютеры Кальк-Тех. К тому же, я оставил все свои записи. А что тебя так растревожило?

— Если ты будешь продолжать гнаться за мной, мне придется тебя убить. Может ли наш город позволить себе такую потерю?

— Ты не сможешь убить меня, но я могу предложить тебе сделку, если хочешь. Сейчас одиннадцать часов. Дай мне два своих кислородных бака, и мы возвращаемся в город вместе. За два часа до города ты пересаживаешься в мою машину, и остаток пути, связанный, едешь в воздухоотсеке. После этого ты предстанешь перед судом.

— Неужели они меня выпустят?

— Не думаю. Особенно после того, как ты прорвал пузырь. Это была твоя главная ошибка, Джек.

— Послушай, Элф, а почему бы тебе не взять один бак?

Картер знал, что если Харнесс согласится, то у него еще останется два часа в запасе. Сейчас он был точно

уверен, что должен прорвать пузырь второй раз. Альтернативы у него не было. Правда, Элф со своим лучевым пистолетом будет постоянно позади...

— Не пойдет. Я не буду чувствовать себя в безопасности, пока не узнаю, что твой воздух заканчивается за два часа до возвращения. Ты ведь хочешь, чтобы я чувствовал себя в безопасности, правда?

Вот так было получше. Пусть Элф возвращается через час. Пусть он будет в пузыре, когда Картер вернется, чтобы разорвать его.

— Картер отвязался от него, — сказал Тимми.

Он сгорбился над радиопередатчиком, прижав к ушам телефоны, вслушиваясь в каждый шорох, каждый звук отдаляющихся, почти стертых голосов.

— Он наверняка что-то планирует, — нервно заметил Гондо.

— Естественно, — согласился Шют. — Он хочет отвязаться от Элфа, вернуться к шару и разрушить его. Ему не на что больше надеяться.

— Но он ведь тоже погибнет, — воскликнул Тимми.

— Совсем не обязательно. Если Картеру удастся погубить нас всех, то он сможет спокойно залатать новую дыру благодаря кислородным бакам, которые у нас остались. Я думаю, он смог бы поддерживать пузырь в таком состоянии, чтобы жить одному.

— О, Господи, что же нам делать?

— Расслабься, Тимми, это простая математика.

Старшему лейтенанту Шюту было легко говорить небрежным тоном. Он явно не хотел, чтобы Тимми начал паниковать.

— Если Элф повернет к полудню назад, Картеру не добраться сюда раньше завтрашнего полудня, а в четыре у него закончится воздух. Нам просто придется одеть на каждого костюм ровно на четыре часа. — Старший лейте-

нант Шют говорил очень уверенно, но в душе сомневался, смогут ли двенадцать человек залатать дырку, прежде чем израсходуют весь запас воздуха. По одному баку на каждые двадцать минут. Но... быть может, Картер не станет проверять их на прочность.

— Без пяти двенадцать, — сказал Картер. — Поворачивай, Элф. У тебя останется кислорода только на десять минут, когда ты вернешься.

Лингвист только усмехнулся. Картер видел его машину в четверти мили за спиной. Синяя точка не сворачивала.

— Элф, с математикой не спорят, сворачивай.

— Слишком поздно.

— Слишком поздно будет через десять минут.

— Я выехал с неполным баком. Мне положено было свернуть два часа назад.

Картер промочил горло из трубочки, торчащей внутри шлема, прежде чем сказать:

— Ты врешь. Ты прекратишь подкалывать меня? Прекрати, слышишь!

Элф рассмеялся.

— Ну, тогда жди, когда я сверну.

Его машина не отставала.

Был полдень. Гонка не прекращалась. Со скоростью двадцать пять миль в час два марс-багги, разделенные дистанцией в четверть мили, спокойно двигались по оранжевой пустыне. Зеленые химические пятна мгновенного окисления облаком поднимались впереди и оседали за машинами. Мимо плыли дюны, мерно, как волны в океане. Призрачный след метеорита мазнул по северному горизонту и так же моментально исчез. Холмы становились все выше, их сглаженные каменные горбы напоминали спящих животных, упокоивших головы где-то за горизонтом. Маленькое яркое солнце сверкало на небосводе,

красном от диоксида азота. Еще дальше, у самого горизонта, красный цвет сменялся черными прожилками на фоне густого малинового сияния.

Неужели гонка действительно началась в полдень? Ровно в полдень? Но уже двенадцать тридцать. Картер был уверен, что Элфу уже слишком поздно возвращаться. Итак, Элф обрек себя на гибель лишь бы погубить Картера.

— Большие умы думают одинаково, — сказал он в передатчик

— Правда? — в тоне Элфа было такое безразличие, что становилось страшно.

— Просто у тебя есть запасной бак, так же как и у меня.

— Нет, Джек, нету.

— У тебя он должен быть, ты не из тех, кто пойдет на самоубийство. — Тишина в эфире. — Ну, хорошо, Элф, я сдаюсь. Возвращаемся.

— Давай не будем.

— Элф, у нас еще будет три часа, чтобы погоняться за марсианином.

Позади багги Картера раздался разрыв выстрела. Картер невольно задержал дыхание. В два часа обе машины должны повернуть к шарограду, где скорее всего Картера казнят.

А что, если я сверну сейчас?

Тут все просто, Элф пристрелит меня из лучевого пистолета.

Он может и промахнуться. Но если я дам ему идти моим курсом, то наверняка погибну.

Картер взмок. Он проклинал себя, но не мог заставить себя повернуть, не мог намеренно стать под огонь лучевого пистолета Элфа.

К двум часам главный хребет заслонил собой горизонт. Видимость была пронзительно ясной, почти такой же ясной, как если бы они были на Луне. Был виден

каждый камушек, каждый уступ! Скалы были невероятно выветрены, и море песка лизало их своими волнами, словно жаждало прикончить их, потопить в своих сухих раскаленных объятиях.

Картер ехал, не глядя вперед. Он все время следил за Элфом. Стрелка часов двигалась минута за минутой. Картер отказывался верить, но машина Элфа продолжала следовать за ним. Наконец стрелка приблизилась к отметке 2:30 и перешла за нее. Картер перестал сомневаться. Теперь не имело значения, сколько кислорода осталось у Элфа, ведь они уже перешли за грань, где и Картеру нужно было поворачивать назад.

— Ты убил меня, — сказал он.

Ответа не последовало.

— Я между прочим убил Лью один на один, кулаками. То, что ты сделал со мной, гораздо хуже. Ты хочешь, чтобы я долго мучился. Ты просто дьявол, Элф.

— Про кулачные бои будешь рассказывать розовой попке моей тетушки. Ты ударил Лью в горло и ждал, пока он захлебнется кровью. И только не говори мне, что не знал, что сделал. Всем в городе известно, что ты владеешь каратэ.

— Но он умер за несколько минут, а я буду мучиться целый день.

— Что, не нравится, да? Тогда поворачивай, я тебя встречу своим пистолетом. Вот он здесь. Ну, мы ждем.

— Мы могли бы вернуться к кратеру. У нас хватило бы времени, чтобы поискать того марсианина. Ведь только ради этого я и прибыл на Марс. Прибыл, чтобы узнать, что здесь есть. Ведь и ты тоже, Элф. Хватит, давай поворачивать.

— Ты первый.

Но он не мог. Не мог. Владея каратэ, можно победить в рукопашной схватке кого угодно, кроме человека, владеющего шестом. А Картер владел и шестом. Но не мог же он с голыми руками нападать на лучевой пистолет.

Даже если Элф был действительно согласен повернуть. А если Элф не собирался?

Едва слышный свист заполнял весь пузырь шарограда. Песчаная буря достигла своего апогея. Но песчаная буря была так же опасна, как разъяренный червяк. В худшем случае буря была просто неприятностью. Высокий, едва слышный вой, конечно, действует на нервы, а из-за темноты приходится включать внутреннее освещение. Завтра утром пузырь будет покрыт трехмиллиметровым слоем тончайшей слюды. Внутри пузыря все будет мрачнее ночи до тех пор, пока кто-нибудь не сдует слюду сжатым кислородом из бака.

Буря действовала на Шюта угнетающе.

Здесь, на Марсе, был старший лейтенант Шют. Мальчишеский Герой, он стоит лицом к лицу перед устрашающими опасностями на переднем крае исследований человечества. А тут какая-то песчаная буря, которая не может навредить даже новорожденному младенцу. Никто в этом городе не встретился ни с единой опасностью Марса. Все опасности были принесены людьми с Земли.

Неужели так будет всегда? Неужели люди должны преодолевать чудовищные расстояния, чтобы в итоге столкнуться с самими собой?

Сегодня, начиная с полудня, работы почти не велись, и Шют махнул на это рукой. На возвышении из готовых пенопластиковых стен сидел Тимми, ревниво оберегавший приемник сигналов с марс-багги от обитателей шарограда, обступивших его кольцом. Когда Шют приблизился к группе, Тимми встал.

— Они молчат, — сказал он очень устало и отключил радио. Люди переглянулись, некоторые отошли в сторону.

— Тим! Как ты мог их потерять?

Тимми просто сказал:

— Они слишком далеко, мэр.

— Они что, так и не повернули?

— Так и не повернули, просто уходили все дальше и дальше в пустыню. Элф просто сошел с ума. Картер не стоит того, чтобы из-за него умирать.

Шют ничего не сказал, но подумал: а ведь когда-то стоил. Картер был одним из лучших — неутомимый, бесстрашный, умный, полный идей. Шют видел, как он менялся, как разрушалась его личность под гнетом скуки, как он мучался в узкой каюте космического корабля. Когда они прибыли на Марс, когда на них навалилось сразу столько работы, казалось, Картер ожил. И вдруг вчера утром он совершил убийство.

Теперь Элф. Было страшно потерять Элфа. Лью — небольшая потеря, а вот Элф...

К Шюту подошел Казинс и заговорил:

— Я уже начеркал вам красным карандашом.

— Спасибо, Ли. Боюсь, мне теперь снова придется переписывать доклад.

— Не надо переписывать, просто сделайте дополнение. Объясните, как и почему погибли три человека. Зато потом вы сможете смело сказать: «Я ведь вас предупреждал».

— Ты так думаешь?

— Это профессиональное чутье. А когда похороны?

— Послезавтра. Это будет воскресенье. Мне казалось, воскресенье — подходящий день.

— Да, и вы сможете отслужить сразу три мессы. Отличная производительность.

Для всех, находившихся в шарограде, Джек Картер и Элф Харнесс были уже мертвы. Хотя они все еще дышали...

Горы неумолимо приближались. Они словно наползали — единственная точка, за которую цеплялся взгляд посреди океана песка. Элф подобрался еще ближе. Теперь машины разделяло чуть меньше четырехсот ярдов.

Ровно в пять Картер достиг подножия гор. Они были слишком высоки, чтобы попытаться преодолеть их на компрессионном двигателе, вмонтированном в днище. Отсюда Картер видел несколько уступов, на которые можно было запрыгнуть и подождать, пока насос подкачает воздух для следующего прыжка. Но ради чего? «Уж лучше дожидаться Элфа», — подумал Картер, и внезапно его осенило, что это единственное, чего сейчас хочет Элф. Подкатить вплотную на своем багги и смотреть в лицо Картеру до тех пор, пока он, Картер, не выдаст своим поведением предчувствие грядущего. Предчувствие того, что неумолимо приближается к нему. А после этого разорвать Картера на куски одним выстрелом лучевого пистолета, превратить его в клочья пламени, нажав на гашетку с десяти футов, и смотреть, пока яростный магниевый окислитель не прожжет остатки костюма, клочья кожи, куски мяса.

Картер сделал глубокий вдох и тут же заметил, насколько стало труднее дышать, несмотря на то, что работала система очистки. В следующий момент он включил компрессор.

Атмосфера Марса очень разрежена, но даже ее можно сжать. Реактивное движение возможно везде, даже если основано на струе сжатого воздуха. Картер приподнялся и как можно сильнее прижался к задней стенке кабины, чтобы хоть как-то скомпенсировать балласт кислородных баков у него за спиной, — они становились все легче. Он хотел, чтобы перегрузка на гироскопы*, поставленные только для крайних случаев, была как можно меньше.

Его подняло очень быстро, и Картер вывел машину чуть на угол, чтобы заставить ее подниматься по тридцатиградусному склону. Вдоль стены было несколько плоских участков. До первого он дойдет с легкостью...

Вспышка. Прямо перед глазами. Картер сжал зубы и заставил себя вести машину не оборачиваясь. Потом багги

слегка отклонился назад — давление в компрессоре быстро падало.

Машина Картера, как перышко, опустилась на песок с высоты двухсот футов. Когда он отключил компрессор, уши заполнил свист работающих гироскопов. Он выключил систему стабилизации: пусть гироскопы останавливаются. Теперь было слышно только чавканье компрессора.

Элф вышел из машины и стал у подножия скалы, глядя вверх, не обращая на Картера внимания.

— Ну давай, — сказал Картер, — чего ты еще ждешь?

— Да ничего, можешь прыгать, если хочешь.

— А что случилось? Что, гироскопы не в порядке?

— У тебя мозги не в порядке, Картер. Давай прыгай.

— Элф поднял руку и как-то неуверенно ткнул вверх. Из руки вырвалось пламя. Картер инстинктивно кинулся на пол машины.

Компрессор перестал чавкать, значит, бак почти наполнился сжатым воздухом. Но Картер был не такой дурак, чтобы сорваться с места, прежде чем давление дойдет до предела. Мощнейшее ускорение от воздушной струи машина приобретает лишь в первые секунды прыжка, остальная часть сжатого воздуха вылетает при сниженном давлении, достаточном лишь для того, чтобы удерживаться на весу.

Но что это! Элф забрался в свою машину. Картер запрыгнул в багги и рывком включил компрессор, его подкинуло вверх.

Посадка получилась очень жесткой. Он брякнулся на скалу с трехсот футов и только потом рискнул посмотреть вниз. В приемнике раздался гадливый смешок. Картер увидел, что машина Элфа опустилась к подножию гор. Элф блефовал! Он просто спровоцировал Картера.

Так почему же все-таки Элф не преследует его? После третьего прыжка Картер оказался на вершине. Прыжок вниз был первым в его жизни. И он едва не стал последним. Тормозящая воздушная подушка оказалась

очень слабой, потому что давление в баке упало почти до нуля.

Картер подождал, пока руки перестанут трястись, потом проделал остаток пути просто на колесах. Он спустился к подножию горной цепи с обратной стороны и двинулся к пустыне. Элфа нигде не было видно.

Тем временем солнце стало заходить, бледные голубоватые россыпи звезд на черно-красном небосклоне высветили за спиной Картера островерхие желтоватые горы.

Элфа не было.

Его голос зазвучал в наушниках очень мягко, почти по-доброму.

— Тебе все равно придется вернуться, Джек.

— Да ты дыши, дыши, хватит говорить сквозь зубы.

— Извини, не могу. Я потому с тобой и говорю сейчас. Посмотри на свои часы.

Было 6:30.

— Ну что, посмотрел? Теперь считай. Я стартовал с сорокачетырехчасовым запасом воздуха. Твой запас был пятьдесят два, что составляет на двоих девяносто шесть часов дыхания. Вместе мы уже использовали шестьдесят один. Значит, осталось тридцать пять на двоих. Теперь, я прекратил движение час назад. С того места, где я нахожусь, до базы почти тридцать часов хода. Где-то в промежутке двух, двух с половиной часов ты должен отобрать у меня мой воздух, чтобы суметь добраться до города. Или я должен буду сделать то же самое с тобой.

В этом был определенный смысл. В конечном итоге, во всем есть определенный смысл.

— Элф, ты слушаешь меня? Слушай внимательно, — сказал Картер, открыл панель и на ощупь нашел проводок, расположение которого проверял во время всей гонки множество раз. Одним рывком Картер оборвал контакт. У него в ушах оглушительно треснуло. — Ты слышал, Элф? Я только что оборвал мой радиомаячок. Так что теперь тебе не найти меня, даже если ты очень захочешь этого.

— А мне теперь и не нужно тебя искать.

Услышав это, Картер задумался на мгновение и вдруг понял, что он натворил. Действительно, теперь не оставалось ни единой возможности, чтобы Элф нашел его. После всех долгих часов погони они поменялись местами. Теперь Картеру придется выискивать Элфа. А Элфу только и остается ждать.

Ночная мгла заполнила западный горизонт, скрыв его за тяжелым занавесом.

Картер решительно двинулся на юг. Чтобы пересечь горную цепь, потребуется час. Прыгать через скалы он сможет, только ориентируясь по фонарям. Двигатель не сможет поднять его по такому склону. Конечно, если удача будет сопутствовать ему, можно будет спуститься на колесах, но спуск придется вести в абсолютном мраке. Сегодня Деймос поднимется очень поздно, а света Фобоса будет недостаточно.

Все прошло так, как планировал Элф. Просто загнать Картера за горную цепь. Если он попробует атаковать, забрать его баки с кислородом и возвращаться домой. Главное — рассчитать так, чтобы Картер был вынужден возвращаться в темноте. Если ему чудом удастся вернуться через цепь даже в темноте, что ж, лучевой пистолет всегда под рукой.

Картер мог только в одном переиграть Элфа. Если он пройдет шесть миль к югу от того места, где его поджидает Элф, и приблизится к его машине с юго-востока.

А что если Элф и это предусмотрел?

Неважно. Все неважно. От Картера уже ничего не зависело.

Первый прыжок напомнил ему прыжок из шлюза космического корабля с завязанными глазами. Картер направил свои фонари прямо вниз и, поднимаясь вверх, все время смотрел, как расширяется туманный круг света. Картер принял чуть к востоку.

Поначалу ему показалось, что он завис над тем местом, куда уже не доходил свет его фонарей. Затем склон горы начал быстро приближаться. Слишком быстро. Картер отклонил машину чуть назад. Казалось, ничего не произошло. Давление падало медленно, но все же падало, а весь склон был утоплен во мраке.

Наконец гору снова стало видно. Видимость улучшалась с каждой минутой. Удар во время приземления был такой, что у Картера занемел позвончик от копчика до затылка. Он весь сжался, ожидая, что багги соскользнет и начнет кувыркаясь падать вниз по склону. Багги накренился под страшным углом, но все же держался.

Картер расслабился и уронил голову на руль. Две огромных, долго висевших слезы, от очень низкой гравитации налившихся до величины теннисного шарика, сорвались и залили лицевую часть шлема. Слезы потекли по пластику. В первый раз Картер пожалел обо всем, что случилось. Зачем было убивать Лью, когда можно было разбить ему коленную чашечку и вывести из драки? Это был бы хороший урок для Лью. Он запомнил бы его навсегда. Вместо этого Картер угнал машину, чем сразу повел себя под суд. Прорвав пузырь, он сделал всех в шарограде заложниками случая и своими врагами. А после этого он еще торчал перед шаром, разглядывая, что они будут предпринимать, когда за это время мог бы оказаться уже за горизонтом. Оказаться за горизонтом прежде, чем Элф успел бы вывести машину из шлюзовой камеры. Картер непроизвольно сжал кулаки. Он начал биться лбом о панель управления, со злобой вспоминая свой праздный интерес. Тогда он просто сидел и наблюдал, как машина Элфа мягко выкатывает из шлюза...

Пора. Картер приготовился к следующему прыжку. Этот будет намного сложнее. Ему придется прыгать вверх с наклона в тридцать градусов...

Стоп. Он вдруг снова припомнил машину Элфа, припомнил, как она выкатывала из шлюза, и нескольких

человек, бегущих рядом. Здесь явно что-то не то. Только вот что?

Понимание вскоре пришло. Он схватился за рычаг, открывающий заслонки компрессора, и тут же приготовился второй рукой открыть держатели гироскопов. Они должны были выпрямить машину в тот момент, как она окажется в воздухе.

... Элф так тщательно все продумал. Как же он мог выскочить, позабыв ровно один бак с кислородом? И к тому же, если он действительно все продумал, как же он намеревается заполучить кислородные баки Картера, если Картер разобьется?

Предположим, его машина сейчас разобьется о скалы. Прямо сейчас, на втором прыжке. Как об этом узнает Элф? Никак. Во всяком случае, до девяти часов, когда Картер должен появиться из-за горы, Элфу не будет ничего известно. Но тогда уже не будет иметь значения, разбился Картер или нет, будет слишком поздно!

Разве что Элф наврал...

Вот оно! Вспомнил. Вот, что было ненормально с машиной Элфа, когда он выходил из шлюзового дока. Если выставить кислородный бак в воздушный контейнер, он будет торчать подобно забинтованному пальцу. После этого достаточно наполнить воздушный контейнер, убрать бак и во всей шестиугольной архитектуре кислородного обеспечения образуется дырка, подобная той, что Сэмми Дэвис проделывал в обороне нацистской футбольной команды в Берлине. А такой дырки у Элфа не было.

Пусть даже Картер сейчас разобьется, у Элфа останется в запасе четыре часа, чтобы найти его багги...

Картер приподнял фонари, поставив их в нормальное положение, а потом пустил багги задом, двигаясь смертельно медленно и почти по кругу. Багги качнулся, но не сорвался. Теперь можно двигаться вниз точно вдоль линии собственных фонарей...

Девять часов. Если Картер ошибся, значит сейчас он уже почти мертвец. Даже сейчас Элф еще жив и ждет его. Глаза его выпучены в отчаянном напряжении, он задыхается, но все еще думает, куда же запропастился Картер. Если только Картер не ошибся...

Тогда, значит, Элф кивает головой, но теперь уже усмешка стерлась с его губ, он просто подтверждает собственную догадку. А сейчас он решает, ждать ли ему последние пять минут на случай, если Картер просто запоздал, или уже можно начинать поиск...

Картер сидел в кабине с выключенным светом. Он находился у подножия черной горы. В его левой руке был зажат разводной ключ, глаза впились в ослепительную мглу видоискателя.

Разводной ключ был самым тяжелым инструментом в ящике. Он не нашел ничего острее отвертки, но отвертка не пробила бы ткань изолирующего костюма.

Лазерный луч видоискателя был направлен прямо на Элфа.

Его машина не двигалась.

Элф решил подождать.

Сколько же он будет ждать?

Картер вдруг поймал себя на том, что шепчет: «Ну, давай, шевелись, идиот. Тебе же нужно осмотреть обе стороны цепи. Обе стороны. И вершинку. Ну, давай, давай!»

О, Господи! Он что же, отключил свою рацию? Да, похоже, что переключатель опущен вниз.

Ну, двигайся.

Замкнутая на объекте игла видоискателя чуть шевельнулась. Еще раз едва заметно дернулась и замерла.

Прошло довольно много времени — семь или восемь минут. И вдруг стрелка поползла быстро, еще быстрее в противоположную сторону. Элф обыскивал не ту сторону гор!

Вот тут-то Картер и заметил слабое место в собственном плане. Должно быть, Элф решил, что Картер мертв. А раз он мертв, значит, больше не дышит.

Картер дышал, уменьшая запасы воздуха. У Элфа запасного воздуха хватало только на два часа, а Картер думал, что на четыре.

Игла дернулась и поползла довольно далеко. Картер вздохнул и закрыл глаза. Элф перебирается. Разумно с его стороны осмотреть сначала этот склон.

Прыжок.

Еще прыжок. Теперь он, навсрное, на самом верху.

Теперь долгое, медленное, равномерное движение вниз.

И фонари. Едва заметные там, на севере. А вдруг Элф повернет на север?

Элф повернул на юг. Отлично. Свет фонарей становился все ярче, а Картер ждал. Его багги по стеклу закопался в песок у самого подножия гор.

У Элфа все еще был лучевой пистолет. Хотя он совершенно уверен, что Картер мертв, он наверняка ведет машину, зажав пистолет в руке.

Элф включил фонари и двигался очень медленно. Не больше пятнадцати миль в час.

Значит, он пройдет... в двадцати ярдах от меня.

Картер невольно зажал в руке разводной ключ. Вот и Элф. Свет ударил ему в глаза. *Ты не видишь меня.* Свет исчез.

Картер выпрыгнул из машины и кинулся вниз по скату дюны. Фонари удалялись, Картер бежал за ними, прыгая, как на луна, отталкиваясь от песка обеими ногами сразу. Прыжок, ссекунда в воздухе, ноги вытянуты в ожидании приземления и следующего прыжка.

Последний прыжок. Картер двигался, как гигантский кенгуру. Вот он уже добрался до кислородных баков, приземлившись на колени и цепляясь руками за защитную сетку, чтобы металлические подошвы не наделали

шума. Картер попытался схватиться за кислородный бак, но бака не было в нише. Тело по инерции занесло в сторону, и он чуть не скатился в песок.

Прозрачный шлем на голове Элфа был прямо перед ним. Эльф крутил головой из стороны в сторону, стараясь постоянно держать в поле зрения треугольник, выхваченный фонарями. Картер пополз вперед. Свесившись прямо над головой Элфа, он размахнулся и изо всех сил ударил гаечным ключом.

По пластику разошлась седая паутина трещин. Эльф поднял глаза, его рот был открыт от нескрываемого изумления. Но в его взгляде не было ни ярости, ни страха. Картер ударил второй раз.

Трещины по шлему поползли еще дальше, еще шире разошлись по сторонам. Эльф инстинктивно зажмурился и, наконец сообразив, потянул лучевой пистолет из чехла. Мышцы Картера на секунду сковала судорога. Он глядел прямо в адскую дыру ствола. Он нанес третий удар, зная, что этот удар будет последним.

Разводной ключ прошел сквозь прозрачный пластик, сквозь кожу и кости черепа. Картер стоял на коленях, упираясь в кислородные баки, и долго разглядывал отвратительную картину. Затем, потянув за плечи, он вытащил тело, перекинул его через боковую арматуру багги и вполз в кабину, чтобы заглушить двигатель.

Найти свой собственный багги там, где он прикопал его в песок, Картер смог через несколько минут. Так же быстро он смог раскопать его. Все в порядке. Теперь у него достаточно времени. Даже если он пересечет горный хребет в 12:30, то успеет дотянуть до пузыря буквально на последнем вздохе.

Впрочем, у него вряд ли будет возможность что-то точно спланировать. С другой стороны, они не смогут увидеть Картера, потому что он будет у пузыря за час до рассвета. Они просто перестанут дожидаться его или Элфа уже к полудню. Даже если им неизвестно, что Эльф решил не возвращаться.

Прежде чем кто-нибудь успеет влезть в изолирующий костюм, пузырь останется без воздуха. Чуть позднее он сможет спокойно залатать пузырь и наполнить его, а через месяц Земля узнает о катастрофе. Они узнают, как метеорит зацепил угол прозрачного купола, как Джон Картер был в это время снаружи — единственный человек в костюме. Они заберут его назад на Землю, и он сможет спокойно дожить свою жизнь, постепенно стараясь забыть обо всем.

Он знал, какие баки были пустышками. Как у всех в этом городе, у него был собственный метод сортировать баки в барабане воздухоотсека. Он выбросил шесть пустых баков из барабана и вдруг остановился. Нехорошо выбрасывать пустышки, ведь их так трудно заменять.

Схема рассортировки баков, которую применял Элф, была Картеру неизвестна. Придется проверять пустышки Элфа одну за одной. Элф уже сам выбросил несколько пустышек. Неужели он планировал заполнить пустые места баками с машины Картера? Одну за одной Картер открывал предохранительные пробки и ждал, пока зашипит сжатый воздух. Зашипит — значит, можно брать себе. Не зашипит, можно выбросить.

Зашипел один бак. Всего один.

Итак, пять. На пяти он вряд ли продержится больше тридцати часов. Значит, где-то Элф все-таки припрятал три бака, чтобы их можно было подобрать. Просто на всякий случай. Просто на случай, если у Элфа дела пойдут совсем худо. Если с ним что-нибудь случится и Картер сможет захватить его машину. Элф сделал все, чтобы Картер все равно не смог добраться до купола живым.

Должно быть, Элф оставил баки где-то поблизости, где их можно было бы легко найти. Они явно где-то рядом, потому что Элф ни разу не выходил из поля зрения Картера до тех пор, пока Картер не перепрыгнул через горную цепь. Спрятав все полные баки, Элф оставил себе только один. Они были где-то рядом, потому что на одном баке долго искать не будешь.

Они где-то рядом. У Картера всего два часа, чтобы разыскать их...

Баки, вдруг понял Картер, должны быть по ту сторону склона. Ведь на этой стороне Элф ни разу не останавливал свою машину.

Да, но он мог их оставить на склоне во время прыжков... Картера словно подхватило. Как ошпаренный, он прыгнул в свою машину и взвился вверх. Фонари быстро скользили по склону скалы, по ее плоской изодранной вершине.

Первые красные лучи восхода коснулись Ли Казинса и Руфа Дулитла, когда они были уже за границами купола. Оба копали могилу. Казинс выполнял свою работу, сохраняя стоическое молчание. Со смешанным чувством сожаления и отвращения он терпел непрерывный поток сентиментальщины, которую нес Руф.

— ...первого человека хороним на другой планете. Как ты думаешь, Лью согласился бы на это? Не верю, ему было бы это ненавистно. Он бы сказал: «За это не стоило умирать». Он так хотел вернуться домой, а ведь он бы вернулся уже со следующим кораблем...

Песок был рыхлым. Для того, чтобы копать могилу в песке, нужно иметь хороший навык. А песок тек, словно зловещая жижа.

— А я ведь говорил мэру, что Лью понравилось бы, если бы его похоронили в колодце. А мэр и слушать не стал. Он сказал, что марсианам может не... Эй!

Казинс рывком поднял голову, его глаза привычно обшарили мертвый горизонт. Наконец взгляд зафиксировал движение — крошечная движущаяся точка, ползущая по краю кратера. Марсианин — была его первая мысль. Кто еще мог там двигаться? Затем он понял, что это багги.

Ли Казинсу показалось, что он видит мертвеца, поднявшегося из могилы. Багги, словно слепой человек,

двигался, не обращая внимания на перекошенные глыбы остекленевшего песка, потом коснулся одним колесом опасной зоны зыбучих песков на самом дне кратера. Все это время Ли Казинс неподвижно стоял и смотрел на машину. Краем глаза он заметил, как полетела в сторону лопата Руфа Дулитла, как сам Дулитл кинулся к пузырю.

Багги прошел по опасной зоне, лишь чуть-чуть вздыбил песок и начал подниматься вверх. Оцепенение Казинса прошло, он кинулся к последнему из трех-марс-багги.

Этот призрак двигался со скоростью пятнадцать миль в час. Казинс перехватил его в миле от верхушки кратера. За штурвалом сидел Картер. Его шлем упал на колени, которые зажали рукоятки переключения скоростей, ноги уперлись в педаль.

Казинс докладывал:

— Должно быгть, когда он почувствовал, что воздух кончается, то нацелил машину в направлении, заданном видеоискателем. Думаю, это заслуживает поощрения, — добавил он и взял первый штык песка, начиная вторую могилу. — И то хорошо, хотя бы прислал машину назад.

Сразу после восхода солнца на одном из восточных холмов появилась маленькая фигурка. Существо подошло прямо к распростертому телу Элфа Харнесса, взяло в свои тонкие ручки его ногу и потянуло труп через песок. Со стороны казалось, что это муравей, тянущий тяжелую хлебную крошку. За те двадцать минут, что ему потребовались, чтобы добраться до машины Элфа, существо ни разу не остановилось.

Наконец, бросив свою ношу, марсианин вскарабкался на гору пустых кислородных баков и заглянул в барабан воздухоотсека. Затем он снова посмотрел на тело. Он был в растерянности. Такое маленькое, слабое существо никак не могло приподнять такую массу.

Вдруг марсианин что-то вспомнил. Спустившись по бакам вниз, он оказался на песке, а в следующую минуту

ЛАРРИ НАЙВЕН

заполз под брюхо марс-багги. Несколько секунд спустя он появился и вытянул за собой отрезок нейлонового провода. Привязав концы провода к лодыжкам Элфа, он перебросил петлю через крючок, к которому обычно крепится прицеп.

Какое-то время фигурка неподвижно стояла над разбитым шлемом Элфа, словно оценивала сделанную работу. Голова может сильно пострадать, если тело будет путешествовать таким способом. Впрочем, в качестве образца голова Элфа была бесполезна. Всюду, где диоксид азота коснулся влажной плоти, образовалась красная дымящаяся язва, полная азотной кислоты. Зато остальное тело было пока что сухим и хорошо сохранившимся.

Фигурка вползла в машину. Машина немного порывчала, совсем немного, потом покатила вперед. Через двадцать ярдов она резко остановилась. Марсианин вылез и вернулся к тому же месту. Став на колени, он подполз под машину, туда, где он видел еще кусок нейлонового провода. Этот кусок придерживал под днищем три кислородных бака. Марсианин по очереди откинул пробки и тут же отскочил, когда ядовитый газ начал с шипением вылетать наружу.

Несколько минут спустя машина двинулась на юг. Кислородные баки пошипели немного, а потом умолкли.

Когда наступает прилив

I

У планеты не было имени. Она вращалась вокруг звезды, которая в 2830 году еще находилась за пределами покоренного космического пространства. В справочниках звезда значилась под номером G3. Ничего особенного — чуть-чуть меньше Солнца, чуть-чуть краснее.

Планета двигалась по довольно круглой орбите на большом расстоянии от своего светила (80 миллионов миль) и поэтому была слишком холодна по людским меркам.

Итак, в 2830 году некто Луис Ву случайно оказался возле этой планеты. Я подчеркиваю — случайно. Во вселенной размером с нашу может произойти все, что угодно.

Но можно ли считать простым совпадением встречу Луиса с...

Однако мы еще вернемся к этому.

Луису Ву недавно исполнилось 180. Впрочем, как и большинство людей, принимавших антидепрессант, он выглядел значительно моложе своих лет. В принципе, если Луису не наскучит, он может дожить и до тысячи.

— Дожить-то можно, — иногда говорил себе Луис, — но только если мне не придется продолжать эти проклятые вечеринки с коктейлями, охоты на бандерснэтчей да на этих размалеванных двуногих обитателей равнин, пытающихся втиснуться в парк свободы, слишком маленький, чтобы вместить хотя бы десятую часть желающих. Если мне не придется вновь пройти через двадцатилетний брак, или двухдневную любовную связь, или томительное ожидание телепорт-капсулы, которая норовит захлопнуть двери, как только подходит твоя очередь... И люди... Только если не придется жить с ними, день за днем, неделя за неделей, все эти бесконечные столетия.

Когда Луиса начинали одолевать подобные мысли, он бросал все и надолго исчезал. Так случалось уже трижды за его жизнь. Сейчас пришло время четвертого вояжа и, судя по всему, не последнего. Когда на Луиса накатывали такие жгучие волны ненависти ко всему, что его окружало, к друзьям, к самому себе, он становился невыносимым. Хорошо понимая это, Луис принимал меры. Он исчезал. В своем маленьком, но удобном космическом корабле он устремлялся к границе покоренного космоса, оставляя позади всех и все, и не возвращался до тех пор, пока у него

не возникало безумное желание увидеть человеческое лицо и услышать человеческую речь.

Во время второго полета Луис собрал волю в кулак. Он решил ждать до тех пор, пока не захочет увидеть лицо Кзинити. Лишь когда это желание захлестнуло его, Луис повернул корабль назад.

Сейчас он летел всего лишь три с половиной месяца и все еще содрогался при одном только воспоминании об определенных лицах. Именно поэтому он твердил себе: «На этот раз я не вернусь до тех пор, пока не соскучусь по Кдатлино».

Мало кто из друзей Луиса знал, скольких житейских передрыг удавалось ему избежать с помощью своим путешествий. И скольких избежали они сами.

Не один месяц Луис провел в библиотеке корабля, где под тихую оркестровую музыку поглощал книги — одну за другой. Теперь он знал практически все об освоенном космическом пространстве.

... Луис повернул корабль на 90 градусов, проложив траекторию по широкой открытой дуге, в зените которой висело солнце системы.

Корабль приближался к звезде G3.

Луис вышел из гиперпространства на достаточном расстоянии от облака разреженных частиц. Такие облака в гиперпространстве окружают каждое космическое тело, обладающее большой массой. Корабль ворвался в систему на основном двигателе, прочесывая впредидлежащее пространство радаром сверхдальнего сканирования. Но не обитаемые планеты искал Луис. Ему нужны были ста-сис-контейнеры Поработителей.

«Если радар ничего не покажет, будем разгоняться до тех пор, пока не перейдем в гиперпространство», — сам

себе пробормотал Луис. Скорость сохранится, и он сможет по инерции перелететь в следующую систему, затем в следующую и т.д. Этот способ экономил топливо.

Луис еще ни разу не находил стасис-контейнер Поработителей — и все же упорно продолжал поиски.

Пролетая через систему, Луис неотрывно следил за радаром. По белому экрану медленно проплывали серые круги — бледные призраки планет.

Солнце G3 походило на широкий серый диск, постепенно темнеющий к центру. Его почти черное ядро представляло собой сгусток звездного вещества, сжатого давлением лежащих на поверхности слоев до состояния, когда свободные электроны отрываются от атомов и становятся частью плазмы...

Солнце осталось позади. Луис все еще продолжал наращивать скорость, как вдруг на радаре показалась маленькая черная точка.

— Совершенных систем не существует, — пробормотал Луис себе под нос и выключил двигатель. Он много разговаривал сам с собой — ведь здесь никто не мог помешать ему.

— Эта хотя бы экономит топливо, — сказал он себе неделю спустя, когда выбрался из облака разреженных частиц в чистый космос. Луис включил гипердрайв, облетел вокруг системы и начал тормозить. Скорость, набранная за две недели, постепенно уменьшалась. В месте, обозначенном на радаре спроецированной черной точкой, Луис приготовился остановить корабль.

Вряд ли Луис признался бы, что вся эта система экономии топлива основывалась на уверенности, что ему никогда не удастся найти стасис — контейнер Поработителей... Но она была здесь, на экране — маленькая черная

точка на серой, словно призрак, планете. Луис направил корабль прямо на нее.

Планета напоминала Землю — размерами, формой и даже цветом. Луны не было.

Луис посмотрел в телескоп и присвистнул. Разорванные белые облака над туманной голубизной... неясно вырисовывающиеся контуры материков... спираль урагана возле экватора... снежные шапки гор... хотя на экваторе, наверное, жарко... Показания спектрографа говорили об отсутствии в атмосфере канцерогенных веществ. И никогда на этой планете не было ни единой души! Ни соседей через стенку. Ни голосов. Ни лиц.

— Черт возьми, — фыркнул Луис. — Я нашел контейнер. Остаток отпуска я проведу здесь — без людей, без женщин и без детей. — Внезапно он нахмурился и потер рукой подбородок, заросший щетиной. — Не слишком ли я тороплюсь? Не мешало бы постучаться...

Луис еще раз просканировал все радиодиапазоны. Ничего. Любая планета, где есть цивилизация, испускает массу радиоволн, подобно маленькой звезде. Более того, даже с высоты сотни миль не было видно ни единого признака цивилизации.

— Прекрасно! Ну ладно, сначала я доберусь до моего дорогого стасис-контейнера. — Он не сомневался, что на этот раз удача улыбнулась ему. Несомненно он наткнулся на стасис-контейнер. Только звезды и стасис-контейнеры имеют такую плотность, что выглядят на экране радара черной точкой.

Луис посмотрел на изображение. Похоже, у планеты все-таки есть спутник — диаметром футов в десять, примерно на высоте двенадцати сотен миль.

— Зачем же Поработителям понадобилось выводить контейнер на орбиту? — рассуждал вслух Луис. — Именно

там его легче всего найти. Финейгл Всемогуший, и это называется войны! Что их толкнуло оставить контейнер именно здесь?

Маленький спутник, все еще не видимый невооруженным глазом, находился на расстоянии двух-трех тысяч миль. Однако с помощью телескопа Луису удалось довольно хорошо разглядеть серебристую сферу без всяких опознавательных знаков диаметров в десять футов.

— Он находится здесь не меньше миллиарда лет, — сказал себе Луис. — Поверив в это, вы поверите и во все остальное... Уж что-нибудь должно было столкнуть его с орбиты за такое длительное время — пыль, метеорит, солнечный ветер... Воины Тнактипа... Магнитная буря... Н-да... — Луис запустил пальцы в отросшие черные волосы. — Остается предположить, что его принесло откуда-то. И недавно. Что...

За серебристым шаром внезапно показался маленький конусообразный корабль. На его зеленом корпусе Луис разглядел темно-зеленую маркировку.

II

— Проклятье, — пробормотал Луис, разглядывая корабль. Он не мог определить его тип. Одно ясно — корабль собирали не люди. — Что ж, хоть в этом мне повезло. По крайней мере, это не люди. Могло бы быть и хуже. — Он включил лазерный луч связи.

— Ну ты подумай, — сказал он сам себе. — Я потратил три года на поиски стасис-контейнера. И когда, наконец, нашел, кто-то другой уводит его у меня из-под носа!

На экране зеленого конуса вспыхнула синяя искра другого лазера. Луис прислушался к бормотанию компьютера автопилота, пытающегося расшифровать незнакомый лазерный код. Хорошо хоть они используют для связи лазеры, а не телепатию, или размахивание щупальцами, или изменения цвета кожи.

На экране радара появилось лицо.

Луис уже сталкивался с представителями чужих цивилизаций. Этот мало чем отличался от остальных. Пучок органов чувств, прилепившийся к треугольному рту, три глаза и маленькая черепная коробка. Глаза глубоко посажены, и поэтому поле зрения ограничено. Желтые, похожие на зубные пластины, кости выдаются из-за трех хрящей-губ.

Несомненно, какой-то неизвестный вид.

— Ну, парень, ты и урод! — Луис едва сдержался, чтобы не произнести это вслух — переводное устройство инопланетянина могло уже работать.

Его собственный компьютер закончил перевод первого послания. Оно гласило:

— Уходи. Объект принадлежит мне.

— Замечательно, — ответил Луис. — Ты — Поработитель? — Существо ничем не напоминало Поработителей. Кстати сказать, последние вымерли несколько миллиардов лет назад.

— Это слово не переведено, — сказал инопланетянин. — Я добрался до артефакта раньше тебя. Я буду сражаться.

Луис подергал отросшую за две недели бороду. Он мало что мог противопоставить чужому кораблю. Даже термоядерная установка, снабжающая энергией основной двигатель, была сделана с поправкой на осторожность. Лазерная битва будет обычным состязанием на выносливость;

которое Луис проиграет, так как масса чужого корабля больше, а соответственно, больше его теплоемкость.

Но стасис-контейнер... Такой большой...

Во время войны между Тнактипами и Поработителями около полутора миллиардов лет назад истреблению подверглись почти все разумные обитатели галактики. До того как Поработители применили свое последнее оружие, битвы происходили каждый день. Обычно в случае поражения Поработители заключали все представляющие ценность материалы в стасис-контейнер и прятали где-нибудь, надеясь в один прекрасный день вернуться за ним.

Внутри стасис-контейнера время не двигалось. И через полтора миллиарда лет продукты в нем оставались свежими, а оружие и инструменты — без малейшей ржавчины. Однажды из стасис-контейнера извлекли маленькое, похожее на долгопята разумное существо женского пола, все еще живое! Эта бывшая рабыня, последняя представительница своего вида, еще долго жила странной жизнью, прежде чем разрушительные процессы не приняли необратимого характера.

Ценность стасис-контейнеров Поработителей не поддавалась описанию. Ходили слухи, что Тнактипы (а значит и их враги, Поработители) владели секретом прямого преобразования материи. Когда-нибудь это устройство будет найдено. В стасис-контейнере. И тогда термоядерная энергия станет не менее устаревшей, чем двигатель внутреннего сгорания.

А этот серебристый десятифутовый шар — самый большой из всех когда-либо найденных стасис-контейнеров.

— Я тоже буду сражаться за артефакт, — сказал Луис. — Но послушай. Представители наших видов уже встреча-

лись раньше и будут встречаться потом независимо от того, кто из нас заберет сейчас артефакт. Мы может стать врагами или друзьями. Зачем осложнять наши отношения убийством?

— Что ты предлагаешь?

— Игру. Рискуют обе стороны. Вы играете в азартные игры?

— Конечно. Вся жизнь — игра. Не использовать представившийся шанс — безумие.

— Несомненно. Гм, — Луис разглядывал голову пришельца, словно состоящую из одних треугольников. Внезапно эта голова резко повернулась на 180 градусов. Щелк — лязгнули челюсти. От этого зрелища у Луиса похолодело в животе.

— Ты что-то сказал? — спросил инопланетянин.

— Нет. А ты себе так шею не свернешь?

— Интересный вопрос. Анатомические подробности мы обсудим немного попозже. У меня есть предложение.

— Какое?

— Мы опустимся на поверхность планеты и встретимся между кораблями. Я уступаю тебе право выйти первым. Ты можешь взять с собой переводящее устройство?

Луис мог подключить компьютер к карманной рации

— Да.

— Мы встретимся между кораблями и сыграем в простую игру. Шансы будут равны. Исход определит случай. Идет?

— Делать нечего. Что за игра?

Внезапно на экране возникли диагональные полосы и изображение исчезло. Должно быть, какие-то помехи. Однако через мгновение экран очистился.

— Математическая игра, — проговорил инопланетянин. — Несомненно, наши математические системы должны быть очень схожи.

— Верно, — кивнул Луис, хотя и слышал о существенных расхождениях в математике различных цивилизаций.

— Для этой игры понадобится скри-и-и, — компьютер не смог перевести последнее слово. Инопланетянин поднял руку с тремя когтями и показал небольшой линзообразный объект. На обеих сторонах Луис увидел разные символы.

— Это скри-и-и. Каждый должен подбросить его шесть раз. Ты выберешь один символ, а я другой. Чей знак выпадет большее количество раз, тот и забирает артефакт. Шансы равны.

На экране снова появились помехи, а затем исчезли.

— По рукам, — сказал Луис, несколько разочарованный примитивностью игры.

— Мы оба полетим к планете в противоположном направлении от артефакта. Ты последуешь за мной?

— Да, — проговорил Луис.

Изображение исчезло.

III

Луис потерял заросший щетиной подбородок. Разве можно в таком виде появляться перед посланцем другой цивилизации? Находясь среди людей, Луис одевался безупречно, но здесь, в чужой галактике, он не утруждал себя подобными мелочами.

Да и вообще, откуда этому... Триноку знать, что Луису необходимо бриться. Не стоит создавать себе лишние проблемы.

Интересно, он дурак или гений?

У Луиса было много друзей таких же, как он сам. Двое исчезли несколько десятков лет назад. Луис уже позабыл их имена. Он помнил лишь, что они тоже отправились на поиски стагис-контейнеров именно в этом направлении и ни один не счел нужным вернуться назад.

Может, они встретили корабли инопланетян?

Хотя существует и масса других объяснений. Полгода, проведенные в одиночестве на корабле, — прекрасный способ выяснить, нравишься ли ты себе или нет. Если нет — зачем же возвращаться в мир людей?

Луис же встретил инопланетянина. Вооруженного. Он двигался по орбите милях в пятистах впереди, а где-то посередине между двумя кораблями плыл ценнейший артефакт.

Но игра лучше сражения. Луис Ву нетерпеливо ждал следующего маневра инопланетянина.

Темно-зеленый корабль обрушился вниз, словно гигантская скала, с ускорением не меньше, чем в 20 g. Мгновение спустя ошеломленный Луис последовал за ним, выжимая из своего корабля то же ускорение. Антиперегрузочная кабина спасла его от смертельной перегрузки. Неужели инопланетянин проверяет его маневренность?

Вряд ли. Похоже, он не склонен к трюкам.

Следуя за инопланетянином на порядочном расстоянии, Луис теперь находился гораздо ближе к серебристому шару. А что, если повернуть корабль, подлететь к артефакту, прикрепить его к корпусу и смотаться?

Нет, не выйдет. Чтобы повернуть к шару, ему придется тормозить, а инопланетянину, чтобы атаковать, — нет. Кроме того, ускорение в 20 g — предельное для его корабля.

Хотя удирать, возможно, все равно придется. Разве есть гарантия, что инопланетянин сыграет честно? Черт его знает, что на уме у этого существа.

Луис решил свести риск до минимума. В его скафандр были вмонтированы датчики, посылающие в компьютер показания жизненных функций. Луис запрограммировал компьютер автопилота на взрыв термоядерной установки в случае, если его сердце остановится. Кроме того, в скафандре была специальная сигнальная кнопка, с помощью которой можно взорвать установку вручную.

Войдя в атмосферу планеты, корабль инопланетянина как будто взорвался оранжевыми огнями. Какое-то время он летел в свободном падении, а затем в миле от поверхности океана резко затормозил.

— Рисовщик, — пробормотал Луис и приготовился, чтобы не ударить лицом в грязь, повторить тот же маневр.

Конусообразный корабль ничуть не выглядел потрепанным. Должно быть, у него безреакционный привод, как и у самого Луиса, или антигравитационный привод кзинов. И тот и другой считались наиболее совершенными в техническом отношении, точными и безопасными для находящихся поблизости объектов.

... Острова были разбросаны по всему океану. Инопланетянин сделал пару витков и будто наугад опустился на один из них — легко, словно перышко.

Луис последовал за ним. На мгновение Луис представил, что пока он концентрируется на посадочных маневрах, инопланетянин может с помощью какого-нибудь невообразимого оружия разнести его корабль вдребезги, и

неприятный холодок пополз по его спине... Но все обошлось. Целым и невредимым Луис приземлился в нескольких сотнях ярдов от инопланетного корабля.

— Если ты попытаешься причинить мне вред, взрыв уничтожит оба наших корабля, — передал Луис пришельцу с помощью лазерного луча.

— Кажется, мыслительный процесс наших видов одинаков. Я выхожу.

Вскоре пришелец уже стоял около носа своего корабля. Его фигуру венчал широкий круглый шлем. Луис защелкнул застежку своего шлема и мягко спрыгнул на песок.

Правильно ли он поступает?

В любом случае, игра лучше, чем сражение. И веселее. А кроме того, у него больше шансов победить в игре, нежели в сражении.

«Но мне бы не хотелось возвращаться домой без стасис-контейнера», — подумал Луис. За 180 лет своей жизни он так и не сделал ничего стоящего: не подарил миру потрясающих научных открытий, не выиграл ни одной предвыборной кампании, не сверг ни одного правительства. Стасис-контейнер — вот его единственный шанс.

— Шансы равны, — сказал Луис.

Его мускулы и вестибулярный аппарат с легкостью приспособились к чужой гравитации. В сотне футов огромные зеленые волны, словно специально предназначенные для серфинга, с шипением накатывались на девственно белый песок. Превосходный пляж для вечеринки с пивом.

Луис решил попозже непременно покататься на животе в гигантских волнах, если воздух окажется пригоден для дыхания, а вода не будет кишеть хищниками. Луис еще не успел как следует проверить планету.

Он шел навстречу инопланетянину. Его ботинки увязали в песке.

В инопланетянине было не больше пяти футов роста. Спускаясь с коабля, он выглядел выше — видимо потому, что состоял словно из одних ног. Тощие ноги длиной фута в три, торс, похожий на пивной бочонок. Шеи не видно. И как это он мог так быстро вертеть головой! Возможно, нечто, выполняющее функции шеи, скрывалось за толстыми складками желтой словно хром кожи, висящей под выростом подбородка.

Прозрачный дутый скафандр, стянутый на плече, сверху и снизу мудреного локтевого сустава, на запястье, бедре и колене, ничем не напоминал скафандр Луиса. На запястье и щиколотке виднелись форсунки. В петлях на груди были закреплены какие-то инструменты. На шее под скафандром висела черная коробка. Луис с опаской разглядывал все эти инструменты — ведь любой из них мог оказаться оружием.

— Я думал, ты выше ростом, — заметил инопланетянин.

— На лазерном экране ничего толком не разберешь, да? Мой тоже что-то там напутал. Ты захватил монету?

— Скри-и-и? — инопланетянин назвал предмет. — А мы разве предварительно не побеседуем? Меня зовут скри-и-и.

— Мой компьютер не может перевести это. Да и произнести... Меня зовут Луис. Ваш вид уже встречался с другими, кроме нашего?

— Да, дважды. Но я — не эксперт в этой области.

— Как, впрочем и я. Оставим же вежливость экспертам. Мы здесь для того, чтобы играть.

— Выбирай символ, — сказал инопланетянин и протянул Луису «монету».

Тот принялся внимательно разглядывать замысловатый, сделанный из платины или чего-то подобного предмет с острыми углами. На одной стороне было выгравировано изображение руки с тремя когтями, а на другой — планеты с очертаниями ледяных гор. А может и не гор, а материков.

Луис вертел в руках монету, словно не зная, какой символ выбрать. На самом деле он тянул время.

И-да. Эти форсунки вполне могут оказаться каким-то оружием. А может, и нет. А что, если он выиграет? Может, он выиграет смерть?

Но если его сердце остановится, они умрут оба. Ни один инопланетянин не сможет подобрать оружие, которое парализовало бы Луиса, не убив.

— Я выбираю планету. Бросай первым ты.

Инопланетянин швырнул монету в сторону корабля Луиса. Тот проводил ее взглядом и сделал два шага, чтобы поднять. Когда он выпрямился, инопланетянин уже стоял за его спиной.

— Рука, — сказал Луис. — Моя очередь. — Один раз он уже проиграл. Луис бросил монету. Она блеснула в ярком свете. Внезапно Луис заметил, что инопланетный корабль исчез.

— Что выпало? — процедил он.

— Нам нет нужды умирать, — сказал инопланетянин. Его руки сжимали нечто, висящее в петле на его груди. — Это — оружие. Если я применю его, мы оба погибнем. Пожалуйста, не пытайся добраться до своего корабля.

Луис прикоснулся к кнопке, которая могла взорвать термоядерную установку.

— Мой корабль поднялся, когда ты повернул голову, глядя на скри-и-и. Теперь он находится вне досягаемости

любого взрыва, который ты можешь вызвать. Нам нет нужды умирать — если ты, конечно, не попытаешься добраться до своего корабля.

— Ошибаешься. Я могу лишить корабль его пилота. — Луис продолжал держать руку на кнопке. Чем быть обманутым каким-то инопланетянином, лучше уж...

— Пилот находится на борту корабля вместе с астрономом и скри-и-и. Я всего лишь офицер из службы коммуникаций. Почему ты решил, что я один?

Луис вздохнул. Его рука безвольно скользнула вниз.

— Потому что я болван, — горько проговорил Луис. — Потому что ты использовал местоимение единственного числа — или это сделал мой компьютер. Потому что я принял тебя за игрока.

— Я и сыграл. Я поставил на то, что монета отвлечет твоё внимание и ты не увидишь, как улетает мой корабль. Все так и вышло. Я почти не рисковал.

Луис кивнул. Все стало ясно.

— Однако, я не исключал, что ты выманил меня из корабля для того, чтобы убить. — Компьютер по-прежнему переводил инопланетянина, используя формы единственного числа личных местоимений. — Мы уже потеряли один исследовательский корабль, летевший в этом направлении.

— Вот оно что, так значит, ты невиновен, — едко заметил Луис. Внезапно его осенило. — Докажи, что ты действительно держишь оружие.

Инопланетянин подчинился. Луис не увидел никакого луча, однако песок у его ног буквально взорвался. Раздался громкий треск, и вспышка, похожая на молнию, на мгновение ослепила его. Инопланетянин действительно сжимал в руках нечто делающее дырки.

Это уже слишком. Луис нагнулся и подобрал монету.

— Раз уж мы здесь, не доиграть ли нам до конца?

— С какой целью?

— Чтобы узнать, кто победит. Разве вы не играете ради удовольствия?

— С какой целью? Мы играем, чтобы выжить.

— Ну тогда убирайся к черту, — прорычал Луис и повалился на песок. Он упустил свой шанс прославиться. Опять. Делами людей управляет прилив... А за ним наступит отлив. Этот отлив уже унес памятники Луису Ву, учебники истории, упоминающие имя Луиса Ву, словно ненужный хлам, выброшенный за борт.

— Ты ведешь себя странно. Ведь игра — это риск. А рискуют только ради того, чтобы выжить.

— Чушь собачья.

— Мой компьютер не может перевести это сообщение.

— Ты знаешь, что представляет собой этот артефакт?

— Я знаю кое-что о существах, создавших его. Они много путешествовали.

— Никто еще не находил такой большой стасис-контейнер. Его ценность огромна.

— Говорят, эти существа применили оружие, которое положило конец войне, уничтожив всех участников.

Они смотрели друг на друга. Возможно, оба думали об одном и том же. «Разразится ужасная катастрофа, если не моя цивилизация завладеет этим сверхоружием.»

Но так рассуждали бы люди. Кзин подумал бы так: «Теперь я могу покорить вселенную. Я имею на это право.

— О, Финейгл, какая досада! — пробормотал Луис сквозь зубы. — Надо же было нам встретиться!

— Это было не случайно. Мои приборы обнаружили твой корабль, когда ты вновь вошел в систему. Чтобы

опередить тебя, мне пришлось сделать гигантский скачок. Он повредил мой корабль и убил одного члена экипажа. Артефакт принадлежит мне. Я заработал это право.

— Обманом, черт тебя побери, — Луис выпрямился.

И вдруг страшная догадка расколола его мозг.

IV

Сила тяжести. Плотность атмосферы планеты зависит от силы тяжести на ней. И от луны-спутника. За миллиарды лет эволюции большой спутник должен был разредить атмосферу. У планеты без спутника с размерами и массой Земли воздух должен быть непригодным для дыхания — слишком плотным, еще хуже, чем на Венере.

Инопланетянин издал какое-то восклицание, которое компьютер Луиса не смог перевести.

— Скри-и-и! Куда девалась вода?

Луис повернул голову. Увиденное озадачило его, но лишь на мгновение. Океан отступил, отступил непостижимо далеко. Его гладкая поверхность сверкала примерно в полумиле от берега.

— Куда девалась вода? Я не понимаю.

— Зато я понимаю.

— Куда же? Учитывая отсутствие луны, приливы и отливы здесь невозможны. Но и в любом случае никогда отлив не может произойти так быстро. Объясни, пожалуйста.

— Хорошо. Для этого нужно воспользоваться телескопом на моем корабле.

— Но ведь там может быть оружие.

— Слушай меня внимательно, — сказал Луис. — Еще немного, и твой корабль будет уничтожен. Спасти его может только лазер связи на моем корабле.

Слова Луиса привели инопланетянина в замешательство. Мгновение спустя он сдался.

— Если бы у тебя было оружие, ты уже воспользовался бы им. Теперь ты все равно не сможешь остановить мой корабль. Но помни, я по-прежнему вооружен... — Инопланетянин переступал с ноги на ногу за спиной Луиса. Его треугольный рот беспокойно подергивался, пока Луис настраивал телескоп и экран. Вскоре показалось звездное небо. По нему быстро передвигался зеленый конусообразный корабль с темно-зеленой маркировкой. Внизу экрана виднелось темное атмосферное пятно.

— Видишь? Артефакт находится около горизонта. Он быстро движется.

— Это понятно даже низшему разуму.

— Да ну? А тебе понятно, что у этой планеты должен быть массивный спутник?

— Но его нет — разве что он невидим.

— Он не невидим. Он просто слишком маленький, незаметный. Но тогда у него должна быть громадная плотность.

Инопланетянин молчал.

— С чего мы взяли, что серебристый объект — стасис-контейнер Поработителей. Обычно у стасис-контейнеров совсем другой размер и совсем другая форма. Нас ввело в заблуждение то, что объект блестел, как поверхность стасис-поля, и формой напоминал шар, как артефакт. Планеты — это тоже шары: но их сила тяжести не даст втянуть объект диаметром всего лишь в десять футов. Для этого он должен быть или слишком жидким, или слишком плотным. Ты понимаешь меня?

— Нет.

— Не знаю, по какому принципу работает твое оборудование. Мой радар сверхдальнего сканирования использует гиперволновый пульс для поиска статис-контейнеров. Если какой-то объект останавливает гиперволновый пульс, значит его плотность больше, чем плотность разложенной материи в любой нормальной звезде. А этот объект настолько плотен, что может вызывать приливы и отливы.

На экране показалась маленькая серебристая бусина. Она находилась у самого носа корабля. Луис собрался было почесать заросший подбородок, но наткнулся на кислородную маску.

— Теперь я понял тебя. Но как это могло случиться?

— Остается только гадать. Ну?

— Вызови мой корабль. Мы должны спасти их, иначе они погибнут.

— Я должен быть уверен, что ты не помешаешь мне. — Луис взялся за работу. Вскоре зажглась сигнальная лампочка — это компьютер вышел на корабль инопланетянина с помощью лазера связи.

Луис заговорил без обиняков:

— Немедленно покиньте сферический объект. Это не артефакт. Это сгусток материи нейтрино, каким-то образом оторвавшийся от нейтронной звезды.

Ответа, разумеется, не последовало. Пришелец стоял за спиной Луиса, но не говорил ни слова. Возможно, компьютер на его корабле не мог справиться с двойным переводом. Однако инопланетянин все время повторял какой-то странный жест обеими руками.

Зеленый конус резко повернулся широкой стороной к телескопу.

«Отлично, они рванули в сторону», — сказал Луис себе. — «Может, им еще удастся описать гиперболическую кривую».

Луис почти закричал:

— Используйте всю мощность корабля! Вы должны оторваться от сфероида.

Два объекта, казалось, начали расходиться. Скорее всего это была иллюзия, потому что они уже находились в пределах видимости.

— Не давайте маленькой массе одурочить себя. — Ненужный теперь совет. — Компьютер, какова масса десятифутового нейтронного шара?

— Примерно 2×10^{-6} массы этой планеты.

— Компьютер, какова сила притяжения на его поверхности? Я не могу поверить в это!

Два объекта снова начали сближаться.

«Черт побери, — подумал Луис. — Если бы инопланетяне не прилетели раньше, на их месте оказался бы я».

Он продолжал говорить, хотя теперь это не имело никакого значения. Луис просто снимал напряжение.

— Мой компьютер сообщает, что сила притяжения равняется приблизительно десяти миллионам г. С этим можно справиться. Закон всемирного тяготения Ньютона. Ты слышишь меня?

— Они слишком близко, — сказал инопланетянин. — Теперь их уже ничто не спасет...

... Зеленый корабль начал разрушаться за долю секунды до столкновения. Со стороны это выглядело не более опасным, чем удар мяча для гольфа о стену крепости. Маленькая серебристая бусина как будто просто прикоснулась к боку корабля. В то же мгновение корабль смялся, как сминается оберточная бумага в кулаке человека. Толь-

ко вместо кулака была маленькая бусина, вспыхнувшая ярко-желтым цветом. Серебристый шар чуть больше десяти футов в диаметре.

— Я скорблю, — сказал инопланетянин.

— Теперь все понятно, — проговорил Луис. — Вот почему на экране появлялись помехи, когда мы обменивались лазерными посланиями. Эта глыба нейтрино находилась прямо между нашими кораблями и искривляла световые лучи.

— Кто же расставил нам эту ловушку? — вскричал инопланетянин. — Неужели у нас есть столь могущественные враги, которые шутя играют такими массами?

«Он что, параноик? — подумал Луис. — Может, весь их вид этим страдает?»

— Простое совпадение. Взорвавшаяся нейтронная звезда.

Некоторое время инопланетянин молчал. Телескоп, не находя лучшего объекта, по-прежнему был сфокусирован на бусине. Ее свечение уже исчезло.

— В своем антиперегрузочном скафандре я долго не протяну, — сказал инопланетянин.

— Мы полетим быстро. Я могу достигнуть Маргрейва за пару недель. Если ты выдержишь это время, там мы соорудим контейнер со специальной средой и будем держать тебя в нем, пока не придумаем чего-нибудь получше. На его изготовление уйдет не больше пары часов. Я сообщу заранее.

Взгляд всех трех глаз инопланетянина сошелся в одной точке на переносице Луиса.

— Ты можешь посылать сообщения со сверхсветовой скоростью?

— Конечно.

— Значит, твои знания представляют некоторую ценность. Я полечу с тобой.

— Спасибо за одолжение.

Луис стал нажимать на кнопки.

— Маргрейв. Цивилизация. Люди. Лица. Голоса. Чуть собачья...

Корабль взмыл вверх, разрывая атмосферу. Кабина перегрузок повибрировала несколько мгновений, а затем все успокоилось.

— Что ж, — проговорил Луис. — Всегда можно вернуться.

— Ты хочешь вернуться?

— Думаю, да.

— Надеюсь, ты будешь вооружен.

— Что? Ты, может, параноик?

— Ваш вид слишком доверчив, — сказал инопланетянин. — Удивительно, что вы выжили. Эта глыба нейтрино может быть прекрасной защитой. Она втягивает в себя все, что приближается к сферической поверхности. Любой корабль, оказавшийся в этой системе, быстро обнаружит странный объект. Экипаж примет его за артефакт. Что еще они могут подумать? Они подлетят к нему, чтобы рассмотреть получше..

— Все верно, но эта планета пуста. Защищать некого.

— Может быть, некого.

Планета под ними становилась все меньше и меньше. Луис Ву направил корабль в глубины космоса.

Человек в разрезе

В 1900 году Карл Ландштейнер классифицировал человеческую кровь, определив четыре группы по признаку несовместимости: А, В, АВ и О.

С тех пор появилась возможность сделать больному срочное переливание в случае шока или травмы и надеяться на то, что переливание не окажется смертельным.

Движение за отмену смертной казни в те годы только зарождалось, но уже было обречено.

Vh83uOAGn7 был его телефонный номер. Заодно это был номер его водительского удостоверения, номер карточки социального обеспечения, номер военного билета и медицинской карточки тоже.

Два документа были уже признаны недействительными, остальные, за исключением разве что медицинской карточки, более не имели никакого значения. Его имя было Уоррен Льюис Ноуэлз, к тому же его ждала смертная казнь.

Суд окончился день назад, но приговор от этого не потерял актуальности. Лью был виновен. А если кто-нибудь в этом сомневался, казнь сама по себе служила самым священным из доказательств. Завтра к восемнадцати часам к нему применят высшую меру. Брокстон, конечно, подаст апелляцию под тем или иным предлогом, которая, конечно, будет отклонена.

Камера была очень уютной, маленькой и мягко обшитой. Впрочем, никто не пытался поставить под сомнение здравость рассудка обвиняемого, поместив его в камеру с обшивкой. Сумасшествие больше не служило поводом для того, чтобы преступать закон.

Мягкая обшивка была приятного и спокойного зеленого цвета и покрывала одну стену. Внешнюю стену. Остальные три стены камеры были просто построены из металлических прутьев. Эти прутья отделяли его от коридора, от угрюмого старика слева и от сопляка дурацкого вида справа. Прутья были толщиной в десять дюймов. Расстояние между ними было равно восьми. На прутья налепили силиконовые подушечки.

В четвертый раз за сегодняшний день Лью хватал подушечки всеми пальцами и тянул изо всех сил, стара-

ясь оторвать. Подушечки напоминали губчатую резинку с краем толщиной в полпальца и почему-то не отлипали. Когда Лью разжимал скрюченные пальцы, подушечки тут же снова принимали форму заветного квадрата.

— Это несправедливо, — сказал он наконец.

Сопляк справа даже не шелохнулся. Все десять часов, что Лью провел в камере, парень просидел на краешке своей койки, наклонив голову книзу так, чтобы жидковатые черные волосы падали на глаза. Тень сопл-ка, появившаяся в пять часов пополудни, росла очень равномерно и становилась все чернее. Его длинные волосатые руки шевелились, только когда ему приносили пищу, причем остальные части тела оставались неподвижны.

Услышав голос Лью, старик из камеры слева поднял голову и спросил с горьким сарказмом:

— Что, невинная жертва?

— Нет, я ...

— Ну вот, ты хотя бы честный парень. А что ты натворил?

Лью все рассказал старику. Рассказывая, он так и не смог прогнать интонации невинной жертвы. Старик улыбался с видом знающего человека. Казалось, он ожидал услышать все именно так, как рассказывал Лью.

— Тупость, — наконец заключил старик. — Тупость всегда влечет за собой высшую меру. Слушай, ну уж если тебе так нужно, чтобы тебя казнили, неужели нельзя совершить что-нибудь стоящее? Ты посмотри на того парня с другой стороны. Видишь его?

— Вижу, — буркнул Лью, не глядя.

— Он -- органлеггер*.

Лью почувствовал, как его собственное лицо застыло в гримасе испуга. Усилием воли он заставил себя еще

раз украдкой посмотреть в соседнюю камеру. Его словно ударило током — сопляк смотрел прямо на него. Своими тусклыми черными глазами, едва различимыми под свисающими космами волос, он смотрел на Лью, как мясник, оценивающий тушу хорошо пожившей коровы.

Лью придвинулся поближе к прутьям, за которыми сидел старик. Голосом, упавшим до хриплого шепота, он спросил:

— А сколько человек он убил?

— Нисколько.

— ?

— Он просто занимался доставкой. Он находил кого-нибудь, в одиночестве разгуливающего по ночным улицам, потом накачивал лекарствами и тащил к доктору, который всем заправлял. Убивал-то всех доктор. Если бы Берни вздумал доставить дохлого донора, доктор с него самого содрал бы аккуратненько кожу, а потом бы продал.

Старик сидел так, что Лью был все время у него за спиной. Он развернулся, когда они разговаривали, но потом старик, видимо, потерял всякий интерес. Было видно, что его руки, скрытые от Лью костлявой, тощей спиной старика, находятся в постоянном нервном подергивании.

— И скольких же он так доставил?

— Четырех. Потом попался. Он не очень умный, этот Берни.

— А что ты сделал, чтобы оказаться здесь?

Старик не отвечал. Он совершенно позабыл о существовании Лью. Его руки все дергались, он все время втягивал голову в плечи. Лью все это надоело, и он, пожал плечами, завалился на койку.

Был четверг, девятнадцать часов.

*** *** ***

Система включала в себя трех доставщиков. Берни еще не допрашивали. Второй доставщик был мертв. Он перескакивал через оградку пешеходной зоны, когда пуля пощады вошла ему в руку. Третьего на носилках вкатывали сейчас через двери госпиталя по соседству со зданием суда.

Официально он все еще считался живым. Ему уже был вынесен приговор, его апелляция была уже отклонена, но он все еще дышал, когда его, накачанного лекарствами, вкатили в операционную.

Синтетические интерны подняли его тело с плоской каталки и впихнули в рот трубочку, чтобы он мог дышать, пока будет опускаться в замораживающую жидкость. Его опустили без единого всплеска, а когда температура тела начала снижаться, практиканты вкачали ему в вену еще что-то. Почти полпинты. Температура упала и достигла точки замерзания, сердце билось все реже и реже и наконец остановилось. Но его можно было снова заставить биться. Отсрочка смертного приговора начиналась с этого момента. Официально органлеггер был все еще жив.

Доктор представляя собой цепь механизмов и конвейерную ромашку, двигавшуюся вокруг них. Когда температура тела органлеггера упала до нужной точки, ромашка начала двигаться. Первая машина сделала серию надрезов на груди. Очень точно и бесстрастно доктор произвел кардиотомию.

Теперь органлеггер был официально мертв. Сердце тут же отправилось в хранилище. За ним последовала кожа, по большей части одним куском, без прорывов и надрезов, практически живая. Доктор резал на куски с

предельной осторожностью, словно разбирал гибкую, хрупкую и очень сложную головоломку. Одной вспышкой был сожжен мозг органлеггера, а пепел аккуратно собран. Пепел отправится в похоронную урну. Все остальные части тела в виде связочек и маленьких железок, и тонких, как пергаментная бумага, слоев мышц, моточков вен и артерий отправились на хранение в банк органов полицейского госпиталя. Любая из этих запасных частей будет упакована, уложена в транспортную коробку и переправлена в другой конец света в течение часа. При соответствующем стечении обстоятельств, когда нужные люди заболеют в нужное время нужным заболеванием, органлеггер, разложенный сейчас по полочкам, спасет больше жизней, чем он загубил.

Вот в этом-то и была суть.

Лью лежал на спине, уставившись в телевизионный экран, смонтированный на потолке, и вдруг начал дрожать. У него не хватало сил засунуть в ухо микротелефон, а беззвучное движение фигур в мультфильме внезапно показалось ему ужасающим. Он выключил телевизор, но это явно не помогло.

Кусочек за кусочком они разделают его тело на части и сложат на полки. Он никогда в жизни не видел банк органов, но зато у его дяди была когда-то собственная мясная лавка.

— Эй! — вдруг заорал он.

Глаза сопляка посмотрели на него — единственный движущийся орган его тела. Старик смело обернулся и поглядел на Лью через плечо. Охранник в конце длинного холла оторвался на секунду от книжки, потом снова опустил глаза.

Страх гнезвился у Лью в животе, пульсировал у него под кадыком.

— Как ты можешь это терпеть?

Глаза Берни опустились и уставились в пол. Старик переспросил непонимающе:

— Терпеть что?

— Ты что, не знаешь, что они собираются сделать с нами?

— Только не со мной. Меня не будут разбирать на части, как свиную тушу, — улыбнулся старик

В следующий момент Лью уже прижимался к толстым металлическим прутьям, оклеенным силиконовыми подушечками.

— А почему тебя не будут?

Старик объяснил очень тихим голосом:

— Потому что там, где была моя правая берцовая кость, у меня заложена взрывчатка. Я просто взорвусь. И они так и не смогут попользоваться тем, что успеют с меня содрать.

Надежда, замаячившая было при словах старика, тут же угасла, оставив горький привкус.

— Что за чушь! Как можно вставить бомбу вместо ноги?

— Спокойно вытаскивается кость, вдоль нее высверливается отверстие, в отверстие вставляется бомба, а всю органическую материю с кости убирают, чтобы она не гнила. Потом кость ставят на место. Конечно, у тебя потом развивается легкое малокровие. Кстати, я хотел тебя спросить. Ты не хочешь ко мне присоединиться?

— Присоединиться к тебе?

— Прижмись к прутьям. Эта штука поможет нам обоим.

Лью прижался с другой стороны к прутьям напротив старика.

— Это твой выбор, — продолжал старик. — Я ведь так тебе и не сказал, за что я сюда попал, правда? Так вот. Я и есть тот самый доктор, а Берни был моим доставщиком.

Лью сполз по прутьям и очутился на полу. Он чувствовал, как холодные силиконовые подушечки и металлические прутья ползут по плечам. Обернувшись, он увидел сопляка, который своими скучными глазами заглядывал прямо в его глаза с расстояния в два фута. Органлеггеры! Он был просто окружен профессиональными убийцами!!

— Я знаю, что такое разбирать человека на части, — продолжал старик. — Со мной такие штучки не пройдут. Ну что ж, если ты не хочешь умереть чистенько и спокойно, ложись за свой топчан. Он достаточно толстый.

Койка представляла собой матрац и набор пружин, вмонтированных в цементный блок, бывший составной частью цементного пола. Лью скрючился на полу в позе ложки и закрыл глаза.

Он был абсолютно уверен в том, что сейчас умирать не хочет.

Ничего не произошло.

Через некоторое время он приоткрыл глаза, убрал руки от лица и огляделся.

Сопляк смотрел прямо на него. В первый раз за все это время его кислая рожа расползлась в ухмылке. Коридорный охранник, который вечно сидел на стуле у выхода, стоял сейчас по другую сторону прутьев и разглядывал Лью. Он казался чем-то озабоченным.

Лью почувствовал, как краска стыда приливает к шее, носу, как горят его уши. Старик просто насмехался над ним. Лью начал подниматься...

Словно от удара огромного молота мир раскололся.

Изломанное тело охранника прилипло к прутьям в другом конце коридора. Сопляк с жидкими волосами стоял на коленях позади своей бетонной койки и тряс головой. Кто-то застонал, и стон превратился в вой. В воздухе было полно цементной пыли.

Лью поднялся. Как красное масло, как смазка, кровь покрывала каждую поверхность в зоне взрыва. Как он ни старался, а Лью не очень-то и старался, он не мог найти ни единого следа старика.

Кроме дыры в стене.

Видно, он стоял... прямо... там.

Дыра была достаточно широкой. Лью смог бы проползти через нее, если бы добрался. Но дыра была в камере старика. Силиконовые пластиковые подушечки, окружавшие прутья, наконец оторвались. Оголенные прутья были не толще карандаша.

Лью попытался просунуться между ними. На самом деле это были не прутья, а специальные прочные стержни. Они завибрировали, задрожали, но беззвучно. Лью заметил, что вместе с вибрацией на него находит сонливость. Из всех сил он принялся пропихивать свое тело между прутьев. Его захватила борьба между волной поднимающейся паники и звуковыми усыпляющими волнами, которые, должно быть, включились автоматически.

Путья не сгибались. Зато легко сминалась его мягкая кожа, к тому же прутья были скользкими от... Лью проскочил. Он сунул голову в дырку, образовавшуюся после взрыва в стене, и посмотрел вниз.

Вниз. Настолько далеко, что у него закружилась голова.

*** *** ***

Здание суда округа Топека находилось в маленьком небоскребе, а камера Лью, должно быть, располагалась почти под крышей. Он смотрел сейчас вдоль гладкой бетонной стены. Монолит бетона нарушали лишь ряды окон, причем стекла были вставлены заподлицо с камнем. До них никак было не добраться, их невозможно было открыть, невозможно сломать.

Звуковой усыпляющий обездвижитель подавлял его волю, высасывал ее. Если бы голова Лью находилась внутри камеры, как его тело, то он уже давно был бы без сознания. Усилием воли Лью заставил себя перевернуться и посмотрел вверх вдоль стены.

Он и был на самом верху. Край крыши находился всего в нескольких футах над головой. Но так высоко ему не дотянуться. Во всяком случае, без...

Он начал выползать из дыры. Все равно, сможет он выбраться живым или нет, они не получают его тело, не получают его органы для своего мерзкого банка.

Машины, снующие вниз, раздавят, раскрошат любую полезную часть его тела. Он сидел прямо на краю дыры, вытянув ноги вперед, в камеру, чтобы хоть как-то сохранять равновесие. Его грудная клетка вплотную прижалась к внешней стене. Почувствовав, что не падает, Лью начал медленно тянуть руки к крыше. Бесполезно.

Тогда Лью подтянул одну ногу, согнув ее в колене, а другую очень медленно и очень осторожно вытащил из отверстия. Он прыгнул вверх.

Пальцы вцепились в край крыши в тот момент, когда тело уже начало клониться вниз. От удивления он вскрикнул, но было поздно. Крыша здания двигалась. Лента, за которую он держался, сама выволокла его из

отверстия, прежде чем Лью успел разжать руки. Лью висел в воздухе, болтаясь, как бесполезный груз, вперед и назад над пропастью, а лента тащила его все дальше и дальше.

Крыша здания суда просто была транспортером пешеходной зоны.

Он не мог забраться на полотно транспортера, во всяком случае, без помощи ног. У него просто не хватало для этого сил. Тем временем транспортер пешеходной зоны нес его к другому зданию одинаковой высоты со зданием суда. Лью знал, что если удержится, то транспортер дотянет его до следующей крыши.

Окна в том здании были другие. Конечно, они не должны были открываться. В те дни господства смога и воздушных кондиционеров окна не открывались. Но зато окна были сделаны с маленькими уступами, с маленькими подоконниками... Может быть, стекло разобьется?

А может быть, и не разобьется.

Вес тела оттягивал руки, и это было особенно мучительно. Как хорошо было бы разжать пальцы... Но нет! Он еще не совершил преступление, за которое стоит умереть. Лью отказывался умирать.

В течение долгих десятилетий двадцатого столетия это движение продолжало набирать силу. Плохо организованные поначалу, разбросанные по разным странам, его члены имели только одну цель: заменить смертную казнь тюремным заключением и реабилитацией. Они пытались внедрить эту идею в каждом государстве, в каждой нации, до общественного сознания которой могли достучаться. Их главным аргументом было то, что убийство человека в ответ на его преступление ничему не научает

преступника. Ничему не научаются и другие, кто может совершить подобное преступление. Смерть необратима, а вот невинного человека можно выпустить из тюрьмы, если его невиновность будет установлена. Убийство человека не служит никаким благим целям, — говорили они. Смертная казнь — лишь месть общества. А месть, утверждали они, недостойна просвещенного общества.

Быть может, они были правы.

В 1940 году Карл Ландштайнер и Александр С. Винер опубликовали свое исследование о Rh-факторе человеческих кровяных телец.

К середине столетия смертный приговор большинству убийц заменили на пожизненное заключение, а иногда и на меньшие сроки. Многие из них были позднее выпущены на свободу. Некоторые «реабилитировались», другие нет. Смертная казнь сохранялась в некоторых штатах лишь за похищение детей, но убедить суд применить ее становилось все труднее. То же самое происходило и с наказанием за убийство. Преступник, разыскиваемый в Канаде за кражу со взломом, а в Калифорнии — за убийство, добивался высылки в Канаду. Многие страны отменили смертную казнь. Франция не сделала этого.

Реабилитация преступников была главной целью науки/искусства под названием психология.

Но...

Донорские банки рассеялись по всему миру.

Уже в те годы мужчин и женщин с почечными заболеваниями спасали благодаря пересадке почек, взятых у их близнецов. Впрочем, не все люди с заболеваниями почек имели однояйцовых близнецов. Один доктор в Париже трансплантировал органы, взятые у близких родственников, и в результате своих опытов классифици-

ровал до ста пунктов совместимости, по которым можно было заранее судить об успехе возможной пересадки.

Трансплантация глаз была самым обычным делом. Причем, донор, дающий глаз, мог дожить до самой смерти, а потом спасти зрение другому человеку.

Человеческую кость можно было всегда трансплантировать, при условии, что сама кость предварительно полностью очищена от мышечной ткани.

Вот такие дела творились в середине столетия.

С 1990 года появилась возможность сохранять любой человеческий орган в течение любого разумно долгого срока. Трансплантация стала самым обычным делом. Помогал лазер. Его называли «бесконечно тонким скальпелем». Умиравшие регулярно завещали свои останки банкам органов, хотя лобби из юристов, занимавшихся наследствами, пыталось противодействовать этому. Впрочем, подобные подарки, полученные от мертвецов, не всегда могли использоваться.

В 1993 году в штате Вермонт был издан первый закон по банкам органов. Дело в том, что в Вермонте всегда сохранялась смертная казнь. С момента принятия закона каждый приговоренный к смертной казни имел право знать, что его смерть послужит для сохранения жизни других. Утверждение, что смертная казнь не преследует благую цель, казалось теперь неверным. Во всяком случае, в Вермонте.

Как, позднее, и в Калифорнии. Или в Вашингтоне. В Джорджии, Пакистане, Англии, Швейцарии, Франции, Родезии...

*** *** ***

Транспортер пешеходной зоны двигался со скоростью десять миль в час. Прямо под ним, никем не замечаемый, потому что обычные граждане уже закончили работу, а ночная публика еще только начинала привычный обход своих заведений, Льюис Науэлз висел и смотрел, как под его болтающимися ногами проплывает карниз. Он был шириной не больше двух футов, лететь до него было фута четыре.

Он разжал руки. В тот же момент, как ноги коснулись камня, Лью ухватился за края оконной рамы. Его сильно потянуло вниз, но он не упал. Еще через несколько мгновений его дыхание восстановилось.

Лью не мог определить, что это было за здание, но оно было не пустое. В двадцать один час все окна горели, и Лью стремился остаться в тени, заглядывая внутрь.

Чтобы разбить это стекло, ему нужно было намотать что-то на кулак. Единственной одеждой Лью была пара туфель-носков и тюремный свитер. Более подозрительную одежду, чем та, что была на нем сейчас, было трудно себе вообразить. Лью стянул с себя свитер, намотал часть материи на кулак и ударил.

Он чуть не сломал себе руку.

Так... думай, говорил он себе. Вот оно!

Они позволили ему оставить на себе все украшения, а заодно ручные часы и перстень с бриллиантом.

Изо всех сил надавливая на стекло, Лью прочертил своим бриллиантом неровную окружность по стеклу. Осталась одна надежда, что это было стекло. Если окна пластиковые, он обречен. Лью изо всех сил ударил, и круглый кусочек стекла вылетел наружу.

Ему пришлось повторить эту процедуру шесть раз, прежде чем дырка оказалась достаточно широкой. Делая

шаг внутрь, Лью невольно улыбнулся. Свитер все еще был зажат в руке. Теперь ему был нужен только лифт. Полиция сразу подберет его, если заметит тюремный свитер. Но если спрятать свитер где-нибудь, можно спастись. Кто станет подозревать пудиста, имеющего лицензию?

Правда вот, у него не было лицензии. И не было липкого прозрачного мешочка на плече, в который вкладывается лицензия. К тому же, он не был выбрит.

Все складывалось очень плохо. Таких волосатых нудистов не бывает. У Лью не просто выбивалась вечерняя щетинка, у него была настоящая борода. Где же взять бритву? Лью наугад открыл несколько ящиков. Многие бизнесмены хранили в ящиках стола запасные лезвия или электробритвы. Осмотрев половину столов, он остановился. Не потому что нашел лезвие, а потому что вдруг понял, где находится. Бумажки, лежавшие на столах, откровенно свидетельствовали об этом.

Он был в госпитале.

В руках Лью все еще был зажат тюремный свитер. Он опустил его в мусорную корзину и аккуратно прикрыл бумажками, а потом более или менее комфортно уселся на жесткий стул перед столом.

Итак, госпиталь. Ну надо же было выбрать госпиталь! Причем, *этот* госпиталь. Тот самый, что стоял рядом с окружным судом округа Топека. Стоял здесь по вполне понятным и нормальным причинам.

Впрочем, ведь Лью не выбирал его. Можно сказать, госпиталь сам выбрал Лью. О, Господи! Он, наверное, за всю свою жизнь не принял ни единого собственного решения. Его всегда подталкивали к решению другие. Друзья занимали у него деньги, клали их в банк и получали проценты. Другие мужчины уводили у него подружек.

Он не получал продвижения по службе из-за способности оставаться незаметным. Его попросту все игнорировали. Даже Ширли женила его на себе, а потом на четыре года смоталась с дружкой, который не позволял себя женить.

Вот и сейчас, когда он стоит на грани смерти, все повторяется снова. Старик, ворующий органы у людей, дал ему шанс убежать. Какой-то инженер построил из прутьев такую клетку, что тщедушное тело Лью смогло прескочить между ними. Другой инженер протянул транспортер пешеходной зоны, соединив две нужные крыши. И вот он оказался здесь.

Хуже всего было то, что здесь, в госпитале, у него не оставалось шанса выдать себя за нудиста. Ему как минимум требовался больничный халат и маска. Даже нудистам приходится иногда носить одежду.

Может, вот здесь, в кладовочке?

В кладовочке не было ничего, кроме помятой зеленой шляпы и совершенно прозрачного дождевика, скроенного, как пончо.

Он мог бы вырваться отсюда. Если бы только найти бритву и выбраться на улицу. Там он в полной безопасности. Лью невольно закусил палец, лихорадочно соображая, где мог располагаться лифт. Видно, придется положиться на удачу, решил он, и начал снова копаться в ящиках.

Его рука нашарила черную кожаную сумочку электробритвы, когда дверь отворилась. Полный мужчина в больничном халате порывисто вошел в комнату. Интерн (в больницах больше не было докторов-людей) прошел половину расстояния до стола, прежде чем заметил Лью, согнувшегося над открытым ящиком. Интерн замер, от неожиданности у него отвисла челюсть.

Лью захлопнул ее ударом кулака, в котором все еще сжимал электробритву. Зубы мужчины с лязгом сомкну-

лись. Он начал медленно оседать, когда Лью, протиснувшись, выскользнул в дверь.

Лифт находился в конце коридора. Двери его были открыты. И никого вокруг. Лью заскочил внутрь и нажал 0. Он брился, пока лифт летел вниз. Бритва срезала быстро, лицо становилось гладким. Правда вот, машинка немного шумела. Лью уже брил себе грудь, когда двери открылись.

Токая техничка стояла прямо напротив него. Ее глаза имели то привычное стеклянное выражение, которым природа награждает человека, ждущего лифт. Пробормотав какие-то слова, в которых смутно угадывалось извинение, женщина, не глядя на Лью, протиснулась внутрь. Лью выскочил из лифта. Двери захлопнулись у него за спиной, прежде чем он обнаружил, что не доехал до первого этажа.

Проклятая техничка! Она остановила лифт на полпути. Лью развернулся и изо всех сил ткнул пальцем кнопку ВНИЗ. Только потом до него дошло, что именно увидел в комнате, когда выскочил. Его голова произвольно повернулась.

Вся эта просторная комната была уставлена высокими стеклянными банками, доходившими порой до потолка. Они представляли собой лабиринт, словно кто-то занес в комнату множество стеклянных стеллажей и бросил. В банках, стоящих на полках, содержались экспонаты пострашнее, чем что-нибудь виденное даже узниками Бельзена. Господи, да все эти штуки были когда-то мужчинами и женщинами! Нет, он не будет смотреть. Разум Лью отказывался видеть что-нибудь кроме двери лифта. Да чего ж он там застрял?!

Он услышал сирену.

Жесткий плиточный пол завибрировал под его голыми пятками. Он почувствовал, как немеют мышцы, как сонливость разливается в душу.

Лифт прибыл слишком поздно... Когда двери открылись, он заблокировал их стулом. У большинства зданий не было лестниц, только экстренные лифты. Значит, для того, чтобы добраться до него, им придется воспользоваться экстренным лифтом. Ну, так где же он? Он вряд ли успеет найти экстренный лифт. Лью чувствовал, что сон смаливает его. Должно быть, на одну эту комнату направлено несколько звуковых проекторов. Там, где проходит один луч, синтетические интерны чувствуют себя просто расслабленно, ну, может быть, немного неуклюже движутся. Но там, где пересекаются несколько лучей, там любому существу грозит полное отключение сознания. Впрочем, не сразу.

Он должен успеть что-то сделать.

К тому времени, как они ворвутся сюда, он должен сделать что-нибудь, за что стоит умереть.

Все баки были сделаны из пластика. Не из стекла. Очень специального пластика, такого пластика, который предотвращал бы впоследствии любые реакции отторжения. Тела больных должны были принимать донорские органы идеально чистыми, а значит, этот пластик должен иметь уникальные характеристики. Ни один инженер не смог бы сделать этот пластик еще и ударопрочным.

Пластик разлетелся на куски за милую душу. Позже Лью удивлялся, как это ему удалось так долго оставаться на ногах. Успокаивающий сверхзвуковой шепот усыпляющих лучей все тянул и тянул его вниз на пол, а пол казался все мягче и мягче. Стул, которым он размахивал, становился все тяжелее и тяжелее. Но пока Лью хватало

сил поднимать стул, он крушил. Он уже был по колено в питательной консервирующей жидкости. На него обрушивалось все больше и больше живых, но быстро умирающих органов. Он успел выполнить работу только на треть, когда беззвучная песня убаюкивающей сирены стала совершенно невыносимой.

Он упал.

И после всего они даже не упомянули о разгромленном банке человеческих органов!

Лью сидел в зале суда и слушал монотонный ритуальный гомон, а потом потянулся к уху мистера Брокстона. Лью задал вопрос, и мистер Брокстон улыбнулся.

— А зачем им поднимать эту тему? Они считают, что у них достаточно материала против вас и без того. Если вы прорветесь через эти обвинения, тогда они смогут обвинить вас в намеренной порче ценных медицинских ресурсов. Но ведь они уверены, что вы не прорветесь.

— А вы?

— Я опасаюсь, что они правы. Но мы будем стараться. Так, Хеншесси собирается зачитать список обвинений. Вы сможете изобразить на лице оскорбленность и негодование?

— Ну, конечно.

— Это хорошо.

Обвинитель зачитывал список. Его голос звучал, как может звучать голос судьбы, раздающийся из-под тонких белобрысых усов. Уоррен Льюис Ноуэлз выглядел достаточно оскорбленным и в меру негодующим. Впрочем, он больше не чувствовал себя таким. Он все же сделал кое-что достойное смерти.

Причиной всего этого были банки органов. При хорошо подготовленных докторах и достаточном притоке свежих материалов в банки органов любой налогоплательщик мог надеяться жить вечно. Так кто же пойдет голосовать против собственного бессмертия? Ведь чужой смертный приговор означает бессмертие для остальных. А значит, любой гражданин проголосует за то, чтобы смертной казнью каралось любое преступление.

Льюис Науэлз сумел дать сдачи.

— От имени государства мы заявляем, что названный Уоррен Льюис Науэлз на протяжении двух лет действительно намеренно пересекал перекрестки, нарушив шесть красных сигналов светофора. За тот же самый период названный Уоррен Науэлз нарушал пределы скорости не менее десяти раз, причем один раз более чем на пятнадцать километров в час. Его послужной список никогда не отличался блеском. Разрешите представить протокол его ареста в 2082 году за вождение в пьяном виде. Это обвинение было снято с него только благодаря...

— Защита протестует!

— Протест защиты принят. Если он был оправдан по прошлому обвинению, суд признает его невиновным.

Воины

— Уверен, что они заметили нас, — настаивал Специалист по Инопланетным Технологиям. — Вы видите это кольцо, сэр?

Изображение серебристого вражеского корабля почти целиком заполнило экран. Корабль представлял собой цилиндрическую ось, окруженную широким кольцом так, что походил на авторучку, вставленную в пятиновый браслет. Остроконечная цилиндрическая ось оканчивалась каким-то ребристым механизмом. Угловатые буквы, сбегające вниз по цилиндру, не имели ничего общего со шрифтом кзинтов, состоящим только из точек и запятых.

— Разумеется, вижу, — ответил Капитан.

— Когда мы засекли их, кольцо вращалось. Однако как только мы приблизились на расстояние 200 тыс. миль, оно замерло и с тех пор не сдвинулось ни на йоту.

Капитан в задумчивости легонько пощелкал хвостом, словно розовым кнутом.

— Твои слова беспокоили меня, — прокомментировал он. — Если они знают, что мы здесь, то почему не пытаются убраться? Неужели они так уверены, что сумеют победить нас?

Капитан резко повернулся и глянул на Спец-И-Т.

— Может, нам нужно убраться?

— Нет, сэр! Не знаю, почему они все еще здесь. У этих существ нет абсолютно ничего, что могло бы хоть как-то объяснить их уверенность в себе. Это один из самых примитивных космических кораблей, которые я когда-либо видел.

Он ткнул когтем в экран и продолжил отчет:

— Внешняя оболочка корабля сделана из металлического сплава. Вращающееся кольцо необходимо для того, чтобы имитировать силу тяжести с помощью центробежной силы. Таким образом, у них нет системы гравитационного скольжения. Возможно, они используют термоядерный двигатель.

Уши капитана, похожие на кошачьи, встали торчком.

— Но ведь до ближайшей звезды — несколько световых лет!

— Должно быть, их атомный двигатель лучше наших аналогов. Но зато у нас раньше появилась система гравитационного скольжения.

С большой сводчатой панели донеслось негромкое жужжание.

— Войдите, — сказал капитан.

Через входной люк в каюту капитана запрыгнул Консультант по Вооружению и вытянулся по стойке смирно.

— Сэр, мы навели на цель все орудия.

— Хорошо. — Капитан повернулся к Спец-И-Т. — И-Т, ты уверен, что они не представляют для нас опасности? Спец-И-Т обнажил острые зубы.

— Не вижу ничего опасного, сэр.

— Хорошо. К-В, держите оружие наготове, но без моего приказа не пускайте его в ход. Я откушу уши тому, кто уничтожит корабль без приказа. Он нужен мне целым, без единого повреждения.

— Да, сэр.

— Где Телепат?

— Уже идет, сэр. Он спал.

— Он всегда спит. Передайте ему, пусть поторопится принести свой хвост сюда!

К-В отдал честь и исчез в люке.

— Капитан...

Специалист по Инопланетным Технологиям смотрел на изображение чужого корабля. Сейчас экран показывал нижний конец цилиндра, блестящий, словно зеркало.

— Похоже, он задумывался как отражатель света, — констатировал Спец И-Т. — Скорее всего у них фотонный двигатель, сэр.

— А может это быть сигнальным устройством?

— Ур-р-р... Да, сэр.

— Тогда не торопись с выводами!

Входной люк выплюнул Телепата, как тостер выплевывает свежеподжаренный хлеб. Вновь прибывший вытя-

нулся по стойке смирно с несколько преувеличенным рвением.

— Прибыл по вашему приказанию, сэр.

— Ты забыл, что следует звонить, а не с ходу врываться в каюту Капитана!

— Прошу прощения, сэр.

Освещенный экран слепил глаза Телепату. Он повернул голову, забыв, что стоит по стойке смирно. Специалист по Инопланетным Технологиям на мгновение зажмурился, не желая видеть подобную расхлябанность.

Глаза Телепата были налиты кровью, а розовый хвост уныло поник. Как всегда, весь его вид говорил о том, что он просто умирает от недосыпания. Телепат даже не удосужился расчесать примятый мех на том боку, на котором спал. В результате он настолько отличался от идеала Воина-Завоевателя, насколько это вообще можно себе представить. Его принадлежность к расе кзинтов лишней раз подтверждала, что в семье — не без уродца. Просто удивительно, как это Капитан до сих пор не убил его...

Хотя, если поразмыслить, ничего удивительного нет. Телепаты слишком редки, слишком ценны и, разумеется, слишком эмоционально неустойчивы. Капитан всегда сдерживал себя в отношениях с Телепатом, но тут же вымещал раздражение на первом попавшемся под руку. Одной появившейся на полу пылинки хватало, чтобы невиновный лишился погон или ушей.

— Мы выследили вражеский корабль, — проговорил Капитан. — Хотелось бы получить кое-какую информацию о нем. Ты можешь прочесть мысли экипажа?

— Да, сэр.

В голосе Телепата звучало нескрываемое страдание, но он счел за благо не возражать. Телепат отвернулся от

экрана и опустился в кресло. Спустя несколько мгновений его уши свернулись в клубки, зрачки сузились, а крысиный хвост задрожал.

Одиннадцатое чувство Телепата заработало.

Он поймал мысль Капитана «... гражданские хлопипки получают с ...» и разъяренно переключился. Телепат ненавидел мысли Капитана. Он нащупал мысли остальных членов экипажа своего корабля и изолировался от них. Наконец он выключил все мысли... В телепатическом пространстве не осталось ничего, кроме хаоса и темноты.

Однако хаос не был пуст! Кто-то думал... И мысли эти были странными, тревожными...

Телепат заставил себя сконцентрироваться и слушать.

Стив Уивер безвольно парил около стены радиорубки. Этого высокого голубоглазого блондина часто можно было видеть именно в таком состоянии — расслабленного и абсолютно неподвижного, словно существовала какая-то веская причина для того, чтобы он даже не моргал. Струйка дыма поднималась от левой руки Стива и исчезала в вентиляционном отверстии стены напротив.

— Все то же, — устало выдохнула Энн Харрисон и дотронулась до четырех переключателей пульта радиосвязи. После каждого щелчка загоралась маленькая лампочка.

— Ты не можешь пробиться к ним?

— Нет. Держу пари, у них даже нет радиосвязи.

Энн отстегнула ремень, удерживающий ее в кресле, и потянулась. Какое-то мгновение она напоминала морскую звезду.

— Я оставила принимающее устройство включенным и прибавила громкость на случай, если они захотят войти с нами в контакт. Господи, до чего же хорошо! — Энн свернулась в комочек. Она уже несколько часов сидела, согнувшись над банком связи. Энн можно было принять за сестру Стива — такая же высокая, светловолосая и голубоглазая. Под свободно спадающим синим джемпером вырисовывались очертания мускулов, развившихся от постоянных физических упражнений. Энн выпрямилась.

Стив легким щелчком забросил окурочек в кондиционер. Он умудрился не шевельнуть при этом рукой

— О'кей. Что же тогда у них есть?

Энн выглядела удивленной.

— Я не знаю.

— Подумай об этом, как о головоломке. Предположим, у них действительно нет радио. Тогда как они разговаривают с другими кораблями? И как мы можем проверить наши предположения? Без сомнения, они захотят войти в контакт.

— Подумай об этом, Энн. И Джим пусть тоже подумает. Ты как раз та девушка, у которой может все получиться.

Джим Дэвис, круглосуточный корабельный доктор, был мужем Энн на этот год.

— Хочешь курительную палочку?

— С удовольствием.

Стив подтолкнул свой сигаретный пачек к Энн, парящей в другом конце рубки.

— Возьми несколько. Мне нужно идти.

Опустевшая пачка со свистом прилетела назад.

— Спасибо, — поблагодарила Энн.

— Сообщи мне, если что-нибудь произойдет, ладно? Или если тебе что-нибудь придет в голову.

— Сообщи. Не волнуйся, Стив. Что-то должно произойти. Они наверняка стараются найти выход так же, как и мы.

Каюты экипажа находились внутри кольцевой части корабля. Они располагались по кругу, и двери выходили в круглый, похожий на пончик, холл. Стив подтянул свое невесомое тело к выходу в коридор, с трудом достал до пола и поднажал. Дальше дело пошло легче. Пол изогнулся волной навстречу Стиву, приспособливаясь к его телу. Он двинулся вниз по коридору, напоминая плывущую лягушку. Из двенадцати мужчин и женщин на борту «Ангельского Карандаша» Стиву это удавалось лучше всех, ибо он был жителем Кольца, а все остальные — урожденными землянами, обитателями равнин.

Энн вряд ли станет думать о чем-либо, размышляя Стив. И не потому, что она недостаточна умна. Энн не хватало любопытства, обыкновенной любви к разгадыванию головоломок. Только он и Джим Дэвис.

Стив двигался слишком быстро и невнимательно: он чуть было не сшиб Сью Бэнг, показавшуюся за изгибом холла.

Им удалось остановиться — каждому у своей стены.

— Привет, торопыга, — сказала Сью.

— Привет, Сью. Куда путь держишь?

— В радиорубку. А ты?

— Хочу проверить двигатель. Вряд ли он нам понадобится, но проверка не помешает.

— Ты бы наверное помер без работы, а, Стив? — Сью склонила голову набок. Она всегда так делала, когда хотела что-то спросить.

— Слушай, когда мы вновь начнем вращаться? Никак не могу привыкнуть все время падать.

«Сью рождена для парения в невесомости», — подумал Стив. Казалось, ее маленькой стройной фигурке сила тяжести только мешает.

— Когда я удостоверюсь, что нам не нужен двигатель. Пока нужно быть начеку. Я и сам жду не дождусь, когда ты снова наденешь юбку.

Энн польщенно засмеялась.

— Тогда можешь выключать его. Я не собираюсь переодеваться — значит будем стоять на месте. Кстати, Эйбл говорит, после того как чужой корабль подогнал курс под наш, он движется с ускорением 200g. А сколько может выжать «Ангельский Карандаш»?

Стив был поражен.

— Всего 0,5. А я еще хотел гнаться за ними. Что ж, может, нам удастся первыми войти в контакт. Хотя у Энн пока ничего не получается. Я только что из радиорубки.

— Плохо дело.

— Мы ждем уже слишком долго.

— Стив, ты такой нетерпеливый. Неужели жители Кольца всегда так торопятся? Иди сюда. — Сью схватила Стива за руку и подтащила к одному из больших иллюминаторов, окаймлявших дальнюю сторону коридора.

— Вот они, — Сью ткнула пальцем в иллюминатор.

Эта звезда казалась более крупной и тусклой, чем остальные. Из-за эффекта Допплера чужой корабль походил на мутно-красный диск, висевший среди сине-белых точек.

— Я рассматривал его в телескоп, — сказал Стив. — Он весь какой-то бугристый. Сбоку нарисован круг из точек и запятых. Похоже на надпись.

— Сколько же мы ждали этой встречи? 500 тысяч лет? И вот они здесь. Расслабься. Они никуда не уйдут. — Сью смотрела в иллюминатор, сконцентрировав внимание на мутно-красном диске. Блестящие волосы цвета черного янтаря плавали вокруг ее головы. — Первые инопланетяне. Интересно, какие они...

— Трудно сказать... У их корабля довольно сложный режим работы. Значит, они очень сильны. Хотя, возможно, у них есть нечто вроде ускорительного щита. Но, похоже, свободное падение тоже дается им легко. Этот корабль не нуждается во вращении.

Стив пристально смотрел на звезды. Его большое тело, как всегда, было неподвижным, а выражение лица — сумрачным. Внезапно он сказал:

— Сью, я обеспокоен.

— Чем?

— А вдруг они враждебно настроены?

— Враждебно? — переспросила Сью, пробуя на язык незнакомое слово. Оно ей явно не нравилось.

— В конце концов, мы ничего не знаем о них. Предположим, они захотят атаковать нас. Нам следует...

Сью раскрыла рот. Стив вздрогнул, прочитав ужас в ее глазах.

— Откуда... откуда у тебя такие мысли?

— Извини, что напугал тебя, Сью.

— О, об этом не беспокойся... Но зачем? Разве... Тсс!..

Показался Джим Дэвис. «Ангельский Карандаш» покинул Землю, когда ему исполнилось 27 лет. Теперь же 38-летний Джим был самым старым (а также самым общительным) членом экипажа и уже успел завести себе брюшко. Изящные, направдоподобно длинные пальцы достались ему в наследство от деда, всемирно известного

хирурга. Теперь, когда даже самые сложные операции выполнялись докторами-роботами, Джиму его длинные пальцы только доставляли лишние хлопоты.

Согнувшись над своими магнитными сандалиями, Джим напоминал комедианта.

— Привет, ребята, — бросил он, с трудом отрывая ноги от пола.

— Привет, Джим, — как-то напряженно сказала Сью. Она подождала, пока Джим отошел на порядочное расстояние, и только тогда вновь заговорила.

— Неужели в Мировом Кольце сражаются? — хриплым шепотом спросила она.

Сью не верила в это. Ведь хуже просто ничего не могло быть.

— Нет! — отрезал Стив, но потом добавил неохотно: — Иногда приходится. — Он старался побыстрее разъяснить все Сью.

— Дело в том, что все врачи, включая психологов, находились на больших базах, таких как Церес. Там шахтеры всегда могли найти их. Но ведь главная опасность таилась в скалах. Однажды ты обратила внимание на мою странную привычку: я никогда не жестикулирую. Это характерно для всех жителей Кольца. А все потому, что в тесной шахтерской кабинке трудно не зацепить что-нибудь, размахивая руками. Например, кнопку блокировки подачи воздуха.

— Иногда становится жутко. Ни единого движения за несколько минут.

— В скалах даже в воздухе всегда чувствуется напряжение. Иногда какой-нибудь шахтер вдруг начинает обращать внимание на опасность, скуку и тесноту, а обратиться к психологу вовремя не успевает. Тогда ему хочется

разрядиться. И он идет в бар. Драться. Я однажды видел подобное. Парень орудовал кулаками словно кувалдами.

Образы прошлого будоражили память Стива. Он погрузился в воспоминания, напрочь позабыв о Сью. Когда же Стив очнулся, его собеседница выглядела словно начинающая медсестра, впервые столкнувшаяся с тяжелым случаем. Уши Стива начали медленно краснеть.

— Извини, — сказал он упавшим голосом, глядя в бледное, мгновенно осунувшееся лицо Сью.

Сью хотелось убежать прочь — она была расстроена не меньше Стива. Но вместо этого она сказала, пытаясь заставить себя поверить в это:

— Все в порядке. Так ты думаешь, что чужой корабль может захотеть э-э-э... напасть на нас?

Стив кивнул.

— Ты когда-нибудь изучал историю Земли?

Он грустно улыбнулся.

— Нет, здесь я не специалист. А многие ли изучали?

— Примерно каждый двенадцатый.

— Не так уж много.

— Люди вообще редко сравнивают свою жизнь с жизнью предков. В этом вся проблема. Ты, возможно, слышал, что прежде — гм, лет 300 назад, действительно существовали войны. Но знаешь ли ты, что такое настоящая война? Ты можешь мысленно представить ее? Например, ядерную бомбу, намеренно взорванную в центре города? Концентрационный лагерь? А атаку из положения непосредственного соприкосновения с противником? Возможно, ты думаешь, что с окончанием войн исчезли убийства? Это не так. Последнее произошло примерно в 21 веке — около 160 лет назад.

— Любой, кто утверждает, что человеческую природу нельзя изменить, ненормален. Чтобы доказать это утвер-

ждение, необходимо дать определение понятию «человеческая природа», а этого никто сделать не может. Три вещи привели нас к нынешней мирной цивилизации. Все три — технологические изменения. — Сью говорила сухим размеренным голосом преподавателя, начитывающего лекцию на магнитофонную кассету. — Первая — выход психологии из зачаточного состояния. Вторая — переориентация почти всей суши на производство продовольствия. Третья — Законы, Ограничивающие Рождаемость, и ежегодные вводы контрацептивов. Это способствовало освобождению жизненного пространства. Может, к этому приложили руку жители Кольца и звездные колонии — они лишили жизни многих наших врагов. Историки до сих пор спорят по этому поводу. Теперь я хочу выяснить для себя один тонкий вопрос. — Сью постучала пальцем по иллюминатору. — Посмотри на этот корабль. Он обладает достаточной мощностью, чтобы передвигаться со скоростью почтовой ракеты и достаточным количеством топлива, чтобы приближаться к нам со скоростью в 0,8 скорости света — так?

— Так.

— При этом у них остается масса энергии для маневров. Чужой корабль лучше нашего. Поскольку у них хватило времени сконструировать такой корабль, значит они создали и свои собственные версии психологии, современного пищевого производства, контрацепции, экономики — всего того, что дает возможность уничтожить войны. Понимаешь?

Стив улыбнулся той серьезности, с которой говорила Сью.

— Конечно, Сью, в том, что ты говоришь, есть определенная доля истины. Но тот парень в баре принадлежал

к нашей культуре — и это не помешало ему быть довольнó э-э-э... воинственным, и если мы не смогли проникнуть в его мышление, то как мы можем претендовать на понимание мыслей существ, о химическом строении которых даже не догадываемся?

— Они наверняка разумны, раз создают такие корабли.

— Верно.

— Если бы Джим улышал, что ты мне здесь говорил, он незамедлительно отправил бы тебя к психологу.

— Это лучший довод из всех, приведенных тобой. — Стив усмехнулся и потладил ее за ухом двумя пальцами. Внезапно он почувствовал, как Сю вся напряглась, и прочел на ее лице боль. В то же мгновение собственная боль захлестнула Стива. Адская головная боль. Ему казалось, что череп вот-вот взорвется.

— Я нащупал их, сэр, — пробормотал Телепат. — Спрашивайте меня, о чем угодно.

Капитан заторопился, зная, что Телепат не сможет долго находиться в подобном состоянии.

— По какому принципу работает их корабль?

— У них световой двигатель, работающий на водородном топливе. С помощью электромагнитной ловушки они добывают водород прямо из космоса.

— Умно. Они смогут ускользнуть от нас?

— Нет. Их двигатель работает вхолостую и готов завестись в любой момент, но это их не спасет. Они просто поразительно слабы.

— Каким оружием они располагают?

Телепат надолго замолчал. Все терпеливо ждали его ответа. Тишину нарушали только звуки, доносившиеся из

контрольного отсека, на которые все уже давно приучили себя не обращать внимания: завывания воздушных потоков, невнятное бормотание голосов, странный звук, похожий на треск разрываемой материи (он исходил от гравитационных двигателей).

— У них нет никакого оружия, сэр.

Голос кзинта зазвучал более отчетливо. Его гипнотическое расслабление сменилось судоржным подергиванием мускулов. Он изогнулся, словно видел кошмарный сон.

— Никакого, сэр, даже ножа или дубинки. Хотя погодите, кухонные ножи у них есть, но они используются только по прямому назначению. Эти существа не воюют.

— Не воюют?

— Нет, сэр. И не ожидают, что мы захотим сражаться с ними. Правда, такая мысль пришла в голову троим, но все они, поразмыслив, отбросили ее.

— Но почему? — спросил Капитан. Он понимал всю неуместность своего вопроса, но не мог удержаться.

— Я не знаю, сэр. Какая-то религия или наука... Я не понимаю, — всхлипнул Телепат. — Я ничего не понимаю.

Ему, должно быть, не по себе, думал Капитан. Совершенно чуждые мысли...

— Что они делают сейчас?

— Ждут, когда мы заговорим с ними. Они пытались войти с нами в контакт и думают, что мы тоже делали это.

— Но почему? Хотя ладно, неважно. Их можно убить тепловым излучением?

— Да, сэр.

— Прерви контакт.

Телепат яростно затряс головой. Кзинт выглядел так, словно его только что прокрутили в стиральной

машине. Капитан дотронулся до сенсibilизатора и про-
ревел:

— Консультант по Вооружению!

— Здесь!

— Используйте индукторы.

— Но, сэр! Они слишком медленно действуют. Что
если чужой корабль нападет на нас?

— Не смей спорить со мной, ты..! — Рыча от злости,
Капитан разразился потоком брани. Неповиновение всег-
да должно подавляться в зародыше.

К тому времени, как он выдохся, телепат уже отпра-
вился спать, а Специалист по Инопланетным Технологи-
ям занял свое место у экрана.

Капитан довольно заурчал. Хорошо бы всегда и со
всеми так легко справляться.

Когда тепловое излучение убьет экипаж, он захватит
корабль. Исследовав организмы этих существ, он сможет
узнать все необходимое об их планете. Он сможет обнару-
жить ее точное местонахождение, изучив траекторию
полета корабля. Возможно, во время полета они даже не
делали обманных маневров!

Если существа подобны кзинтам — что ж, значит их
планета присоединится к Миру кзинтов. А он, Лидер
Завоевания, получит 1% богатств новой планеты в пожиз-
ненное пользование. Будущее представлялось весьма
заманчивым. Никто не посмеет больше называть его по
профессии. Он обретет имя...

— Незначительное добавление, сэр, — сказал Спец
И-Т. — До того, как корабль остановился, он вырабатывал
одну и двенадцать шестьдесятчетвертых долей g.

— Тяжеловато, — довольно промурлыкал Капитан.
— Может, там слишком много воздуха? Ну ничего, думаю,

его будет нетрудно подогнать под стандарты кзинтов. И-Т, мы все время натыкаемся на какие-то странные виды. Помнишь чанквинов?

— Где оба пола разумны? Постоянно сражались!

— А эта смешная религия на Альтаире Один... Они думали, что могут путешествовать во времени.

— Да, сэр. А когда мы высадили пехоту, они все исчезли.

— Должно быть, совершили массовое самоубийство с помощью дезинтеграторов. Но зачем? Они же знали, что нам просто нужны рабы. Я до сих пор не могу понять, куда же подевались сами дезинтеграторы. Как они избавились от них уже после всего?

— Некоторые виды делают все в угоду своим нелепым верованиям, — сказал Спец И-Т.

В 11 годах полета от Плутона и восьми годах от «Мы Сделали Это», своего места назначения, четвертый колониальный корабль завис где-то в бескрайнем космическом пространстве. Впереди звезды выглядели зеленовато-белыми и сине-белыми — сияющие точки на фоне нарождающейся черноты. Позади — разбросанными тускло-красными угольками. С боков созвездия были странно сплюснены. Вселенная явно уменьшалась.

На короткое время Джиму Дэвису прибавилось работы. У всего экипажа страшно болела голова, так, что искры сыпались из глаз. Каждому пациенту доктор Дэвис вручал маленькую розовую таблетку из тех, которые всегда лежали в раздаточном устройстве огромного автодока, закрывающего дальнюю сторону изолятора. Люди толпились за дверью, ожидая, когда же подействует лекарство.

Они походили на только что вылупившихся птенцов. Затем кому-то пришло в голову отправиться в кают-компанию, и все согласились. Необычайно молчаливая толпа. Разговаривать, пока боль не отступила, не хотелось. Даже шарканье магнитных сандалий тонуло в толстом пластиковом покрытии.

Стив обернулся к Джиму Дэвису:

— Эй, Док, долго еще терпеть?

— Меня уже отпустило. Ты ведь принял лекарство немного позже, чем я, да?

— Да. Спасибо, Док, — мягко проговорил Стив.

Они плохо переносили боль, эти люди. Они просто не привыкли к ней.

Весь экипаж ввалился в кают-компанию. Завязался негромкий разговор. Люди рассаживались на кушетках, пристегивая себя липкими пластиковыми ремнями. Некоторые просто парили около стен. В этой достаточно просторной кают-компании каждому нашлось удобное местечко.

Стив извивался под потолком, надеясь надеть магнитные сандалии.

— Надеюсь, они не станут снова применять это, — услышал он голос Сью. — Больно...

— Применять — что?

— Да что бы ни было! Возможно, телепатию.

— Нет, в телепатию я не верю. Может, они воздействуют на нас с помощью ультразвуковых вибраторов?

Стив наконец надел сандалии, но магниты включать не стал.

— ... холодное пиво. Ты хоть понимаешь, что мы больше никогда не почувствуем его вкус? — Голос Джима Дэвиса.

— Я так соскучилась за водными лыжами. — Энн Харрисон сказала это как-то тоскливо. — Это так здорово — преодолевать сопротивление яростного ветра и разбивающихся о твои ноги волн... Господи, а солнце...

Стив подтянул свое тело к ним.

— Запретная тема, — сказал он.

— Все равно уже говорим, — весело прогудел Джим. — Это, знаешь ли, лучше, чем обсуждать инопланетян. Тут все на них помешались. Я, пожалуй, попробую отключиться. Ну, о чем ты больше всего жалел, когда покидал Землю?

— Только о том, что слишком мало побыл на ней.

— О да, конечно.

Джим вдруг вспомнил о фляге, которую держал в руках. Он отпил из нее и радушно передал Стиву.

— Нет ничего хуже ожидания. Я себе места не нахожу, — сказал Стив. — Что они будут делать дальше? Трясти наш корабль в ритме азбуки Морзе?

Джим улыбнулся.

— Может, они вообще ничего больше не станут предпринимать. Просто махнут рукой — или что у них там — и улетят.

— Надеюсь, этого не случится! — воскликнула Энн Харрисон.

— Неужели это так плохо?

Стив вздрогнул. На что намекал Джим?

— Конечно! — сказала Энн. — Мы должны выяснить, какие они! И чему могут научить нас, Джим!

Беседа грозила перейти в спор. В подобных случаях считалось хорошим тоном сменить тему.

— Знаете, — сказал Стив, — я случайно заметил одну странность. Когда я отталкивался от стены, она была теплой. Это хорошо или плохо?

— Это смешно. Вообще-то стены должны быть холодными, — отозвался Джим. — Ведь за бортом нет никаких источников излучения, кроме звездного света. Хотя...

Странное выражение промелькнуло на его лице. Джим выдернул ногу из сандалии и дотянулся кончиками пальцев до магнитной подошвы.

— А-а-а-! Джим! Джим!

Стив резко обернулся. Это кричала Сью! Он включил свои сандалии, опустил на пол и бросился на помощь.

Вокруг Сью толпились люди. Они расступились, чтобы пропустить Джима Дэвиса, и тот попытался вывести Сью из кают-компаний. Сью стонала и металась, не обращая внимания на его усилия.

Стив с трудом добрался до Сью.

— Весь металл излучает тепло, — прокричал Дэвис.
— Нужно заставить Сью выйти из кают-компаний!

— В изолятор! — простонала вдруг Сью.

Четверо членов экипажа повели Сью в изолятор. Девушка все еще плакала и слабо сопротивлялась. В изоляторе Джим брызнул ей в лицо гипнотическим препаратом. Сью в последний раз всхлипнула и заснула.

Джим немедленно взялся за работу. Четверо людей тревожно следили за его действиями. Автодоку потребует-ся слишком много драгоценного времени, чтобы поставить диагноз, и Джим решил не прибегать к его помощи. Он умел работать быстро. Крошечный прибор находился прямо под кожей за ухом Сью. Но даже за короткий промежуток времени, необходимый для этой операции, скальпель успел нагреться и обжечь Джиму пальцы.

Стив чувствовал, как нарастает излучение. Его подошвы горели.

Понимают ли инопланетяне, что делают?

Однако, какое это имеет значение? Корабль атакован. Его корабль.

Стив выскользнул в коридор и бросился к командному пункту. Магнитные сандалии затрудняли бег, и Стив походил на испуганного пингвина. И все же он передвигался быстро. Может быть, он делает огромную ошибку. Может быть, таким способом инопланетяне отчаянно пытаются вступить с ними в контакт. Стив никогда не узнает этого. Их нужно остановить любой ценой, прежде чем все будут зажарены живьем.

Сандалии жгли Стиву ноги. Он вскрикнул от боли и стиснул зубы, которые тоже накалились. Воздух обжигал рот и гортань.

Стиву пришлось намотать на руки рубашку, чтобы открыть дверь командного пункта. Боль в ногах стала невыносимой. Он сорвал сандалии и подплыл к пульту управления. Рубашка по-прежнему защищала его руки. Стив судорожно нажал на большую белую кнопку, заставляя двигатель работать в полную мощь, и опустился в кресло пилота, ожидая, когда нарастет давление.

Стив повернулся к телескопу заднего обзора. Он был нацелен на солнечную систему — на таком расстоянии двигатель можно использовать для передачи сообщений. Стив настроил его на ближнее действие и начал разворачивать корабль.

Вражеский корабль накалился так, что начал излучать инфракрасные лучи.

— Чтобы разогреть отсек экипажа, потребуется немного больше времени, — сообщил Спец И-Т. — У них там установлен температурный контроль.

— Ничего страшного. Когда они все умрут, разбуди Телепата — пусть проверит. — Капитан продолжал рассчитывать свой мех, чтобы убить время. — Знаешь, если бы они не были столь беззащитны, я бы не стал применять медленный способ. Я бы просто оторвал кольцевую секцию от машинного отделения. Может, мне так и нужно было сделать. Это безопаснее.

Спец И-Т хотел заслужить безоговорочное доверие Капитана.

— Сэр, у них нет никакого оружия. На корабле слишком мало места. Раз они используют атомный двигатель, всё пространство занимает он и баки с горючим.

— Они хотят уйти, — сказал Капитан, когда сияющие джозы повернулись прямо на его корабль.

— Да, сэр. Но на своем световом двигателе они далеко не уйдут.

Капитан задумчиво заурчал.

— А что будет, если световой луч ударит по нашему кораблю?

— Просто яркая вспышка. Линза плоская и, значит, испускает очень широкий луч. Чтобы быть опасными, им нужен параболический отражатель. Или... — Уши Спец И-Т встали торчком.

— Или что? — спокойно спросил Капитан.

— Лазер. Но здесь все в порядке, сэр. У них ведь нет оружия.

Капитан вскочил, вцепившись в пульт управления.

— Идиот! — выплюнул он. — Они не отличают оружие от железок. Консультант по вооружению! Как Телепат может выяснить то, чего они сами не знают?! Консультант по Вооружению!

— Здесь, сэр.

— Немедленно уничтожить!

Внезапно ужасная вспышка света озарила контрольный отсек. Капитан засиял, словно рождественская игрушка, и разорвался на куски. Воздух медленно выходил в космос сквозь зияющую в корпусе корабля дыру.

Стив лежал на спине. Корабль снова вращался, вдавливая его в кровать.

Он открыл глаза.

Джим Дэвис пересек каюту и стал возле него.

Стив резко сел в постели. Его глаза широко раскрылись.

— Осторожно, — Джим озабоченно смотрел на него.

Стив моргнул.

— Что случилось? — спросил он и испугался своего хриплого голоса.

Джим опустил на стул.

— Это ты Расскажи мне. Мы попытались войти в командный отсек, когда корабль начал двигаться. Почему ты не оповестил нас сигналом? Ты выключил двигатель как раз, когда Энн вошла в дверь. Затем ты потерял сознание.

— Что с чужим кораблем? — Стив попытался унять дрожь в голосе, но не смог.

— Некоторые из наших сейчас там. Исследуют обломки.

Сердце Стива сжалось.

— Наверное, я с самого начала боялся в душе, что чужой корабль опасен. Я скорее психолог, чем хирург. Кроме того, я изучал историю и, возможно, знаю о человеческой природе больше, чем необходимо. Слишком наив-

но было полагать, что все существа, путешествующие в космосе, — обязательно миролюбивы. Это не так, хотя я и пытался убедить себя. У них на борту мы обнаружили предметы, которые любой уважающий себя человек постыдился бы увидеть в кошмарном сне. Ядерные ракеты, атомные бомбы, лазеры, индукторы — те, что они применили против нас. И ракеты-перехватчики. Ты понимаешь, что это значит? У этих существ есть враги, такие же как они сами, Стив. Возможно, они где-то поблизости.

— Значит, я убил их. — Все плыло у Стива перед глазами, но его голос звучал удивительно ровно.

— Ты спас корабль.

— Это произошло случайно. Я просто пытался уйти от них.

— Нет, не случайно, — Дэвис сказал это так легко, словно речь шла о химическом анализе мочи. — Корабль находился на расстоянии 400 световых миль. Чтобы поразить его, тебе понадобилось бы навести на него телескоп. Ты поступил именно так. Ты знал, что делал. Кроме того, ты выключил двигатель сразу после того, как поразил чужой корабль.

Стив больше не мог сидеть. Он повалился на спину.

— Что ж, ты все знаешь, — сказал он, глядя в потолок. — А остальные?

— Сомневаюсь. Убийство как способ самозащиты находится за пределами их понимания. Хотя Сью, похоже, догадалась.

— О-о-о.

— Если это и так, она отнеслась к случившемуся спокойно, — торопливо сказал Дэвис. — Гораздо спокойнее, чемотреагируют все остальные, когда узнают, что вселенная полна воинов. Конец света близок, Стив.

— Что?

— Может быть, это звучит несколько театрально, но факт остается фактом. 300 лет мирной жизни для всех. Когда-нибудь их назовут Золотым Веком. Никакого голода, войн, физических болезней, кроме старения... Абсолютно никаких умственных болезней даже по нашим строгим стандартам... Если по достижении 14 лет кто-то пытается использовать кулаки, мы говорим, что этот человек болен, и лечим его. Теперь все закончилось. Мир — слишком неустойчивое состояние для нас. А может, и для всего живого.

— Отсюда можно увидеть корабль?

— Да. Он как раз позади нас.

Стив скатился с кровати и подошел к иллюминатору. До корабля кзинтов было рукой подать. Он представлял собой огромный красный сфероид с уродливыми выступами, словно наугад разбросанными по корпусу. Луч разрезал его на две неравные части, словно топор перерубил яйцо. Стив не мог отвести глаз от внутренностей корабля, похожих на сотовую структуру.

— Вскоре люди начнут возвращаться, — сказал Джим. — Они будут напуганы. Кто-нибудь обязательно станет настаивать на необходимости вооружения кораблей на случай новых атак. Мне придется спорить с ними.

— Возможно, они подумают, что я сам болен. Может, так оно и есть. Но именно такая болезнь нам понадобится в ближайшее время, — Джим выглядел безнадежно несчастным. — Мы снова станем вооруженным обществом... А пока нужно предупредить Землю.

Уильям Тэнн

Мост Бетельгейзе

Уж ты расскажи им, Альварес, поговори с ними, старик. Ты знаешь, как с такими говорить. А я, уж увольте, я специалист по связям с другой общественностью. Мне все равно, лишь бы они четко все уловили. Все до последнего со всеми акцентами и процентами и тому подобным, как оно есть.

Не нравится, и Бог с ними, пусть хоть треснут. Говори им прямо в лоб, лишь бы дошло. Скажи им все.

Пожалуй, ты мог бы начать с того дня, как в окрестностях Балтимора приземлился инопланетный космический корабль. Теперь мне аж холодно становится, стоит только подумать, какими мы были наивными, а, Альва-

рес? Раз, два, три, а они уже висят над Капитолием. Вот счастье-то подвалило, а!

Объясни, почему мы вдруг решили, что нам с ними повезло. Как все удалось сделать тайком, как даже фермер, который сообщил нам новости по телефону, был посажен, хоть в роскошную, но тюрьму. Особую. Как группа военной Полиции отмахала добрых пять миль пешком, чтобы уже через несколько часов добраться до военной базы особого режима, как весь Конгресс был созван на секретное заседание, и как все это дело прошло мимо газетчиков.

О том, как пошли консультироваться к Троусону, моему старому профессору социологии, лишь только дело чуть-чуть прояснилось. Как он стоял, моргая перед всеми этими звездоносными лампасниками, а потом взял и выдал...

Сказал, что я смогу. И все дело пойдет только через меня.

Расскажи, как весь мой штат спецов был выдернут из-за рабочих столов в Нью-Йорке, где мы тихонько зарабатывали, каждый свой миллион. Как взвод спецназовцев из ФБР вытащил нас к самолетам, словно срочный груз, и отправил в Балтимору. Даже после того, как Троусон объяснил мне ситуацию, меня все равно еще долго кололо. Меня всегда колотит от всех этих правительственных тайных делишек! Хотя я не буду рассказывать тебе, насколько благодарен я был им потом.

Сам по себе корабль выглядел так, что от удивления я и глаза не успел выпучить, а тут первый из них уже вылезает! Хлюпает прямо на землю!

После того, как в воскресных приложениях к газетам художники столько лет пичкали нас сигарообразными силуэтами, этот пестрый, а-ля рококо, сфероид, вырос-

ший прямо на ячменном поле, штат Мэрилэнд, казался скорее не межзвездным кораблем, а огромным украшением к праздничному столу. Ничего, что хоть отчасти напоминало бы ракету.

— Вот вам и работенка, — профессор ткнул пальцем.
— Вот эти двое инопланетян.

Они стояли себе на плоской металлической подножке, окруженные самыми высшими чинами, избранными или назначенными нашей республикой. Трехметровые, тонкие, зеленые стволы с широким основанием и острой верхушкой, да еще и одеты в тоненькие бело-розовые раковины. Два столба с глазами. Их качало туда-сюда, но в общем, они казались достаточно сильными, чтобы придушить взрослого мужчину. И этот огромный, как мокрая рана, рот, вечно показывающийся, стоит им только оторвать свое основание от металлической подножки...

— Улитки! — сказал я, — просто *улитки*!

— Или слизняки, — добавил Троусон. — Брюхоногие моллюски, уж это точно. Но Дик! — он ткнул пальцем туда, где у него на голове еще оставались клочки жестких седых волос, и добавил, — Их атавистические ракушечные оболочки будут постарее, чем наши волосы. В эволюционном смысле слова, я имею в виду. Они — более древняя и более разумная раса.

— Более разумная?

Он кивнул.

— Когда нашим инженерам стало невтерпех, их очень вежливо пригласили осмотреть устройство корабля. Они вышли оттуда с отвисшими челюстями.

Я начал чувствовать себя неудобно, даже соскоблил лепесток лака с моих маникюренных ногтей.

— Ну, это может показаться вполне естественным, профессор. Уж если они такие чужие, такие непохожие на нас...

— Это далеко не все. Нужно сказать: настолько превосходящие нас. Лучшие технические мозги страны, которые в спешке удалось наскрести, оказались просто дикарями с островов Океании, пытающимися судить об устройстве винтовки и компаса с высоты своих знаний о копьях и тропических ураганах. Эти существа принадлежат к межгалактической цивилизации, состоящей из рас, как минимум, таких же высокоразвитых, как и они сами. Мы для них просто свора отсталых и забитых дикарей, живущих в Богом забытом углу на задворках космоса, которых пришла пора обнаружить и начать исследовать. А может, и эксплуатировать, если мы не сможем с ними сравняться. Мы должны создать о себе очень хорошее впечатление, и нам придется учиться очень быстро.

Почтенный чиновник с атташе-кейсом в руках отошел от кивающей и постоянно улыбающейся группы, собравшейся вокруг пришельцев, и направился к нам.

— Ха, — решил блеснуть я. — Повторяется спектакль 1492 года. Америку открыли второй раз. — Потом я задумался. Было что-то не очень-то ясно.

— Но зачем *за мной* посылать армию и ВМФ? Я не думаю, что смогу прочесть написанное симпатическими чернилами послание с... с...

— Бетельгейзе. Девятая планета системы Бетельгейзе. Нет, не волнуйся, Дик. Здесь уже есть доктор Уорбьюри. Эти существа научились у него английскому за два часа, хотя он не смог выучить ни единого слова из языка пришельцев за три дня. А такие шишки, как Лопес и Майнцер, медленно и верно..., впрочем, я бы сказал быстро и

верно сходят с ума, стараясь понять, откуда и как эти существа получают свою энергию. Здесь у нас лучшие умы, которые можно было найти, и все они стараются что-нибудь обнаружить. Твоя задача заключается в другом. Ты нужен нам, как классный специалист по рекламе. Спец по связям с общественностью. На тебе основная работа по созданию впечатления.

Чиновник взял меня за рукав, но я отдернул руку.

— Разве это не дело официальных рукоплескателей? — спросил я Троусона.

— Нет. Вспомни-ка, что ты сказал, как только впервые увидел их. Улитки! *СЛИЗНЯКИ*! А теперь попробуй представить, какотреагирует вся страна на гигантских слизняков, которые снисходительно усмеваются, глядя на наши города и небоскребы, атомные бомбы и высшие достижения математической науки. Мы относимся к особочувствительной и тщеславной породе обезьян. К тому же, мы боимся темноты.

Кто-то очень официально похлопал меня сзади по плечу.

— Я вас слушаю! — истерпеливо сказал я и обернулся.

Летний теплый востерок трепал помятые с ночи брюки профессора Троусона. Очевидно, он спал в одежде, причем очень мало, и от этого у него были усталые красные глаза.

— «Могучие чудища из Космоса». Я думаю заголовки будут такого свойства, а профессор?

— Скорее *СЛИЗНЯКИ* с комплексом *Наполеона*, а еще скорее — *ГРЯЗНЫЕ ЧЕРВЯКИ*. Нам просто повезло, что они приземлились на территории нашей страны, да еще так близко к Капитолийскому Холму. Через несколь-

ко дней мы созываем глав других государств. А вскоре за этим поползут первые новости. И мы не хотим, чтобы наших гостей атаковали толпы, опьяненные суеверием, идеей планетарного изоляционизма или любой другой формой истерии, раздуваемой газетенками. Мы не хотим, чтобы они привезли к себе на родину рассказы о том, как в них стрелял какой-нибудь фанатик в сомбреро и подтяжках, выкрикивая что-нибудь типа: «Убирайся, откуда выползла, ты, инородец, креветка заморская!» Мы хотим создать у них впечатление, что мы — весьма дружелюбная, весьма разумная раса, что с нами прекрасно можно вести бизнес.

Я кивнул:

— Ага, чтобы они порасставили на нашей планете побольше торговых центров, вместо центров обороны. А какое к этому всему имею отношение я?

Он легонько пхнул меня в грудь.

— Ты, Дик... Ты занимаешься общественным мнением, и должен продать этих пришельцев простому американскому народу! В соответствующей упаковке.

Какой-то чиновник все это время крутился возле меня. Я узнал его. Это был помощник Госсекретаря Штатов.

— Будьте любезны пройти сюда! — сказал он. — Я бы хотел представить вас нашим высоким гостям.

И он прошел, и я прошел, и мы пробрались через стерню поля, и подобрались к стальной пластине-подножке, и стали рядом с нашими брюхоногими гостями.

— Ахем, — сказал вежливый помощник госсекретаря.

Слизняк, что был поближе к нам, вытянул свой глаз в нашу сторону. Другой глаз моргнул первому слизняку, а затем огромная, скользкая голова удлинилась, изогнулась аркой и снизошла до нашего уровня. Существо приподняло одну из своих щек-ног и сказала со всей сладостностью и мелодичностью, на которую способен воздух, который прокачивают сквозь прорванную металлическую трубку.

— Может ли быть, чтобы вы желали общаться со столь недостойным, как я, о, уважаемый сэр?

Меня представили. Существо опустило оба глаза, чтобы посмотреть на меня. Та часть его тела, где должен был быть подбородок, изогнулась до моих ног и несколько секунд вислась, как кусок змеи. Затем *это* сказала:

— Вы, уважаемый сэр, — наш алтарь, наша связующая нить со всем великим в вашей благородной расе. Ваше снисхождение до нас есть истинная благодать.

Все это он пробормотал, пока я успел буркнуть:

— Как дела? — и протянул для рукопожатия левую руку.

Слизняк вложил один из своих глаз в мою ладонь, а другим глазом обвился вокруг моего запястья. Он не стал трясти мою руку, он просто приложился к ней и снова отнял глаза. Мне хватило ума не вытереть руки об штаны, хотя первый импульс был именно таким. Его глаз был не очень-то сухим, по правде говоря. Я сказал:

— Все, что от меня зависит. Скажите мне, вы... э-э... э-э... посланцы своего рода, а? Или, может, просто исследователи?

— Наши недостойные личности не заслуживают титула, — сказала существо, — и все же мы и то, и другое. Ибо любое общение суть посланничество своего рода, и любой, ищущий знания, есть исследователь.

Я вдруг вспомнил старый анекдот, в котором под конец говорилось: «Каков вопрос, таков и ответ». Я вдруг ни с того ни с сего подумал о том, что едят эти червяки.

Второй пришелец мягко наклонился ко мне и стал обшаривать глазами.

— Вы можете рассчитывать на наше абсолютное послушание, — сказал он. — Мы понимаем ваше высокое предназначение и очень хотим, насколько это возможно, понравиться вашей замечательной расе, если могут ей понравиться столь ничтожные существа, как мы.

— Придерживайтесь этого мнения, и у нас все получится, — сказал я.

Так или иначе, работать с ними было одно удовольствие, я хочу сказать, что тут не было никакого темперамента, никаких плохих настроений, высокомерного поведения, никаких настаиваний на том, чтобы оператор снимал именно под таким углом, или намеков на ранее опубликованные книги, или биографических апокрифов о том, что они воспитывались в жесточайших условиях — все это меня так выматывало при работе с другими клиентами...

С другой стороны, с ними было трудно разговаривать. Конечно, они слушались и подчинялись, но стоило задать им вопрос... Любой вопрос.

— Как долго вы летели к нам?

— «Как долго» на вашем красноречивом языке служит для обозначения смыслового фрейма, имеющего отношение к понятию продолжительности. Я не решаюсь обсуждать столь сложную проблему со столь ученым человеком, как вы. Скорости, вовлеченные в данную проб-

лему, заставляют отвечать в терминах весьма относительных. Наша низменная и недостойная планета отдалена от этой цветущей звездной системы некоторую часть своего периода обращения и несколько приближена во время другой половины своего периода обращения. И также мы должны принять во внимание направление и скорость нашей звезды в отношении космического расширения этой части временного континуума. Если бы мы прибыли из созвездия Лебедя или, скажем, Волопаса, на вопрос можно было бы ответить несколько более прямо, ибо эти космические тела движутся по непрерывной арке, отложенной от эллиптической плоскости таким образом, что...

Или другой вопрос:

— У вас демократическая форма правления?

— Демократия есть правление народа, согласно вашей богатой этимологии. Мы не можем в силу скупости выражений нашей собственной речи выразить это так же точно и трогательно. Конечно, личность должна управлять самой собою. Степень правительственного управления индивидуальной личностью должна варьироваться от личности к личности и внутри личности по-разному в разные промежутки времени. Это столь очевидно для столь всеобъемлющих, всепроникающих умов, как ваши, что я искренне надеюсь, вы простите мне мое косноязычие. Одинаковая степень управления применяется, естественно, к группе индивидуумов, расцениваемых как масса. В чрезвычайных ситуациях среди цивилизованных особей существует тенденция к объединению для того, чтобы заполнить вакуум создаваемый необходимостью. Таким образом, когда такой необходимости не существует, существует меньшая необходимость в объединенном усилии, и, поскольку это относится ко всем особям, это относится даже к таким, как мы. С другой стороны...

— Теперь вы поняли, что я имею ввиду? Я забывал, о чем спросил прежде, чем они успевали ответить. Я был счастлив, когда получил возможность заняться своим непосредственным делом.

Правительство дало мне месяц на подготовку к рекламной компании. По идее, новости должны были разразиться скандалом через две недели, но я пал на колени и стал царапать себе пупок, убеждая, что срок подготовки общественного мнения требовал, по меньшей мере, в пять раз больше времени. Исходя из этих соображений, мне дали один месяц.

Ты только точно объясни им все, Альварес. Я хочу, чтобы они поняли с абсолютной ясностью, с какой работой я столкнулся. Мне нужно было заново пройти сквозь годы и горы лощеных журнальных обложек с абсолютно сексапильными самками, которым угрожают ужасающие чудовища, напечатанные в три проката, сквозь все filmy ужасов, сквозь все романы с нашествиями из космоса, сквозь все воскресные приключенческие комиксы, сквозь всю дерьмовую психологическую чушь. И это, не говоря о том, как мы все дрожали от одного упоминания о червяках, не говоря о том, как мы старательно избегали чисто человеческого слова «заморский» или «иностранец», не говоря о сусверном ужасе, испытываемом к существам, которые не имеют сколько-нибудь сформированного органа, который может содержать душу.

Троусон помог мне усадить людей для написания научных статей, а я откопал достаточно ребят, которые могли с успехом под этими статьями подписаться. Поминутно рассыпались матрицы с набором журнальных

полос, чтобы вставить нежно-спекулятивные рассуждения о том, насколько далеко могли зайти внеземные цивилизации в своем развитии, и насколько сильно они могли нас обогнать, насколько более этичными они могли бы стать по сравнению с нами, и как воображаемые семиголовые существа все еще слушают Нагорную Проповедь. Во всех журналах стали появляться одинаковые статейки, расписывающие «милых существ, что дают жить нашим садам и огородам», «гонки улиток, — **НОВЫЙ ПРЕКРАСНЫЙ ЗРЕЛИЩНЫЙ СПОРТ**», а самое главное кучу чепухи, вроде «Первичного Единства **ВСЕХ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ**».

Вскоре меня начинало тошнить даже от чисто вегетарианского обеда. Сейчас я вспоминаю, как поползли слухи об осязаемом росте продажи минеральных вод и витаминных пилюль...

И все это, заметьте, до того, как просочилось хотя бы единственное слово о том, что на самом деле произошло. Какой-то журналист умудрился тиснуть совершенно безобидную и крайне законспирированную статейку о том, что кто-то наконец обнаружил мясо на летающих тарелках, но полчаса разговора по душам в закрытой изнутри комнате для снятия отпечатков пальцев настроили его против возможных дальнейших комментариев по данному вопросу.

Самой большой проблемой было видео-шоу. Не думаю, что смог бы подготовить его к сроку, если бы за мной не стояли все ресурсы и влияние правительства Соединенных Штатов, но за неделю до официального объявления новостей у меня был в производстве видеоматериал и комический ролик.

Думаю, четырнадцать, может, конечно, и больше лучших юмористов страны объединили свои усилия в

работе над этим проектом, не говоря уж о толпах иллюстраторов и университетских психологов, которые объединились в едином порыве, чтобы разом вспотеть и выдать свету очаровательные маленькие картинки. Мы использовали эти картинки в качестве эскизов для изготовления кукол для телепредставления, и не думаю, что хоть с чем-нибудь возились столько, сколько возились с пунктиком «Всенародной привлекательности» — причем действительно всенародной — для Энди и Дэнди.

Эти два сказочных слизнячка вползли в самое сердце Америки, подобно страшному вирусу, подобно инфекции.

На следующую ночь все поголовно говорили об их человекоподобных корнях, повторяя удобопроизносимые бурчания героев и предупреждая друг друга о том, что ни в коем случае нельзя пропустить следующую серию. («Даты и не сможешь пропустить, Стиви, она идет по всем каналам. Сразу после ужина»)

Конечно же я продумал и сопутствующие товары. Куклы Энди и Дэнди для девочек, обтекаемые скутеры и лодочки в виде слизняков для мальчишек. Все было продумано: от наклеск на рюмках для коктейлей до переводных картинок на кафель в кухне. Конечно же, большая часть этих товаров придерживалась для торговли после Великого Сообщения.

Когда мы выдали прессе листовки с первой официальной информацией, мы одновременно предложили им и список рекомендуемых заголовков. У них был выбор из десяти названий. Даже Нью-Йорк Таймс удалось заставить выкрикнуть что-то вроде:

**«НАСТОЯЩИЕ ЭНДИ И ДЭНДИ ПОЖАЛОВАЛИ С
БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ»,**

а под этим была помещена на все четыре полосы фотография блондинки Бэби Энн Джойс вместе со слизняками.

Бэби Энн доставили на самолете из Голливуда, и она предстала перед фотокамерой, стоя между двумя пришельцами, которые вложили свои глаза в ее бережные белые рученьки.

Клички Энди и Дэнди отлично пристали. Эти два липких интеллектуала с чужой звезды стали настолько важными персонами, что заслонили даже новости о молодом евангелисте, который находился под следствием за многоженство.

Энди и Дэнди перерезали красную ленточку на приеме в Нью-Йорке. Они были настолько любезны, что заложили первый камень в основание новой библиотеки Чикагского Университета. Они повсюду позировали для выпусков новостей. Окруженные апельсинами из Флориды, картофелем из Айдахо и пивом из Миллуоки. Они блестяще шли на контакт...

Время от времени я спрашивал себя: «Что они думают о нас?» У них не было выражения лица, по которому можно было бы судить. Впрочем, это было несудивительно, поскольку у них и лица-то не было. Их глаза на кончиках длинных щупалец бегали из стороны в сторону, пока они разъезжали по визжащему Бродвею на заднем сиденье лимузина мэра. Их желатинообразные ноги-рты издавали время от времени смачные плямкающие звуки, Энди и Дэнди то и дело ежились, но когда операторы и фотографы предложили им обвиться вокруг недораздетых красоток для съемок видеошоу с Пляжа Малибу, Энди и Дэнди обвилились, что надо и не издали при этом ни звука, чего не

скажешь о красотках, независимо от степени недоразделности.

Когда лучший питчер подарил им после завершения Национального Чемпионата бейсбольный мячик с собственным автографом, они торжественно поклонились, сверкнув на солнце своими скользкими розовыми скорлупками и пробулькатели в паутину навешанных микрофонов:

— Мы самые счастливые фаны в мире!

И тут вся страна стала сходиться по ним с ума.

— Но нам не удастся продержатъ их все время у нас, — предсказал Троусон. — Вы уже читали о дебатах в Генеральной Ассамблее ООН? Нас уже обвиняют в том, что мы вступаем в секретный союз с инопланетными агрессорами против интересов всего человечества.

Я пожал плечами.

— Ну ладно, пускай отправляются путешествовать. Я не думаю, что кому-нибудь удастся вытянуть из них больше информации, чем нам.

Профессор Троусон потянулся всем своим коротеньким телом к краю стола и, подцепив лежавшие там папки, сморщился так, словно ему запихнули в рот банку горчицы.

— Четыре месяца самых утонченных расспросов, — проворчал он, — четыре месяца мучительных перекрестных бесед, проведенных самыми мудрыми социологами, которые использовали каждую свободную минуту, что, в общем-то, немного. Четыре месяца самого хитроумно спланированного расследования, скрупулезного анализа и сортировки и просеивания данных... — с этими словами профессор хлопнул папками об стол так, что несколько листов вылетело и упало на пол, — а мы знаем о социаль-

ном устройства Бстельгейзе IX меньше, чем о социальной структуре Атлантиды.

Мы находились в крыле здания Пентагона, отведенном тому, что эти кокардоголовые назвали со свойственным им искрометным юмором «Проект Энциклопедия». Я прогуливался по широкому, залитому солнцем оффису, разглядывая время от времени очередную обновленную карту штатного расписания. Я ткнул пальцем в маленький квадратик, под которым стояла подпись: Подотдел Источников Энергии. Оный отдел, как показывала идущая высоко вверх тонкая полоска, напрямую подчинялся ОТДЕЛУ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНОЙ ФИЗИКИ. В другом маленьком квадратике очень красивыми буквами были выведены имена армейского майора, полковника разведки, а также докторов Лонеса, Винте и Майнцера.

— Ну, а как дела обстоят у этих? — спросил я.

— Боюсь, что не лучше, чем у нас, — тяжело вздохнув мне в затылок последний раз, Троусон отошел от диаграммы. — Я сужу об этом по тому, с каким несчастным видом Майнцер дует в свой суп за обедом. Обсуждение вопросов между различными подотделами запрещается на правилительственном уровне, ты это знаешь. Но я помню Майнцера еще по студенческой столовой. Он точно также дул в свой суп, когда завис над проектом двигателя на солнечной энергии.

— Ты не думаешь, что Энди и Дэнди считают нас малышами, которым еще рановато играть со спичками? А, может, они просто считают нас обезьяноподобными существами, слишком безобразными по их мнению, чтобы позволить нам копаться в их рафинированной и высокоэстетичной культуре?

— Я НЕ ЗНАЮ, Дик, — профессор снова повернулся к столу и стал с раздраженным видом копаться в своих

листочках с социологическими записями. — Если все так, как ты говоришь, то почему же они позволили нам свободно обшаривать их корабль? Зачем им в таком случае с такой серьезностью и почтением отвечать на каждый наш вопрос? О, если б только они могли отвечать конкретнее! Но это такие сложные, такие творческо-эстетские существа, они настолько напичканы поэтическими сантиментами и хорошими манерами, что из всех их влсеречивых и пространных отвстов невозможно выудить не то, что математическую логику, но и самый простой здравый смысл. Стоит мне только подумать об их утонченных манерах, об их кажущемся отсутствии всякого интереса к общественному устройству, едва я начинаю сопоставлять оба эти факта с их космическим кораблем, который скорее напоминает ювелирную штуковину, на изготовление которой требуются сотни лет... — профессор Троусон запнулся, видимо потеряв мысль, и стал перетасовывать папки отчетов с неистовством пароходного шулера на Миссисиппи, который наконец-то дорвался до чужой колоды.

— А не может быть так, что у нас просто в башке еще не хватает винтиков, чтобы их понять?

— Может. Фактически, мы все время приходим к этому же выводу. Уорбьюри указывает на грандиозный толчок в развитии нашего языка с того момента, как появились технические словари. Он говорит, что этот процесс, который у нас только начинается, очень сильно влияет не только на словарный запас, но и на концептуальное мышление людей. Ну, и, естественно, что раса, настолько обогнавшая нас в своем развитии... Но если б они только могли назвать хотя бы какую-нибудь науку, которая хоть слабо напоминает наши!

Мне было жалко смотреть, как беспомощно моргают его умные и мягкие глаза.

— Не расстраивайтесь, профессор. Быть может, к тому времени, как Пяткосос со своим дружкой завершат свой первый выезд в свет, вы уже сможете распутать все их умничанья, и нам удастся все-таки прокрутить вперед их заезженную пластинку про то, что «мой друг, ты прилетел через моря на многокрылой птице...»

Вот так-то, Альварес. Даже я с моим умишком рекламного агента, и то залез туда же. Я должен был сказать что-то в тот момент. И уж бьюсь об заклад, ты бы не кивнул мне с серьезным видом и не сказал бы: «Надеюсь, да, Дик. Я страшно надеюсь, что это будет так». Но ты только подумай. Не только Троусон попался на удочку. Не только Уорбьюри, но и Лопес, и Майнцер, и Винте. Да и я, между прочим.

Я смог немного расслабиться, пока Энди и Дэнди были за границей. Моя работа на этом, конечно, не закончилась, но мои спецы поехали вместе с ними, и мне приходилось только время от времени вносить коррективы. В основном работа свелась к тому, что я устанавливал контакт со своим коллегой в той стране, куда они прибывали, и со знанием дела рассказывал им тайные приемы всучить собственному народу Парней с Бетельгейзе. Им, конечно, приходилось подгонять их под местные массовые фобии и народные сказания, но им было все-таки легче, чем мне, не знавшему вообще, чего ожидать от американской публики.

Вспомни, когда я только начинал, я не был даже уверен, что эти слизняки достаточно ручные.

Я тоже путешествовал с Энди и Дэнди, только по газетам, куда врезал фото приема у Микадо рядом с их теплыми отзывами о Тадж Махале. Может быть, они не были такими уж любезными с пакистанским Ахундом, но принимая во внимание высказывания самого Ахунда...

Прежде чем весь мой персонал начинал валиться с ног от переработки, выгоняя пресс-рилиз за пресс-рилизом, вынося в заголовок высказывания прешельцев на совместном заседании палат Конгресса, или их милые сентиментальные комментарии по поводу Вэлли Фордж, Энди и Дэнди уже были в Берне, успевая поведать швейцарцам, что только свободное предпринимательство могло дать миру йодль, пружины *инкаблок* для часов и такой блестящий образец свободного общества. И разве не первыми они ощутили благодное веяние демократии и не прекрасно ли это было?

К тому времени, как они добрались до Парижа, я снова начал контролировать общенациональную любовь к червякам, хотя время от времени то там, то здесь появлялся какой-нибудь другой скандальный заголовок. Но Энди и Дэнди всегда вышибали свежий скандал со страниц. Даже тогда я задавал самому себе вопрос: действительно ли им нравятся последние «абстракции ради абстракции» Де Роже?

Так или иначе они все-таки купили какую-то изогнутую загогулину, расплатившись с автором, поскольку собственных денег не имели, ручным приборчиком, который надевался на палец и фактически плавил мрамор, придавая ему любую степень шероховатости, которая требовалась художнику, стоило прикоснуться в нужном месте к

камню. Де Роже, не задумываясь, отбросил все свои долота и резцы, а шесть лучших умов Франции расплавились от перегрева, пытаясь в течении недели раскрыть принципы работы инструмента.

А потом появился огромный заголовок:

ЭНДИ И ДЭНДИ: КАК ПРИШЛИ, ТАК И УШЛИ.

*Бизнесмены с Бетельгейзе выражают признательность
за полученные ими ценности.*

*Наша газета с удовольствием отмечает наличие
здоровой торговой этики, стоящей за последними действиями
наших высоких гостей из космического НИЧТО.*

*Понимая неумолимый закон спроса и предложения,
два данных представителя высокоразвитой экономической
системы отказались от «подачек».*

*Если бы некоторые члены человеческого сообщества
внимательно огляделись и посмотрели со стороны на собственные...*

Так что, Альварес, когда они вернулись в Соединенные Штаты после того, как их представили Британскому суду, их встретили сочными заголовками в каждой газете, в их честь гудели пароходы в Нью-Йоркской гавани, а самый бойкий депутат мэрии лично встречал их на ступеньках Сити-Холла.

Хотя люди к тому времени более или менее привыкли к ним, никто так и не смог потеснить их с первых страниц. Один раз какая-то фирма по производству мебельного полироля выцыганила из них заверение, в котором прищельцы объявляли, что были ужасно счастливы, получив шикарный блеск на своих маленьких раковинках, используя эту жижу. А после этого огромные реклам-

ные гонорары они использовали для того, чтобы закупить десять исключительно редких орхидей, которые специально для них были залиты прозрачным пластиком, а потом...

Ту телепередачу, когда разразился скандал, я пропустил. В тот вечер я пошел в захудалый кинотеатрик, чтобы посмотреть восстановленный фильм с Чарли Чаплиным; так или иначе, мне никогда не нравилась великосветская истерика *телегостиных для знаменитостей*. Не знаю, как долго ведущий Бил Бэнкрафт стоял в очереди, чтобы заполучить Энди и Дэнди в свою программу, как не знаю, насколько был намерен покрыть все моральные и материальные расходы, когда наступил великий вечер его триумфа.

Короче говоря, если отбросить все эти бессмысленные фразы и фразочки, диалог перед телекамерой был примерно таким:

Бэнкрафт спросил их, не скучают ли они по дому, по жене и деткам? На что Энди терпеливо ответил, вероятно, в тысячу триста первый раз, что, поскольку они были гермафродитами, у них не было никакой семьи в привычном человеческом смысле этого слова... Тут Бэнкрафт резко прервал, чтобы спросить, существуют ли у них какие-нибудь постоянные узы, и если да, то с кем или чем. По большей части с омолаживателями, вежливо ответил Энди.

Омолаживатель? Что такое омолаживатель? — О, это машина, воздействию которой они должны подвергаться каждые десять лет или около того, говорит Дэнди. В каждом большом городе на их планете есть как минимум один омолаживатель.

Бэнкрафт делает отвратительную гримасу, дожидается, пока орущая публика успокоится, потом спрашивает:

— А этот омолаживатель, он делает что?

На что Энди пускается в долгое объяснение, суть которого сводится к тому, что омолаживатель разгоняет цитоплазму во всех живых клетках и освежает их.

Понятно, крикает Бэнкрафт. Что-то вроде освежающего отдыха каждые десять лет. Ага... Ну а потом? После того, как вы освежились, у вас в результате появляется ЧТО?

— О, — терпеливо восклицает Дэнди. — Можно сказать, что мы не боимся рака или других каких-нибудь злокачественных болезней и образований, кроме того, подвергаясь воздействию омолаживателя через равные промежутки времени, всю свою жизнь и освежая наши клетки, мы увеличиваем среднюю продолжительность жизни в пять раз. Вот примерно то, что делает омолаживатель, можно сказать, — говорил Дэнди. Энди, немного подумав перед телекамерой, соглашается: ну да.

ЦАРИТ БЕСНОВАНИЕ.

В прямом смысле слова. Экстренные выпуски газет на всех языках, даже на скандинавских. Допоздна горящие окна в штаб-квартире ООН. Само здание оцеплено полицейскими в двадцать слоев.

Когда Генеральный секретарь ООН Саду спросил их, почему они никогда не упоминали до этого об омолаживателях, они по-своему, по-слизнячьи пожали плечали и сказали то, что на языке Бетельгейзе-IX примерно означает: а нас никто и не спрашивал.

Генеральный секретарь Саду прочистил горло, отбросил все сложности в сторону взмахом своей коричневой руки и объявил:

— Это неважно, во всяком случае, теперь. У нас ДОЛЖНЫ быть омолаживатели.

Похоже, пришельцам потребовалось некоторое время понять, что он имел в виду. Когда они наконец убедились, что мы, как биологический вид просто впадали в транс от перспективы прожить от двухсот до четырехсот лет вместо привычных пятидесяти-шестидесяти, они пришли в замешательство.

Но их цивилизация не производит эти машины на экспорт, — с сожалением ответили они. Лишь количество, достаточное чтобы обслуживать собственную цивилизацию. И хотя они прекрасно понимают, насколько мы бы хотели и насколько мы очевидно заслужили иметь у себя такие приборы, не имеется даже возможности доставить их с Бетельгейза.

Саду на этот раз даже не повернулся к своим консультантам за советом:

— Чего хочет ваш народ? — спросил он. — Чтобы они хотели получить в обмен на производство таких машин для нас? Мы заплатим практически любую цену, которая во власти всей земли. — Из всех углов зала донеслось возбужденное ДА, произнесенное на разных языках.

Но Энди и Дэнди не могли даже ничего придумать. Саду умолял их попытаться придумать хоть что-нибудь. Он лично сопровождал их до космического корабля, который был теперь припаркован в закрытой зоне Сентрал-парка.

— Спокойной ночи, джентельмены, — сказал Генеральный секретарь Саду. — Попробуйте, хорошо подумайте о том, на что мы могли бы поменяться.

Они не выходили из корабля почти шесть дней, в течение которых мир практически обезумел от нетерпе-

ния. Только подумать, сколько миллиардов ногтей было обгрызано в те дни...

— Подумать только, — шептал мне Троусон. Он ходил по комнате из конца в конец так, словно собирался таким образом пешком добраться до Бетельгейзе.

— Если наша жизнь будет длиннее в пять раз, то мы сейчас — просто дети, Дик. Все мои достижения, все мое образование, все, что знаю я, и даже ты, будет только самым началом. Человек может обучиться пяти профессиям за такую долгую жизнь. И подумай, чего можно достичь!

Я кивнул немного ошарашенный. Я думал о тех книжках, которые мог прочесть, о книжках, которые я мог написать, если моя жизнь так расстелется передо мной, и о том, что профессия рекламодателя и журналиста была для меня просто преходящей фазой в самом начале жизненного пути. Ну и потом, я ведь так и не женился, у меня никогда не было семьи. Просто не хватало времени, думал я. А теперь в сорок лет я стал слишком закоренелым холостяком. Но ведь за несколько столетий можно и раскоренеть...

Через шесть дней пришельцы вылезли из корабля. С готовой ценой. Они полагали, что им удастся убедить свой народ произвести для нас партию омолаживателей, если...

Это ЕСЛИ было действительно гигантской ценой.

Они с сожалением объяснили, что на их планете осталось очень уж мало радиоактивных элементов. Населенные миры, содержащие радий, уран, торий уже давно были открыты и колонизированы другими космическими расами, но народу Бетельгейзе-IX этика запрещала вести захватнические войны из территориальных интересов. Здесь на Земле очень много радиоактивной руды, которая

по большей части используется для военных целей и биологических исследований. Использование для военных целей было абсолютно нежелательно для человечества, а нужда в биологических исследованиях по большей части отпадет, с появлением омолаживателя.

Так что в обмен они хотели наши радиоактивные элементы. Все до последнего, заявили они.

О'кей. Мы были немного удивлены, даже озадачены. Но протесты даже не начали материализоваться. Все подавило всеподавляющее сказанное хором «Продано!», раздавшееся со всех уголков земного шара. Правда, пара генералов тут, тройка политических милитаристов там успели-таки поднять предостерегающий палец, прежде чем их вышвырнули с кресел. Еще пара физиков-ядерщиков что-то провыла о будущем субатомных исследований, но стая народов Земли была громче.

— Исследования? Да вы только подумайте, сколько исследований вы можете провести за жизнь длиной в триста лет?!

За одну ночь ООН стал центральной конторой всепланетной горнообогатительной концессии. Национальные границы были перекроены в соответствии с залежами минералов, а мечи были перекованы на кирки. Практически каждый со здоровой рукой был внесен в списки бригад землекопов и был обязан провести два, а то и больше месяцев в году на национальных рудниках. Над Землей проносились ураганы товарищества.

Очень вежливо Энди и Дэнди предложили свою помощь. На крупномасштабной контурной карте они отметили все точки, где стоило копать, включая и такие

места, где люди никогда и не подозревали о наличии радиоактивности. Они снабдили нас фантастическими, но очень ясно начерченными проектами устройств для добычи и обогащения бедных руд и научили нас правильно пользоваться этими приспособлениями, хотя и не объяснили основные принципы их работы.

Они не шутили. Они хотели все до последнего грама.

Затем, когда все пошло как по маслу, они свалили на Бетельгейзе, чтобы выполнить свою часть сделки.

Эти два года были самыми волнующими в моей жизни. И я бы сказал, что каждый чувствовал тоже самое. Не правда ли, Альварес? Приподнимало само знание, что вся планета работала рука об руку, вдохновенно и счастливо работала ради самой жизни. Даже я провел целый год на Большом Невольничьем Озере. И не думаю, что кто-нибудь в моей возрасте и с моим животиком добыл больше руды, чем я.

Энди и Дэнди вернулись на двух огромных кораблях, которыми управляли хитроумные слизнеобразные роботы. Пока роботы выполняли всю работу, Энди и Дэнди продолжали подвергаться обхождению, достойному светских львов. Из двух кораблей, которые заслонили почти все небо, роботы сновали туда и обратно в странных спиралеобразных летающих тарелках, спуская на землю омолаживатели и поднимая на орбиту обогащенную руду. Никто не обратил ни малейшего внимания на их методы мгновенной экстракции огромных количеств руды. Нас волновала одна лихорадочная мысль: «Омолаживатели».

**

Они работали. Они действительно работали. И это единственное, что волновало всех.

Омолаживатели работали. Раковые заболевания исчезли, сердечные заболевания и почечные заболевания были полностью остановлены. Насекомые, которых помещали в квадратные одноэтажные лаборатории, вместо нескольких месяцев жили целый год. А люди-доктора качали головами, в удивлении глядя на тех, кто подвергался омолаживанию.

По всей планете, возле каждого большого города образовались огромные, длинные, терпеливые и медленно движущиеся очереди людей, ждущих возле омолаживателей, которые в свою очередь превращались в нечто иное.

— Церкви, — кричал Майнцер. — Люди смотрят на них, как на храмы. На ученого, который пытается понять смысл их действия, уборщицы смотрят, как на опасного психа, пришедшего в роддом, впрочем, человек вряд ли найдет смысл в этих странных маленьких моторчиках. И ты знаешь, я больше не спрашиваю себя, что может служить для них источником энергии. Вместо этого я спрашиваю: есть ли у них вообще источник энергии?

— Омолаживатели — только сейчас такая драгоценность, потому что это самое начало, — успокаивал его Троусон. — Через некоторое время прелесть новизны сотрется и ты спокойно сможешь исследовать все к собственному удовольствию. Может, это солнечная энергия?

— Ну, уж нет! — решительно замотал головой Майнцер. — Только не солнечная энергия, уж солнечную энергию я-то сразу узнаю. Точно также, как я уверен в том, что энергия, на которой летают их корабли, полностью отличается от того, на чем работают эти... эти омолаживатели. Ну, с кораблями я сдался. Но омолаживатели... я думаю,

что эта загадка мне по зубам. Если бы только они дали мне их осмотреть. Но эти дураки! Они так жутко боятся, что я могу хотя бы один из них попортить, и тогда им придется ехать в другой город за глотком элексира.

Мы оба похлопывали его по плечам, впрочем, нас самих его проблемы не очень волновали.

На той неделе Энди и Дэнди улетели, многословно пожелав нам самого хорошего в своей очень вежливой и очень усложненной манере. Целые нации посылали им воздушные поцелуя, глядя на улетающие корабли, доверху загруженные нашими минералами.

Ровно через шесть месяцев после их отлета омолаживатели остановились.

— Уверен ли я? — хмыкнул Троусон, глядя в мое изумленное лицо. — Достаточно взглянуть на статистическую кривую. Посмотри на уровень смертности. Он снова вернулся на уровень, предшествовавший нашим контактом с Бетельгейзе. Или, если хочешь, спроси любого доктора. Любого доктора, который может пренебречь своей клятвой отделу безопасности ООН, я имею в виду. Когда разразится скандал, Дик, будут дикие бунты.

— Но почему? — спросил я. — Неужели мы что-то неправильно делаем?

Он рассмеялся, а потом резко захлопнул рот так, что зубы клацнули друг о друга, потом встал и подошел к окну, глядя на небо, обметанное звездами.

— Мы сделали *кое-что* неправильно, это уж точно. Мы поверили, мы допустили ту же ошибку, которую допускают все дикари, встречаясь с более развитой цивилизацией. Майнцер и Лопес все-таки разобрали двигатель одного из омолаживателей. Там оставался лишь едва заметный след, но на этот раз они обнаружили источник

энергии. Так вот, Дик, так вот, мой мальчик, омолаживатели работали на **АБСОЛЮТНО ЧИСТЫХ РАДИОАКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ**.

Прошло несколько минут, прежде чем до меня дошел смысл сказанного. Потом очень-очень осторожно я сел куда-то в удобное кресло. Я что-то мычал, крипел и стонал, прежде чем смог выговорить:

— Профессор, вы хотите сказать, что все радиоактивные элементы, которые они у нас забрали, нужны были им для их **СОБСТВЕННЫХ** омолаживателей. Что все, что они вытворяли на нашей планете, было осторожно и точно спланировано, чтобы они смогли обвести нас вокруг пальцев с максимальным дружелюбием. Но мне не... я просто не... но послушай, с такой продвинутой наукой, с такими совершенными знаниями они могли бы завоевать нас, если бы только задались целью. Да они могли бы...

— Нет, они не могли бы, — резко сказал Троусон. Он повернулся, посмотрел мне в глаза и развел руками — Они — угасающая, вымирающая раса, они бы даже не пытались завоевать нас. Не потому что им не позволяет их мораль — то, как они нас жутко, кошмарно облапошили, служит прекрасной иллюстрацией того, **КАКАЯ** у них мораль. Они не сделали этого, потому что у них нет на это энергии, сил, концентрации, интереса. Энди и Дэнди представляют тех немногих, которые могут собраться и отправиться куда-нибудь надурить отсталую расу, чтобы выманить у них столь важное, жизнеобеспечивающее топливо для омолаживателей.

Сущность происходившего наконец-то начала доходить до моего сознания. Я, парень который сделал всю основную и, надо сказать, колоссальную работу по общественным связям с Энди и Дэнди, я начинал осознавать, во

что мне обойдутся эти связи, если мою деятельность как-то свяжут с этим скандалом.

— А без атомной энергии, профессор, мы не будем иметь межзвездной космонавтики.

Он горестно развел руками.

— О, Дик, нас подловили. Всю человеческую расу крупно обвели вокруг пальца. Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но подумай обо мне. Вся ответственность лежит на мне. Ведь я, как социолог, был приставлен к ним. И как же я ничего не понял раньше? КАК? Ведь все было, как на ладони. Отсутствие интереса к собственной культуре, излишняя интеллектуализация эстетики, усложненные способы мышления и выражения мысли, преувеличенная норма этикета, даже первая вещь, которую мы увидели — их корабль, — даже он был слишком стилизован и изящно спроектирован для молодой и честной цивилизации. Они не могли не быть декадентами. Все подсказывало, все наводило на эту мысль. Ну и, конечно, тот факт, что они прибегают к одному и тому же методу для пополнения запасов топлива для своих омолаживателей. Метод, испытанный на нас. Ведь будь у нас так же развита наука, чего бы мы только не придумали, каких бы заменителей мы бы не навывдумывали! Неудивительно, что они не могли объяснить нам сущность своей науки. Я сомневаюсь, что они сами понимают ее принципы до конца. Они просто низменные, неполноценные, вороватые наследники того, что было когда-то могучей расой.

Мне было проще следовать моим собственным кошмарным ассоциациям.

— А мы — просто деревенщина. Деревенщина, которой продала Бруклинский мост пара разодетых умников с Бетельгейзе.

Троусон кивнул.

— Или точнее, мы просто горстка нищих дикарей, которые продали свой родной остров группе европейских исследователей за горсточку ярко раскрашенных стеклянных бус.

Но, конечно, Альварес, мы оба ошибались. Ни я, ни Троусон не подумали о Майнцере или Лопесе, или всех остальных. Как сказал Майнцер, случись все на несколько лет раньше, и с нами было бы кончено. Но человечество вошло в атомный век до сорок пятого года, и люди типа Майнцера или Винте успели совершить много ядерных исследований еще в те дни, когда на Земле было полно радиоактивных элементов. У нас были их результаты, и были такие приборы, как циклотрон и бетатрон. И если наша нынешняя компания простит меня за высказывание, Альварес, мы молодая и сильная раса. Единственное, что нам было нужно, — проводить опыты.

И они были проведены. При поддержке действительно сильного всепланетного правительства с населением, не только заинтересованном в решении проблемы, но только что получившем опыт совместной работы. И с тем неумолимым упорством, которым мы обладаем, Альварес, проблема, как тебе известно, была решена.

Мы получили искусственные радиоактивные материалы и снова запустили наши омолаживатели. Из искусственных радиоактивных материалов мы получили атомное топливо, и мы получили возможность летать в космос. Мы сделали все сравнительно быстро, и нас не интересовал корабль, который летал бы между Луной и Марсом. Мы хотели звездолет. И мы хотели его так яростно, так быстро, что теперь он у нас есть.

И вот мы здесь. Объясни им всю ситуацию, Альварес. Все, как я тебе рассказал, только со всеми поклонами, причмокиваниями и вздохами, на которые способен истинный бразилец, у которого за плечами двенадцать лет торговли с японцами. Ты единственный, кто может это сделать. Я так говорить не умею. Только такой язык понимают эти декадентские червяки, поэтому только так мы и сможем с ними говорить. Так что поговори с ними, с этими скользкими улитками, с этими устрицами с их расписными раковинами. Поговори с этими слизняковыми умниками. И не забудь сказать им, что тот запас радиоактивных минералов, который они вывезли с Земли, далеко не вечен. Объясни, чтоб они поняли все детально.

А потом обрати внимание на тот факт, что у нас есть искусственные радиоактивные элементы, и что у них есть кое-что такое, что нам очнь хочется, и что есть еще что-то, чего мы не знаем, но нам его тоже хочется.

Скажи им, Альварес, что мы вернулись собирать дань за Бруклинский мост, который они нам всучили.

Гордон Эклунд

Охота на Солнце

Пэлвин остался в машине, а его спутники побежали рассматривать добычу. Прежде, чем выйти, он хотел проверить, все ли в порядке с крылом.

Однажды Пэлвину рассказали историю о том, как трое охотников вышли, не закрепив крыло, и их машина, лишенная управления, взлетела и разбилась о лед озера. Охотники, находясь за полмиллиона лет от дома, потеряли все шансы остаться в живых. Двое из них погибли почти сразу. Третий чудом остался жив. Его, нашли и он рассказал эту дурацкую историю.

Пэлвин не раз предпринимал подобные путешествия и был достаточно опытен, чтобы допускать такие ошибки. Он сделал все как надо.

Закончив работу, Пэлвин успокоился. Он вышел из машины и глубоко вдохнул резкий, промерзший воздух

умирающей земли. Пэлвину часто случалось бывать в когтях смерти. Благодаря счастливым случайностям, все обходилось, но зря рисковать он не любил.

Солнце, похожее на красное пятно, пряталось в уголке стального неба. Пэлвин пробирался сквозь пелену густого тумана, осторожно ступая по сырой, покрытой гнилью земле. Он шел к своим.

Мужчина был занят ногами добычи, женщина стояла возле головы. Пэлвин подошел к женщине и спросил:

— Ну, что скажешь, Гей?

Она, не глядя на него, пожала плечами.

— Я должна подумать.

— Нет, — сказал Пэлвин, опустившись на колени к морде зверя.

Он оттянул его тяжелые веки. Глаза были с широкими красными прожилками. Пэлвин приблизил лицо к концу хобота.

— Он мертв, — заключил он и встал.

— Это точно? — спросила Гей.

— Никто ничего не может сказать точно, — сказал Пэлвин поучительно. — В этих местах животные не так просто расстаются с жизнью. Бывает...

— Охотник поверит, что зверь мертв, — перебила его Гей, — но, на самом деле, он еще жив и только притворяется, потом неожиданно вскакивает и, злорадствуя, пожирает своего врага. Так ведь, Пэлвин?

— Именно, — подтвердил он.

Оставив голову, Пэлвин принялся рассматривать всего зверя.

Это было огромное животное, названия которого они не знали. Пэлвин предположил, что этот вид эволюционировал от слона. Он был примерно в два раза меньше индийского слона, но имел все, что вообще присуще слонам — такие же уши, хвост, хобот и бивни.

— Не делай этого, — сказал Пэлвин Джоргану, который собирался отрезать хвост зверя своим длинным тяжелым ножом. Джорган усмехнулся.

— Почему это?

Он был еще почти ребенком, на целых восемь лет младше Гей и на двадцать один год младше Пэлвина. Еще совсем мальчик, думал Пэлвин.

— Оставь хвост в покое, — сказал он. — Это грязная работа. Зачем тебе хвост? Возьми бивни, если тебе нужен трофей.

Джорган нахмурился и воткнул нож в землю.

— Да, в городе у любой женщины на стене висит пара таких бивней. Ведь мы хотели нечто более экзотичное. Ты забыл?

— Я помню. Но что толку от хвоста? Как ты докажешь, что он не от забитой коровы?

— Это уж мое дело, — не уступал Джорган и, вытащив нож из земли, продолжил свою работу.

Пэлвин оставил его и медленно пошел прочь. Каблуки его ботинок глубоко проваливались в мягкую, болотистую землю.

Гей на стволе ружья обжигала бивни. Пэлвин улыбнулся и, дотронувшись до ее руки, сказал:

— Дай-ка мне. Я сделаю это очень аккуратно, не испортив этих штук.

— Ты? — Гей отдала ружье и, улыбнувшись, ушла.

Даже через десять лет после свадьбы Пэлвин не мог не восхищаться улыбкой жены.

Гей не была сногшибательной красавицей, не блистала умом и остроумием. С ней не так-то легко было ужиться, — даже Гинлер признавал это, — но у нее была такая улыбка... Многие мужчины, более видные, чем Пэлвин, и даже чем Гинлер, мечтали завоевать эту улыбку, но никто не имел такого счастья, не считая редких мимолетных мгновений. Никто, кроме их троих, ее мужей — Гинлера, Пэлвина и теперь Джоргана.

Пэлвин закончил обжигать бивни и отнес их в машину. Гей пошла за ним. Они ждали Джоргана, который с отрезанным хвостом в руках совершал один из своих обрядов на спине убитого зверя.

Пэлвин закурил.

Гей спросила его:

— Сегодня мы пойдем дальше?

— Нет, скоро стемнеет. А темнота здесь такая, хоть глаз выколи. И туман никогда не рассеивается. Для ночлега есть неплохое место у ручья. Миль десять отсюда. Если этот мальчишка быстро закончит со своими богами, то, пожалуй, мы сможем добраться туда еще до того, как совсем стемнеет.

— Тебя раздражает это, Пэлвин?

— Что?

— Религия. Для такого рассудительного человека, как ты, это...

— Нет, не раздражает.

Пэлвин поднял голову.

— Он идет. Тихо!

Джорган залез на заднее сиденье. Гей повернулась к нему поболтать.

Машину вел Пэлвин. Джорган задержал их, и теперь уже темнело. Но из-за этого не стоило особенно беспокоиться. Земля здесь была такая же, как и везде в эту эпоху, — плоская и гладкая, как тело ребенка.

В двух сотнях миль на восток простирался океан, в сотне миль на север — дремучий лес. Эта часть будущего представляла собой замерзшую равнину, простиравшуюся на тысячу миль на запад и юг.

Пэлвин нашел ручей и повел машину вдоль течения, высматривая хорошее место для ночлега.

Джорган и Гей веселились, сравнивая свои трофеи. Пэлвин старался не обращать на них внимания. Но они вели себя, как туристы, и это бесило его. Он мог ожидать это от других, но Гей и Джорган были его семьей. Хотя они никогда раньше не были здесь и имели право так себя вести. И все же Пэлвину не нравилось все это.

Джорган спросил у него:

— Может быть, мы завтра найдем что-нибудь, Пэлвин? Что-нибудь получше? В конце концов, ты же говорил...

— Я говорил, что здесь, на этой земле мало кто охотился. Мы должны хорошо искать.

— Здесь есть на что поохотиться, — сказала Гей. — Вы с Гинлером никогда не ездили бы сюда просто так. Но что-то я ничего здесь не вижу. Эта тварь с большими ушами — единственное, что мы сегодня нашли, хотя ты...

— Но откуда мы можем знать... — попытался объяснить Пэлвин. — Может быть, в это время года все большие животные превращаются в рыб и уходят в океан. Мы почти ничего не знаем о животных этого времени. Разве что умеем их убивать.

— А что, этого мало? — удивилась Гей.

— Может быть и мало, — ответил Пэлвин. — Вон, смотрите... Вроде неплохое место. Мы остановимся здесь.

У ручья было холодно. Они быстро переоделись в утепленные костюмы.

Стояла такая тишина, что было слышно текущий тонкой струйкой ручеек. Через час он замерзнет.

Пэлвин обошел машину и вытащил все необходимое.

Первое, что надо было сделать, это поставить ограду. Она защитит их от любого зверя, блуждающего в поисках добычи, обеспечит тепло, и можно будет снять тяжелую, жаркую одежду.

Закончив с оградой, Пэлвин принялся ставить палатку. После этого от открыл три банки консервов.

Другие охотники предупреждали его: никогда не бери с собой семью. Да, думал Пэлвин, это был хороший совет. Но есть ли у кого из них такая жена, как Гей. Вряд ли...

Она была из тех женщин, которые не успокаиваются, когда им говорят «нет». Гей хотела поехать вместе с ними из-за Джоргана. У Гей были виды на молодого мужа. Она хотела, чтобы Джорган проявил всю свою смелость и находчивость. А охота в современном обществе была единственным способом проявить эти качества. Идти на охоту и вернуться с чем-нибудь необычным, огромным, экзотичным. Гей была счастлива, что ее другой муж, Пэлвин — охотник и исследователь, обладающий, к тому же, постоянной лицензией, открывающей доступ к дале-

кому будущему. Теперь они были здесь, и осталось только найти что-нибудь необычное для Джоргана. Это подняло бы его авторитет. Это главное. Они так стремились к успеху, таща за собой Пэлвина, который был слишком дорог, чтобы оставить его. Гей хотела вернуть свое прежнее положение. Она похоронила Гинлера. Но не все потеряно, не все, надеялась она.

Бедный Гинлер, думал Пэлвин, и он и я делали одни и те же ошибки.

Гей взяла Джоргана за руку и повела в палатку. Пэлвин проводил их глазами. Потом отвернулся и закурил, глядя на звезды чужого неба, слабо светящиеся в густом тумане. На небе не было луны. Пэлвин с грустью вспомнил о ней. Ее не хватало больше всего.

Она ушла давным-давно. Где-то неслись по орбите два огромных обломка скалы и множество камней. Сейчас из-за тумана увидеть их было невозможно. Тем более, что для Пэлвина этого было недостаточно. Ему не хватало именно Луны, этого большого, спокойного, желтого улыбающегося лица.

Гинлер. Пэлвин, теперь самый старший в семье, думал о нем. Не прошло и шести месяцев, как он погиб, недалеко от этого места — миль сто. Пэлвин был с ним тогда. Он смог перевезти тело домой и рассказал, как было дело.

Гинлера по глупой, нелепой случайности раздавила гигантская обезьяна. Ужасно.

Они делили одну жену и состояние. Теперь Гинлер мертв. К сожалению, это так. Гей подождала месяц и вышла за Джоргана. Конечно, с разрешения Пэлвина. И все же.

И все же винит ли Гей его в смерти Гинлера? Пэлвин часто думал об этом.

А может, Гей не винит его, просто у нее больше нет на него времени. Она и Джорган в эти минуты занимались любовью в темной палатке. Пэлвин так ясно представлял их, как будто сам был свидетелем происходящего.

У Гей были ухоженные черные коротко постриженные волосы, пухлые красные губы, длинный изящный

нос. В ее огромных голубых, очень выразительных глазах было что-то вызывающее. У нее были круглые, маленькие и упругие, как у молоденькой девушки, груди.

Пэлвин хотел ее. Он всегда хотел ее, но после смерти Гинлера они даже за руки не брались. Может быть, позже все образуется. Должно образоваться, утешал он себя. И все же в душе Пэлвин сомневался в этом. Все хорошее, что было у них, позади, теперь их брак можно назвать браком по расчету. Причем расчет Пэлвина, не ее. Это ему — Пэлвину некуда было уходить.

Так Пэлвин глядел в темную пустоту и размышлял.

Прошло время. Вылезая из палатки, Гей оглянулась и что-то сказала Джоргану. Потом, смеясь, пошла к Пэлвину.

Следом за ней из палатки появился оживленный Джорган.

Гей выглядела прекрасно. И Джорган тоже: высокий, загорелый, молодой и очень симпатичный. И конечно удовлетворенный, думал Пэлвин, но и глупый тоже.

Джорган догнал Гей, и они разом подошли к Пэлвину.

— Ты еще не ложишься? Тебе уже надо спать, — распорядилась Гей.

— Я ждал тебя, — отозвался Пэлвин.

Джорган засмеялся. Он хотел было что-то сказать, но осекся.

— Что это?

— Где? — спросил Пэлвин. — Ты имеешь в виду огонь?

— Огонь? — удивилась Гей. Она быстро оглянулась и уставилась на маленький мерцающий огонек, который горел где-то миль за пятьдесят от их лагеря.

— Черт тебя подери! Ты же говорил, что мы тут будем одни, — набросилась она на Пэлвина.

— Я говорил, что здесь не будет охотников... — Пэлвин покачал головой. — А это не охотники...

— Что же тогда? Мираж? Или обезьяны греются у костра?

— Примерно так, — ответил Пэлвин, улыбаясь. — Это лесные жители. Люди этого времени.

Джорган снова засмеялся.

— Я-то думал, ты знаток в этом деле, Пэлвин. А ты не знаешь, что в этих краях нет людей. Они все отправились на звезды, покинув этот умирающий мир.

— Это не так. Официально считается, что здесь нет людей. Но это ложь. Человек не улетел на другие планеты, он остался здесь. И он погибает. Наверное, их осталось всего несколько тысяч. Мы очень похожи на этих обезьян, у нас, как и у них, нет цивилизации. Мы счастливы, но еще несколько лет, и все мы вымерем.

— Ты шутишь? — не поверил Джорган.

— Нет, он не шутит, — подтвердила Гей. — Я тоже слышала о них. И Гинлер их видел. Все наши бесконечные стремления к прогрессу привели вот к чему. Вот какими стали люди. Гинлеру это казалось забавным.

— В основном они живут далеко в лесах, — продолжал Пэлвин. — Здесь их можно встретить очень редко. Они очень замкнуты.

Джорган снова глянул на далекий огонек, затем поднял глаза к звездам. Пэлвин собрался уходить, но Гей задумчиво спросила:

— Что они собой представляют?

— Люди в шкурах. С длинными руками и огромными ногами.

— Они мало похожи на людей.

— И все же они люди. Обезьяны не разжигают костров.

— Их разжигают мертвые люди.

— Что ты имешь в виду?

— То, что говорю. Зачем мы здесь? Нашей добычей станет человек будущего.

— Но ведь это же убийство! — воскликнул Пэлвин.

— Убийство этих бессловесных обезьян, головы которых потом будут висеть на стене в гостиной, нельзя считать преступлением. Кто отважится признать это убийством, кроме известных в нашем обществе людей? Но даже они найдут это занятным и довольно смелым. Они подумают, что это класс, — сказала Гей.

Она поднесла ко рту сложенные лодочкой ладони и крикнула в темноту:

— Эй, человек будущего! Берегись! Давай удирай, а то мы доберемся до тебя.

— Замолчи, — мягко попросил Пэлвин.

Гей засмеялась и притянула к себе Джоргана. Они закружились в танце. Потом Гей объявила:

— Мы пошли спать, Пэлвин. Добыча подождет до утра, не так ли?

— Не думаю. Я не позволю. Вы не можете их убивать.

— О, Боже! — Гей обратилась к Джоргану. — Ты слышал, что сказал старик? Он не позволит... Нет, ты слышал? Пойдем. До утра, Пэлвин.

— До утра.

Пэлвин просидел еще около часа, прежде чем войти в палатку.

Они лежали рядом, оба голые. Голова Джоргана покоилась на плече Гей. Пэлвин переступил через них и лег как можно дальше.

Может быть, она бросит эту затею, может быть, забудет, успокаивал он себя. Хотя вряд ли. Пэлвин долго ворочался, но наконец заснул.

Сказать Гей, чтобы она забыла об охоте на человека, было непросто.

С наступлением утра черное небо становилось темно-красным. Солнце, похожее на багровый матовый шар, висело на небосклоне и напоминало кровавый глаз разлагающейся головы. Беспросветная завеса тумана, словно все поглотившая лужа коричневой, мутной воды, властвовала над поверхностью земли.

Они стояли у потухшего костра. Лесной человек ушел. Гей приказала Пэлвину:

— Ты найдешь его!

— Я?

— А кто же? Мы зачем сюда приехали? Уж не трусишь ли ты? Так дело не пойдет! Ты найдешь его, а Джорган пристрелит!

Пэлвин посмотрел на Джоргана, но тот, казалось, не очень-то хотел этого. Он опустил глаза, резко повернулся и пошел к машине, оставив их вдвоем.

— Он не хочет этого делать, — заметил Пэлвин.

— Мало ли чего он не хочет. Я хочу, этого достаточно. И ты тоже сделаешь то, что я скажу.

— Человек ушел в лес, — сказал Пэлвин. — Мы можем его догнать, хотя я сомневаюсь в этом. Даже если мы двинемся прямо сейчас. Я видел, как они бегают, чтобы выжить. Быстрее, чем кролики.

— Мы будем идти по следам до самого его жилища и там пристрелим.

Пэлвин покачал головой:

— Его жилище — это лес. Этот, вероятно, ушел от нас в северном направлении. Здешний лес — непролазные дебри. Машина там не пройдет.

— Тогда пойдем пешком.

Гей повернулась и пошла прочь. Джорган выпрыгнул из машины и поспешил за ней.

Пэлвин немного подождал, уставившись на уголки трухлявого бревна, и направился за женой. Он шел медленно, с опущенной головой.

Лес начинался внезапно. Только что была твердая, мерзлая пустыня, а затем дерево, одно, другое и вскоре густые заросли. Лес был так же дремуч, как глубокий океан.

Они потратили почти весь день на дорогу к лесу. Человеческого следа нигде не было видно.

Пэлвин поставил машину в укромном месте и установил маяк, чтобы было легко найти дорогу назад. Покончив с этим, он поспешил к Гей и Джоргану, ожидавшим его у опушки.

Он спросил жену:

— Ну как, ты готова?

Она кивнула.

— Были бы они здесь...

— Будут, — пообещал Пэлвин.

Затем взглянул на Джоргана:

— Ограда у тебя?

— У меня.

Больше вопросов не было.

— Что ж, пошли, — сказал Пэлвин.
Они вошли в лес.

Пройдя несколько десятков миль, охотники ничего не нашли.

Уже темнело, и Пэлвин выстрелом из ружья поджег тропинку. Он все правильно рассчитал. Лес был сырой, и пламя далеко не распространилось.

Пэлвин шел впереди, осторожно ступая по горящей траве. Его спутники следовали за ним.

Ко времени захода солнца и наступления полной темноты они прошли шесть миль.

— Здесь мы остановимся, — сказал Пэлвин.

— Почему? — удивилась Гей.

— Потому, что я так сказал. Уже темно, а здесь не видно звезд.

— Но можно поискать костер. Может быть, кто-нибудь из нас залезет на дерево посмотреть, нет ли где костра.

— В лесу нет нужды жечь костер для отпугивания больших животных или для того, чтобы жарить мяса.

— У тебя на все вопросы есть ответы, да?

— Это моя стихия, — ответил Пэлвин. — Будущее — моя стихия.

Гей улыбнулась и пошла к Джоргану. Они сидели и болтали, а в это время Пэлвин устраивал ограду на выжженной площадке.

Перед сном Джорган и Гей совершали вечерние обряды. Сначала они лежали ничком в течение пятнадцати минут, потом десять минут стояли на голове и еще пять минут — в позе зародыша.

Пэлвин чувствовал себя лишним. Это были ритуалы новой, ставшей очень популярной религии, называемой клеризмом. Джорган рассказал Гей об этой религии, и женщина душой и телом ушла в нее.

Пока они занимались этой вечерней процедурой, Пэлвин собирал дрова для костра. Здесь, в лесу, было холодней. Одна ограда не могла обеспечить им тепло.

Выстрелом из ружья Пэлвин разжег костер, и ему стало как-то спокойнее.

Джорган вышел из палатки, остановился на минуту, всматриваясь в черный лес.

— Как она? — спросил Пэлвин.

— Прекрасно! Заснула.

— Это хорошо.

Пэлвин кивнул, улыбаясь.

Этот мужчина, этот мальчишка, с которым он делил жену и дом, был загадкой для него. За четыре месяца их брака Джорган и Пэлвин сказали друг другу не больше сорока фраз. Пэлвин не любил Джоргана, но, по сути дела, он и не знал его.

— Помнишь вчера, — сказал Пэлвин, — ты убил этого зверя и отрезал ему хвост?

— Да, помню.

— Гей и я ждали тебя в машине, а ты остался там. Я видел, ты с этим хвостом делал что-то странное.. Это тоже один из обрядов клеризма?

— Да.

— Так что это означало? Можешь рассказать?

— Я просил прощения за то, что отнял у него жизнь.

— Я понимаю. Это, по-твоему, плохо?

— Да, очень. Ты ведь замечал, я даже мяса не ем.

— Да, замечал. Но Гей ест мясо.

— Для нее клеризм — это не путь к совершенству, а просто экзотическое поклонение, очень популярное сейчас. Но для меня это нечто большее. К сожалению, мне было бы легче, если бы я мог относиться к этому, как Гей и другие.

— А ты еще собираешься убить человека, — упрекнул Пэлвин.

Джорган посмотрел на Пэлвина, облизал пересохшие губы, отвернулся и закрыл лицо руками.

Джорган дрожал. Здесь было холодно. Но это была другая дрожь, не от холода.

— Об этом я и хотел поговорить с тобой, Пэлвин.

— Хочешь моего совета?

— Да.

— Как я могу обсуждать с тобой религиозные вещи?
— не понял Пэлвин.

— Дело не в религии, мне нужно знать другое. Это действительно человек? Гей говорит: «Нет». Она считает, это просто развитая обезьяна. Я могу убить животное. Это прощается, но человека...

— Это человек. Я бы хотел сказать тебе, что это не так. Но это человек. Он развился из тебя и меня, но по какой-то другой неправильной линии, и причин такого развития мы так никогда и не узнаем.

— Человек, — тихо произнес Джорган. Он посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Но у меня есть другая идея, — попытлся защититься Джорган. — Мы находимся в другом времени, и оно как бы не существует, поскольку это будущее, а не настоящее. Это время не реально. Значит, убийство здесь тоже не реально.

— Я не могу ответить на это. Возможно, ты первый, кто задумался об этом. Но легче всего успокоить себя этим. Скачок во времени был открыт двадцать-двадцать пять лет назад. С того времени будущее не изменилось. Мы близимся к этому будущему, независимо от нас. Мне так кажется.

Джорган задумчиво покачал головой и встал.

— Спасибо, что поговорил со мной.

Он ушел.

Пэлвин смотрел ему в след. Вдруг он почувствовал озноб и поднес руки к огню. Так ли все на самом деле? Правильно ли он ...?

Но Пэлвин знал, что в конце концов это было неважно. Из них только Гей имела значение, и только она знала точно, чего хочет.

Если только время являлось устойчивой субстанцией в этом мире, если только чья-то рука перевела стрелки времени на пять сотен тысяч лет вперед, то было 10.32 утра, когда охотники впервые увидели человека.

Первым заметил его Пэлвин.

Последние несколько минут (примерно с 10.28 утра) он слышал какое-то шуршание, но то был не шелест ветра.

Пэлвин резко повернул влево, а Джоргану и Гей махнул направо.

Звук доносился сверху. Пэлвин остановился и посмотрел на дерево. Он увидел человека. Что-то коричневое на фоне зеленого.

Пэлвин закричал:

— Смотрите! Вон!

Гей и Джорган замерли.

— Да, я тоже вижу его, — обрадовалась Гей.

Коричневый человек перепрыгнул на другое дерево. Он чувствовал свою уязвимость и спешил укрыться.

Кто же он такой? Астрономически далекий пра-праправнук?

Ростом он был не менее пяти футов. У него были длинные, висящие до колен руки, плоская голова и совсем не было шеи. Его тело с головы до ног было покрыто шубой грязного коричневого меха.

Гей крикнула:

— Стеляй! Стеляй в него!

Человек снова прыгнул на другое дерево.

— Быстрее, он уходит.

Джорган не двигался. Он стоял как вкопанный. Его рука лежала на поясе всего в дюйме от спускового крючка ружья.

— Стеляй, стеляй, он уходит, — умоляла Гей.

Джорган не шевелился. Он не отрывал глаз от человека, который снова прыгнул. Движение его было грациозно, как прыжок балерины.

Гей выхватила ружье из кобуры и сунула в руки Джоргана.

— Пожалуйста, — нежно попросила она.

Коричневый человек замер. Он находился ярдах в пятидесяти от них и был хорошо виден сквозь утренний туман. Он не чувствует опасности в эту минуту, думал Пэлвин. Но хороший выстрел и...

Гей подняла руку Джоргана.

Несколько мгновений Джорган стоял так, потом зажмурился и затаил дыхание. Потом выстрелил.

Раздался пронзительный крик. Крик смертельного шока и боли. Коричневый человек простился с жизнью. Деревья закачались, листья, кружась, полетели на землю. Лес молчал.

— Ты попал, — радовалась Гей. Она подпрыгнула и захлопала в ладоши. — Черт возьми, Джорган, ты все же убил его!

— Да, — вымолвил Джорган и бросил ружье, — я убил.

— Давайте посмотрим, — сказал Пэлвин с надеждой.

Они пошли к месту, где должен был лежать человек, но его там не оказалось. Только ветер раскачивал деревья, верхушки которых таяли в тумане.

— Наверное, он застрял между ветками, — предположила Гей.

— Я посмотрю.

Пэлвин скинул рюкзак и влез на нижнюю ветку. Встав на нее, он поднялся еще выше. Пэлвин был уже не молод и поэтому не так ловок и силен. Он двигался медленно и осторожно, проверяя и выбирая каждую ветку, которая должна будет выдержать его вес.

Он нашел человека футах в тридцати от земли. В его животе кровоточила огромная, с мяч, дыра. Пэлвин подтолкнул тело, и оно тяжело упало на землю.

Потом Пэлвин начал спускаться.

Спрыгнув на землю, он увидел, что Гей осталась одна. Она осторожно держала в руках отрезанную в качестве трофея голову убитого. Глаза его были закрыты. Нос разбит. Волосы слиплись от крови.

— Нос сломан, но все остальное цело. — Гей протянула голову Пэлвину и сказала: — По-моему, это будет прекрасно смотреться в гостиной.

— Замечательно, — согласился Пэлвин. — Что с Джорганом?

— Он пошел похоронить тело и помолиться за него.

— Куда?

— Туда, — продолжая любоваться головой, показала Гей.

Пэлвин ушел. Через несколько минут он вернулся вместе с Джорганом.

Пэлвин заставил их поторопиться. Чувства переполняли его. Желание боролось со здравым смыслом. И только время рассудило их. Путники не успели выйти из леса.

— Мы должны остановиться, — сказал Пэлвин.

— Да, — согласилась Гей. — Сегодня был адский денек.

— Да, уж...

Пэлвин готовился к ночи. Он выжег место для бивака и ставил ограду. Он делал это механически, а сам был где-то далеко.

Пэлвин вспоминал. Ему вспомнилось, как он был здесь в прошлый раз. Перед его глазами встала та другая жертва с голубыми, широко открытыми глазами. Звенели в ушах слова Гинлера: «Я очень устал, остановимся на ночь».

Пэлвину вспомнился и следующий роковой день. Он старался переключиться на что-нибудь другое, но не мог. Пэлвин пошел к жене и ее второму мужу.

Они сидели у костра, который разожгла Гей. Пэлвин сел рядом с ней.

Джорган повернулся к нему.

— Я не собирался делать этого. Ты понимаешь? Я не могу делать такое.

— Но ты сделал, — сказал Пэлвин.

Гей держала трофей на коленях. Пламя равнодушно освещало сидевших вокруг.

— Да, но я не думаю, что он мертв, — совсем обезумел Джорган.

— Он мертв, заткнись, ради Бога, — разозлилась Гей. — Как ты надоел мне! Иди, почитай свои молитвы или постой немного на голове.

— Что это за шум? — испугался Джорган. — Я слышал что-то.

Его глаза забегали в поисках притаившегося врага.

— Это ветер, — сказал Пэлвин.

— Да нет же, это не ветер. Я хорошо слышу. Это что-то... оно пришло за мной.

— Он, а не оно, — поправила Гей. — Человек — он.

— Он приближается. Слушай.

Пэлвин прислушался. Сначала он ничего не слышал, кроме ровного дыхания ветра. Но потом... Действительно. Они идут. И так скоро...

— Я ничего не слышу, — сказала Гей.

— Я тоже, — соврал Пэлвин. — Иди-ка ложись спать. Ты просто устал.

— Но я слышу, — уверял Джорган. — Я...

Он встал.

— Ты тоже услышишь, только подожди.

Джорган ушел в палатку.

— Сейчас будет кругами ходить, — сказал Пэлвин, оставшись вдвоем с Гей.

— Это религия. Ты можешь это понять? Он такой религиозный. — Гей повернулась и посмотрела Пэлвину в глаза. Улыбка тронула ее губы. — Я ошиблась.

— Но Гинлер мертв.

— Я знаю, — улыбалась она. — Да, он мертв, но я надеялась, что Джорган заменит его. Я ошиблась.

— А я? — спросил Пэлвин.

— Сначала я винила в смерти Гинлера тебя.

— А теперь?

Улыбка не исчезла с лица Гей. Она покачала головой:

— Теперь нет.

Пэлвин взял жену за плечи, она прильнула к нему. Он тоже улыбнулся и коснулся ее пухлых губ. Их улыбки слились в нежный поцелуй. Ее точеный длинный нос, глубокие выразительные глаза, легкие, стройные ноги — вся она в этот момент принадлежала Пэлвину. Все ее тело было его...

Пэлвин сказал:

— Теперь мы можем возвращаться.

— Но почему? — запротестовала Гей. — Разве нельзя подождать до утра?

Пэлвин слышал, как люди подкрадываются к ограде, пробуя ее прочность. Они были совсем недалеко от палатки и тоже ждали наступления утра.

Гей была права. Она и Пэлвин сейчас не смогут никуда уйти. Они будут вдвоем. Только вот этот мальчишка... Когда дело будет сделано... Только тогда они смогут спокойно возвращаться.

Пэлвин положил руки на колени жены. Он начал целовать ее, в то время как утро неумолимо приближалось.

Пэлвин не пытался заснуть. Он лежал в темноте палатки, прислушивался, думал и вспоминал. Он чувствовал, уже рассветает.

Осторожно, стараясь не шуметь, Пэлвин вылез из палатки.

Утро было серое и хмурое.

Они ждали у ограды. Пэлвин пересчитал их. Двадцать семь. Они стояли кольцом вокруг лагеря, по человеку через каждые два ярда. Становилось теплее. Пэлвин наблюдал за людьми, они — за ними.

Вскоре появились Гей и Джорган. Увидев эту картину, они замерли.

Джорган застонал и закрыл лицо руками.

— Они пришли за мной, — глухо сказал он. — Пришли убить.

— Заткнись, — процедила Гей. — Пэлвин, чего они хотят? Мы сможем их прогнать?

— Им нужна наша добыча, — сказал Пэлвин. — Верни ее.

— Еще чего! Дай им знак, пусть подойдут и возьмут ее у меня. Они мне ничего не сделают.

— Ты уверена?

— Эти обезьяны? — Гей побежала к палатке. — У меня ружье.

Пэлвин внимательно посмотрел на нее, потом повернулся к людям.

Они, все как один, впились в него взглядом, но Пэлвин не отвел глаз. Напротив, он рассмотрел каждого.

Они были почти как обычные люди: один высокий, другой маленький, третий полный или худой. Почти как люди, если бы не шерсть, покрывающая даже лицо.

Но шерсть имела такие цвета, какие бывают у волос нормального человека. Среди этих людей были брюнеты,

шатены, два блондина и даже один рыжий. Но их крупные, плоские, как у орангутанга, носы, широченные покатые лбы не были присущи человеку двадцать второго века.

И все же они люди, думал Пэлвин. Полмиллиона лет человеческой эволюции потребовалось, чтобы люди приблизились к богам, но эти боги больше похожи на получеловека, чем на сверхчеловека.

А за этими полулюдьми стоял все тот же тусклый лес. Деревья, раскачиваемые ветром, напоминали колонны, спрятанные в глубине моря. Над лагерем висело густое облако тумана.

Вцепившись в ружье, Гей подошла к Пэлвину. Она навела оружие на людей и водила им из стороны в сторону, стараясь держать их на прицеле.

— Дай ружье Джоргану, — тихо, почти шепотом сказал Пэлвин. — Пусть он это сделает.

— Почему?

— Дай ружье Джоргану!

Гей подбежала к Джоргану. Он лежал, свернувшись калачиком. Гей толкнула его в спину ногой. Джорган даже не пошевелился. Гей бросила ружье перед ним.

— Мы опустили ограду, — взволнованно сказала она. — Если кто-то будет двигаться — стреляй. И не промахнись!

— Он не сделает этого. С ним уже ничего не поделаешь, — сказал Пэлвин.

— Сделает! Вот увидишь.

— Ладно, — ответил Пэлвин, подошел к управлению оградой и нажал кнопку. Ограда упала, и Пэлвин ощутил порыв влажного ветра, ледяного ветра. Он сжался от холода.

Гей снова дала пинка Джоргану.

— Поднимайся! Черт тебя возьми! Шевелись!

Джорган терпеливо переносил ее удары.

Потом он дотянулся до ружья. В течение нескольких минут он тряс над ним головой, как полоумный. Потом посмотрел на жену. Гей улыбнулась и еще раз толкнула его ногой. Наконец, Джорган встал и направил ружье на людей.

Гей взяла трофей, который лежал у тлеющих огоньков костра, и встала рядом с Джорганом.

Один человек сделал к ним несколько шагов. Несколько мгновений, и он уже в лагере. Он шел прямо на Гей и Джоргана. Джорган прицелился.

Пэлвин не сводил с них глаз, сжав руки в кулаки.

Человек приближался. Руки Джоргана дрожали.

Гей закричала:

— Давай!

Джорган выстрелил.

Дрогнувшее позади человека дерево сбросило мертвые листья. Огонек выстрела мигнул и погас.

И тут Джорган издал душераздирающий вопль. Человек продолжал подходить.

Гей в ужасе бросила трофей на землю и побежала к Пэлвину.

Джорган, продолжая неистово кричать, упал наземь. Его крик оборвал какой-то хруст. В тот же миг отскочившая часть головы Джоргана, хлюпая мозгами, смешалась с грязью. Тело несчастного, испуская последние судорги, лопнуло со звуком рвущейся плоти.

Человек поднял брошенную Гей голову своего брата, посмотрел на раздавленное тело Джоргана и поспешил обратно. Он даже не взглянул на Гей и Пэлвина. Он побегал в лес, догоняя своих.

Они ушли. А Гей и Пэлвин остались. Остались вдвоем со смертью.

Сверху, сквозь серую пелену тумана, на них смотрело краснеющее солнце.

Гей прошептала:

— Они убили его.

— Да, — просто сказал Пэлвин.

— Убили, даже не притронувшись к нему... Раздавлен... Просто раздавлен гигантской обезьяной. — Вдруг Гей истерически засмеялась. — Да, гигантской обезьяной! Как я сразу не поняла?!

— Заткнись, — сказал Пэлвин. Он пошел в палатку, взял одеяло и накрыл то, что осталось от тела Джоргана.

Успокоившись, Гей сказала:

ЛАРРИ НАЙВЕН

— Ты все знал. Все было спланировано. Ты предложил нам пойти на охоту. Ты привел нас сюда, отлично зная, чего я захочу. Ты все продумал, не так ли? Бедный глупый Джорган со своими молитвами раздавлен в грязи. Тело изувечено, мозги по всей поляне. Ну точно, как с Гинлером.

— Я не убивал Гинлера, — сказал Пэлвин. — Я любил его.

— Но ты знаешь, как он умер. Эти люди способны убивать на расстоянии, даже не касаясь тела. Ты знал это.

— Да, я знал это, — признался Пэлвин. — Пойдем. Пора возвращаться. Мы должны отнести тело в машину.

— С чего ты взял, что я пойду с тобой, после всего, что случилось?

— С чего я взял? Я единственный, кто у тебя остался. — Пэлвин посмотрел прямо в глаза Гей и улыбнулся. — Ведь я у тебя научился всему этому: как разрабатывать планы, как расставлять сети и ставить капканы. Как добиться своего. Я хотел тебя, и теперь ты моя. Поступай, как хочешь, но я не думаю, что ты от меня откажешься. Теперь я очень опытен.

— Ты сделал это ради меня?

— Я сделал это ради нашей любви, — ответил Пэлвин.

Он повернулся и пошел упаковывать вещи. Им предстояла тяжелая дорога. Становилось холодно, солнце уже падало за горизонт.

**Согласно хронологии событий и времен
ИЗВЕДАННОГО КОСМОСА произведения,
помещенные в данный сборник датируются
следующим образом:**

КАК УМИРАЮТ ГЕРОИ - 2040 год

ЧЕЛОВЕК В РАЗРЕЗЕ - 2099 год

В это время происходит колонизация Мира Кольцо

Третья экспедиция на Марс

Кольцо обретает независимое правительство

Запущены первые межзвездные полностью роботизированные миссии. Наступает период сотрудничества между ООН и Миром Кольцо

МИР ПТАВВОВ - 2106 год

ВУАЛЬ АНАРХИИ - 2135 год

В это время поднимают со дна океана МОРСКУЮ

СТАТУЮ, первый инопланетянин на ЗЕМЛЕ

Проблемы, вызванные незаконным экспортом человеческих органов, становятся все острее

Колонии на Джинксе расцветают.

Морские млекопитающие получают представительство в ООН

ВОИНЫ - 2360 год

В это время происходят первые контакты с КЗИНТАМИ, начинаются войны людей и кзинтов

КОГДА НАСТУПАЕТ ПРИЛИВ - 2830 год

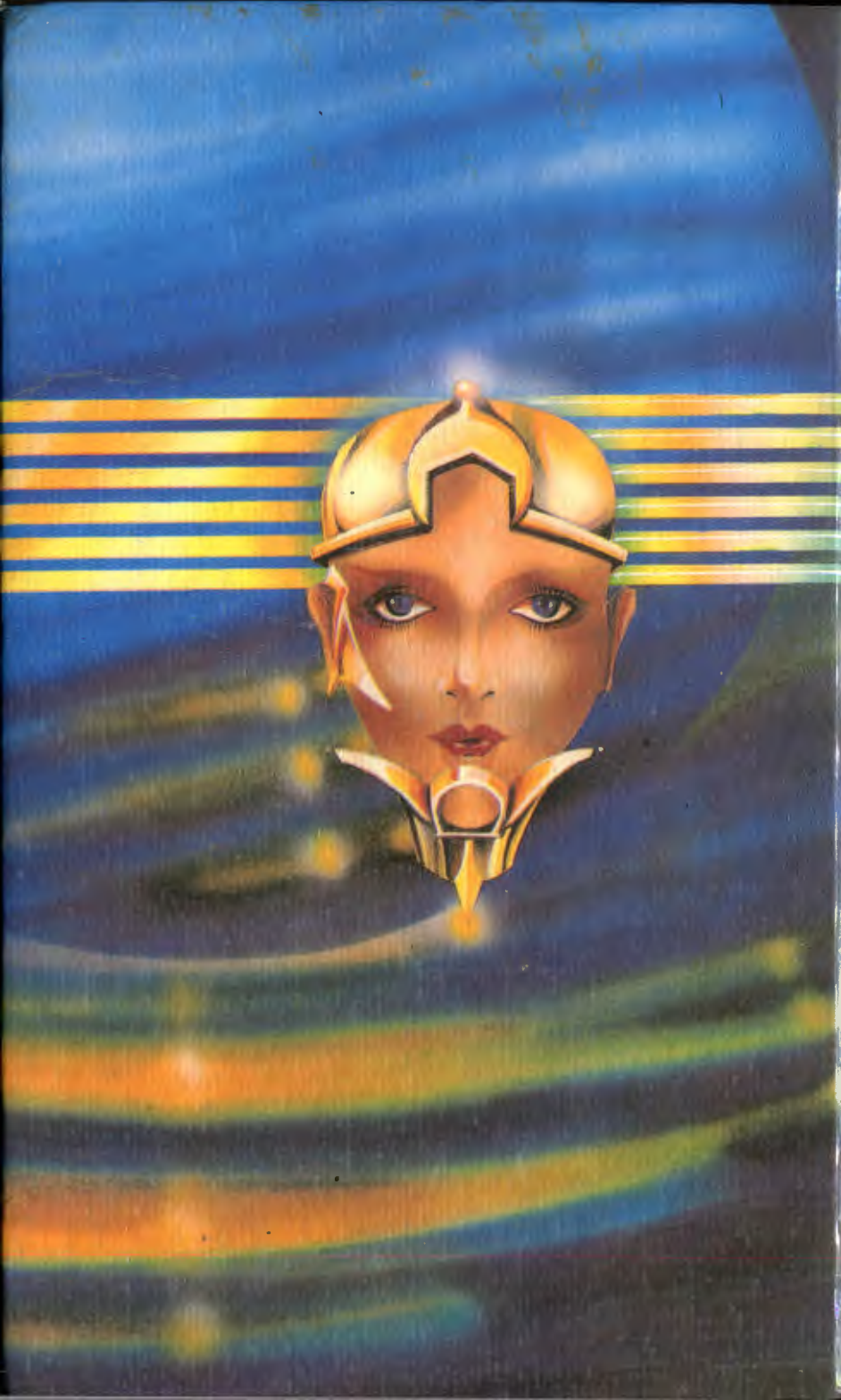
Контакт с ТРИНОКАМИ, начинается исход Кукольников

Приобретайте книги совместного
производства фирмы ДРИМЛЭНД и
издательства Советская Кубань

Мы гарантируем вам массу приключений, изысканные любовные переживания героев, фантастические события и хорошее настроение

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК
В КРАСНОДАРЕ:

(8612) 55 - 77 - 90

ЛАРРИ
НАЙВЕН

МИР ПТАВВОВ